

SOUTH
THE STORY
OF THE
1914-1917
EXPEDITION

SIR ERNEST
SHACKLETON
C.V.O.

SOUTH SHACKLETON

HEINEMANN

-
- [ЮГ!](#)

Оригинал книги как объект мирового литературного наследия является частью Проекта Гутенберг и может использоваться кем угодно и где угодно совершенно бесплатно и без каких-либо ограничений.www.gutenberg.net

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ШЕКЛТОНА 1914–1917

**СЭР ЭРНЕСТ ШЕКЛТОН С.V.O.
МОИМ ТОВАРИЩАМ,
ПАВШИМ В СРАЖЕНИЯХ
НА БЕЛОЙ ВОЙНЕ НА ЮГЕ
И КРОВАВЫХ ПОЛЯХ ФРАНЦИИ И ФЛАНДРИИ**

СОДЕРЖАНИЕ

В МОРЕ УЭДДЕЛЛА
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ
ПОТЕРЯ ЭНДЬЮРАНС
ОКЕАНСКИЙ ЛАГЕРЬ
МАРШБРОСОК
ЛАГЕРЬ ТЕРПЕНИЯ
ВЫХОД ИЗ ЛЬДОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛОДКЕ
ЧЕРЕЗ ЮЖНУЮ ДЖОРДЖИЮ
СПАСЕНИЕ
ОСТРОВ ЭЛЕФАНТ
ПАРТИЯ В МОРЕ РОССА
ЗИМОВКА В ПРОЛИВЕ МАК-МЕРДО
ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАБРОСОК
ДРЕЙФ "АВРОРЫ"
ПОСЛЕДНЯЯ ПОМОЩЬ
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НАУЧНАЯ РАБОТА
НОМЕНКЛАТУРА МОРСКОГО ЛЬДА
МЕТЕОРОЛОГИЯ
ФИЗИКА
КИТЫ ЮЖНОЙ АТЛАНТИКИ И КИТОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ХИЖИНЫ В ПРОЛИВЕ МАК-МЕРДО

Для удобства чтения необходимые пояснения переводчика приведены непосредственно в тексте и помещены в круглые скобки, а не вынесены, как это принято, в конец книги. Пояснения, данные автором книги (Шеклтоном), помещены в квадратные скобки. Большая часть названий географических объектов дана в современной транскрипции (за исключением Южной Джорджии, которая на большинстве карт называется Южная Георгия и залива Ванселя (Vahsel Bay) в море Уэдделла, часто встречаемое название которого - залив Фазеля, я считаю неверным).

ПРЕДИСЛОВИЕ

После покорения Южного Полюса Амундсенom, и, с разницей в считанные дни, Британской экспедицией Скотта, в Антарктиде осталась лишь одна большая цель для путешествия – пересечение континента от моря до моря.

Когда я вернулся из экспедиции на «Нимроде» (*The British Antarctic Expedition 1907–09, прим.*), в которой под давлением непреодолимых обстоятельств мы были вынуждены отказаться от нашей попытки установить Британский флаг на Южном Полюсе всего за девяносто семь миль до конечной цели, то уже тогда загорелся идеей пересечения континента, поскольку был твердо убежден, что кому-то, либо Амундсену, либо Скотту обязательно удастся достигнуть Полюса, по нашему ли собственному маршруту или по параллельному ему. После известия об успехе норвежцев, я начал приготовления к началу последнего большого путешествия – первого пересечения последнего континента, которое обязательно должно быть осуществлено именно Британской Экспедицией.

Нам это не удалось, о чем и написано на последующих страницах, но все же, хотя речь пойдет о наших неудачах, там есть главы и о высочайших достижениях, напряженных днях, одиноких ночах, выпавших испытаниях и, прежде всего, слова о несгибаемой решительности, верности, невероятном самопожертвовании моих людей, которые, даже в эти дни (*им. ввиду послевоенные*), не смотря ни на что, будут интересны читателям, которые с радостью отвлекутся от кровавых ужасов войны и напряжения последних пяти лет, и, возможно, с еще большим пониманием прочтут историю другой войны, Белой, войны на Юге. Историю борьбы, разочарований и стойкости небольшого отряда англичан, скрытого в течение почти двух лет шапкой Полярных льдов, стремившегося выполнить поставленную задачу, без какой либо связи с внешним миром, и написавшим историю, которая является уникальной в истории антарктических исследований.

Вследствие потери «Эндьюранс» и потерпевшей бедствие «Авроры» некоторые документы, относящиеся, главным образом, к организации и подготовке экспедиции, были утрачены, хотя в любом случае я не собирался представлять подробный отчет о подготовке, снаряжении и других необходимых, но для читателя, в общем-то, неважных делах, хотя с начала этого века каждая книга по исследованиям Антарктики содержит эти разделы. Я всего лишь кратко изложу основные моменты по организации Экспедиции, вставив сюда

выдержки из программы, которую я подготовил для того, чтобы вызвать к ней интерес у широкой публики.

Трансконтинентальная Партия.

Первое пересечение Антарктиды от моря до моря через Южный Полюс помимо своей исторической ценности будет также иметь огромное научное значение.

Общая длина маршрута составляет около 1800 миль и первая его половина, от моря Уэдделла до Полюса, будет проходить по неизвестной территории. Каждый пройденный шаг будет открытием в географии. Будет изучен великий хребет Виктории (*Трансантарктические горы*), который пройден от Моря Росса до Полюса, простирается ли он через весь континент, и, таким образом, является продолжением (за исключением разрыва океаном) Анд Южной Америки, а также понижается ли постепенно огромное плато вокруг Полюса в сторону моря Уэдделла.

В путешествии будут вестись непрерывные магнитные наблюдения. Маршрут пройдет через Магнитный Полюс, и точное определение его положения будет иметь важное значение в практическом магнетизме. Будут тщательно вестись метеорологические измерения, что поможет пополнить наши знания о формировании погоды.

Гляциолог и геолог будут изучать ледники и природу гор, и этот отчет вызовет большой научный интерес.

Научная Работа Других Партий.

В то время, пока трансконтинентальная партия будет пытаться совершить величайшее полярное путешествие, другие партии будут заниматься важной научной работой.

Две санные партии будут работать на базе, организованной на море Уэдделла. Одна отправится на Запад в сторону Земли Грэхема, проводить наблюдения, собирать геологические образцы, доказывающие, что горы этого региона связаны с теми, что по другую сторону Полюса.

Другая партия отправится на восток к Земле Эндерби со схожей научной программой, третья, оставаясь на базе, будет заниматься исследованием фауны суши и моря, вести метеорологические наблюдения.

С базы в море Росса, по ту сторону полюса, другая партия отправится на Юг, и будет ждать прибытия Трансконтинентальной партии в верховьях ледника Бирдмора возле Горы Баркли, где открыты первые залежи угля в Антарктике. Этот регион имеет огромное значение для геолога, стремящегося больше узнать об истории Антарктиды.

Оба судна Экспедиции будут оборудованы для проведения замера глубин, звукозондирования и других гидрографических работ. В море Уэдделла корабль попытается пройти вдоль неисследованной береговой линии Земли Грэхема, что совместно с данными береговой партии и научного персонала, возможно, принесет важные научные результаты.

Несколько береговых партий и два корабля будут, таким образом, осуществлять географическую и научную работу в масштабе, даже превышающем задачи самой Полярной экспедиции.

Впервые в море Уэдделла будет организована база для проведения разведки открывающихся во все стороны неисследованных земель. Вполне логично, что эту работу следует проводить под британским флагом, поскольку вся местность к югу в сторону Полюса это сектор Британии. В июле 1908 года Официальным документом, заверенным Большой государственной печатью Соединенного Королевства, заявлено, что губернатор Фолклендских островов является губернатором Земли Грэхема (которая находится в

западной части моря Уэдделла), а другую часть сектора британской территории определяет как "находится в Южной части Атлантического Океана, к югу от 50-й параллели южной широты, и, лежит между 20-м и 80-и градусом западной долготы. Взглянув на карту можно увидеть, что включает в себя область, где будет работать экспедиция.

Как будет пересекаться Континент.

Корабль со всеми участниками экспедиции, организующими базу на море Уэдделла, отправится из Буэнос-Айреса в октябре 1914 г. и попытается достигнуть земли в ноябре на 78 градусе южной широты.

Если все получится, Трансконтинентальная партия сразу же отправится в 1800-мильное путешествие и постарается к марту пройти Полюс и добраться до базы в море Росса за пять месяцев. Если высадка будет осуществлена ближе к концу сезона, то партия будет зимовать, организовав осенью и весной заброски, а отправится в путешествие как можно раньше в 1915-м.

Трансконтинентальную партию из шести человек возглавит Сэр Эрнест Шеклтон. Она будет состоять из 100 собак с санями, а также двух тракторов на воздушной тяге. В состав снаряжения и оборудования будет включено только то, проверено руководителем и предложено экспертами. Когда эта партия достигнет района Полюса, пройдя 800 миль неизвестных земель, она пойдет на север к началу ледника Бирдмора, где надеется встретить партию из моря Росса. После воссоединения они пойдут к базе на море Росса, основанной предыдущими экспедициями.

Таким образом, четырнадцать человек будет на «Эндьюранс» в море Уэдделла. Шесть участвовать в Трансконтинентальном путешествии, трое пойдут на запад, трое на восток, а двое останутся на базе, координируя работу.

«Аврора» доставит шесть человек на базу в море Росса. Они заложат заброски по маршруту Трансконтинентальной партии, что поможет ей в путешествии, а заодно проведут геологические и другие исследования.

Я надеюсь, что Трансконтинентальная партия добьется успеха уже в первый сезон, поэтому нашего возвращения стоит ожидать в апреле 1915 года. Крайний срок - апрель 1916 г.

Корабли Экспедиции.

Для Экспедиции были отобраны два корабля.

«Эндьюранс», корабль, который доставит Трансконтинентальную партию в море Уэдделла, а затем будет исследовать береговую линию, это новое судно, специально построенное для работы в полярных условиях под руководством комитета Полярных исследователей. Он построен Кристенсеном, знаменитый норвежским конструктором китобойных судов в Сандефьёрде. Это баркентина, оснащенная трехцилиндровым двигателем, наделяющем его скоростью от девяти до десяти узлов. Чтобы обеспечить его ходом он будет нести запас топлива в виде угля. Его водоизмещение около 350 тонн, он построен из специально отобранных сортов сосны, дуба и бакаута (*особо ценных пород дерева*). Этот прекрасно оборудованный корабль обошелся экспедиции 14 000 фунтов.

«Аврора», корабль, который доставит партию в море Росса, был куплен у доктора Моусона. Это практически аналог известной «Терра-Новы», судна последней экспедиции капитана Скотта. Он, по указанию правительства Австралии, подвергся значительной реконструкции для экспедиции доктора Моусона, и сейчас находится в Хобарте, Тасмания, откуда отправится в следующем октябре в море Росса.

Я начал подготовку в середине 1913г., но никаких публичных объявлений не делал до 13 января 1914-го. Последние шесть месяцев 1913 года я занимался необходимыми подготовительными мероприятиями, тяжелой рутинной работой, не интересной для широкой публики, но имеющей крайне важное значение для экспедиции.

1 января 1914 года, получив обещанную финансовую поддержку, достаточную для анонсирования экспедиция, я сделал публичное заявление.

Первым результатом заявления стал поток заявок от самых разнообразных представителей общества с предложениями поучаствовать в экспедиции. Я получил около пяти тысяч предложений, из них были отобраны пятьдесят шесть человек.

В марте, к моему большому разочарованию, обещанной финансовой помощи я не получил и столкнулся с тем, что не мог расплатиться по долгам за уже оплаченные контракты на покупку кораблей и снаряжения, а также с нанятыми людьми. Я сразу же воззвал о помощи и получил невероятную поддержку со всех сторон. Я не могу перечислить здесь имена всех тех, кто меня поддержал, но, пользуясь случаем, выражаю свою признательность каждому за поддержку, которая пришла даже из таких далеких стран как Китай, Япония, Новая Зеландия и Австралия. Я должен отдельно отметить щедрое пожертвование в £24.000 от Сэра Джеймса Кэрда и £10.000 от Британского Правительства. Я должен также поблагодарить господина Дадли Докера, который помог мне завершить приобретение «Эндьюранс» и Мисс Элизабет Доусон Ламбтон, которая с 1901 была и остается надежным другом Антарктических исследований, и на этот раз вновь помогла. Королевское Географическое Общество, выделившее грант £1.000. И последняя, но отнюдь не менее важная, моя отдельная благодарность Дейм Джанет Стэнкомб Уиллс, чья щедрость позволила мне эффективно оснастить «Эндьюранс», особенно в части шлюпок (лодок, которые стали средством нашего спасения), и которая не только помогла в самом начале экспедиции, но и продолжала оказывать финансовую помощь семьям участников экспедиции в те дни, когда мы задерживались с возвращением.

Но по-настоящему отблагодарить за оказанную помощь вернувшийся исследователь может только одним способом, который есть у него в распоряжении – дать вновь открытым землям имена тех, без кого экспедиция бы не состоялась.

Из-за войны публикация этой книги долго задерживалась, поэтому подробные карты будут опубликованы только вместе с научными монографиями. На них я с честью назвал места на вновь открытой земле именами спонсоров экспедиции. Так, вновь исследованную двухсотмильную береговую линию я назвал Побережьем Кэрда. Также, но это уже личное, я назвал три корабельных шлюпки, лодки, на которых мы, в итоге, вырвались из ледового плена, именами трех основных спонсоров экспедиции – «Джеймс Кэрд», «Стэнкомб Уиллс» и «Дадли Докер». Две последние по-прежнему находятся на пустынной песчаной косе острова Элефант, где под их укрытием двадцать два моих товарища владели свое горькое существование четыре с половиной месяца.

«Джеймс Кэрд» сейчас в Ливерпуле, его доставили домой из Южной Джорджии после своего, полного приключений, путешествия через субантарктический океан.

Многие школы Англии и Шотландии помогли экспедиции в приобретении собак, и я назвал их именами каждой школы, которая нам помогла. Но, еще раз, помимо этих частных, я благодарю всех тех многих людей, которые нам помогли.

Итак, подготовка продолжалась. Я купил «Аврору» у Сэра Дугласа Моусона и отправил за ней в Австралию Макинтоша, чтобы, помимо прочего, забрать там санное снаряжение,

оборудование и большую часть провианта, а также, в зависимости от степени щедрости Австралии и Новой Зеландии, угля и некоторых других вещей первой необходимости, ранее эти две страны всегда щедро поддерживали разведку того, что они называют глубинкой.

К концу июля, когда все было готово, над Европой сгустились тучи надвигающейся войны.

Предварительно было решено, что «Эндьюранс» прибудет в Каус для показа Его Величеству в понедельник Каус Вик (ежегодная парусная регата, проводимая в Каусе). Но в пятницу я получил сообщение о том, что Король прибыть не сможет. Мои читатели, конечно же, помнят про нависшую угрозу войны. Естественно, и я и мои товарищи осознавали, какие проблемы и опасности грозят всему миру.

Мы отплыли из Лондона в пятницу 1 августа 1914 года, и всю субботу простояли на якоре в Саутенде. В воскресенье днем я узнал от экипажа из Маргейта о распространяющихся с каждым часом тревожных слухах и в понедельник утром сошел на берег, где из утренних газет узнал о всеобщей мобилизации.

Я немедленно отправился на судно, собрал экипаж и сказал, что намереваюсь отправить телеграмму в Адмиралтейство, в которой предложить Отчизне использовать, в случае начала войны, наш корабль, снаряжение, а также личный состав по своему усмотрению. Все без раздумий согласились, и я отправил в Адмиралтейство телеграмму, в которой изложил все вышесказанное. Единственное, о чем попросил, так это о том, чтобы в случае объявления войны состав экспедиции, по возможности, был использован как единая команда. В течение часа я получил лаконичный ответ из Адмиралтейства, в котором было всего одно слово - «Proceed» («Продолжайте»). В течение следующих двух часов пришел еще один от мистера Уинстона Черчилля, в котором он поблагодарил нас за наше предложение и сказал, что руководство страны желает, чтобы Экспедиция, организованная при полной поддержке Научного и Географического Обществ, состоялась.

Руководствуясь полученными указаниями «Эндьюранс» отплыл в Плимут. Во вторник Король послал за мной и вручил мне Юнион Джек, флаг Экспедиции. Ночью, ровно в полночь, началась война. В следующую субботу, 8 августа, по приказу Адмиралтейства «Эндьюранс» отплыл из Плимута. Я специально более детально описал этот этап, так как прекрасно знаю об изрядной доле критики, которой подверглась покинувшая страну Экспедиция, и поэтому относительно этого хочу сказать, что подготовка путешествия продолжалась более года, были потрачены крупные суммы денег. Мы предлагали отказаться от экспедиции, причем, даже не консультируясь со спонсорами, но мало кто думал, что война будет длиться в течение пяти лет и коснется всего мира. Экспедиция это не прогулочный круиз к островам Южного Моря, а крайне опасная, тяжелая и напряженная работа с постоянным риском для жизни. И, наконец, после возвращения практически все ее участники, которые прошли невредимыми через выпавшие испытания, заняли свои места на полях сражений и процент потерь оказался довольно высок.

Переход до Буэнос-Айреса прошел без приключений и 26 октября мы достигли Южной Джорджии, самого южного форпоста британской империи. Здесь в течение месяца мы занимались последними приготовлениями. В последний раз мы слышали о войне, когда покинули Буэнос-Айрес. О том, что в войну вступила Русская армия. Многие полагали, что война продлится не более шести месяцев. Поэтому мы отправлялись без сожаления о том, что не могли принять участие в кампании по защите чести нашей страны.

Помимо частных лиц и организаций я выражаю огромную признательность и

благодарность за помощь, оказанную правительством Новой Зеландии и правительством Австралии на начальном этапе работы партии в море Росса; гражданам и правительству Новой Зеландии за их постоянную помощь, просто неоценимую во время ее спасения.

Перед господином Джеймсом Алленом (и.о. премьера), ныне покойным мистером МакНэбом (министром Флота), мистером Леонардом Триппом, мистером Мэбином, мистером Тугудом и многими другими я в вечном неоплатном долгу.

Также, пользуясь возможностью, благодарю Правительство Уругвая за помощь в предоставлении траулера «*Instituto de Pesca*», на котором была осуществлена вторая попытка забрать моих людей с острова Элефант.

Ну и естественно, моя особая благодарность Правительству Чили, которому принадлежит заслуга в деле спасения моих товарищей. Эта Южная Республика приложила все усилия, чтобы организовать успешную спасательную операцию. Я хочу особо отметить участливое отношение адмирала Минозы Уртадо, командующего чилийским флотом и капитана Льюиса Пардо, который командовал «Йелчо» («*Yelcho*») в нашем последнем и успешном мероприятии.

Сэр Дэниел Гуч был с нами в пути до Южной Джорджии. Я выражаю ему особую благодарность за помощь с собаками, нам всем потом не хватало его присутствия по пути к югу.

ГЛАВА I

В МОРЕ УЭДДЕЛЛА

Я решил покинуть Южную Джорджию в районе 5 декабря и в свободное от окончательной подготовки время вновь и вновь просматривал планы нашего путешествия. Что приготовило нам море Уэдделла? Капитаны китобойных судов Южной Джорджии были готовы поделиться со мной своими знаниями о водах, в которых они работали, и они подтвердили полученную ранее информацию о крайне тяжелой ледовой обстановке в этом секторе Антарктики и дали рекомендации, заслуживающие внимания.

Есть смысл кратко остановиться на некоторых соображениях, которые тревожили меня в то время и в последующие недели. Я знал, что в этом сезоне льды простираются далеко к северу, поэтому после консультаций с китобоями решил держать курс на группу Южных Сандвичевых островов, обогнуть Южные Туле, а затем идти далее на восток до пятнадцатого меридиана западной долготы, и только потом продвигаться на юг. Китобои отметили, что пройти через льды в районе Южных Сандвичевых островов трудно. Они сказали мне, что часто, даже летом, видели льдины, вплотную подходящие к островам, и полагали, что экспедиции придется столкнуться с тяжелым паковым льдом на пути к морю Уэдделла. И что, пожалуй, самое благоприятное время пройти его это конец февраля или даже начало марта. Китобои у Южных Сандвичевых островов просто разворачивались обратно, т.к. были хорошо знакомы с обстановкой. Их мнение побудило меня загрузить дополнительные запасы угля на тот случай, если на пути к Земле Котса понадобится больше топлива.

Я надеялся, что переход к востоку до пятнадцатого меридиана даст нам возможность достигнуть Земли Котса по чистой воде, и, в итоге, достичь залива Ванселя, где Фильхнер

сделал попытку высадки в 1912 году. Однако два соображения не давали мне покоя на данном этапе. С одной стороны были веские причины для того, чтобы Эндьюранс зимовал в море Уэдделла, но найти безопасную гавань может оказаться очень трудно. С другой стороны, если безопасная гавань не будет найдена, судно должно зимовать в Южной Джорджии. Мне казалось бессмысленным пока думать о путешествии через континент в первое же лето, так как сезон был далеко не рядовым, а ледовые условия крайне неблагоприятными. Помятуя о возможности зимовки судна во льдах, мы запаслись в Южной Джорджии дополнительной теплой одеждой.

Кроме прочего меня также волновал еще один вопрос, численность береговой партии. Если корабль отправится на зимовку, или если окажется вдали от зимней базы, то после того, как будет построена хижина и сгружены запасы, было бы предпочтительней иметь на берегу небольшую, тщательно отобранную группу людей. Эти люди смогут приступить к организации забросок и делать небольшие путешествия на собачьих упряжках, подготавливая их для длительного путешествия следующей весной. Большая часть научного персонала будет жить на борту корабля, где они смогут делать свою работу в сравнительно комфортных условиях. Если понадобится, они смогут совершать короткие вылазки, используя «Эндьюранс» в качестве базы. Все эти планы основывались на предположении, что найти место под организацию зимней базы, вероятно, будет трудно. Если же безопасная база будет организована на континенте, я буду придерживаться первоначальной программы, одна партия пойдет на Юг, другая на запад вдоль побережья моря Уэдделла к Земле Грэхема и еще одна на восток, в сторону Земли Эндерби.

Мы до мелочей проработали все детали предстоящего путешествия. Загруженность санных упряжек была результатом тщательно продуманных и проведенных экспериментов. Собаки после планировавшихся тренировок будут в состоянии проходить от пятнадцати до двадцати миль в день с загруженными санями. Трансконтинентальное путешествие, при таком раскладе, должно занять 120 дней, если только не вмешаются непредвиденные обстоятельства. Мы мечтали о том дне, когда начнем это путешествие, последнее великое приключение в истории Южных Полярных исследований, но осознание предстоящих сложностей, что разделяли нас и нашу отправную точку, охлаждало наше нетерпение. Все зависело от точки высадки. Если мы сможем достичь базы Фильхнера, то не было причин, из-за которых группе опытных людей не перезимовать там в безопасности. Но море Уэдделла славится своей негостеприимностью и мы знали, что его нрав против нас. Вообще говоря, с точки зрения стороннего наблюдателя, условия в море Уэдделла неблагоприятны по определению. Ветра относительно слабые, а, следовательно, новый лед может сформироваться даже летом. Отсутствие сильных ветров, как следствие, позволяет льду объединяться в статические массы. Затем эта огромная масса льда движется вдоль берега с востока на запад под влиянием течений и заполняет бухту моря Уэдделла по мере продвижения на север как огромный полукруг. Часть льда описывает почти полный круг и в плохой сезон сохраняется, в итоге, напротив Южных Сандвичевых островов. Сильные течения, сжимающие массы льда у берегов, создают мощное давление, пожалуй, самое большое, которое можно встретить в Антарктике. Это давление может и меньше, чем в перегруженных районах Северного Полярного бассейна, но, по крайней мере, столь же серьезное, и я склонен думать, что сравнение будет не в пользу Арктики. Все эти соображения, естественно, повлияли на наши планы в части прохождения паковых льдов и поиска безопасной гавани на континентальном побережье.

Наступил день отплытия. Я отдал приказ поднять якорь в 8.45 утра 5 декабря 1914 года, и лязг лебедки оборвал нашу последнюю связь с цивилизацией. Утро было тоскливым и пасмурным, с порывами снега и дождя, но зато зажглись огни «Эндьюранс». Долгие дни подготовки были закончены, впереди ждало приключение.

Мы надеялись, что до нашего отплытия какой-нибудь пароход с севера принесет новости о войне и, возможно, письма из дома. Корабль прибыл вечером 4-го, но ни писем, ни свежих новостей он не привез. Капитан и команда были решительно настроены пренебрежительно, и поэтому якобы “новости”, которые они рассказали, были сплошь не в пользу британцев и французов. Мы были бы рады получить последние известия от более дружественного источника. И лишь через полтора года мы узнали, что пароход «Гарпун», который доставил для нас почту, пришвартовался в Грютвикине всего через два часа после нашего отплытия.

«Эндьюранс» шел на юг, ныряя в набегающие с юго-запада волны. Первую половину дня шел морозящий дождь, но позже погода прояснилась, и открылся замечательный вид на исчезающее вдаль побережье Южной Джорджии. Мы сменили курс на юго-восток. Он был проложен так, чтобы вначале отойти от острова, а затем повернуть в направлении Южных Туле группы Сандвичевых островов. В течение дня ветер свежел, были подняты паруса и одновременно зарифлен фок (*убран нижний парус*), дабы была возможность наблюдать за тем, что впереди, у нас не было желания нарваться на “гроулер”, эти предательские притопленные глыбы льда. Корабль был очень устойчив в волнующемся море, но выглядел, естественно, не так красиво, как после отчаливания от берегов Англии четырьмя месяцами ранее. Мы загрузили в Грютвикине дополнительные запасы угля, и они хранились на палубе, что значительно затрудняло по ней передвижение. Плотнику даже пришлось построить временный настил от полуюта к рубке. Помимо этого мы взяли на борт тонну китового мяса для собак. Его большие куски висели на вантах вне досягаемости, но зато в поле зрения собак, и как только «Эндьюранс» попадал в кильевую или боковую качку, они дружно смотрели на них своими волчьими глазами в надежде на случайную добычу.

Я был очень доволен собаками, которых мы разместили на корабле в наиболее удобных местах, которые только смогли для них подыскать. Они были в отличном состоянии, и я чувствовал, что экспедиция имела прекрасную поддержку. Это большие, крепкие животные, обладающие выносливостью и силой, и если они будут тянуть наши сани в таком же состоянии как сейчас, то все будет прекрасно. Ответственные за собак делали свою работу с энтузиазмом, они тщательно изучали характер и привычки своих подопечных, что со временем должно было дать хороший эффект.

В течение 6 декабря «Эндьюранс» значительно продвинулся на юго-восток. Ночью усилился северный ветер и вызвал высокие попутные волны. Погода стояла туманной, мы прошли мимо двух айсбергов, нескольких гроулеров и многочисленных небольших льдин. Персонал и члены экипажа занимались обычной рутинной работой. Вокруг корабля кружило много птиц, мы видели капских голубей, китовых птиц, крачек, буревестников, темных и странствующих альбатросов. Курс лежал в пролив между островом Сандерса и островом Candlemas (*русского названия острова нет*). 7 декабря принесло первое испытание. В шесть часов утра, море, обычно зеленоватого оттенка, вдруг стало цвета индиго. Корабль по-прежнему имел хороший ход, часть членов научной команды занималась переноской угля с палубы в бункер (*хранилище угля на корабле*). В начале второй половины дня показались острова Сандерса и Candlemas и в 6 вечера «Эндьюранс» прошел между ними. По

наблюдениям Уорсли (*Фрэнк Уорсли - капитан*) остров Сандерса был, примерно, на три мили восточнее и пять миль севернее, нежели указано на картах. Большое количество айсбергов, в основном правильной геометрической формы, плавало к западу от островов, мы обратили внимание на то, что многие из них имели желтый оттенок из-за диатомовых водорослей. У одного айсберга по бокам были большие красно-коричневые пятна. Такое количество айсбергов вызывало понятные опасения и сразу же после прохождения между островами мы столкнулись с дрейфующим льдом. Все паруса были убраны и мы медленно пошли на двигателе. Два часа спустя, в пятнадцати милях к северо-востоку от острова Сандерса «*Эндьюранс*» столкнулся со сплошным поясом тяжелого пакового льда, с полмили шириной, простиравшимся на север и юг. За ним была чистая вода, но сильное юго-западное волнение делало пак непроходимым в этом месте. Это было неожиданно. В полдень мы находились на широте $57^{\circ}26'$ градусов и я не ожидал встретить паковый лед настолько далеко к северу, по сообщениям китобоев он простирался не далее Южных Туле.

К ночи ситуация осложнилась. Мы вошли в пак в надежде достигнуть за ним открытой воды, но с наступлением темноты обнаружили, что находились в полынье, которая становилась все меньше и меньше. Лед вокруг корабля шлифовало тяжелым волнением, и я с беспокойством наблюдал за признаками изменения ветра на восточный, который дал бы нам возможность двигаться в выбранном направлении. Мы с Уорсли провели на палубе всю ночь, маневрируя в паке. В 3 утра мы пошли на юг, воспользовавшись появившимися участками открытой воды, но встретили тяжелый, сжатый, скорее всего прошлогодний паковый лед. Затем пошли на северо-запад и увидели открытую воду на северо-востоке. Я направил «*Эндьюранс*» в этом направлении и на полной скорости мы вышли в чистую воду. Затем мы отправились на восток, надеясь на более благоприятную ледовую обстановку, и через пять часов блуждания смогли обойти пак и вновь поднять паруса. Это первое сражение со льдом было захватывающим. Глыбы льда и айсберги всех размеров вздымались и бились друг об друга в такт тяжелому юго-западному волнению. Несмотря на всю нашу осторожность «*Эндьюранс*» все равно налетел на одну из больших ледяных глыб, но двигатели были вовремя остановлены, и вреда это не причинило. В течение дня все было прекрасно. Волны разбивались по ту сторону огромных айсбергов, перехлестывая прямо через вершины этих ледяных утесов. Остров Сандерса лежал к югу и очертания его скалистых берегов время от времени проглядывались сквозь туман клубящихся туч, донося утробный рокот прибоя, разбивающего о его ледяные гроты и звуки ломающегося под натиском волн пака, изящно вздымающегося в унисон с волнением моря.

Мы обогнули северный край пака при ясной погоде, сером небе и легком юго-западном бризе. Айсберги были многочисленны. Утром 9 декабря восточный бриз принес туманную погоду со снегом, и в 4.30 пополудни мы столкнулись с краем пакового льда на $58,27^{\circ}$ градусов южной широты и $22,08^{\circ}$ западной долготы. Это был обильно заснеженный прошлогодний лед вперемешку с еще более старым, он простирался с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Мы вошли в него в 5 дня, но не смогли добиться существенного прогресса, и вышли из него в 7.40 вечера. Затем мы стали держаться курса восток-северо-восток и провели остаток ночи, огибая пак. В течение дня мы видели антарктических пингвинов и пингвинов Адели, а также несколько горбатых китов и финвалов. Отблески льда на западе указывали на наличие пака в этом направлении. После огибания пака мы держались курса 40° градусов на юго-восток и в полдень 10-го достигли $58,28^{\circ}$ ЮШ и $20,28^{\circ}$ ЗД. Наблюдения показали отклонение компаса на полтора градуса меньше, чем указано в

картах. Я держал «Эндьюранс» на этом курсе до полуночи, когда мы вошли в зону разорванного льда, примерно в девяноста милях к юго-востоку от нашего полуденного положения. Этот лед оказался всего лишь краем скопления льда и продвижение замедлилось. Шли длинные восточные волны, дул слабый северный ветер, погода стояла замечательная. Многочисленные айсберги были вне зоны пакового льда.

«Эндьюранс» шел под паром сквозь разорванный лед до 8 утра 11-го декабря, когда мы вошли в пак на $59,46^{\circ}$ ЮШ $18,22^{\circ}$ ЗД. Мы могли бы пойти дальше на восток, но пак расширился и в этом направлении, а попытка его обогнуть могла вынудить нас повернуть к северу. К тому же я хотел придерживаться общего направления к югу. За счет дополнительных запасов угля на борту «Эндьюранс» мы, конечно, могли позволить себе лишние мили, но не могли позволить себе тратить их без необходимости. Пак был легкопроходим и не представлял большой сложности на этом этапе. Чтобы воспользоваться северным ветром был поднят фок. Изредка корабль сталкивался с льдинами и даже получил несколько тяжелых ударов, но ничто не пострадало. Главной задачей было защитить гребной винт и руль. Если столкновение оказывалось неизбежным, вахтенный офицер отдавал команду в машинное отделение “малый назад” или “средний назад” и клал штурвал так, чтобы врезаться в льдину по касательной. Затем штурвал ставился к льдине, дабы отвести от нее гребной винт и корабль мог двигаться дальше. Уорсли, Уайлд (*Фрэнк Уайлд – зам. руководителя экспедиции*) и я с тремя офицерами дежурили по три часа, пока мы продвигались сквозь пак, кроме этого на палубе постоянно находились еще два офицера. Плотник смастерил на капитанском мостике шестифутовый деревянный семафор, позволяющий штурману указывать морякам и ученым в каком направлении и насколько крутить штурвал. Это устройство очень экономило время, а также позволяло не повышать голос. Мы шли сквозь разорванный пак весь день, и открывающееся по курсу зрелище не внушало особого оптимизма. На льдинах были замечены тюлени Уэдделла и крабоеды, но, тем не менее, мы не останавливались для пополнения запасов свежего мяса. Сейчас наиболее важным было двигаться вперед к нашей цели, причем настолько быстро, насколько это возможно, у меня были основания для беспокойства, и поэтому у нас должен был быть достаточный запас времени на тот случай, если ледовая обстановка ухудшится.

Утром 12 декабря мы по-прежнему шли сквозь разорванный пак, который позже местами стал толще. Небо было затянуто тучами, пошел небольшой снег. В 7 утра я отдал приказ поднять паруса, чтобы воспользоваться северным ветром, но пять часов спустя он сменился на западный. В полдень мы находились на $60,26^{\circ}$ ЮШ и $17,58^{\circ}$ ЗД, за последние 24 часа мы продвинулись только на 33 мили. Лед стал плотным и мы стали протискиваться сквозь узкие каналы и случайные участки открытой воды, довольно часто на траверзе (*движение судна боком*). Нас окружали антарктические и снежные буреветники, тайфунники, глупыши, белолобые крачки и пингвины Адели. Последние, завидев наш корабль, приходили в такое волнение, что это вызывало у находящихся на борту улыбки. Постоянная шутка была о том, что все Адели на льдинах знали Кларка (*Кларк Селби – биолог*), и когда он стоял за штурвалом, то утекали со всех ног, выкрикивая при этом “Кларк! Кларк!”, видимо очень негодуя и возмущаясь тем, что он никогда их не ждал и даже не спрашивал их мнения.

Этим вечером мы нашли несколько хороших проходов и продолжали идти на юг всю ночь и весь следующий день. Пак, насколько было видно, простирался во все стороны. Полуденные наблюдения показали, что за прошедшие сутки мы прошли 54 мили,

прекрасный результат в таких условиях. Уайлд подстрелил на льдине молодого тюленя Росса и мы сманеврировали рядом с ним. Хадсона (*Хуберт Хадсон – штурман*) спустили вниз, он подхватил тюленя, и обоих втянули обратно. Тюлень был 4 фута и 9 дюймов длиной (1,5 м) и весил около девяноста фунтов (36 кг). Он оказался молодым самцом и выглядел очень вкусным, но когда с него сняли шкуру и срезали жир, то каждому из 28 членов экипажа на завтрак досталось лишь по маленькому кусочку. В его желудке были только амфиподы примерно в дюйм длиной, сходные с теми, что мы видели у китов в Грютвикине.

14 декабря погода ухудшилась. Туман с резкими порывами снега. Были замечены несколько айсбергов. Пак стал плотнее, чем в предшествующие дни. Старый лед был вперемешку с молодым и наше продвижение замедлилось. Гребной винт получил пару ударов, но не пострадал. На утлегарь установили платформу, чтобы Хёрли мог снять судно во время движения через лед. Свежий лед не представлял трудностей для «Эндьюранс», который был способен разбить путь через него, но глыбы старого льда были более значительным препятствием, да и управление судном стало задачей, требующей особого внимания. Но даже осторожная навигация не могла предотвратить столкновений с толстым льдом. Во второй половине дня мягкий южный бриз сменился на умеренный юго-западный штормовой ветер и в 8 часов вечера мы легли в дрейф, так как стало невозможно двигаться дальше без серьезного риска повреждения руля и гребного винта. Интересный факт, пока в течение трех дней мы шли на двигателе, северо-западное волнение как будто толкало нас вперед, хотя и добавляло трудностей с навигацией в каналах, так как лед постоянно находился в движении.

До окончания штормового ветра «Эндьюранс» оставался в дрейфе следующие двадцать четыре часа. Пак простирался до горизонта во всех направлениях, разорванный бесчисленными узкими протоками. В поле зрения было множество айсбергов, и, похоже, они двигались сквозь пак в юго-западном направлении под влиянием течения. Но, возможно, что сам пак относилось к северо-востоку штормовым ветром. Кларк поставил на четыре сажени сеть в поисках биообразцов, но течением ее отнесло на юго-запад и намотало на винт. Он лишился сети, двух грузил и линя. В течение суток еще с десятков айсбергов продрейфовали в южном направлении. В полдень наше положение было 61,31° ЮШ, 18,12° ЗД. Буря утихла в 8 часов вечера и до полуночи мы прошли еще пять миль, а затем остановились на неопределенное время в ожидании прояснения погоды. Во время этого короткого перехода капитан, отдавший семафором команду «лево на борт» стоявшему за штурвалом ученому прокричал: *“И чего тебе дома не сиделось!”* А в ответ услышал возмущенный голос: *“Я громко сморкаюсь.”*

На следующий день «Эндьюранс» немного продвинулся дальше. Длинные протоки открытой воды вели на юго-запад. С глухим грохотом наш корабль разбил на полной скорости случайную льдину молодого льда. Уорсли в этот момент находился на утлегаре и всего за несколько минут, что Уайлд вел судно, получил массу непередаваемых ощущений. Объемный звук удара разнёсся во все стороны, когда форштевень разбил льдину, разделив ее надвое, а затем откинув в разные стороны. Температура воздуха была +3° по Цельсию, довольно тепло, а температура воды -1,8°C. Мы продолжали идти через узкие длинные каналы до 4 утра 17 декабря, когда лед вновь стал труднопроходим. Очень большие льдины шестимесячного льда лежали перед нами. Некоторые из этих льдин были с квадратную милю непробиваемой поверхности, были среди них и участки тонкого льда. В поле зрения находились многочисленные айсберги, их направление движения стало хаотичным. В одном

месте корабль оказался заблокирован клиновидным куском льдины, но мы бросили с кормы ледовый якорь и с его помощью выбрались. В таких условиях управление судном требовало недюжинных физических и нервных сил. В полдень с кормы послышался грохот, Хасси (*Леонард Хасси – метеоролог*), который стоял за штурвалом, рассказал, что “*Штурвал резко рвануло и меня бросило на него!*” В полдень наше положение было 62,13° ЮШ и 18,53° ЗД, за предыдущие двадцать четыре часа мы прошли 32 мили в юго-западном направлении. Днем видели троих синих китов и одного императорского пингвина, а также 58-фунтовую птицу, которая пополнила нашу кладовую.

Утром 18 декабря «*Эндьюранс*» шел между больших льдин сквозь молодой лед. Открытых протоков было мало. Дул легкий северный ветер с редкими снежными порывами. Мы запаслись тремя тюленями крабьедами - двумя самками и самцом. Самец был прекрасен, почти весь белый, 9 футов и 3 дюйма, весом 600 фунтов. Незадолго до полудня дальнейшее продвижение было остановлено тяжелым паком, мы бросили на льдину ледовый якорь и остановились. Я был готов к ужасным условиям в море Уэдделла, но надеялся, что в любом случае в декабре - январе пак будет легкопроходим даже при отсутствии чистой воды. Но мы столкнулись с довольно плотным многолетним льдом с очень недружелюбным нравом. Паковый лед можно сравнить с гигантским паззлом, выдуманным природой. Части этого паззла хаотично плавают сами по себе, местами смыкаясь друг с другом и постепенно становясь одним большим плотным участком “*сплошного льда*”, со временем весь этот кусок смыкается до такой степени, что проходим только пешком. Там, где части льдин смыкаются не плотно, есть участки открытой воды, которая замерзает буквально за несколько часов морозного тумана. Силой давления из этих, вновь сформированных льдин формируются уже более толстые, сдвоенные наподобие слоеного торта, льдины. Затем края тяжелых льдин медленно, но верно и почти беззвучно сдавливаются, пока не вздыбливаются наподобие “*частокола*”, огораживающего каждый фрагмент этого паззла. Забор представляет собой блоки льда различной массы и формы. Иногда 5-6 футовые блоки льда настолько равномерно и аккуратно сложены, что порой не верится, что это работа природы. Иногда ледяные стены могут разрывать ропаки, вздымающиеся на высоту 6-10 футов, или куполообразные образования, формирующиеся под постоянным давлением, словно вулканы. Всю зиму дрейфующий пак меняется – растет вширь, утолщается вглубь и сжимается давлением. Если, в итоге, дрейфуя, он упирается в берег, такой, как например западное побережье моря Уэдделла, то страшное давление создает ад из нагромождений ледяных торосов, сераков и хребтов на ширину 150 или даже 200 миль от берега. Впоследствии такие участки льда могут дрейфовать и дальше, увеличиваясь за счет молодого льда.

Я дал это краткое объяснение для того, чтобы читатель смог понять природу льда, через который мы шли многие сотни миль. Также, наверное, потребуется объяснить задержки, вызванные ветром. Когда дует сильный ветер или умеренный штормовой, корабль не может безопасно идти через любой лед, за исключением молодого, толщиной не более двух футов. Поскольку характер льда невозможно определить далее, чем на милю вперед или около того, следовательно, в шторм мы всегда останавливались. Осадка судна в кормовой части была 3 фута и 3 дюйма, и это, с одной стороны, хорошо защищало гребной винт и руль, но с другой, делало «*Эндьюранс*» практически неуправляемым в тесном паке при усилении попутного ветра свыше шести миль в час. Давление ветра на бак (*носовую часть судна*) и реи фок-мачты, приводило к тому, что бак проседал, и корабль попросту не управлялся в узких протоках и каналах, через которые мы прокладывали путь. Кроме того, просевший бак

приподнимал корму до уровня льда, вынуждая нас останавливать двигатели для сохранения гребного винта. Затем корабль неуправляемо дрейфовал, имея возможность только заднего хода с опасностью повреждения руля и гребного винта, ахиллесовой пяты корабля в паковых льдах.

Пока мы ждали изменения погоды и вскрытия льда, я воспользовался эхолотом Лукаса, установленным над гелмпортовой трубой и определил глубину под нами в 2810 саженей. Придонные образцы получить не удалось из-за обрыва линия в 60 саженях от дна. Днем, когда Хасси играл на банджо, к кораблю приблизились трое пингвинов Адели. Всем своим важным видом эти небольшие забавные птицы показывали, что им нравится «*Долгая дорога до Тинперери*», но как только Хасси начал играть шотландские напевы они в ужасе попятились назад. Громкий смех с борта корабля только добавил им страху, и они со всех ног бросились наутек. Пак вскрылся в районе 6.15 вечера, и прежде чем кинуть якорь на ночь мы три часа шли по протоке. В этот день мы подстрелили синего кита гарпуном Хьерта № 171. 19 декабря обстановка не улучшилась. Умеренно сильный северный ветер принес туман и снег и через два часа движения «*Эндьюранс*» снова остановился перед тяжелым льдом. Из-за сильного ветра, который приводил льдины в движение, каналы открывались и закрывались с опасной быстротой, и было невозможно управлять кораблем. В полдень мы определили, что за прошедшие сутки прошли на юго-восток шесть миль. Целый день все были заняты протиркой проросшего картофеля. Мы оставались пришвартованными к льдине весь следующий день, ветер не утихал, более того, во второй половине дня он стал шквальным, поэтому экипаж воспользовался вынужденной паузой, чтобы поиграть в футбол на поверхности льдины у борта судна. Двенадцать айсбергов в данный момент находились в поле зрения. Положение полудни было 62,42° ЮШ и 17,54° ЗД, мы продрейфовали около шести миль в северо-восточном направлении.

В понедельник 21 декабря наступила прекрасная погода, подул легкий запад-северо-западный ветер. Мы начали движение в 3 утра, и пошли через пак на юго-запад. К полудню мы прошли семь миль почти точно на восток, дрейф пака продолжался на север, в то время как корабль шел к югу. В большом количестве встречались нескольких видов буревестники, пингвины, тюлени, а также мы видели четырех маленьких голубых китов. В полдень мы вошли длинный пролив, ведущий на Юг, и прошли вокруг и между девяти великолепных айсбергов. Один, особо выдающийся, был похож на Гибралтарскую скалу, но с более крутыми скалами, а другой - на природный док, из тех, что можно встретить в Аквитании (*юго-западное побережье Франции*). Последний закрывал вход в огромный голубой бассейн. Хёрли (*Фрэнк Хёрли – фотограф*) взял свою кинокамеру, для того, чтобы запечатлеть этот айсберг. Во второй половине дня были найдены роскошные широкие каналы, ведущие на восток и юго-восток среди айсбергов, но в полночь корабль был остановлен небольшими тяжелыми льдинами, плотно прижатыми к непробиваемой ледяной равнине. Перспектива с топ-мачты была необнадеживающей. Это была большая льдина, по меньшей мере, 15 миль в длину и 10 миль в ширину. В наиболее широкой ее части не было видно даже края, должно быть ее площадь составляла не менее 150 квадратных миль. Это был однолетний лед, не очень толстый, с немногочисленными торосами или гребешками. Мы подумали что он, должно быть, сформировался в очень тихую погоду и медленно продрейфовал с юго-востока. Я никогда не встречал в море Росса льдин такой большой площади.

Мы ждали, не заглушая двигатель, ослабления сильного восточного ветра, или вскрытия льда. 22 декабря в 6.30 вечера открылись несколько протоков, и мы получили возможность

снова двигаться на юг. Следующим утром мы медленно пробирались сквозь льды, полуденные измерения дали результат 19 миль на курсе 41 градус ЮЗ за семнадцать с половиной часов хода. Было замечено много годовалых пингвинов Адели, три крабоеда, шесть морских леопардов, один тюлень Уэдделла и два голубых кита. Температура воздуха, до этого опустившаяся до -3°C , 21 декабря поднялась до $+1^{\circ}\text{C}$. Днем нам встретились пятнадцать айсбергов. Три из них были правильной геометрической формы, один был около 70 футов высотой и 5 миль в длину. Совершенно очевидно, что он откололся от шельфового ледника. Лед стал тяжелее, но чуть более разреженным, мы провели спокойную ночь в нормальных длинных каналах открытой воды. Вода была настолько спокойна, что на ней стал образовываться лед. К полудню 24 декабря мы прошли заслуженные 70 миль, теперь мы находились в точке с координатами $64,32^{\circ}$ ЮШ и $17,17^{\circ}$ ЗД. У всех наших собак, кроме восьми, были клички. Я не знаю, кто дал некоторые из них, но они совершенно ясно отображают сферу увлечений их авторов. Клички были такие: Регби, Аптон Бристоль (*местечко в Англии*), Милхилл (*назв. школы*), Сонгстер (*певец*), Сэнди, Мак, Меркьюри, Вольф, Амундсен, Геркулес, Хаккеншмидт (*в честь Георга Хаккеншмидта – циркового атлета и профессионального борца*), Самсон, Сэмми, Шкипер, Карузо, Саб (*подв. лодка*), Улисс, Спотти (*пятнистый*), Боусн (*боцман*), Слоббер (*слюнявый*), Сэди, Сью, Салли, Джаспер, Тим, Свип (*грязнуля, вар. - махальщик хвостом*), Мартин, Сплитлип (*рваная губа*), Люк, Сайнт (*святоша*), Сэтен (*сатана*), Чипс (*стружка*), Штампс (*чурбан*), Снеппер (*грубиян*), Пэйнфул (*болезный*), Боб, Сноуболл (*снежок*), Джерри, Джодж, Суути (*копченый*), Руфус (*рыжий*), Сайдлайт (*бортовые огни*), Симеон, Свонкер (*хвостун*), Чаргвин (*звезда брит. мюзикхолла*), Стимер (*пароход*), Питер, Флафи (*пушистый*), Стюард, Слипери (*скользящий*), Эллиот, Рой, Ноэль, Шекспир, Джейми, Баммер (*лентяй*), Сматс (*грязнуля*), Люпойд (*волчонок*), Спайдер (*паук*) и Сэйлор (*матрос*). Некоторые из кличек, надо отметить, даны довольно точно.

Тяжелые льдины остановили корабль с полуночи до 6-ти утра 25 декабря, на Рождество. Затем лед немного вскрылся и до 11.30 мы еще немного продвинулись вперед, после чего протоки снова закрылись. Мы нашли хорошие каналы и проходимый лед лишь в начале ночи, и в полдень наблюдения показали, что последние сутки были лучшие с начала входа в пак двумя неделями раньше. Мы прошли 71 милю практически строго на юг. Лед держал нас до вечера, затем появилась возможность пару часов пройти по нескольким полыньям, пока плотно сжатые льдины и усилившийся ветер снова не вынудили нас остановиться. Празднование Рождества прошло замечательно. В полночь, всем кто находился на палубе, был подан грог. На завтрак был подан грог тем, кто в полночь отдыхал перед вахтой. Кают-компания была украшена сигнальными флажками, и каждому был вручен небольшой Рождественский подарок. Некоторые из нас открыли подарки, присланные из дома. Потом был роскошный ужин, на котором ели суп из черепахи, снеток (*корюшку*), тушеного зайца, рождественский пудинг, сладкие пироги с начинкой, финики, инжир и мармелад, пили ром и такой же крепкий портер. Вечером все дружно пели. Хасси сделал однострунную скрипку, на которой, по словам Уорсли, он “*играл довольно сносно*”. Ветер усилился до умеренного штормового юго-восточного и не дал в полной мере насладиться этим замечательным вечером.

Плохая погода продолжалась в течение 26-го и 27-го декабря, «Эндьюранс» оставался пришвартованным к льдине. Положение в полдень 26-го было $65,13^{\circ}$ ЮШ и $43,17^{\circ}$ ЗД. Мы провели еще одно звукозондирование и определили глубину в 2819 саженей. Донный забор

оказался синим терригенным илом (ледниковые отложения) содержащим радиолярии. Работали на подъеме по очереди, по двое по десять минут.

Воскресенье 27 декабря выдалось спокойным. Дул южный штормовой ветер, шел снег, температура упала до -5°C градусов. Собаки располагались на палубе в своих неудобных конурах. Ветер сменился только следующим утром, но оставался порывистым, с периодическими залпами снега, и я не отдавал приказ к началу движения до 11 вечера. Пак по-прежнему был сплошным, но стал мягче и легко ломался. Во время этой вынужденной паузы плотник сколотил на корме небольшую пристройку. Человек, находившийся в ней, наблюдал за гребным винтом и предотвращал его повреждение тяжелым льдом, эта мера оказалась очень нужной. Она защитила руль, а также гребной винт от многих ударов.

Сильный ветер, господствующий в течение последних четырех с половиной дней, вечером 29 декабря сменился легким южным бризом. Дрейф отнес нас на одиннадцать миль к северу относительно 25 декабря. 30-го, в хорошую ясную погоду мы значительно продвинулись вперед. Во второй половине дня корабль проследовал длинным каналом на юго-восток, а в 11 вечера мы пересекли Южный полярный круг. Обследование горизонта выявило значительные разрывы в необъятном паковом льде, вперемешку с айсбергами всех размеров. Каналы прослеживались в различных направлениях, но мои поиски признаков открытой воды оказались тщетными. Этой ночью солнце уже не заходило, оно отображалось на юге от окрашенных в малиновые и золотые цвета облака, придавая пастельно-бледный зеленоватый оттенок водной глади каналов.

Утром 31 декабря корабль получил первый серьезный опыт общения со льдом. Впервые мы были остановлены льдинами, которые сомкнулись вокруг нас, а затем, около полудня, «Эндьюранс» застрял между двух льдин, двигаясь на восток-северо-восток. Пока мы ставили ледовый якорь, чтобы выпрямить корму, и таким образом выбраться на двигателе, который работал на полную мощность, давление накренило корабль на шесть градусов. Наши усилия оказались своевременными. Сразу после этого, место, где был зажат «Эндьюранс», было сжато льдиной 50 на 15 футов, 4-мя футами толщиной, которая вздыбилась на десять или двенадцать футов вверх под углом 45 градусов. Давление было серьезным, и, слава Богу, мы были вне его досягаемости. В полдень позиция была $66,47^{\circ}$ ЮШ и $15,52^{\circ}$ ЗД, за предыдущие двадцать четыре часа была пройдена 51 миля на курсе 29° градусов ЮВ.

“В полдень характер пака улучшился, - написал Уорсли в этот день. “Каналы были короткими, но льдины протаяли и легко разбивались, если было удачно выбрано хорошее место. Довольно часто мы находили большие пласты молодого льда, сквозь который корабль прорезал милю или две. Я вел судно с «вороньего гнезда» и заранее подыскивал наиболее удачное место, сквозь которое можно продолжать курс, сохраняя руль и гребной винт, наиболее уязвимые части судна. В полночь, когда я сидел в ‘Бочке’ я услышал внизу на палубе громкий шум, звуки колокольчиков, и понял, что это был Новый Год”. Уорсли спустился со своего высокого насеста и встретил Уайлда, Хадсона и меня на мостике, где мы пожали друг другу руки и пожелали счастливого и успешного Нового Года. Со входа в пак 11 декабря мы прошли 480 миль через разреженный и сплоченный паковый лед. Наш маленький корабль прошел через все это с честью, и выдержал проверку на хорошо, хотя гребной винт и получил несколько сильных ударов льдом, после того как судно накатывало на льдины, давя их своей тяжестью надвое. Накат был довольно частой операцией по взлому тонкого молодого льда, когда трещины по курсу были слишком извилисты. В таких случаях корабль, пытаясь пройти дальше, налезал на льдину днищем, а затем всей тяжестью, из-за

чего он поднимался на шесть или семь градусов, разбивал ее надвое. Общее пройденное расстояние через льды на среднем курсе 10° ЮЗ и я оценил в чуть более 700 миль. Первые 100 миль были пройдены по достаточно разреженному паку, самая большая задержка была вызвана тремя умеренными юго-западными штормами, двумя по три дня и одним в четыре с половиной дня. Последние 250 миль были пройдены через сплоченные ледовые поля, чередующиеся длинными хорошими и протяженными участками открытой воды.

В течение недели мы пробирались на юг, маневрируя в причудливых хитросплетениях ледового лабиринта, довольно часто при этом сокрушая льдины движением и массой корабля. Такой способ был эффективен при толщине льда до трех футов, а сам процесс достаточно интересен, чтобы кратко его описать. Когда путь преграждала льдина умеренной толщины, мы на средней скорости направляли на нее корабль, остановив двигатель непосредственно перед столкновением. Первым ударом «Эндьюранс» частично раскалывал поверхность льдины, создавая при этом характерный V-образный профиль. Аккуратно, следя за тем, чтобы не повредить винт, мы давали реверс и возвращались назад на 200 - 300 ярдов. Затем давали полный ход в направлении льдины, целя в центр V-образного расширения. Операция повторялась до тех пор, пока льдина не была полностью расколота, при этом корабль выступал в роли клина. Как правило, к четвертой попытке льдина сдавалась. Черные извилистые линии, словно нарисованные пером на белой бумаге были, насколько видел глаз, впереди и позади судна. Но пока они были достаточно широки, чтобы продвигаться вперед. Бак и борта корабля окружали глыбы блинчатого льда, которые разворачивало, выдавливало на другие льдины, или наоборот затягивало под них или днище судна. «Эндьюранс» порой раскалывал 2-х - 3-х футовые льдины площадью с квадратную милю. Изредка уже расколота льдина удерживалась от дальнейшего расширения другими льдинами. Но тогда мы снова немного сдавали назад и вновь и вновь шли на полной скорости вперед, пока льды не уступали.

ГЛАВА II

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

В первый день Нового Года (*1 января 1915 года*) было облачно, дул слабый северный ветер с редкими порывами снега. Состояния пака к вечеру улучшилось и после 8-ми вечера мы стали быстро продвигаться вперед через хрупкий молодой лед, легко разбиваемый судном. Несколько часов спустя начался восточный умеренный штормовой ветер и сильный снег. После 4 часов утра 2-го мы вошли в многолетний паковый лед с признаками сильного сжатия. Он был довольно торосистым, но до полудня большие участки открытой воды и длинные каналы простирались на юго-запад. Положение было $69,49^{\circ}$ ЮШ и $15,42^{\circ}$ ЗД, за двадцать четыре часа были пройдены 124 мили по курсу 3° градуса ЮЗ. Это вдохновляло.

Тяжелый пак преградил путь на юг после полудня. Было совершенно безнадежным пытаться вести через него корабль, к тому же шторм делал продвижение крайне опасным. Мы пошли вдоль него на запад и на север, высматривая подходящие проходы. Столь хорошее продвижение дало мне надежду увидеть землю на следующий день, поэтому задержка вызывала внутреннее негодование. Я испытывал растущее беспокойство, что добираться до суши может даже придется на собаках, которые в течение последних четырех недель не тренировались и становились вялыми. За день мы прошли мимо, по крайней мере, двухсот айсбергов, заметили также большие скопления припая (*связанного с землей прибрежного льда*) и стамухи (*лед, сидящий на мели*). На одной льдине припая была черная земля, по-видимому, базальтовая крошка, там же был большой айсберга, пересеченный широкой

полосой желтовато-коричневого цвета, возможно вулканической пылью. Многие айсберги имели причудливые формы. Один очень напоминал большой двухтрубный лайнер, сходство было совершенным, кроме, разве что, дыма. Позже в тот же день мы обнаружили проход в паке и прошли еще 9 миль на юго-запад, но в 2 часа ночи на 3 января канал уперся в торосистый непроходимый лед. Умеренно-штормовой восточный ветер принес снег, и мы не могли определить направление дальнейшего движения. Торосистый лед не позволял также правильно заякорить корабль, поэтому мы были вынуждены сдать назад на 10 часов, прежде чем смогли пристать к небольшой льдине с подветренной стороны 40 метровой высоты айсберга. Айсберг защищал нас от ветра и дрейфа. Мы находились в точке с координатами $69,59^{\circ}$ ЮШ и $17,31^{\circ}$ ЗД. Мы снялись с ледового якоря и начали движение к югу только в 7 часов вечера, в десять прошли мимо небольшого айсберга, который видели двенадцать часов назад. Было очевидно, что на много мы не продвинулись. В этот день мы прошли еще мимо нескольких айсбергов, сплошь из голубого бутылочного льда, указывавшего на их ледниковое происхождение.

К полуночи 3-го, пройдя 11 миль на юг, мы были вынуждены остановиться из-за начавшегося столь густого снега, что было невозможно понять, есть ли каналы и стоит ли в них входить. Лед оставался торосистым, но, к счастью, штормовой ветер стих, и после того, как мы просмотрели все каналы и участки чистой воды в пределах видимости, мы повернули назад на северо-восток. Впервые за последние 260 миль были замечены два кашалота и два больших голубых кита. Мы видели также буревестников, многочисленных Адели, императорских пингвинов, крабоедов и морских леопардов. Утром, в ясную погоду мы выяснили, что на юго-востоке и юго-западе лежит плотный непроходимый пак, и в 10 часов утра 4-го января мы снова прошли в пяти ярдах от небольшого айсберга, мимо которого дважды проходили накануне. Мы шли под паром и уже 50 часов пробовали обойти льдину в 20 квадратных миль, тщетно пытаясь найти проход на юг, юго-восток или юго-запад, все каналы вели на север, северо-восток или северо-запад. Было такое ощущение, будто духи Антарктики указывали нам назад, но идти обратно мы не собирались. Мы жаждали идти хоть на юг, хоть на восток, но лишь бы достичь земли, если получится, востока дальнего юга Росса (*самой южной точки, достигнутой экспедицией*), а еще лучше восточного края Земли Котса. Это было очень важно, поскольку преобладающие ветра дули к востоку и каждая миля долготы к востоку за счет этого становилась ценна. После полудня мы поплыли на запад по узким протокам открытой воды и к 4 дня продвигались на запад-юго-запад к более открытым участкам воды, видимым впереди. Светило яркое солнце, в полночь было выше трех градусов ($\sim -15^{\circ}\text{C}$) и было возможно держаться на заданном курсе до следующего полудня. На тот момент наше положение было $70,28^{\circ}$ ЮШ, $20,16^{\circ}$ ЗД, были пройдены 62 мили по курсу 62° ЮЗ. В 8 часов утра открытая вода простиралась в секторе с севера до запада и юго-запада, но на юге и востоке лежал непроницаемый панцирь льда. В 3 дня путь на юго-запад и запад-северо-запад оказался полностью заблокирован, и, поскольку мы достаточно забрались к западу, то я не чувствовал необходимым тратить понапрасну запасы угля, чтобы и дальше продвигаться на запад или на север. Я положил корабль на обратный курс, мы прошли четыре мили до точки, где некоторые разорванные участки пака давали слабую надежду протиснуться сквозь него, и, после трехчасовой борьбы с тяжелым торосистым льдом и четырех миль к югу, мы были остановлены огромными торосами из очень старого льда. В тот момент дальнейшие усилия казались бесполезными и после того, как мы пришвартовали «Эндьюранс» к льдине, я отдал приказ скинуть пар в котлах. Погода

была ясной, несколько энтузиастов играли в футбол на льдине, пока около полуночи Уорсли при получении мяча не провалился в проталину. Он выбрался из нее самостоятельно.

Следующим утром (6 января) путь на юг по-прежнему преграждал твердый многолетний лед. К северу от нас была открытая вода, но день выдался спокойным, я не хотел тратить уголь на тщетные попытки найти открытую воду на юге и держал корабль пришвартованным к льдине. Эта вынужденная пауза и хорошая погода дала возможность потренировать собак, которых ответственные за них спустили на льдину. Эмоции животных были непередаваемыми. Несколько псов умудрились влезть в воду и больше не выражали желания гулять дальше. Еще двое ухитрились полностью искупаться в ледяной полынье. Однако и людям и собакам разминка понравилась. Звукозондирование определило глубину в 2400 саженей, а проба грунта голубую глину. На следующий день западный ветер посвежел, и мы под парусом начали огибать северный край пака в восточном направлении. Мы шли вдоль пака до полудня, но перспективы пройти на юг были невелики, и я стал сомневаться в правильности выбранного курса. Мы пошли под парусами на северо-восток и через тридцать девять миль прошли мимо заметного айсберга, который уже встречали шестьдесят часов назад. Вокруг нас стали проявлять активность косатки, и я должен был ввести дополнительные меры безопасности в отношении находившихся на борту. Эти животные имеют способность определять лежащих на краю льдин тюленей, а затем выныривать снизу сквозь лед в поисках добычи, но при этом совершенно не могут отличить тюленя от человека.

В полдень 8 января мы находились на 70,0° ЮШ 19,09° ЗД. За сутки мы прошли 66 миль в северо-восточном направлении. В течение дня мы придерживались курса восток-юго-восток, продвигаясь через разорванный пак и участки открытой воды мимо глубоко погруженных в воду торосистых льдин на юге. В поле видимости показались несколько каналов, ведущих на юг, но мы пока держались на восточном курсе. Льдины становились тоньше, впереди появились признаки открытой воды. В тот день корабль прошел мимо не менее пятисот айсбергов, некоторые из которых были очень крупные. Следующим утром на востоке и юго-юго-востоке появились темные облака, «Эндьюранс» шел через разреженный пак на среднем ходу и достиг открытой воды как раз перед полуднем. Высоченный айсберг 150 футов высотой и с четверть мили длиной лежал прямо на границе льда, мы прошли мимо его выступа и вошли в волнующийся океан, протянувшийся до самого горизонта. Море простиралось сектором с юго-запада на восток северо-северо-восток, и, судя по водяному небу (*эффект рефракции света, характерный для крайних широт*) обещало быть протяженным. Я взял курс на юго-восток, чтобы попытаться достичь земли на широте дальнего юга Росса (71,30° ЮШ) (*северной оконечности земли Королевы Мод*).

Мы прошли по чистой воде сотню миль, минуя многочисленные айсберги и не встречая льда. Двое очень крупных китов, вероятно синих, подошли вплотную к кораблю, и мы видели выпускаемые ими во всех направлениях фонтаны брызг. Открытая вода внутри пакового льда на этой широте была настоящим заповедником для китов, преследуемых человеком на севере. Дорога вперед на юг по чистой голубой воде была для нас радостным событием после долгих блужданий по ледовым каналам. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. «Эндьюранс» столкнулся со льдом в 1 час ночи на 10-е. Разорванный пак простирался на восток и юг, чистая вода была на западе, видимая отражением в облаках. Пак состоял местами из тяжелого заторошенного льда, свидетельствующего о большом сдавливании, но содержал также много толстых, плоских льдин, очевидно, сформированных

в защищенных бухтах, и никогда ранее не подвергавшимся сдавливанию или свободному движению. Поворот корабля у льда вымыл диатомовую пену. В 9 часов утра вода стала насыщенной *диатомовыми водорослями*, и я распорядился сделать промер глубины. Дно было обнаружено на 210 саженях. *«Эндьюранс»* продолжал продвигаться к югу сквозь разорванный пак. Мы видели фонтаны многочисленных китов и заметили несколько сотен крабоедов, лежащих на льдинах. Было очень много белолобых крачек, антарктических и снежных буревестников, на низком айсберге приютилась колония пингвинов Адели. Пара косаток с характерными высокими спинными плавниками также появилась в поле зрения. Положение полудни было $72,02^{\circ}$ ЮШ и $16,07^{\circ}$ ЗД, было пройдено 136 миль на курсе 6 градусов ЮВ.

Мы находились теперь в непосредственной близости от земли, открытой доктором Уильямом Спирсом Брюсом, руководителем Шотландской экспедиции (*на судне «Скотия»*), и названной им в 1904 году Землей Котса (*в честь братьев Котсов, спонсоров экспедиции*). Доктор Брюс столкнулся с ледяным барьером на широте $72,18$ градуса на 10 -м меридиане, протянувшимся с северо-востока на юго-запад. Он проследовал вдоль его границы на юго-запад на 150 миль и достиг $74,01^{\circ}$ ЮШ и 22° ЗД. Он не видел береговых скал, но его описание возрастающей крутизны снега и льда наряду с уменьшающейся глубиной у края барьера ясно указывало на наличие земли. Описание возвышенности было дано в максимально южной точке, откуда я планировал начать маршрут через Антарктиду. Теперь все поглядывали в сторону побережья, описанного доктором Брюсом, и в 5 часов вечера, впередсмотрящие сообщили о появлении земли на юго-юго-востоке. Мы увидели пологий снежный склон, вздымающийся на высоту около тысячи футов. Он казался скорее островом или полуостровом с проливом на южной его стороне, положение его самой северной точки было около $72,34^{\circ}$ ЮШ $16,40^{\circ}$ ЗД. *«Эндьюранс»* прошел сквозь тяжелый разорванный пак и незадолго до полуночи вошел в канал с открытой водой, ведущий вдоль края барьера. Линь для промера глубины длиной 210 саженей у края барьера дна не достал. Сам барьер был высотой 70 футов с 40 футовыми ледовыми башнями. *«Скотия»* должно быть проходила здесь, прежде чем Брюс достиг крайнего юга 6 марта 1904 года, и я знал из рассказа о том путешествии, а также из наших собственных наблюдений, что береговая линия простирается к юго-западу. Канал открытой воды вел вдоль барьера, и мы без задержек двигались вперед.

Утром 11-го января восточный бриз принес облачность и снег. Барьер уходил на юго-запад и юг и к 11 утра мы прошли вдоль него пятьдесят миль. Утром ледовые башни были высотой 20 футов, а к полудню выросли до 110 и 115 футов. Кромка стала выше на 20 - 30 футов. Мы были вынуждены отойти от барьера вдоль линии очень тяжелого пакового льда. Впереди, на западе и северо-западе просматривалась открытая вода с разорванным паком. Мы заметили внезапно появившегося и тут же исчезнувшего тюленя, явно пытавшегося поймать серебристую рыбу, по меньшей мере, восемнадцати дюймов длиной. В полдень мы находились на $73,13^{\circ}$ ЮШ и $20,43^{\circ}$ ЗД, Звукозондирование показало глубину 155 саженей на расстоянии мили от барьера. Дно состояло из большой вулканической гальки. Погода стала хмурой, я держал курс на запад до 7 часов вечера, где небо указывало на открытую воду, прежде чем мы причалили к льдине в разорванном паке. Пошел плотный снег, и я переживал, что западный ветер прибьет к побережью лед и зажмет корабль. Из-за этого в начале 1908 года мы едва не потеряли *«Нимрод»*.

Мы вышли в 5 часов утра на следующий день (12 января) в пасмурную погоду, сопровождаемую туманом и мокрым снегом, и через четыре часа прорвались сквозь сало в

открытую воду. Видимость была скверной, но мы продвигались на юго-восток и до полудня прошли 24 мили, три промера глубин на широте 74 градуса 4 секунды и долготе 22 градуса 48 секунд показали 95, 128, 103 сажень, в донном заборе были песок, галька и грязь. В заборе Кларк получил хороший набор биологических образцов. Сплошной лед тянулся на северо-запад, и мы проследовали вдоль его границы до чистой воды 48 миль на курсе 60 градусов СЗ.

Теперь мы находились за пределами точки, достигнутой «*Скотией*» и земля, лежащая в основании ледяного покрова, который мы огибали, была впервые исследованной. Она простиралась к северу, что было неожиданно, и я начал подозревать, что в действительности мы просто огибаем огромный язык припайного льда. Дальнейшие события подтвердили эти подозрения. Мы огибали пак всю ночь, придерживаясь вначале северо-западного курса, затем стали забирать к западу, и, наконец, на юго-запад. К 8 утра 13-го курс был юго-юго-запад. К полуночи край барьера стал низким и тонким, а в 8 утра это была лишь узкая полоска припая около двухсот ярдов в поперечнике, окруженная открытой водой. В одном месте барьер слегка выступал в сторону моря. Мы могли бы сгрузить туда снаряжение без особого труда. Мы сделали звукозондирование в 400 футах от барьера, но не достали образцов с 676 сажень. В 4 дня барьер все еще тянулся на юго-запад, мы достигли его крайней точки и обнаружили, что он круто уходит на юго-восток. Наш дальнейший путь преградил очень тяжелый пак, и после двух часов тщетных поисков прохода, мы пришвартовали «*Эндьюранс*» к льдине и скинули пар в котлах. В этот день мы прошли мимо двух колоний тюленей, быстро плывущих на северо-запад и север-северо-восток. Животные плыли близко друг к другу, выпрыгивая и ныряя словно дельфины, и мы подумали о том, есть ли какой-то смысл в их движении к северу в это время года. Несколько молодых императорских пингвинов были пойманы и доставлены на борт днем раньше. Двое из них были еще живы, когда «*Эндьюранс*» проходил рядом с льдиной. Они быстро спрыгнули на лед, развернулись, грациозно поклонились три раза, и потопали в сторону дальнего края льдины. Есть какие-то человеческие эмоции в повадках и движениях этих птиц. Я очень беспокоился за собак. Они находились в неважном состоянии и некоторые из них оказались больны. 12-го одну из собак пристрелили. 14-го мы так и не сдвинулись с места. Вечером поднялся восточный ветер и под его воздействием пак начало гнать от берега. Еще до полуночи вскрылся лед, преграждавший наш путь, и вдоль подножия барьера появилась полоска воды около фута шириной. Я решил дожидаться утра, не желая рисковать быть зажатым между барьером и паком в случае смены ветра. Звукозондирование показало глубину 1357 сажень, донный грунт состоял из ледниковой грязи. В полдень наши координаты были 74,09° ЮШ, 27,16° ЗД. Мы отдали швартовы в 6 утра 15-го января, в туманную погоду, сопровождаемую северо-восточным ветром, и пошли вдоль барьера по открытой воде. Вначале шестнадцать миль на курсе юго-восток, затем на юг-юго-восток. Сплошной пак был с наветренной стороны и в 3 часа дня мы прошли мимо бухты, где-то с десять миль вглубь и пошли на северо-восток. Похожая бухта показалась в 6 вечера. Эти глубокие прорезы усиливали впечатление, что уже несколько дней мы огибали огромную массу льда, по крайней мере, пятьдесят миль в поперечнике, тянущуюся от побережья и, возможно, готовую оторваться в любой момент. Промер глубины – где-то 200 сажень в сторону суши и 1300 сажень в сторону моря показал, что этот могучий выступ был на плаву. Тюлени были в изобилии. Мы видели их в большом количестве на льдинах и нескольких на нижней части барьера, где уклон был небольшим. Корабль прошел сквозь

большую стаю тюленей, плывущих от барьера в сторону пака. Животные плыли совсем рядом с «Эндьюранс» и Хёрли запечатлел их на кинокамеру с необычного ракурса.

Барьер снова потянулся на юго-запад. Под свежий восточный ветер был поднят парус, но в 7 часов вечера он был свернут, «Эндьюранс» на час задержал пак напротив барьера. Мы воспользовались паузой для промера глубины и получили 268 саженей с ледяной грязью и галькой. Затем впереди показался небольшой канал. Мы прошли сквозь него на полной скорости и в 8.30 вечера «Эндьюранс» двигался на юг на всех парусах по прекрасному простору чистой воды. Мы продолжали огibtать барьер в ясную погоду. Я высматривал возможные места для высадки, хотя на самом деле, не планировал высаживаться севернее залива Ванселя на Земле Луитпольда, разве что только в крайнем случае. Каждая миля, пройденная на юг, означала минус одну милю, которую придется пройти на упряжках после старта наземной экспедиции.

Незадолго до полуночи 15-го мы шли вдоль северного края гигантского глетчера, продолжения материкового льда, выступающего в море. Он был высотой 400 или 500 футов и его край представлял собой большую массу толстого характерного для заливов льда. К северу от глетчера показался залив, прекрасный для организации высадки. Плоский припай около трех футов выше уровня моря выглядел как естественный причал. От этого припая снежный склон поднимался на вершину барьера. Залив был хорошо защищен от юго-восточного ветра и был открыт только северному, который редко встречается в этих широтах. Промер глубины показал 80 саженей, это означало, что ледник был на мели. Я назвал это место Глетчер Бей, и позже у меня были причины вспоминать о нем с сожалением.

«Эндьюранс» прошел вдоль края этого ледяного потока около семнадцати миль. Ледник рассекали огромные трещины и высокие вздымающиеся хребты, которые прослеживались в направлении поднимающегося на высоту 1000 или 2000 футов ледяного склона. Некоторые заводи в его окончании были заполнены гладким льдом, усеянным тюленями и пингвинами. В 4 часа утра 16-го мы достигли края другого большого материкового ледника. Лед, казалось, стекал с низких холмов и был сильно разрушен. Утесы были от 250 до 350 футов высотой, поверхность льда на две мили вглубь земли была, вероятно, около 2000 футов. Ярко выраженная линия прилива высотой около 6 футов на фронтальной части ледяных башен указывала, что он лежал на дне. Мы проследовали вдоль края этого огромного ледника 40 миль, а затем, в 8.30 утра, были задержаны твердым паковым льдом, который, казалось, сцепился с прибрежными айсбергами. Глубина в двух кабельтовых от ледника была 134 сажени. Дальнейшее продвижение в этот день было невозможным, в полдень мы находились на $76,27^{\circ}$ ЮШ и $28,51^{\circ}$ ЗД, получилось, что мы прошли 124 мили к юго-западу за предыдущие двадцать четыре часа. День прошел не без происшествий. Окружающие нас айсберги были очень большие, некоторые более двухсот футов высотой, часть из них, судя по приливным отметкам, прочно сидели на мели. Шельфовый ледник, протянувшийся к северо-западу, был около 25 миль длиной. Мы протискивали корабль через гряду небольших айсбергов, из которых Вордье (*Джеймс Вордье - геолог*) выудил пару крупных кусков биотита гранита. Пока «Эндьюранс» медленно шел вперед впритирку с айсбергом слышался громкий грохот, и геологу пришлось немедленно вскарабкаться на борт. Группа этих айсбергов была особенно хорошо исследована, они оказались фрагментами моренного ледника. Позже днем восточный ветер усилился до штормового. Мимо нас со скоростью около двух узлов проплывали куски льдин, а пак с подветренной стороны начал быстро

ломаться. Айсберг с низкой осадкой вошел в разламывающийся пак и, столкнувшись с двумя большими припайными льдинами, оттолкнул их от берега. Все трое как в игре в шары разошлись в разные стороны. Мы укрылись под прикрытием большого сидящего на мели айсберга.

Метель, с востока-северо-востока вынудила нас остаться у айсберга весь следующий день (воскресенье, 17 января). Погода стояла ясная, но сильный ветер поднимал с земли плотные облака снега и большую часть времени скрывал береговую линию. “Земля, видимая в прозрачном воздухе, оказалась выше, чем мы думали накануне, вероятно она поднимается до 3000 футов у начала ледника. Побережье Кэрда, как я назвал его, соединяет Землю Котса, которую открыл Брюс в 1904 году с Землей Луитпольда, открытой Фильхнером в 1912-м. Его северная часть структурно схожа с Землей Котса. Передний край – пульсирующий барьер, выступающая часть могучих ледников, сползающих наружу с возвышенностей внутренней части Антарктического континента, по всей видимости покрывающих низкие холмы, равнины и мелководные моря, как некогда великий Арктический ледник северную Европу. Поверхность барьера, видимая с моря, имеет слабый золотисто-коричневый цвет. Он обрывается, как правило, ледяными утесами высотой от 10 до 300 футов, но в очень немногих местах, ниспадает вровень с уровнем моря. Ледяные утесы имеют ослепительную белизну с удивительными голубыми оттенками. Далеко вглубь земли видны высокие склоны, кажущиеся скорее бледно-синими или бледно-золотистыми кудрявыми облаками. Эти далекие склоны становятся ближе и четче по мере продвижения к юго-западу, но и ледяные утесы барьера становятся все выше и, по-видимому, устойчивей. Сейчас мы находимся недалеко от границы Земли Луитпольда. В южной оконечности Побережья Кэрда ледниковый покров имеет волнообразный характер, он обрывается вниз крутыми склонами огромных ледников, оцетинившись гребнями, остроконечными башнями и тысячами трещин. На всем протяжении побережья мы не видели ни клочка земли или скал. Хоть бы один нунатак внес разнообразие в унылый пейзаж льда и снега. Но все равно, простирающиеся вверх к горизонту ледовые склоны, гребни, террасы, трещины, которые появляются по мере приближения к морю, многое говорят о холмах и долинах, лежащими под ними.”

«Эндьюранс» пробыл под прикрытием айсберга до 7 часов утра 18 января. Буря на время стихла, и мы пошли под парусом к юго-западу сквозь канал, что открылся у переднего края ледника. Мы огибали глетчер до 9.30 утра, пока он не оборвался двумя заливами, открытыми с северо-запада и защищенными сидящими на мели айсбергами с запада. Побережье за ними уходило на юго-юго-запад полого поднимающимися склонами.

«Пак вынудил нас идти на запад 14 миль по протяженному каналу из труднопроходимой мешанины обломков больших ледяных глыб и гроулеров. Мы идем только под фор-марселем, двигатель остановлен для защиты гребного винта. Канал вывел нас в открытую воду, по которой мы прошли 24 мили на курсе 50 градусов ЮЗ. Затем мы снова столкнулись с паком, который вынудил нас пройти на северо-запад 10 миль, прежде чем мы вошли в тяжелую шугу вперемешку с обломками крупных разрушенных льдин. Пак изменился. Льдины очень толстые и покрыты глубоким снегом. Обломки, плавающие между льдин, также толстые и тяжелые, и мы не можем идти сквозь него без большого расхода мощности, разве что только на короткие расстояния. Поэтому мы легли в дрейф в ожидании вскрытия пака и прекращения северо-восточного ветра.”

Утром 19-го мы находились на 76,34° ЮШ и 31,30° ЗД. Погода стояла хорошей, но

обстановка не изменялась. Ночью лед сомкнулся вокруг корабля, открытая вода не просматривалась во всех направлениях. Несколько каналов были замечены лишь с топ-мачты. Промер глубины дал 312 саженой, пробы грунта - грязь, песок и гальку. Слабые очертания земли были видны на востоке. Мы ждали, пока условия улучшатся, и ученые воспользовались удобным случаем, чтобы получить биологические и геологические образцы. Ночью внезапно задул штормовой северо-восточный ветер, и 20-го выяснилось, что корабль находился в плотном окружении льда. Сплошной паковый плотный лед окружал все вокруг «Эндьюранс» настолько далеко, насколько было видно с топ-мачты. В обстановке ничего не менялось, и в этот, и в последующие дни мы с возрастающей тревогой просто ждали. Восточно-северо-восточный штормовой ветер, который вынудил нас укрыться за сидящим на мели айсбергом 16-го января, сменился на северо-восточный и продолжался с разной интенсивностью до 22-го числа. Очевидно, что этот ветер согнал лед в бухту моря Уэдделла, и корабль теперь дрейфовал на юго-запад вместе с окружающими его льдинами. Незначительное волнение льда вокруг корабля стало угрожать рулю 21-го, и нам пришлось срезать лед ледовыми пилами, этими тяжелыми кусками железа с 6-футовыми деревянными рукоятками. Мы поддерживали пар в котлах в готовности начать движение, как только представится удобный случай. 22-го января земля находилась в поле видимости на востоке и юге приблизительно в шестнадцати милях. Прибрежный лед, казалось, был с ледяными башнями на всем протяжении, но тут и там его склоны спускались вниз до уровня моря. Крупные, рассеченные трещинами террасы, параллельные побережью, показывали, где ледник движется вниз через перегибы долины. Внутренний лед казался большей частью волнистым, гладким, медленно стекающим вниз, но многие трещины, возможно, были скрыты от нас лежащим на поверхности снегом или отсутствием теней. Я полагал, что земля возвышается до высоты 5000 футов на сорок или пятьдесят миль вглубь материка. Точная оценка высоты и расстояний в Антарктике всегда трудна благодаря чистому воздуху, монохромной окраске и обманчивым эффектам миража и преломления света. Земля, поднимающаяся вверх на юге, где мы видели ее линию или край ледяного щита, возможно, была и в семидесяти милях, а возможно еще дальше.

В воскресенье 24 января стоял ясный солнечный день, с мягким восточным и южным ветром. Открытой воды не было видно с топ-мачты, но были видны небольшие ее отсветы в небе на западе и северо-западе. *“Впервые за десять дней ветер сменился с северо-восточного и восточного, из которых пять дней он был штормовым. Очевидно, что лед стал плотно сжат в этом секторе и теперь мы должны терпеливо ждать, пока либо южный шторм, либо что-то еще вскрыет лед. Мы медленно дрейфуем. Днем наше положение 76,49 градусов южной широты, 33,51 западной долготы. Уорсли и Джеймс, работая на льдине с магнитометром Кью, обнаружили погрешность в шесть градусов на Запад”*. Незадолго до полуночи в пятидесяти ярдах от корабля открылась протока в пять ярдов шириной и с милей длиной. Трещина расширилась до четверти мили к 10 утра 25-го и в течение трех часов мы пытались заставить корабль войти в эту протоку при помощи двигателя и всех поднятых парусов. Единственным результатом стало освобождение руля ото льда, и, убедившись в тщетности дальнейших попыток, я их прекратил. Позже днем Кри́н (Том Кри́н – второй помощник) и еще двое человек находились за бортом на краю большой льдины, которая попала под корабль и, похоже, препятствовала его движению. Внезапно лед откололся, взлетел вверх, и опрокинулся, придавив Кри́на между ее краем и основанием словно клешнями. Спустя несколько мгновений, что он был в опасности, мы его,

отделавшегося парой синяков, освободили.

Последующие дни прошли однообразно. Умеренный бриз с востока и юго-запада не возымел никакого видимого влияния на лед, и корабль по-прежнему оставался крепко зажатым. 27-го, на десятый день бездействия, я решил заглушить котлы. Мы сжигали по полтонны угля в день, поддерживая пар в котлах, и так как в бункерах оставалось теперь только 67 тонн, что составляло тридцать три дня хода под паром, мы не могли больше позволить себе понапрасну его тратить. Земля по-прежнему виднелась на горизонте в ясную погоду. Биолог получил несколько интересных образцов с пробы грунта на различных глубинах. Промер глубины 26-го дал 360 саженей, а другой, 29-го 449. Дрейф продолжался на запад, определение нашего положения 31-го (в воскресенье) показало, что корабль продрейфовал за неделю восемь миль. Джеймс и Хадсон настроили радиоприемник в надежде услышать ежемесячную передачу с Фолклендских островов. Эта передача должна была быть около 3.20 утра на следующее утро, но Джеймс сомневался, что мы примем хоть что-то нашим маленьким аппаратом на расстоянии в 1630 миль от радиопередающей станции. Мы, как и ожидали, ничего не слышали, дальнейшие попытки были так же безуспешными. В нашей ситуации это было бы сложно даже с приемником более высокой мощности.

Во время вынужденного ожидания мы постепенно пополняли запасы тюленьего мяса. Свежее мясо было необходимо собакам, а отбивные из тюленьего мяса и печени вносили заметное разнообразие в наш рацион. Четыре крабоеда и три тюленя Уэдделла, более тонны мяса для собак и людей, были подстрелены нами 2 февраля и поэтому все были заняты большую часть дня доставкой их туш на корабль. Мы спустили на лед трое волокуш и приволокли на них тюленей с расстояния около двух миль, направление движения санных партий через ледяные гряды и полыньи указывалось семафором с «вороньего гнезда». Еще пара тюленей была замечена на дальней стороне большой полыньи, но я не разрешил их преследовать. Местами лед был очень ненадежен, тонкие наледы скрывали трещины и проталины, и я не хотел рисковать зазря.

Трещина около четырех миль длиной вскрылась с кормы корабля 3-го февраля. Узкая полоска канала оставалась открытой, но было не похоже, что это результат каких-то глобальных процессов, вызванных дующим легким бризом. Рано утром 5-го февраля задул северо-восточный штормовой ветер, принесший пасмурную погоду и густой снег. Вскоре пак стал расходиться и сходиться, но без особого видимого эффекта. В полдень корабль внезапно накренило на более чем три градуса. Сразу после этого вперед от бака побежала трещина, образуя проход, и еще одна за кормой. Я подумал, что может быть возможно по одной из них вывести корабль на открытую воду, но сквозь густой снег ничего не было видно, а пока заводили двигатель пак снова закрылся. Северный шторм уступил место слабому западному бризу только 6-го. Пак выглядел наиболее прочным, чем когда-либо. Он простирался сплошным покрывалом до самого горизонта куда не кинь взгляд, и ситуация ухудшалась из-за очень низкой температуры воздуха в последующие дни. В ночь на 7-е она упала до нуля (-17°C), а 8-го была и вовсе два градуса ниже нуля (-20°C). Это похолодание в разгар лета было весьма некстати, с нашей точки зрения, поскольку оно укрепило лед, и сжало в его тисках корабль. Продолжался медленный дрейф на юго-запад, иногда мы замечали случайные отблески далекой земли на востоке. Наши координаты 7-го февраля были $76,57^{\circ}$ ЮШ, $35,7^{\circ}$ ЗД. Промер глубин 6-го и 8-го дал в заборе ледниковую грязь на 630 и 529 саженях.

9-го «Эндьюранс» находился в полынье, заполненной свежееобразованным льдом. Твердые льдины несколько ослабили свое давление на корабль, но по-прежнему плотно его окружали. Погода стояла туманная. Мы почувствовали с севера легкое волнение льда, и это движение породило надежду на наличие недалеко от нас открытой воды. В 11 часов утра пак разорвала длинная трещина, протянувшаяся с востока на запад настолько далеко, насколько можно было рассмотреть сквозь туман, я отдал приказ поднять пар в надежде прорваться к ней. Все усилия оказались напрасными. Мы смогли разбить молодой лед, но не окружающий нас старый. Еще одна попытка была предпринята 11-го, ясным солнечным днем. Температура оставалась низкой, в полночь почти -20С. После разрушения нескольких льдин свежего льда «Эндьюранс» оказался зажат между молодых льдин. Двигатель, работающий на полной мощности, не давал никакого эффекта и все вылезли на палубу на «раскачку». Собачьи конуры посреди палубы делали возможным собраться людям только на корме, где они бросались из стороны в сторону в ограниченном пространстве около штурвала. Это выглядело забавно, люди падали друг на друга крича и смеясь, но не оказывая заметного влияния на корабль. Он оставался неподвижным, и хотя все действовали по единой команде, в итоге бросили это занятие. Мы были сейчас в полной готовности воспользоваться любым шансом, который только сможет появиться. Окружавший нас лед был прочным, я полагал, что сегодня у нас мало шансов сдвинуться с места, и сказал спустить на лед трактор с лебедкой для пробного запуска. Пуск оказался успешным, трактор выдал скорость около шести миль в час по плоскому с застругами льду, покрытому на фут или два мягким снегом. Его поверхность была хуже, чем мы ожидали встретить на суше или шельфовом леднике. При помощи лебедки сани сами вернулись обратно по 500-метровой стальной проволоке и были подняты обратно на борт. *“Наблюдаемые с топ-мачты миражи постоянно вводят нас в замешательство. Все вокруг кажется нереальным. Айсберги свешиваются с небес, а земля выглядит как прослойка золотых или серебряных облаков. Слои облаков выглядят словно земля, а айсберг маскируются под острова или нунатаки, бросается в глаза далекий барьер на юге, хотя в действительности он вне нашего поля зрения. Худшим из всего этого была обманчивая видимость открытой воды, вызванная преломлением света от находящегося за линией горизонта моря...”*

Вторая половина февраля не внесла существенных изменений в наше положение. Рано утром 14-го я распорядился поднять пар в двигателе и отправил всех на лед с ледовыми пилами, пробойниками и кирками. Мы напряженно работали весь день и на протяжении большей части следующего дня, пытаясь пробиться к открывшемуся впереди каналу. Мужчины резали молодой лед с носовой части судна и с большими усилиями оттаскивали его в стороны. Через двадцать четыре часа работы мы прошли лишь треть пути. Еще около 400 ярдов тяжелого пака с вкраплениями старого блинчатого льда отделяли «Эндьюранс» от открытой воды и я с неохотой был вынужден признать бесполезность дальнейших усилий. Каждая сделанная нами прорубь быстро замерзала из-за необычно низкой температуры. Молодой лед был слишком эластичным, и, с одной стороны, не позволял сильными ударами корабля расщеплять льдины, а с другой стороны не позволял старому льду раздвигаться. Отказ от дальнейших попыток вызвал большое разочарование у всего экипажа. Люди работали долгие часы без мыслей об отдыхе и заслужили право на успех. Но он был вне наших возможностей. Я не терял надежды вырваться, но приходилось считаться с возможностью провести зиму в негостеприимных объятиях льда. Солнце, которое было выше горизонта в течение последних двух месяцев, 17-го пошло на убыль (закончился

полярный день), и хотя оно не исчезнет до апреля, его косые лучи предупреждали нас о приближении зимы. Полыньи и каналы иногда появлялись, но очень быстро замерзали.

Мы продолжали запасаться тюленьим мясом, поэтому вылазки на льдины, чтобы подстрелить и доставить тюленей обеспечивали всех интересной работой. Три крабоеда, подстреленные 21-го не были, словно быки, у отверстия, из которого они выползли, была видна кровь. Мы предположили, что животные стали жертвой косатки. Этих агрессивных созданий было часто видно в каналах и полыньях, и мы всегда с опасением относились к их неумению отличить тюленя от человека. Ее ящероподобная голова на время показывается из воды и озирает льдины своими злобными глазами. Затем косатка ныряет, чтобы несколькими мгновениями спустя вынырнуть под неудачно расположившимся на отдых тюленем. Уорсли даже осмотрел место, где косатка проломила дыру 8 на 12 футов 12½ дюймового жесткого льда, покрытого 2½ дюймовым слоем снега. Большие блоки льда были разбросаны по поверхности льдины. Как то Вордье, занимаясь измерением толщины молодого льда, прошел через его наиболее тонкое место, как тут же косатка ударила в него, подплыв из прилегающего рядом канала. Товарищи вытащили его незамедлительно.

22-го «Эндьюранс» достиг самой южной точки дрейфа на 77-й широте 35 западного меридиана. Лето заканчивалось, хотя летом его можно было назвать с натяжкой. Температура оставалась низкой и днем и ночью, лед прочно сомкнулся вокруг корабля. В 2 часа ночи 22-го термометр показывал 10 градусов ниже нуля (-23С). Несколькими часами ранее мы наблюдали за чудесным золотистым туманом на юге, где лучи заходящего солнца просвечивали сквозь поднимающийся ото льда пар. В таких условиях все привычные перспективы исчезают, и невысокие гряды в паке, с туманом, лежащим между ними, порождают ассоциацию с горными пиками Бернского Оберленда. Я не сомневался теперь, что «Эндьюранс» будет зимовать. Легкий бриз с востока, юга и юго-запада не оказывал ни малейшего влияния на твердые льдины. Тюлени исчезли, птицы покинули нас. Земля, видимая в хорошую погоду далеко на горизонте, была вне нашей досягаемости, и сожалеть о гавани, которую мы прошли ранее, было бессмысленно.

«Мы должны дождаться весны, которая может быть принесет нам удачу. Если бы месяц назад я знал, что мы окажемся в таком положении, я бы основал наш базовый лагерь на побережье у огромного ледника. Но тогда не было оснований думать, что судьба окажется такой недоброжелательной. Безветренная погода с сильными холодами в разгар лета, безусловно, является событием исключительным. Моя главная тревога - дрейф. Куда бродячие ветра и течения отнесут судно за долгие зимние месяцы, что ждут нас впереди? Нас отнесет на запад, сомнений нет, но как далеко? Будет ли возможно вырваться из ледяного плена в начале весны и достичь залива Ванселя или другого подходящего места? Это очень важные вопросы для нас».

24 февраля мы закончили с обычной корабельной рутинной и «Эндьюранс» стал зимней базой. Все занятые в течение дня ночью спали, за исключением дежурного, который присматривал за собаками и наблюдал за подвижками льда. Мы расчистили пространство в 10 на 20 футов вокруг руля и гребного винта ото льда 2-х футов толщиной, подняв его парой клещей, сделанных плотником. Крин использовал поднятые блоки, чтобы сделать ледяную конуру для собаки Салли, которая родила щенков. Изредка появлялись тюлени, и мы убивали всех, кто был в пределах нашей досягаемости. Они являлись источником топлива и продовольствия для мужчин и собак. Были отданы указания очистить кормовой трюм и провести ревизию припасов, чтобы мы точно знали, как провести антарктическую зиму. На

следующий день спустили на лед собак. Их конуры разместили на льдине по длине веревки, которой они были скреплены. Псы, казалось, от души были рады покинуть корабль, и громко радостно визжали, словно переехали в новые жилища. Мы начали тренировки санных упряжек, и сразу же между каюрами началось соперничество. Плоские льдины и замерзшие каналы в окрестностях корабля создавали превосходные условия для тренировок. Хоккей и футбол были нашим главным способом отдыха, и все объединялись для напряженных игр. 26-го Уорсли с командой начал строительство линии снежных иглу и «доглу» вокруг судна. Эти небольшие сооружения были сродни эскимосских домов, большие ледяные пирамиды с тонким отверстием в крыше. Они обкладывались досками или тюленьей кожей, сверху присыпались снегом, а затем обливались водой, которая скрепляла конструкцию. Эти ледяные строения, покрытые снегом, предназначались для собак, которые предпочитали, однако, спать снаружи, за исключением случаев, когда погода была необычайно суровой. Решение вопроса привязи собак было необычайно простым. Конец цепи закапывался на восемь дюймов в снег, обкладывался осколками льда и поливался небольшим количеством воды. Ледяное дыхание Антарктики цементировало его в несколько минут. Четверо больных собак были застрелены. Некоторые собаки страдали от болезни, и лекарства, имеющиеся в нашем распоряжении, к сожалению, не помогали. Все здоровые собаки тренировались в составе санных упряжек, и делали это с энтузиазмом. Иногда их излишнее рвение выглядело смешным, но каюры научились быть начеку. Радио было постоянно настроено, но мы так и не услышали субботние сигналы точного времени с Нью Йе Айленд (*Тасмания*), заказанные специально для нас правительством Аргентины. В воскресенье, 28-го, Хадсон ждал в 2 часа ночи ежемесячные сигналы из Порта-Стэнли, но ничего не услышал. Очевидно, расстояние было слишком велико для нашей небольшой радиостанции.

ГЛАВА III

ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ

Март месяц начался с сурового северо-восточного шторма. Утром 1 марта на льдине были подстрелены пятеро тюленей Уэдделла и два крабоеда, пока их туши доставляли на волокушах дул сильный ветер с периодическими зарядами снега. Мужчины даже были вынуждены бросить часть ворвани и мяса, настолько трудно было вернуться на корабль по льду с сильными застругами, наметенными бурей. Шторм продолжался до 3-го, и все были заняты расчисткой межпалубного пространства, которое должно было быть перестроено в гостиную и столовую для офицеров и ученых. Плотник установил в этой комнате печку, которая предназначалась для использования в хижине на берегу, все было сделано очень аккуратно. Собаки, казалось, были к снежной буре равнодушны. Они изредка вылезали, чтобы встряхнуться и полаять, но большую часть времени просто лежали, свернувшись калачиком под снегом. Одна из старых собак, Сайнт, умерла в ночь на 2-е, врачи сказали, что причиной смерти стал аппендицит.

Когда шторм стих, мы обнаружили, что пак, прибитый с северо-востока, теперь стал еще более сжатым, чем прежде. Новый айсберг, где-то пятнадцать миль в длину, появился на горизонте к северу. Айсберги в поле нашего зрения становились привычными объектами, и

некоторым из них мы дали свои названия. По-видимому, все они дрейфовали с паковым льдом. Наблюдение за новым айсбергом вызвало большой интерес, так как в этом сравнительно мелководном море такому большому айсбергу было легко сесть на мель. Тогда остров льда стал бы центром огромного сжатия и вызвал волнение среди дрейфующего пака. Мы уже наблюдали такое сокрушительное противостояние между айсбергом и льдиной и не хотели, чтобы беспомощный «Эндьюранс» участвовал в этой битве гигантов. 3-го марта тюленье мясо и ворвань были сгружены на торосы вокруг корабля. Замороженные туши были прикопаны в лед. Лед, хотя и прочный и твердый, никогда не укрепляется под лишним весом. Вещь, положенная на льдину со временем как бы утапливается в поверхность льда. Затем подсоленная вода просачивается сквозь нее, и она становится вмороженной в льдину.

Шторм сменила ясная погода, и мы наблюдали последовательность «ложных солнц» (*паргелий*). Минусовая температура стала нормой, 6-го марта было -21 (-28С). Из мешков, наполненных соломой и прочим мусором, мы сделали для собак матрасы, большинство животных были рады получить их в свои будки. Некоторые из них очень страдали от тающего от тепла тел снега, а затем замерзающего. Научный персонал экспедиции был все время занят. У метеоролога была его исследовательская станция, включающая анемометр, барограф и термограф, установленная на корме. Геолог исследовал лучшее из того, что у него было в этой непростой для него ситуации, но и без работы не оставался. Камешки, найденные в пингвинах, представляли большой интерес, а также некоторые фрагменты скал, поднятые с морского дна во время забора проб. 7-го Вордье и Уорсли нашли несколько небольших камешков, кусок мха, превосходную двустворчатую раковину, и какую-то пыль на фрагменте айсберга, и с гордостью принесли свои сокровища на корабль. Кларк часто пользовался бреднем, который обеспечивал его хорошим набором *планктона*, редкие образцы которого представляли большой научный интерес. Тюленей было мало, но наши запасы мяса и ворвани постепенно росли. Все с удовольствием ели тюленье мясо и не желали переходить на мясные консервы из корабельных запасов. Мы предпочитали Уэдделлу крабоедов. Крабоеды казались свежее и здоровее. С нами по-прежнему были косатки. 8-го мы рассмотрели место, где лед был пробит ударом снизу, нанесенным, по-видимому, большим китом в поисках места для дыхания. Сила, с которой был нанесен удар, была поразительной. Плиты льда 3 футов толщиной (ок. 1 м) и весом в тонны, были разбросаны вокруг в радиусе около 13 футов (4 м), а трещины расходились наружу на более чем 20-футов (6 м).

Кубрики в межпалубном пространстве были оборудованы к 10-му и мужики осваивали построенное жилье. В самом большом кубрике расположились Маклин (*врач*), Маклрой (*второй врач*), Хёрли и Хасси, его называли “Биллабонг” (*заводь*). Кларк и Вордье жили напротив, в кубрике с названием “Олд Рикки” (*Старина Рикки*). Затем шла обитель “Натс” (*гайки*) инженеров, потом “Сэйлор рест” (*отдых матросов*), занятая Читамом (3-м *помощником*) и Макнишем (*плотником*). “Анкоридж” (*якорная стоянка*) и “Фумарола» были на другой стороне. Новые апартаменты стали называть “Ритц” (*хоромы*), и еду подавали, как в номера. Завтрак - в 9 утра, обед в час дня, чай в 4 дня и ужин в 6 вечера. Уайлд, Марстон (*художник*), Крин и Уорсли обосновались в кают-компании и к середине месяца все занялись зимней рутинной. Я жил в одиночестве на корме.

11-го Уорсли, Хёрли, и Вордье прогулялись до большого айсберга, названного нами Бастионом. Расстояние до него было 7 с половиной миль, всего же группа прошла около 17-ти. Хёрли сделал несколько его снимков, а Вордье вернулся радостный с небольшим

количеством налета пыли и мхом.

«В радиусе мили от айсберга тонкий молодой лед, но достаточно крепкий, чтобы с осторожностью пройти по нему», - писал Уорсли. «Зона опасного сжатия, если говорить о корабле, не похоже, что распространяется более чем на четверть мили от айсберга. Здесь трещины и постоянное легкое волнение, которое захватывает дух у путешественника, когда он чувствует его под своими ногами. Сжатие порождает разные причудливые звуки. Мы слышали постукивания, словно молотком, ворчание, стоны и скрипы, звуки электрического трамвая, пение птиц, свист кипящего чайника и редкий треск больших льдин, освобождающихся от давления, вздымающихся и переворачивающихся. Мы заметили всевозможные причудливые формы льда, такие как огромные пузыри или купола в 40 футов шириной и 4 или 5 футов высотой. Большие волнообразные блинчатые пласты льда лежали на льдине в разных местах, а в одном месте мы насчитали пять таких пластов, каждый в 2½ дюйма толщиной внахлест друг на друга. Они выглядели так, словно были сделаны из ячменного сахара (леденцы).»

14-го мы находились в точке с координатами 76 градусов 54 секунды ЮШ и 36 градусов 10 секунд западной долготы. Земля еле проглядывалась на юго-востоке в 36 милях. Несколько коротких каналов были видны с корабля, но окружавший нас лед был тверд. «Эндьюранс» продолжал дрейфовать на северо-запад.

Я заглушил котлы 15-го, около 200 кг угля в день сохраняло их от промерзания, но и с этим было завершено. В бункерах оставалось 52 тонны угля, повседневное потребление печи составляло около 250 кг. Для решения весенних задач угля было немного, и я рассчитывал на ворвань. 17-го умеренный штормовой ветер с северо-востока вызвал поземку. К вечеру прояснилось, и перед нашими глазами предстал прекрасный алый закат. В это же время высоко в небе появились очертания ледяных утесов, это был мираж, естественно ни о какой земле не могло и быть речи. На следующий день эффект повторился еще более ярко, ледяные утесы появлялись над горизонтом двойными и даже тройными параллельными слоями, иногда вверх тормашками. Возможно, мираж возник от преломления света у полосы открытой воды вблизи земли, из-за теплого слоя воздуха вблизи ее поверхности. Промер глубины показал 606 саженей, забор ледниковую глину. Шесть дней спустя, 24-го, 419 саженей. Мы медленно и верно дрейфовали вдоль береговой линии, и это убедило меня, что мы должны оставаться на корабле до тех пор, пока он не освободится. Я рассматривал возможность достигнуть земли по льду весной, но опасность такого предприятия будет слишком велика.

Тренировки собак в санных упряжках проходили успешно. Команды, используемые для управления ими, были такие: “Муш” (вперед), “Джии” (направо), «Хау» (налево) и “Хуа” (стоп). Эти команды, давно используемые канадцами, изначально были английскими. По-первой между собаками было довольно много грызни, но потом собаки уяснили свои места и обязанности в упряжке и работа каюров стала эффективной. В каждой упряжке был свой лидер и ее эффективность во многом зависела от готовности и способности этой собаки наказывать других за непослушание. Мы научились не вмешиваться в этот дисциплинарный процесс, если, конечно, он не грозил членовредительством. Каюры на свое усмотрение могли либо ехать на санях, либо бежать сбоку от упряжи. Преобладающая минусовая температура делала верховую езду очень непопулярной, и мужчины предпочитали, как правило, бежать или идти рядом с санями. Мы по-прежнему теряли наших собак из-за болезни, вызванной кишечным вирусом.

Добыча донных образцов на различных глубинах была одной из наших обязанностей в течение этих дней. Сама драга и несколько сотен метров линия делали для ученых подъем слишком тяжелым без посторонней помощи. 23-го, например, мы опустили 2-х футовую драгу на 650 саженей. Драга, вынутая четыре часа спустя, содержала много ледниковой грязи, немного гальки и осколков скал, три губки, несколько червей, *брахиоподы* и *фораминиферы*. Ее подъем был тяжел, а когда ее подняли на поверхность, то она быстро замерзла, и определить тип вкраплений было сложно. Выборка, сделанная 26-го, стала настоящим подарком для геолога, получившего кусок песчаника весом в 75 футов, куса ископаемого известняка, фрагмент слоистого сланца, крупнозернистый песчаник и камешки. Поднимать драгу вручную было очень тяжело, и 24-го мы использовали двигатель Джирлинга, который поднял 500 метров линия за тридцать минут, включая остановки. Одна остановка была вызвана водой, попавшей на фрикцион и замерзшей. День или два спустя мы слышали на льдине громкий крик и обнаружили танцующего Кларка, выкрикивающего шотландские боевые кличи. Он добыл первый экземпляр антарктической рыбы, по-видимому, неизвестной науке.

Миражи появлялись часто. 29-го нас окружил край шельфового ледника, причем он был даже там, где мы точно знали, что там лишь глубокое море.

“Айсберги и торосы появляются в небе, где искажаясь, принимают самые причудливые формы. Они поднимаются ввысь, расплываясь в длину на разных высотах, затем сжимаются и исчезают, не оставляя ничего, кроме слегка дрожащего марева, которое то появляется, то исчезает. Вот и сейчас оно набухает, растет, обретает форму, пока не станет идеальным перевернутым отражением айсберга на горизонте, парящей тенью реальности. Такие участки дрожащего воздуха появляются повсеместно. Вот они расходятся в длинные линии, пока не соединятся друг с другом, и вот мы уже в окружении сияющих снежных утесов, омываемых снизу водами иллюзии, в которой они отражены. Затем появляются тени и безмолвно двигаются, исчезая вместе с закатом солнца. Мы, кажется, беспомощно дрейфуем в странном мире нереальности. И тем приятнее чувствовать под ногами палубу корабля и смотреть с нее вниз на знакомую линию собачьих конур и снежных игл на льдине.”

Окружающие нас льдины оказались не так прочны, как выглядели. Мы должны были постоянно помнить, что прожорливое море было совсем рядом, и что льдины были крайне ненадежными друзьями, они могли в любой момент разойтись под любым из нас. К концу месяца я загрузил все наши запасы тюленьего мяса и ворвани обратно на борт. В последний день марта глубина под нами была 256 саженей. Интересно, что за 30 дней дрейфа и пройденных 39 миль на курсе 26 градусов к северо-западу постоянно мелеет. Море стало мелеть, как только мы стали дрейфовать в северном направлении, а это грубо означало, что контурная линия стала восток-запад (*видимо речь идет о контуре материковой отмели (подножья)*). С 19 января, когда корабль вмерз в лед, по 31 марта, за семьдесят один день мы в общей сложности продрейфовали 95 миль на среднем курсе 80 градусов к северо-западу. Окружающие нас айсберги не меняли своего относительного положения.

Солнце в небе опускалось все ниже, температура за бортом падала, «Эндьюранс» охватывали ледяные щупальца зимы. Два северо-восточных шторма в начале апреля укрепили пак. Молодой лед быстро утолщался, и хотя каналы изредка были видны с корабля, значительных разводий в нашем районе не наблюдалось. Рано утром 1 апреля мы снова слушали радиосигнал из Порты-Стэнли. Ребята привязали три 6 метровых балды к топ-мачте,

чтобы увеличить площадь нашей антенны, но нам так и не удалось ничего услышать. Впоследствии их пришлось снять, поскольку мы обнаружили, что веревки не выдерживают массу накопившегося инея. Звукозондирование показало, что море оставалось мелководным пока «Эндьюранс» дрейфовал на северо-запад. 2 апреля глубина была 262 саженей, в заборе ледниковая грязь. Четыре недели спустя звукозондирование показало 172 сажени. Наличие щебня в донных пробах к концу месяца говорило о том, что мы снова приближались к земле.

Месяц прошел не без приключений. Ночью 3-го мы слышали звуки ломающегося льда к востоку от нас, и утром увидели, что молодой лед местами был вздыблен на 8 - 10 футов в высоту. Это было первым предостережением об опасности, пропорционально нарастающей с каждым дальнейшим месяцем. Лед ломался и скрипел 4-го и корабль слегка подрагивал. Подвижки льда основательно мешали работам по магнетизму. Я распорядился собрать в кучу вдоль «Эндьюранс» как можно больше снега, льда и мусора, так, чтобы в случае начала давления льда убрать вес судна, и оно поднималось над поверхностью льда. Все без исключения целый день работали кирками и лопатами, перетаскивали много тонн. 9-го опять появились признаки сжатия. Молодой лед вздыбило на высоту 11 футов за кормой корабля, старая льдина местами пошла трещинами. Подвижка не была серьезной, но я понял, что это может оказаться началом неприятностей для экспедиции. Мы перенесли некоторое количество запасов на борт и расчистили на палубе места для собак, на тот случай, если их понадобится быстро снять с льдины. Мы натянули 500 метровую стальную проволоку вокруг судна, конур, снежных хижин, а также сделали петлю к месту, где использовалась драга. Провод крепился на ледяных пилонках (*столбах конусообразной формы*) и обеспечивал безопасность в плохую погоду, когда видимость из-за идущего снега была ограничена, и человеку было легко потеряться. Я разрезал эту проволоку в пяти местах, так как иначе она могла принести большой вред в случае внезапного раскола льда.

Собаки были поделены на шесть упряжек по девять в каждой. У каждой из упряжек были свои наставники: Уайлд, Крин, Маклин, Маклрой, Марстон и Хёрли, они полностью отвечали за тренировки, обучение и кормление своих питомцев. Они же следили за их здоровьем. Мы по-прежнему теряли некоторых из собак от инфекции, и, к сожалению, врачи были беспомощны. Препарат от глистов был предоставлен канадским кинологом, которого я нанял перед отплытием, и когда он не смог присоединиться к экспедиции, дело приняло скверный оборот. К началу апреля у нас оставались пятьдесят четыре собаки и восемь щенков, некоторые были больны, и к концу месяца число здоровых собак сократилось до пятидесяти. Наши запасы тюленьего мяса и ворвани составляли около 5000 фунтов (*ок. 2250 кг*), и я посчитал, что их хватит для кормления собак на девяносто дней без вмешательства в санные рационы. Упряжки работали хорошо, зачастую с тяжелыми нагрузками. Самым большим псом был Геркулес, который тянул на 86 фунтов (*почти 40 кг*). Самсон был на 11 фунтов легче, но он оправдал свое имя, когда однажды с легкостью тащил сани с 200-ми фунтами ворвани и каюром.

Новый айсберг, который дал повод для беспокойства, появился 14-го. Это был большой исполин, лежащий на горизонте к северо-западу, у восточного конца которого вздымались торосы и появлялись трещины. В течение дня этот айсберг незначительно увеличился в размерах и не поменял своего положения. Было очевидно, что он сидел на мели на пути дрейфующего пака. Звукозондирование в 11 утра показало 197 саженей, забор - камни и обломки скал. В течение следующих суток «Эндьюранс» несло к испещренному трещинами айсбергу, который к этому времени вдвое вырос в размерах. Мы видели с топ-мачты, как пак

курочило напротив этой массы льда, и можно было легко представить себе, что стало бы с кораблем, если бы он попал в эту область. Он был бы раздавлен этой всесокрушительной силой, словно яичная скорлупа.

Вечером 15-го Уорсли, который находился в «вороньем гнезде» и с которого высматривал признаки земли к западу, рассказал об интересном природном явлении. О закате солнца в сиянии радуги прямо над горизонтом (видимо речь идет о т.н. зимней радуге). С минуту Уорсли наблюдал золотое свечение, которое растягивалось, и внезапно над западным горизонтом вновь на полдиаметра появилось солнце. Он окликнул Крина, который находился на льдине 90 футами ниже «вороньего гнезда» и тот также увидел повторное рождение солнца. Четверть часа спустя Уорсли с палубы увидел закат солнца во второй раз. Этот странный феномен был вызван или миражом или преломлением света. Мы связали его с трещинами во льду на западе, где были участки открытой воды с теплой прослойкой воздуха.

Дрейф пака был непостоянным, и в течение следующих дней покрытый трещинами айсберг то приближался, то удалялся, пока «Эндьюранс» двигался вместе со льдами. В воскресенье, 18 апреля, он находился в семи милях от корабля.

“Это очень большой айсберг, около трех с четвертью миль длиной обращенной к нам стороны и, вероятно, более 200 футов ввысь. Он весь в глубоких трещинах, словно сераки ледника. Две особо широкие и глубокие трещины пронизывают его с юго-востока на северо-запад, разламывая его. Огромные массы сдавливаемого льда вздыбливаются напротив его утесов на высоту около 60 футов, демонстрируя колоссальную мощь, которую оказывает на него дрейфующий пак. Айсберг, должно быть, крепко сидит на мели. Мы с пристальным вниманием следим за показаниями стрелки гидрометрической вертушки (прибора для измерения течений, прим.), чтобы засечь, где она будет неподвижна. Будет ли это место прямо за айсбергом, или покажет, что мы дрейфуем в его направлении? Она медленно вращается по кругу. Сейчас она указывает на северо-восточную окраину айсберга, затем медленно перемещается к центру, и, кажется, остановилась, но снова двигается и сместилась на 20 градусов от нашего врага к юго-западу... Мы заметили, что два знакомых айсберга, Бастион и Пик, удалились от корабля. Вероятно, они также сели на мель.”

Сильный дрейф на запад в ночь на 18-е уменьшил наше беспокойство в отношении выноса «Эндьюранс» в зону сжатия покрытого трещинами айсберга, который и вовсе исчез из нашего поля зрения до конца месяца.

Мы попрощались с солнцем 1 мая и вступили в период сумерек, которые предшествовали полярной ночи. Солнце из-за преломления света освещало горизонт только в полдень и быстро исчезало незадолго до 2 часов. Обычно яркая аврора (полярное сияние) вечером была тусклой из-за полнолуния, установившегося 27 апреля и продолжавшегося до 6 мая. Исчезновение солнца в полярных регионах является удручающим событием, долгие месяцы тьмы приводят как к психическому, так и физическому напряжению. Но команда «Эндьюранс» не собиралась отказываться от привычной бодрости духа, и вечерние концерты сделали Ритц ареной шумного веселья, контрастирующей с холодным и безмолвным миром снаружи. “С приближением долгой полярной ночи усиливается ощущение беспомощности. Сейчас, если бы удача улыбнулась экспедиции, мы могли бы комфортно и безопасно устроиться на береговой базе, с заложенными складами и спокойно планировать поход весной и летом. Где мы теперь высадимся? Трудно спрогнозировать что-то наперед. Лед может вскрыться весной, но к тому времени мы будем уже далеко к северо-

западу. Я не думаю, что мы должны попытаться вернуться обратно к заливу Ванселя. Быть может, мы высадимся на западном побережье моря Уэдделла, но возможно ли будет достичь какого-либо другого подходящего места еще раньше, чтобы совершить задуманное в следующем году? Это покажет только время. Я не думаю, что кто-то из команды в унынии из-за нашего сегодняшнего положения. Все довольны и чем-то заняты, и будут делать все возможное, пока не придет время. А пока мы должны подождать”.

В воскресенье 2 мая судно находилось в точке с координатами 75 градусов 23 секунды ЮШ и 42 градуса 14 секунд ЗД. В полдень температура была 5 градусов ниже нуля по Фаренгейту (-20°C), небо затянуто тучами. В обед с топ-мачты были замечены тюлени и пять человек на двух собачьих упряжках отправились на охоту. Это короткое путешествие выдалось непростым, в тусклом призрачном свете, не дающем тени и, соответственно, представления о рельефе поверхности. Столь необычное восприятие было вызвано, по-видимому, сглаживающим эффектом мягкого снега и приводило к внезапным падениям в невидимые пустоты или наскокам на ледовые гребни.

“После пройденных трех миль к востоку, - описал Уорсли эту охоту на тюленей - мы осмотрели все, но не нашли ничего кроме торосов. Мне показалось, что я вижу что-то с миллю впереди нас, но, скорее всего это было не более чем в полумиле. Я побежал туда, обнаружил тюленя, и своим криком спугнул еще двоих. Это оказался большой тюлень Уэдделла, более 10 футов длиной и весом более 800 фунтов (почти 400 кг). Солдат, один из лидеров упряжки, не колеблясь ни минуты, вцепился ему в горло, и нам пришлось отгонять собак прежде, чем мы смогли пристрелить его. Мы слили с него пять или шесть галлонов крови, и дали собакам ею напиться. На пути назад свет был еще хуже, и мы вернулись в кромешной тьме. Сэр Эрнест встретил нас светом фонарика и проводил до корабля”.

Это был первый тюлень, которого мы добыли с 19 марта, его мясо и жир стали отличной прибавкой к нашим припасам.

3 мая к западу от корабля в протоке появились три императорских пингвина. Их макушки выглядывали из воды, пока двое человек занимали исходные позиции у края проталины. Другие имитировали их звуки и медленно ходили наподобие пингинов невдалеке от протоки. Птицы одна за другой, совершив по замечательному 3-х футовому прыжку, выскочили из воды на молодой лед. Затем они заскользили к берегу и последовали за людьми прочь от протоки. Их путь к отступлению был отрезан.

“Мы приблизились к ним, громко разговаривая и придавая голосу угрожающие нотки. Несмотря на это, все три птицы повернулись к нам и церемонно поклонились. Затем, после более близкого осмотра, они решили, что наше дальнейшее знакомство нецелесообразно, и двинули прочь. Мы преградили им путь и оттеснили ближе к кораблю, где бешеный лай собак так напугал их, что они предприняли решительную попытку прорваться сквозь наши ряды. Мы поймали их. Одна из птиц с философским выражением шла спокойно, пошевеливая лапами. Другие проявили свое нежелание, но и их упекли на ночь в иглу... В полдень мы увидели пять императорских пингинов в протоке на западе и одного поймали. Керр и Читам даже устроили небольшое сражение с двумя крупными птицами. Керр бросился на одного пингвина и схватил его, но быстро был сбит с ног его разгневанным товарищем, который прыгнул ему на грудь. Читам пришел Керру на помощь, и они скрутили первого, связали клюв и потащили его, попискивающего в знак протеста, на судно, словно двое полицейских ведущих под руки подвыпившего старика. Он весил 85 фунтов, или на 5 фунтов меньше, чем самый крупный из пойманных ранее императорских пингинов. Керр и

Читаю настаивают на том, что он малыш, по сравнению с его большим приятелем, которому удалось улизнуть”.

В желудке пингвина оказалась только что выловленная рыба с 10 дюймов длиной. Такая рыба водится только в прибрежных водах. Еще два пингвина были пойманы на следующий день. Пока Вордье тащил одного из них к кораблю, Уайлд отправился за вторым вместе со своей упряжкой. Собаки, в какой-то момент потерявшие контроль, устроили просто бешеную гонку за птицей и практически ее догнали, когда их упряжь зацепилась за ледяной пилон, который они пытались обойти сразу с двух сторон. В результате образовался галдящий клубок из собак, запутанных строп, мужчины и опрокинутых саней, за которым беспечно и равнодушно наблюдал находившийся в трех ярдах от него пингвин. Он никогда не видел ничего подобного раньше и понятия не имел, что весь этот сыр-бор как-то с ним связан. Несколько трещин открылись в окрестностях корабля, и императорские пингвины, жирные, с лоснящимся оперением, появлялись в значительных количествах. 6 мая мы заполучили еще девять, и они существенно пополнили наши запасы свежих продуктов.

Солнце, которое “последний раз появилось” семью днями ранее, удивило нас, поднявшись над горизонтом на более чем половину диска 8 мая. Свечение на северном горизонте превратилось в солнце в 11 часов утра. Четверть часа спустя неожиданный гость снова исчез, чтобы появиться в 11.40 утра, зайти в 1.00, подняться в 1.10 и медленно зайти в 1.20. Этот странный феномен был вызван рефракцией, которая составила 2 градуса и 37 секунд в 1.20 пополудни. Температура была -15 градусов Фаренгейта (-25°C) и мы рассчитали, что рефракция была на 2 градуса выше нормы. Иными словами, солнце было видно на 120 миль южнее, чем следовало из таблицы рефракций. Штурман был естественно обижен. Он проинформировал всех 1 мая, что они не увидят больше солнца в течение следующих семидесяти дней, и теперь ему приходилось терпеть насмешки друзей, которые делали вид, будто верят, что его вычисления были неточны на несколько градусов.

«Эндьюранс» продолжал дрейфовать к северо-северо-востоку под влиянием постоянных западных и юго-западных ветров. Нос судна, в то же время, постепенно смещался влево, указывая, что льдину, которой корабль удерживался, разворачивало. В ночь на 14-е произошла заметная подвижка льда, и в полдень 15-го в дневном свете мы увидели протяженный канал, протянувшийся с северо-западного горизонта по направлению к кораблю, затем забирающий к западу в обход корабля, и после простирающийся на юго-юго-восток. Протока за кормой соединилась с новой по обе стороны «Эндьюранс», отделив «нашу» льдину от основного тела пака. Выюга с юго-востока началась 16-го. В час пополудни буран стих на пять минут, а затем ветер переменялся на противоположный и барометр внезапно пополз вверх. Центр циклона был прямо над нами, а гирокомпас зарегистрировал необыкновенно быстрое колебание льда. Я не видел ничего сквозь снег и туман, и подумал, что это возможно, магнитная буря или зона местного магнитного возмущения заставила колебаться компас, а не лед. Наша льдина была теперь с 2½ мили длиной с севера на юг и 3 мили шириной с востока на запад.

В мае месяце произошли несколько значимых событий. Хёрли, наш умелец, запустил небольшую электрическую установку (*видимо динамо-машину*) и разместил лампы для периодического использования в обсерватории, метеостанции и других разных местах. Мы не могли позволить себе использовать электрические лампы постоянно. Хёрли также оборудовал два мощных светильника на мачтах, освещавших корабль от борта до борта. Эти лампы прекрасно освещали «доглу» (*«dogloo», аналогия с «igloo» - собачьи иглу*) темными

зимними днями и приобретали неоценимое значение на случай разрушения льдины во тьме полярной ночи. Представьте только себе, что значит держать пятьдесят собак за бортом без света в то время как льдину под тобой ломает и крушит. 24 мая Импайр Дей (День Империи, брит. нац. праздник в честь дня рождения Королевы Виктории, праздновался до 1958г., сейчас День Содружества) был отпразднован пением патриотических песен в "Ритце", где все объединились в пожелании скорейшей победы британского оружия. Мы не могли знать, что война продолжается, но надеялись, что немцы уже изгнаны из Франции и что русские армии закрепили успехи союзников. Война вообще была постоянным предметом дискуссий на борту «Эндьюранс» и многие кампании разыгрывались на карте в течение долгих месяцев дрейфа. Луна в последних числах мая неторопливо проходила через наше звездное небо по огромной высокой дуге (*особ. высоких широт*). Погода в целом была хорошей, с постоянными минусовыми температурами. Запись в судовом журнале от 27 мая:

“Кристалльно ясная погода и яркий лунный свет. Лунные лучи столь сильны, что делают полночь такой же светлой, как обычный хмурый полдень в умеренном климате. Невероятной чистотой атмосферы, вероятно, объясняются наши восемь часов сумерек, с красивым мягким золотистым свечением на севере. На ряях небольшой слой инея и наледи. Температура -20°F (-29°C). Видны несколько ключев перистых облаков и в одном или двух направлениях скопления морозного тумана, хотя трещины и каналы возле корабля выглядят замерзшими.”

Крин начал постепенно выводить щенков на пробежки, было очень забавным наблюдать за их неуклюжими телодвижениями, сосредоточенными на том, чтобы не отстать от саней, на которые они иногда бросали вопрошающие взгляды в надежде быть взятыми на них. Помимо папы Крина, щенков взял под опеку Амундсен. Измывались они над ним нещадно. Стало привычным зрелищем видеть его, самую большую собаку стаи, сидящим снаружи на холодном воздухе, по-отечески уступая место пухлому щенку, занимающему вход в его “доглу”. Этим самозванцем был, как правило, щенок Нельсон, чьи передние лапы и морда выглядывали из ледяной конуры, и уж совершенно точно можно было быть уверенным в том, что за ним, удобно свернувшись калачиком, расположились Нелли, Роджер и Тоби. В хуштайм (*здесь - время кормежки собак, сам термин loose использовался только в ранних антарктических экспедициях для обозначения блюда, приготовленного из мяса или пеммикана, сейчас не используется, по тексту встречается часто*) Крину приходилось сторожить еду Амундсена, так как в противном случае щенки могли смолотить его порцию, пока тот держался в стороне, предоставляя им время поесть. Иногда, конечно, щенят посещали приступы совести, и они тащили к конуре Амундсена то тюленью голову, то половину пингвина, то большой кусок замороженного мяса или ворвани. Было очень интересно наблюдать, как здоровенная собака играет с ними, злобно хватая их за шкурки, хотя на самом деле довольно мягко, учит их, как вести себя в мире и секретах собачьей жизни.

Дрейф «Эндьюранс» в объятиях льда продолжался в течение июня без особо заметных событий. Сжатие иногда ощущалось, но в непосредственной близости от корабля лед оставался непоколебим. Света практически не было, за исключением периода, когда дружественная луна находилась над горизонтом. О солнце нам напоминали лишь слабые сумерки около полудня, которые хоть как то помогали нам в важной работе по тренировке собак. В те дни уход за собачьими упряжками был нашей самой ответственной и тяжелой работой. Движение льда не зависело от нас, не было абсолютно ничего для борьбы

возможными проблемами в будущем, хотя и трудно было избежать понятного беспокойства на этот счет. Поэтому тренировка и обучение собак казались совершенно необходимыми, независимо от состояния наших припасов, и упряжки выводились их каюрами всякий раз, когда позволяла погода. Как и следовало ожидать, началось соперничество. 15-го числа были устроены большие гонки - “Антарктик Дерби”. Это стало знатным событием. Ставки были велики, каждому на борту предстояло выиграть или проиграть по итогам соревнования. Ставили деньги, но были и те, кто ставил пайки шоколада и сигарет. Трасса состязаний пролегла от «Хайберского перевала» на восточной оконечности старого замерзшего канала впереди корабля до утлегаря, расстояние около 700 ярдов. Пять упряжек вышли на старт в тусклых полуденных сумерках при нулевой температуре и слабо мерцающей на юге авроре. Старт должен был быть дан сигнальной ракетой с метеостанции. Я был назначен «стрелком», Уорсли судьей, а Джеймс засекающим время. Боцман в соломенной шляпе, напяленной поверх его обычной антарктической одежды, стоял на ящике рядом с финишной чертой и помогал нескольким темным типам принимать ставки, которые отображались на доске, висевшей у него на шее - 6 к 4 на Уайлда, “эвены” на Крина, 2 к 1 против Хёрли, 6 к 1 против Маклина, и 8 к 1 против Маклроя. Полотна носовых платков развевались на импровизированном пьедестале, а щенки, которые прежде никогда не видели такого странного ажиотажа, сидели вокруг и выли от восторга. Зрители не могли из-за тусклого света наблюдать за гонкой, но они слышали крики каюров по мере приближения упряжек и приветствовали победу своих любимцев приветственным ревом, звуки которого больше напоминали рев тюленей или пингвинов из нашего района. Время Уайлда составило 2 минуты 16 секунд, или скорость 10½ миль в час.

22-го (июня) мы отпраздновали День Середины Зимы. В этот день сумерки продолжались около шести часов, в полдень хороший свет давала луна и аврора в клочьях красивых розовых облаков на горизонте. Звукозондирование показало 262 сажени глубины и грязь в заборе. Земли с топ-мачты было не видно, хотя наш обзор на запад расширился до полного. В этот праздничный день выполнялись только самые необходимые работы и после великолепного ужина, приготовленного коком, все собрались в отеле “Ритц”, где весь вечер говорили речи, пели и поднимали тосты. В полночь мы спели “Боже, храни Короля” и пожелали друг другу удачи в дальнейших свершениях. В это время «Эндьюранс» необычайно быстро дрейфовал к северу под влиянием свежего южного и юго-западного ветров. За пять дней нас отнесло на 39 миль к северу, и это при том, что ветер лишь единожды достиг силы шторма, и то не более, чем на час. Отсутствие сильных ветров в сравнении с почти непрерывными зимними бурями в море Росса было той отличительной чертой моря Уэдделла, которую я отмечал в течение зимних месяцев.

Еще одна гонка состоялась через несколько дней после “Дерби”. Две команды, управляемые Хёрли и Уайлдом, сошлись в гонке с Хайберского перевала. Команда Уайлда, тянувшая 910 фунтов веса, или по 130 фунтов на собаку, покрыла 700 ярдов за 2 минуты 9 секунд, или со скоростью 11,1 миля в час. Команда Хёрли с таким же грузом прошла за 2 минуты 16 секунд. Но в итоге победа была присуждена Хёрли, т.к. сани Уайлда оказались неудачно развесованы. Я оказался частью груза его саней, и в результате заноса в пятидесяти ярдах от финиша оказался в снегу. Надо отдать должное собакам, этот конфуз, вызвавший дисквалификацию, не дал какого-либо преимущества во времени.

Приближение возвращения солнца обозначилось прекрасным свечением на горизонте в первые дни июля. 10-го сумерки продолжались девять часов, из которых семь небо над

северным горизонтом было окрашено в золотые тона. Во всех направлениях в пределах 300 ярдов от корабля появились многочисленные разломы и каналы. Тонкие дрожащие черные линии, вероятно далекие каналы, отражались в небе на северном горизонте. Время от времени до нашего слуха доносились звуки умеренного сжатия, но пока они не угрожали кораблю. В полночь на 11-е июля в канале впереди «Эндьюранс» пробежала трещина, и к 2 часам ночи она была более 200 ярдов шириной, местами с участками открытой воды на юго-западе. Звуки сжатия доносились со стороны этого канала, который вскоре сомкнулся до ширины около 30 ярдов, а затем замерз. Температура в это время была -23 градуса (-30C).

Наиболее ощутимая буря началась в море Уэдделла вечером 13-го, и к завтраку на следующее утро собачьи конуры с наветренной стороны, южной стороны корабля, были погребены под 5 футовым слоем снега. Я отдал приказ, чтобы никто не заходил за них. Корабль был невидим уже на расстоянии пятидесяти ярдов, а сохранить чувство направления на бушующем ветру среди удушающей снежной пыли было невозможно. О том, чтобы идти против ветра, вообще не могло быть и речи. Лицо и глаза залепляло снегом в течение пары минут, а платой за настойчивость грозили стать серьезные обморожения. Собаки оставались в своих укрытиях большую часть времени, периодически лапами разгребая снег, чтобы держать открытыми дыры для дыхания. К вечеру ветер достиг силы 60 или 70 миль в час (~130 км/ч) и корабль содрогался под его натиском. Нам было достаточно комфортно в наших помещениях на борту, где мы оставались до утра 14-го, когда все с лопатами в руках вышли на расчистку снега с палубы и у собачьих конур. Ветер по-прежнему оставался колючим и переменчивым, с температурой что-то около -30 градусов (-35C), и нам приходилось принимать меры против обморожений. По меньшей мере, 100 тонн снега было сложено напротив бака и вдоль бортов судна, чтобы он своим весом давил на льдину. Ночью с севера на юг вскрылся протяженный канал, который замерзнув, увеличил на 300 ярдов расстояние от корабля до «Хайберского перевала». Работы по расчистке снега завершились к обеду. Буря утихала, на северном горизонте показалась красным полумесяцем трехдневная луна. Во время бури температура колебалась в пределах от -21 до -33,5 градусов (-29-35C). Обычно во время бури температура повышается, и отсутствие Фёна эффекта свидетельствовало о том, что высокой земли не было как минимум на 200 миль к югу и юго-западу (Фён – эффект нагревания воздуха при движении вниз с высокогорий). Погода не прояснялась до 16-го. Но когда прояснилась, мы увидели, что окружающий нас пак полностью изменился. Льдина, удерживающая «Эндьюранс», по-прежнему оставалась неподвижна, но трещины и огромные массы льда, вздыбившиеся под давлением, были видны во всех направлениях. Участки открытой воды виднелись на северном горизонте отражением в небе.

Сжатие льда, на которое указывал далекий грохот и появляющиеся грозные хребты, все больше становилось причиной тревоги. Области возмущения постепенно приближались к кораблю. В течение всего 21 июля мы наблюдали на юго-западе и западе разломы и крушение беснующихся льдин и видели трещины, открывающиеся, расползающиеся и смыкающиеся вновь.

“Лед вздымается до высоты 10 или 15 футов в местах, где противоположные льдины двигаются друг к другу со скоростью примерно 200 ярдов в час. Его звук напоминает рев далекого тяжелого прибоя. Стоя на колеблющемся льду можно ощутить тревожное дыхание и дрожь этого могучего монстра.”

Чуть позже полудня 22-го 2-х футовая трещина, пробежавшая с юго-запада на северо-

восток на расстояние около двух миль, подобралась на 35 ярдов с кормы левого борта. Все сани подняли на борт и поставили специального наблюдателя, на случай, если срочно понадобится снять собак с льдины. Эта трещина была результатом сильного давления в 300 ярдах по левому борту судна, где огромные глыбы льда были свалены в беспорядочном угрожающем беспорядке. Давление в этом месте было огромным. Глыбы льда весом во многие тонны были подняты на 15 футов над уровнем льда. Я распределил ночные дежурства с Уорсли и Уайлдом, но никто из нас не смог отдохнуть. Корабль сотрясается от тяжелых ударов, и мы были начеку, чтобы вовремя увидеть, что никто из собак не провалился в трещину. В утреннем свете стало ясно, что наш «остров» значительно уменьшился за ночь. Долгие месяцы безмятежности закончились, начался период тревоги.

В течение следующего дня на палубе по правому борту были размещены санные рационы, топливо, спички и другие предметы первой необходимости, предназначенные на случай чрезвычайной ситуации. Лед к югу бушевал и вечером несколько больших разломов появились с левого борта, а совсем рядом появилась 13 метровая трещина. Буря, казалось, привела лед в сильное движение к северу, а юго-западный и запад-юго-западные ветра, которые преобладали два дня из трех, сопровождали дрейфу. Я надеялся, что это будет продолжаться, поскольку наши шансы выйти в разорванный пак ранней весной напрямую зависели от хорошего дрейфа на север. Промер глубины показал от 186 до 190 саженей и ледниковую грязь. Земли не было видно. Видимость улучшалась. 25-го были слышны и наблюдались признаки сильного давления льда, особо напиравшего с левого борта. С бака правого борта огромные глыбы льда 5 футовой толщины и весом во многие тонны были вытолкнуты на старую льдину, на высоту от 15 до 20 футов. Льдина, удерживающая «Эндьюранс», колебалась под давлением льда в течение дня, но вернулась к прежнему состоянию до полуночи.

“Лед на много миль вокруг сильно разорван. Многочисленные трещины и короткие протоки на северо-востоке и юго-востоке. Гребни высятся во всех направлениях, открытая вода отражается в небе на юго-востоке. Это конечно очень хорошо, но мы не можем ничего сделать до тех пор, пока лед не отпустит наш корабль. Если лед продолжит слабеть, мы сможем вырваться в ближайшие несколько недель и возобновить начатое. В то же время давление не ослабевает и предсказать его результаты трудно. Сегодня перед полуднем (26 июля), спустя семьдесят девять дней после своего последнего заката, за счет рефракции на одну минуту появился краешек солнца. Несколькими минутами ранее небольшой кусочек солнца поднялся над черной полосой горизонта. Все невероятно обрадовались этому признаку окончания зимней тьмы... Кларк считает, что с возвращением дневного света снова появятся диатомовые водоросли. Его сети и линии бледно-желтого цвета, такого же, как и многие вновь образованные участки льда. Диатомовые водоросли не могут размножаться без света, и лед, образовавшийся с февраля, выделяется в нагромождениях хребтов своим ярко-голубым цветом. Старый лед землянистого темно-коричневого цвета, желтоватого или красновато-коричневого”.

Наша льдина внезапно начала разрушаться в воскресенье 1 августа, спустя год после того, как «Эндьюранс» покинул Саус-Вест Индские Доки для путешествия к Дальнему Югу. Мы находились на 72°26' ЮШ и 48°10' ЗД. Утром начался сильный снегопад с умеренной юго-западной бурей и в 8 часов утра, после нескольких подвижек льда, льдина раскололась в 40 ярдах с бака правого борта. Через два часа льдина начала разрушаться повсеместно, давлением корабль накренило на 10 градусов на правый борт. Собаки и сани были

немедленно подняты на борт, трап убран. Животные вели себя хорошо. Они живо поднялись на борт, словно осознавая грозящую опасность, и были размещены в своих конурах на палубе без единого гавка. Давление быстро разломало льдину, вздыбив ее близко с кораблем и загнав массы льда под киль. Теперь «Эндьюранс» накренило на левый борт под ветер, и в течение некоторого времени он был вынужден с бака, кормы и борта выдерживать натиск трущихся льдин. Он подвергся одному или двум сильным сдавливаниям, но вынес их без малейшего скрипа. Со стороны это смотрелось так, словно корабль стал игрушкой в руках сменяющих друг друга льдин, и я испытал огромное облегчение, когда он замер вместе с большим куском нашего старого “дока” под трюмом правого борта. Я держал шлюпки в готовности к спуску, приготовил дополнительные запасы и установил сдвоенное дежурство. Экипаж был предупрежден оставаться на местах, спать можно, но держать теплые вещи при себе. Вокруг нас посреди нагромождений ледяных хребтов лежали руины “Собачьего города”. Некоторые из маленьких домов были погребены под глыбами льда, другие исчезли после размыкания и смыкания трещин. Это было печальное зрелище, но мое основное беспокойство сейчас вызывало состояние руля, подвергшегося атаке неудержимого льда. Мы с помощью опоры извлекли большую глыбу, застрявшую между рулем и ахтерштевнем, и я увидел, что повреждение было нанесено, но провести его более детальный анализ в тот день не представлялось возможным.

После того, как корабль занял свое новое положение, давление льда усилилось. Некоторые из нагелей (*деревянных гвоздей*) выперло, бимсы (*поперечные балки перекрытий*) слегка выгнулись под колоссальной нагрузкой. Но «Эндьюранс» был построен в расчете на атаки льда, и его честно выпирало вверх, пока под ним распирало льдины. Давление льда вокруг нас внушало благоговейный ужас. Могучие ледяные глыбы, зажатые встречными льдинами, медленно вздымались, пока не выстреливали, словно вишневые косточки, зажатые между большим и указательным пальцами. Давление миллионов тонн движущегося льда было сокрушительным, а столкновение между собой неизбежным. Если судно однажды окажется в его власти, его судьба будет решена.

Штормовой ветер с юго-запада дул всю ночь, и лишь к полудню 2-го уменьшился до крутого бриза. Давление льда почти прекратилось. По-видимому, ветер вызвал движение южного пака на нас, став причиной его скопления в нашем районе, а когда весь пак пришел в движение давление снизилось. Буря отнесла нас немного к северу, но это делало «Эндьюранс» более уязвимым. Руль тяжело двигался вправо, его полотно частично оторвало от головы руля. Большие массы льда все еще давили на корму, и было невозможно пока определить степень повреждений. Хотя я чувствовал, что в любом случае нереально провести хоть какой-то ремонт в движущемся паке. Корабль всю ночь оставался на месте и единственным признаком продолжающегося давления был лишь редкий утробный рокот. Собак мы пока разместили внутри корабля.

3 августа погода была пасмурной и туманной. У нас было девять часов сумерек и довольно светло в полдень. Земли с топ-мачты не наблюдалось в радиусе десяти миль. Пак повсюду, насколько было видно невооруженным глазом, пребывал в хаотическом состоянии, много вздыбленных и уплотненных льдин, ледовых хребтов. В 9 вечера высота *Канопуса* (*Canopus*) показала примерную широту $71^{\circ}55'17''$. Дрейф к северу, таким образом, составил 37 миль за три дня. Четыре несчастных собаки были застрелены. Они сильно страдали от глистов, и мы не могли позволить себе держать больных собак в теперешних условиях. 4-го солнце на час показалось сквозь облака на северном горизонте. Открытая вода не

просматривалась отражением в небе в любом направлении. Мы увидели с топ-мачты где-то в 20-ти с лишним милях на запад-юго-западе очертания толи барьера, толи земли, толи очень длинного айсберга, но горизонт заволокло тучами, прежде чем мы смогли определить, что же это все-таки было. Мы дважды пытались сделать звукозондирование, но оба раза неудачно. Машиной Кельвина не получилось достичь дна при длине линия в 370 саженей. После долгих трудов мы проделали возле кормы отверстие во льду, достаточно большое для 32-дюймового грузила машины Лукаса, но и этого оказалось недостаточно. Машина остановилась на 452 саженях, заставив нас усомниться в том, что дно достигнуто. Затем на подъеме мы потеряли грузило, тонкая проволока прорезала лед и оборвалась. Плотник и вся команда в этот день занимались изготовлением и размещением на верхней палубе собачьих конур и к ночи все собаки были с комфортом размещены, готовые к любой непогоде.

Оставшиеся дни августа прошли сравнительно однообразно. Лед вокруг корабля стал снова стабилен, в нашем районе наблюдались лишь небольшие подвижки. Начались активные занятия с собаками, включая щенков. Продолжался устойчивый дрейф на северо-запад. Нам не везло с промером глубин, то вмешивалась погода, то подводило оборудование, но большой рост глубины говорил о том, что мы прошли край ложа моря Уэдделла. Звукозондирование 10 августа показало около 1700 саженей, что хорошо согласовывалось с 1924 саженями Фильхнера в 130 милях к востоку от нас. В полдень 8-го мы находились на $71^{\circ}23'$ ЮШ и $49^{\circ}13'$ ЗД. По-прежнему преобладали отрицательные температуры, но продолжительность светлого времени стремительно росла. Мы поймали несколько императорских пингвинов, которые держали путь на юго-запад. Десять пингвинов, пойманных 19-го, находились в ужасном состоянии, в их желудках не было ничего, кроме камней и пары носов каракатиц. Зондирование 17-го показало 1676 саженей в 10 милях западнее от предполагаемого нахождения Земли Морелла. Ее не было видно с топ-мачты, и я решил, что Земля Морелла должна быть добавлена в длинный список антарктических островов и континентальных побережий, которые при близком изучении оказывались лишь айсбергами. В ясные дни с топ-мачты было видно значительно лучше и привычный ландшафт пакового льда разнообразили знакомые айсберги. Около сотни их можно было увидеть в хороший день, и они, как оказалось, были теми же самыми, с которыми мы начинали дрейф семь месяцев назад. Ученые хотели осмотреть некоторые из них вблизи, но санная прогулка к знакомым местам оказалась сложна и даже опасна. 20 августа, к примеру, Уорсли, Хёрли, и Гринстрит отправились к Бастиону и вышли на протоку из молодого льда, который заходил ходуном у них под ногами. Их спас только быстрый разворот назад.

20-го же августа наблюдался замечательный мираж типа Фата Моргана. День был ясным и светлым, с голубым небом в небольшой морозной дымке.

“Далекie льды порождают в небесах отвесные утесы шельфовых ледников, которые отражаются в голубых озерах и протоках воды у их основания. Огромные белые и золотистые города Востока появляются очертаниями близрасположенных шпилей, образованными далекими, ранее невиданными айсбергами. Над ними парят колышущиеся фиолетовые и кремовые слои отражения еще более далеких айсбергов и льдов. Они то поднимаются, то опускаются, дрожат, рассеиваются и появляются вновь, превращаясь в бесконечно меняющееся действо. К югу льды и айсберги, урвавшие лучи солнца, окрашены золотом, к северу - пурпуром. Последние принимают самые причудливые формы: сначала замка, затем воздушного шара, только что воспарившего над горизонтом, который быстро превращается в огромный гриб, мечеть или собор. Характерной особенностью

является вертикальное удлинение объекта, небольшая ледовая гряда выглядит как часть окружающей замок стены или вертикальная скала. Мираж вызван преломлением света и усиливается потоками сравнительно теплого воздуха, поднимающегося из трещин и каналов, которые вскрылись в восьми - двадцати милях к северу и югу.”

В этот день мы обратили внимание, что наше положение относительно Бастиона значительно изменилось. Оказалось, что вскрылся большой канал, вызвавший подвижки пака. Такие подвижки могут предвещать возобновление внутреннего сжатия льда. Спустя пару часов собачья упряжка, возвращавшаяся с тренировки, пересекла узкую трещину, которая появилась впереди корабля. Эта трещина быстро разрослась вширь до 60 футов и грозила нам неприятностями, если бы собаки остались по другую ее сторону. Она захлопнулась 25-го давлением окружающих льдов.

24 августа мы были в двух милях севернее широты Дальнего Юга Морелла и в 10 градусах долготы, или более чем в 200 милях западнее его позиции. С топ-мачты на нашем 52 градусе западной долготы земля была не видна в пределах двадцати миль, тем более земля высотой более 500 футов. Зондирование 25 августа показало 1900 саженей, что являлось еще одним свидетельством отсутствия Новой Южной Гренландии. В последние дни месяца рядом с кораблем начались подвижки льда. Среди ночи 26 августа все вскочили, звуки давления сопровождалось звуками ломающегося льда у борта судна, но особых проблем это не доставило. Поздно ночью 31-го начались подвижки спереди судна и вдоль левого борта. Скрип и стон дерева, сопровождаемый громким треском с носа и кормы, наглядно демонстрировали силу сжатия. Давление продолжалось в течение следующего дня, бимсы и доски палубы иногда с треском изгибало. Массивные льдины терло друг о друга под воздействием ветра и течения и наш корабль, казалось, находился сейчас в неподходящем месте рядом с эпицентром возмущения, но он стойко сопротивлялся, никаких признаков протечек воды в трюмах не наблюдалось, хотя она не откачивалась в течение последних шести месяцев. Паковый лед тянулся до самого горизонта во всех направлениях. Я определил, что мы находились в 250 милях от ближайшей известной земли на западе и более чем в 500 милях от залива Вильгельмина, ближайшего форпоста цивилизации. Я надеялся, что нам не придется идти пешком через движущиеся ледовые поля. Мы знали, что «Эндьюранс» крепок и хорош, но ни один корабль, построенный человеком и зажатый суровыми тисками льда, не сможет взлететь над поверхностью сокрушаемого льда. Это были полные тревоги дни. Рано утром 2 сентября корабль толкнуло вверх и с треском и стоном качнуло, часть людей из кают выскочили на палубу. Чуть позже, когда лед ослабил свой натиск на левый борт напротив грот-мачты, давление немного ослабло. На «Эндьюранс» все еще давило с кормы и руля, большие массы льда прижало к носовой части левого борта, вздыбив их на три фута в высоту. Я подумал, что такой лед способен пронзить судно, словно нож масло.

ГЛАВА IV

ПОТЕРЯ «ЭНДЬЮРАНС»

Лед не доставлял нам серьезных проблем до конца сентября, хотя в течение всего

месяца льдины редко оставались недвижимыми. Утробные звуки давления доносились до нас сквозь безмолвие ледяных полей, неся угрозу и предупреждение. Из вороньего гнезда мы иногда видели формирование торосов. Солнечный свет отражался от только что разорванной поверхности льда, массы которого вздымались и опускались вдоль линии сжатия. Зона возмущения то приближалась к нам, то отступала, то снова приближалась. Рутинные работа и занятия на «Эндьюранс» продолжали неукоснительно выполняться. Продолжалась также наша подготовка к непредвиденным обстоятельствам, которые могли возникнуть с приближением лета, но оказалось, что и без нее всегда полно дел как на, так и снаружи нашего плененного судна. Прогулки с собаками, игры в хоккей и футбол на льдине поддерживали экипаж в хорошей форме. Записи, сделанные в некоторые из тех сентябрьских дней, лучше расскажут характер нашей жизни и нашего окружения.

“4-е сентября. Температура -14,1 градусов (-25C). Ласковый восточный бриз, голубое небо, слоистые облака. Утром обратили внимание на отчетливый терракотовый цвет слоистых облаков на севере. Они прошли с востока на запад, и, очевидно, своим цветом обязаны вулканам Земли Грэхама, которая сейчас в 300 милях к северо-западу. Верховой поток воздуха, вероятно, идет с той стороны. Сильный иней. Кругом сплошной неизменный пак. Земли не видно в радиусе 22 миль. Живность не наблюдается.” (прим. возможно ошибка или опечатка, вулканические выбросы ветер мог принести только с запада на восток.)

“7-е сентября. Температура -10,8 F (-23C). Умеренные восточные к южному ветра, пасмурно и туманно, до полуночи легкий снег, после чего погода прояснилась. В полдень голубое небо и замечательная ясная погода. Много инея. Толстый свежевыпавший снег на корабле и льдине ярко блестит в лучах утреннего солнца. Небольшие облачка слабо лилового цвета тумана поднимаются из низлежащих участков пака, который непрерывно тянется до самого горизонта. Очень сильна рефракция. Плоский айсберг около пятидесяти футов высотой в десяти милях к западу является хорошим показателем ее величины. В обычные дни он хорошо виден с топ-мачты, четко выделяясь на фоне неба, при сильной рефракции, как сегодня, в поле зрения появляется пак за его тыльной стороной протяженностью в несколько миль. У других многочисленных айсбергов с первого взгляда просматриваются, как правило, лишь размытые контуры, но после приближения они ясно выглядят как огромные глыбы или темные образования ниже горизонта. Другим следствием рефракции является искажение высоты солнца при позиционировании, сегодня горизонт поднялся так высоко, что высота солнца около 12 часов слишком мала. Земли не видно на двадцать миль. Живности не наблюдается. Кларк поставил невод на 566 саженей и, прежде чем поднять его, за час находил две с половиной мили по льдине с линем в руках. Результат довольно скуден – медуза и пара мальков. Тренировали собак в упряжках. Молодые собаки под попечительством Крина тянут здорово, хотя и не так сильно, как лучшая команда. Геркулес за последние две недели или даже больше сам назначил себя главной скрипкой оркестра. Два или три раза в сутки он начинает выть глубоким мелодичным воем и где-то через тридцать секунд весь собачий хор сливается в протяжной, нарастающей и гармоничной песне полувольтчей стаи.”

К середине сентября стало заканчиваться свежее мясо для собак. Тюлени и пингвины, похоже, совсем отказались от соседства с нами. Почти пять месяцев прошло с того дня, когда мы убили последнего тюленя и нескольких случайных пингвинов. Кларк, который постоянно занимался тралением, сообщил, что обратил внимание на отсутствие в море

планктона, и мы предположили, что тюлени и пингвины ушли на поиски более привычной пищи. 23-го мы добыли императорского пингвина. Собаки, которые были на тренировке, дико взвыли, когда пингвин вылез из трещины на берег, и никакие усилия каюров не смогли спасти ему жизнь. На следующий день Уайлд, Хёрли, Маклин, и Маклрой вывели свои упряжки в направлении Пятнистого Айсберга примерно в семи милях к западу от корабля, и по пути добыли самку крабоеда, которую убили, освеживали и оставили, чтобы забрать позже. Они поднялись на вершину айсберга, который находился примерно на 69°30' ЮШ и 51° ЗД и с высоты 110 футов не смогли увидеть землю. В образцах льда из этого айсберга оказалась пыль с вкраплениями черного песка. Другой тюлень, Уэдделла, был добыт 26-го. Появление тюленей было очень кстати, поскольку у нас уже заканчивались зимние собачьи рационы, и мы хотели перевести собак на мясо. Кроме этого тюлени означали пополнение запасов жира, который стал бы хорошим подспорьем к нашим небольшим запасам угля, когда придет время поднять пар в котлах. В этот же день мы перешли на летнее время, переведя стрелки часов на час вперед. *“Это не только следование правилу, но и всеобщая страсть людей, особенно моряков, встающих теперь позже, вместо того, чтобы просто встать как обычно и выполнить привычные вещи раньше и не пенять на часы”*.

В последние дни сентября звуки давления становились все громче, и я увидел, что зона возмущения быстро приближалась к кораблю. Невероятные силы были приведены в действие и поля твердого льда вокруг «Эндьюранс» стали неуклонно уменьшаться. 30 сентября выдалось плохим. Все началось хорошо, утром мы добыли два пингвина и пять тюленей. Были замечены еще трое. Но в 3 часа дня трещины, что открылись ночью вдоль борта корабля, начали расходиться в боковом направлении. Корабль подвергся страшному сдавливанию со стороны передней части левого борта и чудовищной нагрузке на оснастку фок-мачты. Это было самое сильное сжатие из всех испытанных нами. Палубы дрожали и ходили ходуном, бимсы выгибалось, пиллерсы гнулись и трескались. На случай возникновения чрезвычайной ситуации я приказал, чтобы все находилось в полной боевой готовности. Даже собаки, казалось, прочувствовали всю напряженность момента. Но корабль стойко держался, и, когда уже казалось, что предел его прочности достигнут, огромная льдина, что нажимала на нас, треснула поперек и принесла облегчение.

“Поведение нашего корабля во льду великолепно, - написал Уорсли. С тех пор, как мы окружены льдом, его стойкость и выносливость поражает раз за разом. Его сжимало миллионным давлением, поднимая вверх и кидая на лед. Его дюжину раз бросало туда-сюда, словно бадминтонный воланчик. Он дрожал и стонал, словно живое существо, когда его бимсы выгибалось страшным давлением, когда на борта то давило, то нет, словно пытаясь их распрямить по всей длине. Будет грустно, если такой отважный маленький корабль будет безжалостно разрушен цепкими удушающими объятьями льда моря Уэдделла после десяти месяцев храброй и отчаянной борьбы.”

«Эндьюранс», безусловно, заслужил все эти добрые слова. Кораблестроители никогда не делали кораблей лучше и надежней, но как долго он сможет продолжать борьбу в таких условиях? Мы дрейфовали в перегруженном льдами районе западной части моря Уэдделла, худшей части худшего из морей в мире, где пак, движимый неудержимой силой ветров и течений, упирается в западное (прим. скорее всего опечатка, восточное) побережье (прим. Антарктического полуострова) и вздымается огромными складками хребтов и хаотических нагромождений. Теперь жизненно важный вопрос для нас заключался в том, вскрыется ли лед настолько, что дать нам хотя бы шанс освободиться до того, как дрейф вынесет нас в

наиболее опасную зону. Ждать ответа от безмолвных айсбергов и скрежещущих льдин было бессмысленно, и мы встретили октябрь месяц с тревогой на сердце.

Каналы в паке немного приоткрылись 1 октября, но не настолько, чтобы «Эндьюранс» смог освободиться ото льда. День выдался спокойным, облачно и туманно утром, ясно днем, когда мы наблюдали четкий паргелий. Корабль периодически подвергался небольшому сдавливанию. Два крабоеда, выбравшихся на льдину рядом с кораблем были подстрелены Уайлдом. Это были крупные животные в прекрасном состоянии, и я понял, что больше нет нужды беспокоиться за свежее мясо для собак. Тюленья печень внесла изрядное разнообразие и в наше меню. У обоих тюленей, также как и у многих их сородичей, были длинные параллельных шрамы около трех дюймов друг от друга, очевидно работа косаток. У тюленя, которого мы убили на следующий день, было четыре параллельных шрама по шестнадцать дюймов в длину с каждой стороны его тела; они были довольно глубокими, а один ласт был практически оторван. Животное должно быть вырвалось прямо из челюстей косатки, отделавшись по-минимуму. Очевидно, что жизнь подо льдом далеко не всегда скучна. Мы заметили, что несколько айсбергов в окрестностях корабля поменяли свое положение друг относительно друга на расстояние большее, чем они сделали за предыдущие месяцы. Льды пришли в движение.

В воскресенье 3 октября мы находились на $69^{\circ}14'$ ЮШ и $51^{\circ}8'$ ЗД. Ночью льдина, удерживающая корму корабля, треснула в нескольких местах, и это казалось, снизило давление на руль. Утро выдалось туманным, со снегом, но позже погода прояснилась, и мы смогли увидеть, что пак изменился. Появились новые каналы, но, в тоже время, несколько старых сомкнулись. Вдоль некоторых трещин ошетинились гряды торосов. Толщина льда, как и 230 дней назад, была 4 фута 5 дюймов под 7-ю или 8-ю дюймами снега. В начале сентября лед был несколько толще, и я предположил, что его таяние началось снизу. В последние дни сентября Кларк уже отмечал плюсовые температуры на глубинах 150 и 200 саженей. Очевидно, что лед достиг своей максимальной толщины непосредственной заморозки и более тяжелые старые льдины появились в результате наложения ледовых полей силами сжатия. Температуры воздуха были по-прежнему отрицательными, 4 октября $-24,5^{\circ}\text{F}$ (-30°C).

Движение льда усиливалось. В течение 6 октября морозный туман из открытых трещин наблюдался во всех направлениях. В одном из мест он явился охваченной огнем прерией, поднимаясь от поверхности, становясь выше и замирая, словно тяжелый, темный, клубящийся смрад пожарища. В другом, за счет поднимающегося вверх дыма он был похож надвигающийся вперед поезд, а группа дымков в другом месте напоминала эскорт военных кораблей. В течение следующего дня каналы и трещины открылись до такой степени, что если бы «Эндьюранс» смог переместиться на тридцать ярдов, то мы смогли бы пройти две или три мили, но успех такой попытки был сомнительным. В течение этой недели обстановка существенно не изменилась. В воскресенье 10 октября мы находились на $69^{\circ}21'$ ЮШ, $50^{\circ}34'$ ЗД. В этот день наступила оттепель, и он выдался дискомфортным. Температура поднялась с -10 до $+29.8$ градусов (*с -23 до -1°C*), самой высокой с января месяца, в межпалубном пространстве началась капель. Верхняя палуба освободилась ото льда и снега, каюты стали неприлично грязными. Собаки, которые ненавидели сырость, были очень несчастны. Несомненно, что всем по нраву были более привычные условия. Мы слишком долго жили при температурах, которые покажутся запредельно низкими в цивилизованной жизни, но теперь нам было некомфортно от того градуса тепла, при

котором бы непривычный человек трясся от холода. Оттепель стала показателем, что зима закончилась, и мы начали подготовку к заселению кают на главной палубе. 11-го я распорядился снять натянутый навес над кормой и выполнить другие приготовления для работы на корабле, как только он освободится. Плотник построил рулевую рубку над штурвалом для защиты в холодную штормовую погоду. Лед оставался слабым, земли не было видно на двадцать миль.

В течение нескольких дней температура оставалась относительно высокой. 12-го, под аккомпанемент шума и гама, все переехали в свои летние каюты. В воздухе витала весна, разве что не было радующей глаз зелени растений, но, по крайней мере, было много тюленей, пингвинов, и даже китов, резвящихся в каналах. Время для возобновления активных действий приближалось, и, хотя наша ситуация была достаточно серьезной, мы смотрели в будущее с надеждой. Собаки постоянно шумели при виде такого количества развлечений. Они становились почти неистовыми, когда какой-нибудь шибко важный императорский пингвин серьезно смотрел на них со своего наблюдательного пункта на льдине и произносил свое насмешливое "Knark!" В 7 вечера 13-го корабль проломил льдину, которая кренила его на правый борт, и принял вертикальное положение. Руль освободился, гребной винт оказался погнут, но оставался в том же положении, что и после 1 августа. Вода была очень прозрачной, и мы видели руль, который, казалось, из повреждений имел только небольшой изгиб к левому борту на уровне ватерлинии. Он двигался довольно свободно. Гребной винт, насколько было видно, был цел, но не двигался от ручного привода, возможно из-за замерзшего сальника дейдвудной трубы. Я не думал, что имеет смысл разбираться с этим на данном этапе. Корабль не откачивался восемь месяцев, воды в трюмах не было, лишь немного льда. В этот день мы снова ели в кают-компании.

14-го юго-западный бриз усилился до штормового, температура упала с +31F до -1F градуса (*с 0 до -18C*). В полночь корабль в задней части освободился от льдины и корму быстро повело. Корабль развернуло под ветер, хотя до этого он лежал почти под прямым углом к сужающемуся каналу. Это было очень опасное положение для руля и гребного винта. Была установлена бизань (*чтобы двигать корабль назад*), но ветер постепенно вынуждал льдины открываться и «Эндьюранс» враскачку протащило 100 ярдов вдоль канала. Затем лед сомкнулся, и в 3 утра мы снова оказались в его плену. В течение дня ветер стих, лед вскрылся в пяти или шести милях к северу. На следующее утро он все еще был вскрыт и я решил поднять пар в котлах в намерении попытаться очистить гребной винт, но одна из смотровых крышек давала утечку, от холода сжался или пришел в негодность уплотнитель, и котел снова пришлось опорожнить.

В воскресенье 17-го пак снова сомкнулся. После полудня были поставлены топсель и передний парус и под умеренный северо-восточный бриз мы попытались вывести корабль из канала, но он удерживался мертвой хваткой. Позже в тот день началось сильное сжатие. Две льдины, между которыми лежал «Эндьюранс» начали смыкаться и корабль подвергся серии невероятно сильных сжатий. В машинном отделении, самой слабой точке, громко стонало, трещало, были слышны звуки ударов. Стальные пластины пола выгнуло и оторвало с громким лязгом. Тем временем льдины в местах зацепления образовывали хребты. Корабль находился под давлением почти час, а потом, к моему великому облегчению, начал с гулким грохотом подниматься. Он поднялся на десять дюймов с носа и на три фута четыре дюйма с кормы, и в то же время накренился на шесть градусов на левый борт. Лед остался под нами и непосредственная опасность миновала. Наше положение было 69°19' ЮШ, 50°40' ВД.

Следующую атаку лед начал в полдень 18 октября. Две льдины начали двигаться поперечно, оказывая большое давление на корабль. Вдруг льдина по левому борту треснула, и огромные куски льда вылетели вверх из-под трюма. В течение нескольких секунд корабль кренился, пока не достиг крена в тридцать градусов на левый борт, оперевшись трюмом правого борта в противоположную льдину. Спасательные шлюпки почти лежали на льдине. Собачьи конуры средней части судна сорвались с мест и рухнули на закрепленные конуры, вой и лай напуганных собак только способствовал возникновению подлинного столпотворения. Все движимое на палубе и под ней полетело со своих мест и несколько минут все это выглядело так, словно «Эндьюранс» подбросило с конца детской качалки. Порядок вскоре был восстановлен. Я всех успокоил, досками на палубе соорудили настил для собак и людей. Затем экипаж занайтовил (*закрепил*) все подвижные вещи. На случай, если корабль будет крениться и дальше, нужно было снять спасательные шлюпки и перенести их, за этим наблюдал Уорсли, чтобы вовремя дать сигнал тревоги. Хёрли тем временем спустился на льдину и сделал несколько фотографий судна в таком его необычном положении. Вечерний ужин в кают-компании выглядел любопытно. Большинство едоков сидело на обшивке, ногами упершись в лавки, а тарелки держа на коленях. В 8 часов вечера лед вскрылся, и в течение нескольких минут «Эндьюранс» практически выпрямился. Были отданы распоряжения убрать лед, чтобы освободить руль. После того, как глыбы льда были ледовыми зубилами отделены от льдины и мужики убрали их, корма освободилась. Затем наполнили котел. Эта работа была закончена рано утром 19 октября, в течение дня инженер, в целях экономии топлива и во избежание каких-либо деформаций холодного котла от неравномерного прогрева, очень медленно поднял в нем пар. Экипаж распилил все свободные пиломатериалы, ящики и тому подобное и загрузил их в бункеры. День выдался пасмурным, с редкими порывами снега, температура +12 градусов Фаренгейта (~ -10°C). Окружающий нас лед был спокоен, но вдалеке давление делало свою работу. К вечеру ветер окреп, пришлось использовать кормовую швартовку (*wire-mooring astern*). В 23 часа барометр показывал 28.96 (*прим. ск. всего дюйм на кв. мм - ~ 730 мм/pc*), самое низкое давление со времен июльского шторма. Позже днем шум собак привлек наше внимание, и мы увидели в нашей полынье 25 футового кита. Он показывал из воды свою голову, похожую на косатку, но судя по маленькому изогнутому спинному плавнику, это был *Balaenoptera acutorostrata* (*малый полосатик*), а не *Orca gladiator* (*косатка*).

20 октября задул сильный юго-западный ветер, и лед пришел в движение. «Эндьюранс» был надежно зажат в полынье, но шанс вырваться мог появиться в любой момент. Мы установили дежурство, чтобы быть начеку. Уайлд и Хадсон, Гринстрит и Читам, Уорсли и Крин дежурили на палубе, главный инженер, его заместитель и трое помощников дежурили у котла. Научный штат и незанятый персонал, за исключением кока и плотника с напарником, «*дежурили в две вахты*», то есть, четыре часа на палубе, четыре внизу, отдыхая от дежурства. Плотник был занят строительством легкого ялика, который мог оказаться полезным при навигации в протоках и каналах. В 11 утра мы дали двигателю немного поработать. После 8-ми месяцев простоя все работало хорошо, за исключением замерзшей трюмной помпы и выпускного коллектора, которые прочистили с изрядными трудностями. Инженер сообщил, что для поднятия пара ушла одна тонна угля, дерева и жира. Для поддержания котла в рабочем состоянии было необходимо от одной с четвертью до полутора сотен килограмм угля в день. В бункерах у нас оставалось его около пятидесяти тонн.

21 и 22 октября выдались очень холодными, что привело к тому, что вскрывшиеся ранее каналы вновь замерзли. Лед двигался, то и дело грохот давления доносился до нашего слуха. Мы ждали следующего шага со стороны выступившей против нас могучей силы. 23-го задул сильный северо-западный ветер, и движение льдин и торосных гряд приняло серьезный оборот. Воскресенье, 24 октября стало для «Эндьюранс» началом конца. Мы находились в точке с координатами 69°11' ЮШ и 51°5' ЗД. Уже целый день и двадцать два с половиной часа мы наблюдали за неистовством льда. В 18.45 корабль подвергся страшному сдавливанию в его, наиболее опасном положении. Натиск льда примерно изображен в приложенной схеме. Зашприхованные участки - это полынья, покрытая новым льдом, который не давал должной защиты кораблю, стрелками указаны направления давления со стороны старых льдин и торосных гряд. Этот натиск оказался неотразим. «Эндьюранс» стонал и дрожал, его правая корма оказалась на пути льдины, силой которой изгибало ахтерштевень и выпирало доски обшивки. На корабль давило как спереди, так и с боку, он ходил ходуном, его выгибало давлением. Он быстро дал опасную течь.

Я держал насосы в полной готовности, был поднят пар, в 8 часов вечера их запустили. Давление льда к тому времени немного стихло. Корабль быстро набирал воду с кормы и плотник тут же принялся за работу, чтобы сделать водонепроницаемую переборку со стороны двигателя. Вкалывали все, в две смены, в течение всей ночи откачивая воду и помогая плотнику. Утром течь удалось взять под контроль. Плотник с помощником конопатили переборку полосками одеял и прибивали планки по швам, там, где это возможно. Основной, он же ручной насос замерз и не мог использоваться. Как только это выяснилось, Уорсли, Гринстрит и Хадсон спустились вниз в бункеры и очистили трюмный насос ото льда. *“Это не самая приятная работа, - написал Уорсли. “Мы должны были проделать отверстие вниз сквозь уголь, в то время как вокруг нас бимсы и ипангоуты стонали и трещали, словно пушечные выстрелы. В почти кромешной тьме мы возились в сырости полузамерзшими руками, при этом пытаясь сохранить уголь от соскальзывания в трюм. Пока мы копошились внизу, сверху из камбуза заливали в трубы ведра кипятка, спустя некоторое время мы очистили насос, заделали трюм от попадания угля и вылезли на палубу, с удовольствием оказавшись в безопасности на открытом воздухе.”*

Утро понедельника 25 октября было облачным и туманным, с минусовой температурой и сильным юго-восточным бризом. Весь экипаж посменно работал на откачке и помогал плотнику с переборкой. Удерживать течь под контролем было довольно легко, но, тем не менее, перспектива выглядела безрадостной. Массивные торосные гряды появлялись во всех направлениях, хотя непосредственное давление на корабль было несерьезным. Я понимал, что передышка будет недолгой. Лед в поле нашего зрения подвергался сильнейшему сжатию, возможно вызванному циклоническими ветрами, встречными океаническими течениями или еще какими-то процессами. Торосные гряды, массивные и угрожающие, свидетельствовали о том, что всепокрушающие силы природы были в действии. Огромные глыбы льда, весом во многие тонны, поднимало в воздух и отшвыривало в сторону, словно их выпирало снизу другой огромной массой. Мы были беспомощными пришельцами в чужом мире, наши жизни зависели от игры бесхитростной грозной силы, которая просто потешалась над нашими ничтожными усилиями. Я теперь с трудом отваживался надеяться, что «Эндьюранс» выдержит, и на протяжении этого, полного волнения дня, вновь и вновь пересматривал планы санного путешествия, сделанные ранее на случай, если мы окажемся на льду. Мы были готовы настолько, насколько можно подготовиться на всякий

непредвиденный случай. Провизия, собаки, сани и снаряжение были готовы быть снятыми с корабля в любой момент.

На следующий день выдалась кристально ясная погода. Вдохновенно светило солнце. Повсюду слышался грохот давления. Вздвигались новые ледяные гребни, и как только наступил день, я увидел, что линии крупных возмущений приближались к кораблю. «Эндьюранс» периодически подвергался сдавливанию. Находясь внизу, я слышал скрип и стон его тимберсов, пистолетный треск ломаемых нагелей или досок и слабый неразборчивый шепот нашего погибающего корабля. А над головой светило безмятежное солнце, иногда проплывали пушистые облака, гонимые южным ветерком, блеском миллионов граней искрился отражаемый от новых ледовых гряд свет. День прошел медленно. В 7 часов вечера очень сильное пульсирующее давление возобновилось и деформировало бак и корму. Стыки обшивки по правому борту отогнуло на четыре и пять дюймов, мы видели с мостика, что корабль титаническим давлением выгибает как лук. Словно живое существо он сопротивлялся сокрушающим его силам, но этот бой был неравным. Миллионы тонн льда неумолимо давили на маленький корабль, который осмелился бросить вызов Антарктике. «Эндьюранс» протекал со страшной силой и в 9 вечера я приказал снять лодки, снаряжение, провизию и сани на льдину и переместить их на плоский лед недалеко от судна. В полночь лед немного закупорил пробоину, но, тем не менее, всю ночь все проработали на откачке воды. Очень странным выглядело внезапное появление из трещины в 100 ярдах от корабля восьми императорских пингвинов в тот момент, когда давление на судно было на самом пике. Они прошли немного по направлению к нам, остановились, и после нескольких обычных звуков начали издавать странный крик, который звучал словно панихида по кораблю. Никто из нас никогда прежде не слышал от императоров каких-либо других звуков и криков, кроме самых простых, и впечатление от этой согласованной партии было потрясающим.

Затем наступил роковой день - среда, 27 октября. Мы находились в точке с координатами 69 градусов 5 секунд южной широты и 51 градус 30 секунд западной долготы. Температура минус 8,5 градусов Фаренгейта, дул мягкий южный бриз, а в чистом небе сияло солнце.

“После долгих месяцев непрерывной тревоги и напряжения, времени светлых надежд и мрачных перспектив «Эндьюранс» настал конец. Хотя мы и вынуждены покинуть корабль, который нет никакой надежды восстановить, мы живы и здоровы, у нас есть еда и снаряжение для задачи, которая стоит перед нами. Она заключается в том, чтобы добраться до суши всем членам экспедиции. Трудно описать, что я чувствую. Для моряка его корабль это больше чем плавающий дом и для меня с «Эндьюранс» ассоциируются амбиции, надежды и возжеления. Теперь, содрогаясь и стenea от треска ломаемых ипангоутов и зияющих ран, он медленно заканчивает свой век в самом начале карьеры. Он разрушен и покинут после более чем 570 мильного дрейфа в северо-западном направлении в течение 281 дня, прошедшего с тех пор, как он был зажат льдами. Расстояние от точки, где он вмерз в лед, до места, где он сейчас, смертельно раненый лежит, 573 мили, а общий дрейф через все отмеченные точки 1186 миль и, вполне возможно, мы на самом деле покрыли более 1500 миль. Сейчас мы находимся в 346 милях от острова Паулета (Paulet Island), ближайшей точки, где есть возможность найти пищу и кров. Небольшая хижина, построенная там Шведской экспедицией в 1902 году полна припасов, оставленных там аргентинским спасательным судном. Я знаю все о тех припасах, потому что именно я

закупал их в Лондоне от имени Правительства Аргентины, когда оно попросило меня оснастить спасательную экспедицию. Расстояние до ближайшего барьера к западу от нас около 180 миль, но партия, отправившаяся туда, по-прежнему будет в 360 милях от острова Паулета и вряд ли найдет там средства для спасения. Мы не сможем взять столько еды на все путешествие, вес окажется слишком большим.”

“Это утро было последним, встреченным на корабле, погода стояла ясной, с мягким юго-юго-восточным к юго-юго-западному бризом. С вороньего гнезда каких-либо признаков земли не наблюдалось. Давление нарастало от часа к часу и не приносило кораблю освобождения или хотя бы отсрочки. Атака льда достигла своего апогея в 4 дня. Давлением выперло вверх корму, а давящей сбоку движущейся льдиной раскололо руль и вырвало рудерпост и ахтерштевень. Затем, пока мы смотрели, лед приоткрылся и «Эндьюранс» немного осел. Обшивка была сорвана, и вода хлынула вниз. Давление возобновилось в 5 часов вечера. Я приказал, чтобы все сошли на лед. Ходящие ходуном перемалывающиеся льдины с остервенением напирали на корабль. Отвратительное ощущение чувствовать под ногами разрушаемую палубу, выгибающиеся, а затем ломающиеся со звуком, подобному выстрелам тяжелых орудий, могучих бимсов. Насосы не справлялись с водой и, чтобы избежать взрыва, когда она достигнет котла, я отдал приказ затушить огонь и выпустить пар. План эвакуации с корабля в случае опасности был составлен заблаговременно, люди и собаки спустились на льдину и без помех перешли на сравнительно безопасную часть льдины. Перед отходом, стоя на дрожащей палубе, я взглянул вниз в люк машинного отделения и увидел упавшие набок двигатели, поскольку рамы оснований были снесены. Я не могу описать впечатление от этого безжалостного уничтожения, которое был вынужден наблюдать повсюду вокруг. Льдины силой в миллионы тонн двигали льды снаружи корабля, стирая его с лица земли.”

Основные запасы были размещены на льдине в сотне ярдов от корабля, там же мы встали лагерем на ночь. Но около 7 часов вечера, когда палатки были уже установлены, лед, на котором мы находились, оказался вовлечен в зону давления и начал потрескивать и дрожать у нас под ногами. Я велел перенести лагерь на большую льдину в 200 ярдах далее со стороны носа корабля. Лодки, запасы и лагерьное оборудование было необходимо перенести через «живую» торосную грядку. Но подвижки льда были настолько незначительными, что не помешали нашему короткому треку, хотя вес тороса настолько прогибал льдину, что по обе ее стороны образовались лужи. Первая партия с кирками и лопатами построила снежную гать, прежде чем мы смогли их пересечь. В восемь вечера лагерь установили вновь. У нас были две полюсные палатки и три полубочки (обручевые палатки). Я расположился в небольшой полюсной палатке № 1 вместе с Хадсоном, Хёрли и Джеймсом, Уайлд в небольшой полубочке № 2 с Вордье, Макнишем и Маклроем. Эти палатки очень легко перемещались и устанавливались. Восемь человек разместились в большой полубочке № 3; Крин занял полубочку № 4 вместе с Хасси, Марстоном и Читамом, Уорсли расположился в полюсной палатке № 5 с Гринстритом, Лизом (Орд-Лизом), Кларком, Керром, Рикенсоном, Маклином и Блэкбороу, последний был самым младшим в нашем коллективе.

“К ночи температура упала до -16 градусов и большинству мужиков было холодно и неудобно. После установки палаток я собрал всех и разъяснил наше положение, надеюсь кратко и понятно. Я рассказал им про расстояние до Барьера и до острова Паулета и сообщил, что я предлагаю попытаться идти со всем снаряжением через льды в направлении острова Паулета. Я поблагодарил людей за выдержку и хорошее присутствие

духа, которое они проявили в столь сложной обстановке, и сказал им, что я не сомневаюсь, что если они и дальше будут также продолжать и доверятся мне, то все мы, в конце концов, будем в безопасности. Потом мы поужинали тем, что повар приготовил на большой жировой печи, и после отбоя все отправились ко сну.” Лично я не мог уснуть. Разрушение и оставление судна не стало неожиданным. Катастрофа маячила много месяцев подряд, и я сотню раз продумывал планы на все случаи жизни. Но мысли, которые приходили ко мне сейчас, пока я ходил туда-сюда в темноте, были не особо радужными. Задача заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность всей партии, и для ее решения я должен использовать всю свою энергию и волю, каждую крупицу знаний и антарктического опыта, что был у меня. Она была кропотлива и трудна, нужна была четкая и понятная программа, если мы хотим выбраться без потерь. Человек должен представить себя в новой роли – идущим к земле.

В полночь я ходил по льду, слушая шлифуемые льдины и стоны агонизирующего «Эндьюранс», когда вдруг заметил трещину, пробежавшую по нашей льдине прямо через лагерь. Тревожный свисток поднял всех на ноги, и мы перенесли палатки и снаряжение с меньшей части льдины на большую. В данный момент ничего другого сделать было нельзя, и мужчины снова улеглись, чтобы хоть немного поспать. Всякий раз, что я подходил к концу разлома льдины я едва мог различить в темноте шумящие груды сжатого льда, который наваливался и сужал наш маленький плавучий островок, на котором мы расположились. Станным образом я не заметил, что моя палатка, которая была на той стороне трещины, не стояла как надо. Хадсону и Джеймсу удалось пристроиться в других палатках, а Хёрли завернулся в ее брезент. Я обнаружил это лишь в 5 часов утра. Всю ночь с кормы умирающего «Эндьюранс» мерцал электрический свет. Хасси оставил его включенным после проведения последних измерений, и, словно свет в окне он горел всю ночь, пока рано утром «Эндьюранс» не подвергся особо сильному сжатию. Послышался звук ломаемых бимсов, и он погас. Связь прервалась.

Наступило холодное и унылое утро. После первой проведенной на льдине ночи все были уставшими и изможденными. На рассвете я вместе с Хёрли и Уайлдом отправился на «Эндьюранс», чтобы забрать несколько канистр бензина, который пригодился бы для кипячения молока. Корабль представлял собой невообразимое зрелище хаоса и разрушений. Утлегарь и бушприт были за ночь отломаны и теперь лежали под прямым углом к кораблю вместе со смычками цепей и частями такелажа, удерживаемые ватер-штагом с поддрагивающего от перемалываемого льда корабля. Лед надвигало на полубак, и корабль заметно накренило с носа. С изрядным трудом мы добыли две канистры бензина и отложили дальнейший осмотр судна на после завтрака. Прыгая через трещины с канистрами в руках, мы вскоре достигли лагеря и соорудили кострище из треугольных герметичных резервуаров, которые срезали со спасательных шлюпок. Мы сделали это чтобы освободить в них больше места. Затем мы ледорубом проткнули канистру в полудюжине мест и подожгли ее. Пламя яростно вырывалось из пятигалонного цилиндра, который мы использовали в качестве плиты, и горячее молоко вскоре было готово. Затем мы, трое благодетелей, разнесли по палаткам этот живительный напиток, и были удивлены и немного огорчены манерой, в которой некоторые приняли этот вклад в их комфорт. Они не совсем поняли, какую работу мы проделали для них с началом рассвета, и я услышал, как Уайлд сказал: *“Если кто-то из вас, джентльмены, хочет, чтобы ваши сапоги почистили, просто положите их снаружи”*. Это был его мягкий способ напомнить им, что небольшие благодарности следует говорить

постоянно и при каждой возможности.

В 8 часов утра кок приготовил завтрак, который состоял из сухаря и хуша, а потом я снова вернулся на «Эндьюранс» и более подробно рассмотрел разрушения. Только шесть кают не были повержены льдинами и глыбами льда. Все каюты по правому борту были разрушены. Целая часть корабля была смята в гармошку. Бак и Риц были затоплены, кают-компания была на три четверти заполнена льдом. Правого борта кают-компании не существовало. Передняя часть двигателя переехала на камбуз. Топливные канистры, которые были уложены на носовой палубе, льдиной были выдавлены через стенку в кают-компанию и выперли собой большую картину. Любопытно, что стекло этой картины не разбилось, хотя в непосредственной близости я увидел тяжелую железную шлюпбалку, которая была скручена и изогнута, словно скоба потерявшим управление локомотивом. Корабль был разрушен безжалостно.

Под унылым пасмурным небом я вернулся в лагерь и оценил наше положение. Льдина, на которой был разбит лагерь, все еще находилась в зоне сжатия, и я подумал, что разумно перейти на большую, и, видимо, более мощную льдину в приблизительно 200-х ярдах с носа правого борта корабля. Нынешний лагерь стал известен как Дамп Кэмп (*Свалка*) из-за количества вещей, оставленных здесь. Мы не могли позволить себе нести ненужное барахло и решительно рассортировали снаряжение. Я решил оставить каждому по полностью новому комплекту *Burberrys* и нижнего белья, а также по запасу новых носок. Довольно быстро лагерь был перенесен на более крупную льдину, где я начал непосредственную подготовку к долгому путешествию через льды на остров Паулета или остров Сноухилл (*Snow Hill*).

Тем временем Хёрли настроил свою кинокамеру и снял погибающий «Эндьюранс». В процессе съемки лед с грохотом снес крепления такелажа фок, грот и бизань-мачт. Формарс и брам-мачта упали вниз и повисли на обломках фок-мачты с фок-реем. Следом за ними грохнулась грот-мачта, обломившись в 10 футах над главной палубой. “Воронье гнездо” упало в 10-ти футах от крутящего ручку своей камеры Хёрли, но он даже не повел ухом и запечатлел уникальную, хотя и грустную картину.

Вопрос с одеждой был решен. Нужно было также решить вопрос со спальными мешками. У нас было всего восемнадцать спальных мешков из оленьего меха, и, следовательно, было нужно распределить еще десять Джайгеровских (*Jaeger*) шерстяных спальных мешков, чтобы обеспечить всех двадцать восемь человек экипажа. Шерстяные мешки были легче и менее теплыми, чем мешки из оленьего меха, и каждому, кому они достанутся, было разрешено подкладывать под низ оленью кожу. Казалось справедливым распределить меховые мешки по жребию, но некоторые из нас, ветеранов не стали участвовать в этой лотерее. Мы подумали, что в Джайгеровских мешках нам будет не менее комфортно, чем в меховых. Мы быстро справились с этой задачей и затем опрокинули одну из шлюпок на бок, и, удерживая ее в таком положении двумя сломанными веслами, сделали подветренную сторону для камбуза. Кок запалил жировую печь и немного спустя, когда я сидел рядом с плитой, услышал, как кто-то сказал: “Кок, я люблю чай покрепче.” А кто-то другой добавил: “Кок, а я послабже.” Я подумал, что приятно чувствовать их спокойствие, а также о том, что к моменту раздачи чая он будет одинаков для всех и что если нам повезет, то через два месяца у нас будет сколько угодно чая. Этот случай имел также важную психологическую подоплеку. Мужчины, чей дом разрушен, лагерь разбит на неустойчивой льдине, а возможность достижения безопасности весьма туманна, спокойно обсуждают детали и уделяют внимание такой мелочи, как заварка чая.

Днем работа продолжилась. И сейчас и после мы слышали шум, напоминающий грохот орудий или далекой канонады, вызванный перемалываемыми льдинами.

“Давление, вызвавшее скопление льда в этом районе порождает сцены абсолютного хаоса. Льдины трутся со страшной силой, вздымая огромные хребты, и беспощадно разбивая друг друга. Торосные гряды, словно живые изгороди, отмечающие линии сжатия и являющиеся границей быстро уменьшающихся участков ровного льда, огромны. Лед движется величаво, неудержимо. Человеческие усилия хоть и не тщетны, но борьба против колоссальных сил Природы идет с неким душевным смирением. Возникает чувство зависимости от Высшей силы. Сегодня два тюленя, Уэдделла и крабоед, приблизились к лагерю и были застрелены. Четверо других были загнаны обратно в воду, их присутствие растревожило собачью стаю, и это означало порку и проблемы с привязью. Установка палаток завершена, в них установлен внутренний распорядок. В каждой палатке есть ответственный за порядок, сменяемый по кругу в алфавитном порядке. Дежурный относит посуду своей палатки на кухню, получает на всех хуш, а после еды чистит посуду снегом и складывает ее в сани или лодку для готовности к возможному движению”.

“29-е октября. Мы спокойно провели ночь, хотя вызванные давлением подвижки льда продолжались. Наша льдина мощная, поэтому выдержала получаемые удары. Легкий ветер с северо-запада на север-северо-запад, погода отличная. Нас двадцать восемь человек и сорок девять собак, включая пять подросших щенков Сью и Салли. Этим утром все заняты подготовкой вещей, установкой лодок на сани, наращиванию и укреплению саней, чтобы везти лодки... Трактор после небольшой доводки плотника тащил нашу самую большую лодку превосходно. Для другой лодки связали вместе четверо обыкновенных саней, но мы сомневались в прочности этой конструкции, и действительно, под нагрузкой она быстро сломалась... Корабль по-прежнему на плаву, подпираемый движущимся льдом и удерживающим его. Носовая часть бака под водой, палуба разорвана давлением, обломки валяются вокруг в гнетущем беспорядке, а над этим всем все еще реет синий кормовой флаг.

В полдень застрелили трех молодых щенков Салли, Сириуса Сью и Миссис Чиппи, кота плотника. Мы не можем позволить себе содержать слабых в новых условиях. Маклин, Крин и плотник, кажется, тяжело восприняли потерю своих друзей. Мы решили предпринять короткое тренировочное путешествие завтра, выйдя с двумя лодками и десятком саней. Количество собак упряжек увеличили до семи, Гринстрит возглавил новую дополнительную упряжку, состоящую из Снэппера и четырех повзрослевших щенков Салли. У нас десять рабочих саней, запряженных пятью упряжками. Упряжки Уайлда и Хёрли потащат катер (cutter) при поддержке четырех человек. Китобой (whaler) и остальные лодки пойдут следом, а люди, которые потянут их, будут помогать с расчисткой неровностей льда. Мы не рассчитываем на быстрое продвижение, но дорога каждая миля. Днем Крин заболел снежной слепотой”.

Утро 30 октября выдалось пасмурным и туманным, изредка падал снег. Дул умеренный северо-восточный ветер. Мы все еще жили на дополнительном питании, принесенном с покинутого корабля, санные и лодочные пайки были целы. Эти пайки обеспечивали двадцать восемь человек на пятьдесят шесть дней при полной норме, но мы рассчитывали за это время добыть достаточное количество тюленьего и пингвиного мяса. Мы также могли, если продвижение окажется слишком сложным и слишком опасным для шлюпок, которые мы должны беречь как наше основное средство спасения, разбить лагерь на ближайшей

тяжелой льдине, желательно недалеко от угодий пингвинов и тюленей и ждать вскрытия пака до состояния, пригодного к судоходству.

“Такой план позволит избежать смертельных опасностей, которым мы подвергаемся, пребывая среди непролазных торосов, избежать ненужных повреждений спасательных шлюпок, которым тяжело даются неровности льда, а также сведет к минимуму опасность внезапного раскола льда под нами, как это было дважды за ночь в нашем первом лагере. Еще я уверен в том, что попытка двигаться вещь правильная, так как если мы сможем делать пять или семь миль в день на северо-запад, то наши шансы достичь безопасности в ближайшие месяцы существенно возрастут. Есть еще и психологический аспект этого вопроса. Будет гораздо лучше, если люди будут осознавать, что пусть и медленно, но они идут к земле, чем просто будут сидеть и ждать, когда же неторопливый северо-западный дрейф вынесет их из этих суровых объятий льда. Мы предпримем попытку двигаться. Получится или нет - вне моей власти, я могу только предполагать или рассчитывать.”

Днем Уайлд и я вышли в снег и туман, чтобы отыскать дорогу на северо-восток. После многочисленных блужданий среди торосных гряд, мы развели дорогу, по меньшей мере, на полторы мили, а затем вернулись к лагерю оптимальным путем. Подвижки льда были сильными, наша льдина сотрясалась от толчков льда. После обеда в 3 часа дня мы отправились в путь, оставив в Дамп Кэмп массу ненужных вещей. Было объявлено, что вес личных вещей не должен превышать двух фунтов на человека, а это означало, что ничего, кроме самого необходимого, брать с собой в дорогу было нельзя. Мы не могли позволить отягощать себя лишним весом. В снегу вырыли ямки, куда положили личную переписку и всякую мелочевку, не много стоящие, но невероятно близкие сердцу вещи, связывающие участников экспедиции с домом. Я даже пожалел о двух фунтах на человека, установленных из-за моего горячего желания свести вес к минимуму, и счел, что некоторые личные вещи оставлять никак нельзя. Путь может оказаться долгим, не исключена даже зимовка в каком-нибудь импровизированном жилье где-то на негостеприимном побережье. В этих условиях человек остро нуждается в чем-то, что займет его мысли, какой-нибудь материальной памяти о доме и людях по другую сторону океана. Поэтому сувениры выбросили, а фотографии оставили. Лично я вырвал форзац из Библии с автографом Королевы Александры, которую она подарила кораблю, а также потрясающую страницу из книги Иова, содержащую стих:

“Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный, кто рождает его?

Воды как камень крепнут, и поверхность бездны замерзает.” [Иов 38:29-30]

Другая Библия, которую Королева Александра подарила для нужд береговой партии, была внизу, в нижнем трюме в одном из чемоданов, когда корабль получил смертоносный удар. Содержимое чемоданов пришлось выбросить, а сами они позже были использованы в качестве материала для изготовления обуви, причем материал некоторых из них, помеченный как “твердая кожа” (“*solid leather*”, ск. *всего ременная кожа*), оказалось, к нашему разочарованию, содержал большой процент картона. Производителю было бы трудно убедить нас тогда в том, что этот обман был не мошенничеством, а чем-то другим.

Передовая санная партия, состоящая из Вордье, Хасси, Хадсона и меня, везущая кирки и лопаты, стала пробивать дорогу через торосные гряды для саней, везущих лодки. Лодки с вещами и санями под ними весили каждая более тонны. Катер был поменьше, чем китобой, но весил больше и был гораздо крепче. Китобой передом был установлен на санную часть

трактора Джирлинга (*Girling tractor*), а серединой и кормой на двое саней. Сани были усилены кросс-тимберсами (*укосинами*) и укороченными носовыми и кормовыми веслами. Катер был установлен на аэросани. Сани были самым слабым звеном. Было почти безнадежным пытаться предотвратить обрушивающиеся на них тяжелым грузом удары во время движения по грубому спрессованному льду, который раскинулся перед нами на 300 миль. За передовой партией стартовали семь собачьих упряжек. Они оттащили свои сани вперед на полмили, а затем вернулись за оставшимися. Уорсли с пятнадцатью помощниками взялся за буксировку двух лодок, их они тоже тащили по очереди. Это была тяжелая работа и для собак и для людей, но когда первая часть груза была перенесена вперед, на пути обратно было время и для небольшого отдыха. Мы пересекли две открытые трещины, в которых косатки демонстрировали свои уродливые морды, и к 5 часам вечера покрыли милю в северо-северо-западном направлении. Впереди состояние льда было неопределенным, с утра давление вызвало подвижки и дробление льда во всех направлениях. Поэтому я отдал приказ разбить лагерь на ночь на плоской льдине, которая, к сожалению, оказалась молодой и тонкой. Старый же лед был под глубоким снегом и слишком неровным, чтобы организовать на нем лагерь. Хотя мы прошли только одну милю по прямой, в реальности с учетом поправок пройденный путь составил, по меньшей мере, две мили, а с учетом челночняка и до шести миль. Некоторые из собачьих упряжек покрыли, по крайней мере, и по десять миль. Я установил дежурство по палаткам с 6 вечера до 7 утра, по одному часу на каждого человека в каждой палатке по очереди.

Ночью выпал мокрый снег, и днища палаток промокли насквозь, так как температура поднялась до +25 градусов (-4С). Единственное, на что мы надеялись, так это что со временем температура опустится хотя бы до нуля, поверхность снега станет жесткой, у нас не будет проблем с сыростью и наше оборудование не будет покрыто мягким снегом. Косатки шумели всю ночь, в 2 часа ночи от лагеря побежала трещина около 20 футов шириной. Под нами был очень тонкий лед, достаточный чтобы быть пробитым косатками, если они облюбуют это сделать, но в пределах нашей досягаемости не было другого подходящего места и нам пришлось пойти на риск. С наступлением утра падающий снег был столь плотным, что мы не видели более чем на несколько десятков ярдов вперед, и я решил лагерь пока не сворачивать. Путь через нагромождения льдин будет найти трудно, а рисковать лодками было нельзя. В 7 часов утра Рикенсон и Уорсли отправились обратно в Дамп Кэмп, чтобы забрать немного дерева и ворвани (жира) для огня, и через час у нас был хуш и по одному сухарю на каждого. В 10 часов утра Хёрли и Хадсон отправились в старый лагерь, чтобы принести немного дополнительного пеммикана для собак, поскольку изобилие тюленей здесь пока не наблюдалось. Потом, когда погода прояснилась, Уорсли и я прогулялись на запад и попытались найти приемлемый путь дальше. Большая льдина обещала довольно сносный путь, по крайней мере, еще на милю к северо-западу, и мы пошли обратно готовиться к следующему переходу. Погода немного прояснилась, и после обеда мы сняли лагерь. Я взял Рикенсона, Керра, Вордье и Хадсона в качестве передовой бригады пробивать путь через торосные гряды. Следом шли пять собачьих упряжек. Упряжки Уайлда и Хёрли тащили катер и делали это великолепно. Им лишь однажды понадобилась помощь, на самом деле четырнадцать собак делали это так здорово, а может даже и лучше, чем восемнадцать человек. По мере продвижения к большой льдине лед двигался и под нами и вокруг нас, там, где она граничила с льдинами меньше, образовывались подвижные складки льда, заполненные водой. Восхитительно то, что может сделать дюжина человек с кирками

и лопатами. Мы смогли пробить дорогу через торосную гряду высотой с 14 футов за десять минут, сделав ее ровной, ну или сравнительно ровной для прохождения санных упряжек и остальных групп.

ГЛАВА V

ОКЕАНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Несмотря на влажность, глубокий снег и остановки, вызванные пробивкой пути через торосные гряды, нам удалось пройти большую часть мили до нашей конечной цели, хотя задержки и петляния снова сделали фактически пройденное расстояние ближе к шести милям. Я видел, что мужики выдохлись, и отдал приказ установить палатки под прикрытием двух лодок, которые предоставляли хоть какую-то защиту от влажного снега, покрывавшего все вокруг. Пока мы занимались установкой палаток, один из матросов обнаружил образовавшуюся на парусе, лежащим на одной из лодок, небольшую лужицу с водой. Ее было не так много, буквально по глотку каждому, но, как написал один человек в своем дневнике: *“каждый увидел и попробовал чистую, и так своевременно найденную воду”*.

На следующий день было все так же холодно, по-прежнему шел влажный снег, и с рассветом, глядя на представшую окружающую действительность, и, учитывая небольшой результат, которого мы добились всеми нашими усилиями за последние четыре дня, я понял, что пройти большее расстояние невозможно. Помимо этого, учитывая свойство открывающихся каналов закрываться, а также наши возможности грести на северо-запад, где мы сможем найти землю, я решил подыскать более твердую льдину, и там встать лагерем до тех пор, пока условия не станут более благоприятными, чтобы предпринять вторую попытку вырваться из нашего ледяного плена. Руководствуясь этими соображениями, мы переместили наши палатки и все наше снаряжение на толстую тяжелую старую льдину приблизительно в полутора милях от места крушения и там основали наш лагерь. Мы назвали его *“Океанский лагерь”*. Невероятно трудно было перетаскать наши две лодки. Снежный покров был кошмарным, никто из нас прежде не видел ничего подобного. Порой мы проваливались по пояс, повсюду снег был на два фута глубиной.

Я решил сохранить наши ценные санные пайки, которые окажутся необходимыми в неизбежном путешествии на лодках, и, насколько это будет возможно, перейти на питание исключительно тюленями и пингвинами.

Часть людей была отправлена назад в Дамп Кемп, чтобы собрать как можно больше одежды, табака и всего остального, всего, что смогут найти. Однако мокрый снег, валивший в последние несколько дней, в сочетании с таянием и последующим уплотнением поверхности, в результате привел к исчезновению многих вещей, оставленных в этом бедламе. Оставшиеся тем временем обустраивали быт, настолько, насколько позволяли условия "Океанского лагеря». Этот плавающий кусок льда с милую площадью вначале, а позже расколовшийся на меньшие и меньшие фрагменты, стал нашим домом на ближайшие два месяца. В течение этих двух месяцев мы совершали частые визиты в окрестности корабля и добыли много необходимой одежды, продуктов питания, а также некоторых ценных личных

вещей, которые придали нам изрядный оптимизм на пути сквозь льды к спасению.

Заготовка пищи становилась самой важной задачей. Ну а так как мы должны были теперь существовать почти полностью на тюленях и пингвинах, которые обеспечивали нас как пищей, так и топливом, необходимо было сделать жировую печь. Она была в итоге очень хитроумно сделана из корабельного зольника, поскольку наш первый опыт с большой железной бочкой оказался безуспешным. На последней мы могли приготовить лишь хуш или рагу из тюленины или пингвинятины, поскольку она работала непонятно как, еда или подгорала, или готовилась только частично, и как бы мы голодны не были, есть полусырое мясо тюленя было не очень аппетитно. Как-то раз замечательная тушеная тюленина с двумя или тремя банками ирландского рагу, которое было спасено с корабля, упало в огонь через дно бочки, которое мы использовали как поверхность для установки котелка, прогоревшее из-за сильного жара огня снизу. В тот день каждому пришлось довольствоваться лишь одним сухарем и четвертью замерзшей консервной банки солонины.

Новая же печь, которая служила нам во время нашего пребывания в «Океанском Лагере», была великолепна. Изрядно помучившись, в зольнике с помощью инструментов были проделаны два больших отверстия напротив друг друга в широкой или верхней части сопла. Внутри одного из них вставили бочку, используемую как топку, другое отверстие служило для удержания нашего котла. Рядом с последним было сделано еще отверстие, которое позволяло двум котелкам кипеть одновременно, а также добавлен дымоход, собранный из банок от печенья и сделавший плиту очень эффективной, но совсем не элегантной. Позже кок обнаружил, что он может печь на этой плите что-то типа лепешек или булочек, но был серьезно ограничен в производстве дрожжами.

Следующим этапом была задача возвести хоть какой-то камбуз для защиты кока от суровой погоды. Группа Уайлда, которую я отправил обратно на корабль, вернулась, и среди прочих вещей, притащила почти целиком рулевую рубку. Она, дополнительно обшитая парусиной и с натянутым на стойках брезентом, стала очень удобным складом и камбузом. Куски обшивки палубы закрепили на реях, установленных вертикально в снег, эта конструкция вместе корабельным нактоузом представляла отличную смотровую площадку для наблюдения за тюленями и пингвинами. На эту платформу также водрузили мачту, на которой развевался Королевский флаг и вымпел яхт-клуба Роял Клайд.

Я провел тщательную ревизию всех имеющихся запасов продуктов питания, их вес примерно определили с помощью простого балансира, изготовленного из куска дерева с привязанным на конце 60-ти фунтовым ящиком.

Собаčky упряжки под руководством Уайлда каждое раннее утро отправлялись на место крушения и люди делали все возможное, чтобы спасти как можно больше ценных вещей с корабля. Это была чрезвычайно сложная задача, так как вся палуба в носовой части по левому борту была на фут под водой, а по правому борту на три. Тем не менее, им удалось добыть большое количество дерева и веревок, а также некоторое количество еды. Хоть камбуз и был под водой, Бейквеллу удалось заполучить три или четыре котелка, оказавшиеся впоследствии бесценным приобретением. Целая куча ящиков муки и прочего провианта была уложена в одном из отсеков трюма, и мы не успели их вытащить наружу до того, как покинули корабль. Поэтому, определив как можно точнее ту часть палубы, которая непосредственно находилась над этими ящиками, мы принялись рубить большими ледовыми скребками дыру сквозь 3-дюймовые доски, которыми она была покрыта. Так как в этом месте корабль был под пятью футами воды и льда, это оказалась нелегко. Но, тем не менее,

мы добились того, что отверстие получилось достаточно большим, чтобы некоторое количество ящиков всплыло вверх. Они были встречены с большим одобрением, и позже, пока мы работали, другие ящики постепенно поднимали вверх, помогая багром, и встречали либо приветственным гулом, либо вздохом разочарования, в зависимости от того, что в них находилось, что-то дельное или же излишество, типа желе. Для каждого человека сейчас большее значение имела калорийность, питательность и качество еды. Это было главным. Таким образом, мы пополнили наши скудные запасы двумя-тремя тоннами продовольствия, около половины из которых составляли такие продукты, как мука и горох, которых, впрочем, надолго не хватило. Это только кажется очень много, но по одному фунту в день на двадцать восемь человек это лишь на три месяца. До этого я уменьшил пайки до девяти с половиной унций в день на человека. Теперь, однако, они могли быть увеличены и *“сегодня, впервые за десять прошедших дней, мы знали, что будем очень сыты.”*

Я держал сани, упакованные специальным санными пайками, в полной готовности на случай непредвиденного движения, а на основе оставшейся провизии, с учетом добытых в перспективе тюленей и пингвинов, я рассчитал наиболее сбалансированный рацион, при котором наши драгоценные запасы муки использовались наиболее экономичным образом. Всех тюленей и пингвинов, которые появлялись в окрестностях лагеря, мы убивали для пополнения запасов продовольствия и топлива. Собачий пеммикан мы также добавили в наш неприкосновенный запас, и поэтому кормили собак добытой тюлениной, а точнее тем, что от нее оставалось после разделки. У нас было довольно немного посуды, так небольшие куски фанеры (*venesta-wood*) превосходно служили в качестве тарелок для тюленьих стейков, рагу и жидкости всех видов подавались в алюминиевых кружках, которые были по одной у каждого. Позже в качестве посуды были задействованы банки из-под желе и печенья.

Однообразие в еде, даже с учетом ситуации, в которой мы оказались, было тем, чего я стремился избежать, наш маленький запас деликатесов, таких как, например, рыбный фарш, консервированная сельдь, и т.д. тщательно экономился и растягивался на максимально возможное время. Мои усилия оказались не напрасны, один из членов экспедиции записал в своем дневнике: *“Следует признать, что мы питаемся очень хорошо, особенно учитывая наше положение. Каждый прием пищи состоит из одного блюда и напитка. Сушеные овощи, если таковые имеются, идут в тот же котел, что и мясо, и приготовленная еда представляет собой своего рода хаи (азу с овощами) или же просто тушеное мясо с салом пополам напололам. У нас есть только два котла и количество блюд, которые можно приготовить одновременно, ограничено, но, несмотря на это, мы всегда получаем достаточно. Горячий чай или какао с сухим молоком и сахаром обязательны.”*

“Мы, конечно, очень ограничены в мучных продуктах, и, естественно, хотим их побольше. О хлебе не может быть и речи, и все же, хоть мы экономим, сохраняя порции наших сухарей для нашего возможного путешествия на лодках, мучное едим в виде лепешек, которые получаем от трех до четырех раз каждый день. Эти лепешки изготавливаются из муки, жира, воды, соли и чуть-чуть разрыхлителя, тесто раскатывается в плоский круг и запекается в течение десяти минут на горячем листе железа над огнем. Каждая лепешка весит от полутора до двух унций, и нам действительно повезло, что есть возможность их делать.”

Как-то раз во время еды были распределены несколько упаковок армейских сухарей, пропитавшихся морской водой. Они были в таком состоянии, что в другое время на них бы

даже не взглянули, но нам, на нашем плавучем куске льда, за триста миль от земли и морской бездной под ногами, они на самом деле показались деликатесом. Палатка Уайлда даже сделала из них пудинг.

Хоть я и был вынужден жестко экономить наши скудные запасы еды, я знал, как важно было сохранить у людей хорошее присутствие духа, и что депрессия, вызванная нашим окружением и неопределенным положением, может быть несколько сглажена увеличением продуктового рациона, по крайней мере до тех пор, пока мы более менее не обвыкнемся с нашим новым образом жизни. То, что это было успешным, отражено в их дневниках.

“День за днем пролетают как один. Мы работаем, болтаем, едим. Ах, как мы едим! Нет больше урезанных пайков, мы стали более привередливыми, чем были, когда впервые начали нашу "простую жизнь", но все равно, по сравнению с домашними запросами, мы определенно варвары и наша гастрономическая жадность не знает границ”.

“Вся еда, которая приносится в каждую палатку, тщательно и аккуратно делится на несколько равных частей по числу людей в палатке. Кто-то один затем закрывает глаза или отворачивает голову и называет случайным образом имена, когда кок достает очередную порцию, спрашивая при этом: «Кому?»”.

“Необъективность, естественно непреднамеренная, может быть, таким образом, полностью устранена, и каждый ощущает чувство справедливости, даже если смотрит немного с завистью на порцию другого человека, отличающуюся лишь в деталях от его собственной. Мы массово нарушаем Десятую Заповедь (Не желай ... ничего, что у ближнего твоего, прим.), но так как мы все в одной лодке, то об этом никто не произносит ни слова. Мы вполне ясно понимаем чувства друг друга.”

“Это просто словно снова сесть за школьную скамью, также очень весело, до поры до времени!”

Позже, когда перспектива зимовки в паковом льду стала более очевидной, пайки были значительно сокращены. Но к тому времени все привыкли к этой мысли и относились к происходящему как само собой разумеющемуся.

Наше питание состояло теперь преимущественно из тюленей или пингвинов, либо вареных, либо жареных. Как написал один из членов команды:

“У нас сейчас достаточно еды, но при этом и не слишком много, каждый всегда голоден так, что готов съесть все до последнего полученного кусочка. Еда дело важное, и всякая болтовня заканчивается до тех пор, пока не окончен хуи”.

Наши палатки, особенно во время еды, становились довольно тесными.

“Для того чтобы жить в палатке без мебели требуется некоторая сноровка. Во время еды мы должны сидеть на полу, а есть в таком положении жутко как неудобно, куда лучше встать на колени и сесть на пятки, как это делают японцы”.

Каждый человек в палатке по очереди назначался на один день дежурным “коком”:

“Слово "кок" в привычном значении не совсем правильно, пока у нас есть полноценный камбуз, необходимости что-то готовить в палатке нет”.

“В реальности все, что нужно сделать, так это забрать два котелка на камбузе и отнести хуи и напиток в палатку, опустошить их до дна, затем помыть их и кружки. Нет, ложки и т.д. мы не мыли, каждый из нас держал ложку и перочинный нож в своем кармане. Мы просто вылизывали их до чистоты и убирали в карманы после каждого приема пищи.”

“Наши ложки здесь одни из самых незаменимых вещей. Потерять свою ложку - это

тоже самое, что беззубому потерять свои вставные зубы.”

За все это время количество добытых тюленей и пингвинов было если и не избыточным, то уж всегда достаточным для удовлетворения наших нужд.

Охота на них была нашим повседневным занятием, группы наблюдателей рассылались в разные стороны на их поиски среди торосов и ледовых гребней. Когда кого-нибудь находили, то подавали сигнал, как правило привязанным к шесту шарфом или носком, ответный сигнал подавали из лагеря.

Затем Уайлд на собачьей упряжке отправлялся на охоту. Чтобы прокормить себя и собак требовался, по меньшей мере, один тюлень в день. Из тюленей преимущественно встречались крабоеды, а из пингвинов - императоры. 5 ноября, однако, был пойман Адели, который стал причиной многих дискуссий. *“Дежурный в промежуток с 3 до 4 утра поймал пингвина Адели. Это первый пингвин такого вида, которого мы увидели с января, и это может говорить о многом. Это может означать, что где-то рядом с нами есть земля или же вскрылся огромный канал, но в настоящее время об этом можно только гадать.”*

Ни поморники, ни антарктические буревестники, ни морские леопарды не были замечены за два месяца нашего пребывания в Океанском лагере.

Помимо ежедневной добычи пищи мы коротали время за чтением нескольких книг, которые нам удалось спасти с корабля. Величайшим сокровищем нашей библиотеки была часть “Энциклопедии Британника”. Она постоянно использовалась для разрешения неизбежно возникающих споров. Как-то раз матросы затеяли очень жаркую дискуссию на тему *Деньги и Обмен*. В итоге они пришли к заключению, что Энциклопедия, так как она не совпадает с их взглядами, наверняка ошибочна.

“В описании каждого американского города, который когда-либо был, есть, или даже будет, полной и законченной биографии каждого американского государственного деятеля со времен Джорджа Вашингтона и ранее, энциклопедию трудно превзойти. Но из-за нехватки спичек мы были вынуждены использовать ее для целей других, нежели чисто литературных, один гений обнаружил, что бумага ее страниц пропитана селитрой, и теперь мы можем рекомендовать ее как очень эффективную зажигалку.”

У нас также были несколько книг по исследованию Антарктики, том Браунинга и “Старый мореход” (*«Сказание о старом мореходе» - поэма английского поэта Сэмюэла Колриджа, прим.*). Во время чтения мы сочувствовали ему и задавались вопросом, что он сделал с альбатросом, он стал бы весьма полезным дополнением к нашей кладовой.

Более всего нас интересовали два вопроса, скорость дрейфа и погода. Уорсли, когда это было возможно, определял наши координаты по солнцу, и они убедительно доказывали, что дрейф нашей льдины почти полностью зависел от ветров и не так сильно от течений. Наши надежды, конечно, были на дрейф к северу, к краю пакового льда, чтобы затем, когда лед станет достаточно разорванным, сесть в лодки и догresti до ближайшей земли. Мы начали блестяще, дрейфуя на север почти по двадцать миль за два-три дня под гул юго-западной вьюги. Однако постепенно мы замедлились, и, как показали последующие наблюдения, начали дрейф обратно на юг. Усилившийся северо-восточный ветер, который начался 7 ноября и продолжался двенадцать дней, на время остудил наш пыл, пока, однако, мы не выяснили, что кроме того, что переместились к югу на три мили, но и еще и приблизились на семнадцать миль ближе к берегу. Это убедило нас в теории о том, что льды моря Уэдделла дрейфуют по часовой стрелке, и, что если мы сможем остаться на нашем куске льда достаточно долго, то, в конечном счете, должны быть вынесены на север, где открытое

море и путь к сравнительной безопасности.

Окружающий нас лед не делал видимых подвижек. Единственным способом, которым мы могли определить, что двигались, была фиксация нашей широты и долготы путем наблюдения солнца и измерение относительной позиции айсбергов вокруг нас. Без этого, насколько позволял видимый дрейф, мы, по ощущениям, находились на твердой земле.

В течение следующих нескольких дней мы хорошо продвинулись, продрейфовав семь миль к северу на 24 ноября и еще семь миль в последующие сорок восемь часов. Все были очень рады узнать, что хотя всё это время ветер и был преимущественно юго-западным, нас не сильно отнесло на восток. Земля лежала на западе, поэтому, если бы нас относило на восток, мы должны были оказаться в центре моря Уэдделла и наши шансы достичь земли значительно уменьшались.

Средняя скорость дрейфа была невысокой и довольно много разнообразных расчетов были сделаны на предмет, когда же мы достигнем края пакового льда. 12 декабря 1915-го один человек написал: *“Как только мы пересечем Полярный круг, то сможет показаться, что мы находимся практически на полпути домой, а при попутных ветрах мы сможем пересечь его еще до Нового Года. Дрейф по три мили в день способствует этому, мы часто проходим их в течение трех или четырех последних недель”*.

“Сейчас мы находимся только в 250 милях от острова Паулета, слишком далеко к востоку от него. Мы приближаемся к широтам, в которых находились в это же время в прошлом году на пути к югу. Корабль покинул Южную Джорджию всего лишь год и неделю назад и достиг этой широты, плюс-минус четыре пять миль от нашей сегодняшней позиции, 3 января 1915-го, пересекая Полярный круг в канун Нового Года.”

Таким образом, спустя год непрерывной борьбы со льдом, мы вернулись, испытав много странных поворотов колеса фортуны к почти той же широте, которой достигли с такими высокими надеждами и чаяниями двенадцать месяцев назад, но в каких разных условиях мы сейчас! Наш корабль разрушен и потерян, а мы дрейфуем на куске льда, отданные на милость ветров. Однако, несмотря на отдельные неприятности из-за неблагоприятных ветров, наш дрейф был в основном удовлетворительным, и это долгое время оставляло людей в хорошем расположении духа.

Поскольку дрейф, главным образом, зависел от ветров, то все с пристрастием наблюдали за погодой, Хасси, метеоролог, делал прогнозы каждые четыре часа, а иногда даже чаще. Метеостанция, включавшая термометры и барограф, была сооружена на вмороженном в лед столбе, показания снимались каждые четыре часа. Когда мы покидали корабль, погода стояла холодная и ненастная, настолько неблагоприятная, что совсем не располагала к нашей попытке двигаться дальше. Наши первые дни в Океанском лагере были прожиты в тех же условиях. Ночью температура падала до нуля, шел снег, наметавший огромные сугробы. Были введены поочередные часовые дежурства, а в такую погоду это было занятием не из легких. Дежурный должен был постоянно следить за разломами льда или любыми внезапными изменениями в ледовой обстановке, а также присматривать за собаками, которые часто в ранние утренние часы становились беспокойным, капризными и вздорными. К концу часа дежурный был очень рад уползти обратно в свой скованный морозом, но сравнительно теплый спальный мешок.

6 ноября серая мгла сменилась завывающей юго-западной вьюгой, со снегом и низкой поземкой. Все были вынуждены искать убежище в палатках. Везде намело глубокие сугробы, похоронившие сани и провизию на глубину двух футов и угрожавшие порвать тонкую ткань

палаток. Снег пытался даже проникнуть даже сквозь вытяжку палатки, которая была своевременно заткнута запасным носком.

Вьюга продолжалась в течение двух дней, один человек написал: *“Метель продолжались все утро, но к полудню прояснилось, а вечером и вовсе было прекрасно, но мы бы и дальше слушали порывы метели с ее сугробами и холодным влажным ветром, ибо мы продрейфовали к северу только за одну ночь около одиннадцати миль”*.

В течение следующих четырех дней стояла хорошая ясная и теплая погода, но, правда, в тени было прохладно. Как правило, температура опускалась ниже нуля, но в эти прекрасные солнечные дни каждая возможность использовалась для того, чтобы хоть немного просушить наши спальные мешки и прочие вещи, отсыревшие от попавшего во время бури снега, а затем растаявшего от тепла наших тел. Яркое солнце, казалось, всех воодушевило.

На следующий день задул северо-восточный ветер, поднявший температуру до +27 градусов (-3С) – всего на 5 градусов ниже точки замерзания. *“Такие высокие температуры не всегда несут тепло, которое должно быть ассоциируется с термометрической шкалой. Они, как правило, сопровождаются хмурым пасмурным небом и влажным промозглым ветром. Южные ветра хотя и холоднее, но почти всегда сопровождаются солнечными днями с чистым голубым небом.”*

Температура продолжала расти, достигнув 33 градусов (+1С) 14 ноября. Оттепель, вызванная столь высокой температурой, вызвала губительный эффект на поверхности нашего лагеря. *“Поверхность ужасна! – не то, что бы влажная, скорее непредсказуемая. Каждый шаг требует осторожности. Пару шагов все хорошо, но потом нога вдруг внезапно проваливается на пару футов, пока не доходит до жесткого слоя. Ты пробираешься вперед шаг за шагом, словно чистильщик Портсмутской канализации, который надеется постепенно вылезти на поверхность. Это повторяется раз за разом под аккомпанемент всех мыслимых ругательств, которые только можно вспомнить. Это происходит из-за того, что теплый воздух образует на поверхности снега капли воды, которые стекают немного вниз и, попадая на холодные слои снега, вновь замерзают, образуя, таким образом, пористую ледяную структуру вместо мягкого, порошкообразного гранулированного снега, к которому мы привыкли”*.

Столь высокие температуры сохранялись в течение нескольких дней и, когда небо было чистым и светило солнце, а изредка это случалось, было невыносимо жарко. Пятеро человек, которые отправились забрать кое-какое снаряжение в окрестностях корабля, вообще шли только в брюках и фуфайках, было настолько жарко, что они даже боялись получить солнечный удар, и опустили козырьки фуражек, чтобы прикрыть шеи. Рукава их фуфаяк были закатаны по локти, и позже руки стали красными и загорелыми. Температура тогда была 26 градусов, 6 градусов ниже точки замерзания. За пять или шесть дней, в течение которых светило солнце, большинство нашей одежды и спальных мешков удалось более-менее просушить. 21 ноября пошел снег с дождем, и единственное, что хоть как то скрашивало этот дискомфорт, так это задувший южный ветер.

Позже ветер сменился на западный, а в 9 вечера выглянуло солнце. В это время, ближе к концу ноября, в полночь все еще светило солнце. Вскоре задул *“трижды благословенный южный ветер”*, взбодривший нас и ставший причиной следующей заметки в одном из дневников:

“Сегодня самый прекрасный день из тех, что мы провели в Антарктике - ясное небо, нежный, теплый южный бриз и искрящееся солнце. Мы воспользовались этим, чтобы

перетряхнуть палатки, почистить, просушить и проветрить подстилки под днища палаток и спальные мешки.”

Я встал в 4 утра на дежурство и представшее моему взору зрелище было действительно завораживающим. Открывшаяся передо мной картина представляла собой обширную панораму ледовых полей, рассеченными здесь и там небольшими обрушившимися каналами и пятнами многочисленных величественных айсбергов, частично залитых солнцем, а частично окрашенных серыми тенями пасмурного неба.

Мы как один зачарованно наблюдали за четкой демаркационной линией между светом и тенью, которая постепенно приближалась все ближе и ближе, понемногу освещая торосистый рельеф ледового поля, пока, наконец, она не дошла до нас, переполюшив весь лагерь свечением яркого солнца, которое продолжалось почти весь день.

“Днем один или два раза прошел градообразный снег. Вчера мы также столкнулись с редкой формой снега, или даже скорее, осадками в виде ледяных игл, очень похожих на небольшие волоски около дюйма длиной”.

“В обед в палатках было настолько тепло, что мы распахнули для вентиляции все пологи, но такое случается не часто, и ради тепла иногда приходится терпеть немного спертый воздух. Вечером ветер посвежел и сменился на самый лучший, юго-восточный.”

В эти прекрасные, ясные солнечные дни наблюдались удивительные миражи, подобные возникающим в пустыне. Одни огромные айсберги висели в воздухе с видимым отчетливым разрывом между их основанием и горизонтом, другие были странно искажены во всякого рода странные и фантастические образы, при этом много раз изменяясь в размерах. В дополнение к этому чистый блестящий белый снег и лед порождали картину, которую невозможно описать словами.

Позже свежий юго-западный ветер принес мягкую пасмурную погоду, вероятно вызванную вскрывшимся паком в этом направлении.

На случай внезапного раскола льда и иной чрезвычайной ситуации я принял меры для экстренного перемещения лагеря. Был проведен инструктаж, где каждому человеку определили его место и обязанности, все было организовано так, что менее чем за пять минут с момента подачи сигнала опасности собирались палатки, вещи и продовольствие и вся команда была готова к движению. Я также окончательно выяснил душевное и физическое состояние команды. Время, проведенное Океанском лагере, не было безоблачным. Потеря корабля значила для нас больше, чем можно выразить словами. После того, как мы обосновались в Океанском лагере, Эндьюранс по-прежнему оставался в ледяных объятьях, и только корма и бак были погребены безжалостным паком. Спутанная масса веревок, такелажа и рангоутов делала картину его гибели еще более унылой и удручающей.

Поэтому наступило какое-то душевное облегчение, когда кораблю пришел окончательный конец.

“21 ноября 1915. Вечером, когда мы лежали в своих палатках, мы услышали, как Босс крикнул: «Он тонет, парни!». В секунду мы выскочили наружу и забрались на смотровую вышку и другие точки обзора, и, разумеется, устремили взоры на наш бедный корабль в полутора милях отсюда, бьющийся в предсмертной агонии. Он пошел на дно с бака, подняв в воздух корму. Затем стал быстро погружаться, и лед закрылся над ним навсегда. Это видение вызвало отвратительное ощущение, пусть без мачт и полностью разрушенный, он все равно, казалось, связывал нас с внешним миром. Без него наши лишения показались более

подчеркнутыми, а наше одиночество более полным. Потеря корабля пронесла слабую волну депрессии сквозь лагерь. Никто ничего не говорил, мы не были виновны в появившихся сентиментальных чувствах. Когда он беззвучно нашел свое последнее пристанище подо льдом, на котором мы сейчас стояли, казалось у каждого всплыли в голове многие связанные с ним внутренние ассоциации. Когда каждый знал каждый уголок и закоулок своего корабля, вновь и вновь помогал ему в борьбе и отдавался этому полностью, реальное расставание не могло обойтись без этого пафоса, какого-то внутреннего опустошения, и я сомневаюсь в том, что среди нас был хоть один человек, который бы не ощутил эмоций, когда Сэр Эрнест, стоя на вершине смотровой вышки грустно и тихо сказал: «Его больше нет, парни»".

“Однако должен сказать, что мы не впали надолго в депрессию, и, вскоре, каждый был как обычно. Из палаток раздавался смех, и даже Босс, схлестнувшийся с завхозом из-за размера порций сосисок, настаивал на том, что должно быть по две каждому, потому что они слишком малы, а не по полторы, как настаивал завхоз.”

Психологический эффект от небольшого увеличения рационов вскоре нейтрализовал любую тенденцию к падению духа, но из-за установившейся высокой температуры наши спальные мешки и одежда были постоянно влажными. Ботинки при ходьбе хлюпали, и мы жили в состоянии вечно мокрых ног. К ночи, с понижением температуры, облака пара поднимались от наших влажных мешков и обуви. Ночью, поскольку становилось все холоднее, пар конденсировался в виде инея на внутренней поверхности палатки и снегом осыпался вниз прямо на нас, если кому-то случалось нечаянно задеть палатку. Также теперь было нужно быть крайне осторожным на прогулках, довольно часто лишь тонкая корка льда и снега прикрывала проталины в льдине, в которые многие по неосторожности проваливались по пояс. Эта постоянная влажность, однако, казалось не вызывала особого эффекта, ну или, возможно, не была столь очевидной на фоне перспективы скорого освобождения.

Северо-западный ветер 7 и 8 декабря немного замедлил наше продвижение, и у меня были основания полагать, что он поможет вскрыться льду и сформироваться каналам, по которым мы сможем вырваться в открытое море. Поэтому я приказал попрактиковаться в спуске лодок на воду, укладке в них пищи и снаряжения. Тренировка прошла очень хорошо. Мы спустили шлюпку с льдины в канал, который пробежал вдоль ее края, и лодка понеслась по воде “словно птица”, как отметил один матрос. Наши надежды на скорейшее освобождение были высоки. Неожиданно началась снежная буря, усилившаяся на следующий день и превратившая палатки и упаковочные ящики в один большой сугроб. 12 декабря она немного ослабла и повернула к юго-востоку, а на следующий день прекратилась, но хороший устойчивый ветер с юга и юго-запада продолжал относить нас на север.

“15 декабря, 1915. Продолжающиеся южные ветра превышают наши самые смелые надежды и пропорционально поднимают настроение. Перспективы не может быть лучше, чем сейчас. Окружение нашей льдины постоянно меняется. Уже несколько дней мы почти окружены небольшими открытыми протоками, мешающими нам перейти на соседние льдины.”

Еще через два дня наша фортуна нам изменила, и сильный северо-восточный ветер принес “собачий холод” и отнес нас обратно на три с четвертью мили. Вскоре, однако, ветер опять сменился на южный и юго-западный. Столь высокие температуры в сочетании с сильными переменчивыми ветрами, с которыми мы сталкивались последнее время, навели

меня на мысль, что лед вокруг нас подтачивается и ломается и что момент нашего освобождения из ледяной пасти Антарктики не за горами.

20 декабря после предварительного обсуждения с Уайлдом, я сообщил всем, что намереваюсь попытаться сделать марш-бросок на запад, чтобы сократить расстояние между нами и островом Паулета. Гул радостного возбуждения пронесся над лагерем, и каждому не терпелось отправиться в путь. На следующий день я отправился на собаках с Уайлдом, Крино и Хёрли на запад разведать маршрут. Пройдя около семи миль, мы поднялись на небольшой айсберг и с него увидели протяженную, насколько хватало взгляда, последовательность огромных плоских льдин от полумили до мили в поперечнике, отделенных друг от друга торосными грядами, которые, как казалось, легко проходимы с помощью шанцевого инструмента. Единственным местом, обещавшим вызвать изрядные трудности, был очень разорванный трещинами участок длиной около полумили между старой льдиной, на которой мы находились и первой серией молодых плоских льдин.

Из-за этого мы перенесли Рождество на 22 декабря, и большинство наших небольших остатков роскоши был съедены на рождественском банкете. Мы не могли взять все это с собой, и поэтому, впервые за последние восемь месяцев, наелись до отвала. Анчоусы в масле, запеченные бобы и тушеная зайчатина составили славную смесь, о какой мы и не мечтали со школьных времен. Все работали с высокой отдачей, упаковывая и перепакующая сани и размещая груз, который мы собирались взять с собой, в различные мешки и ящики. Когда я смотрел на одухотворенные лица мужиков, то надеялся, что на этот раз судьба будет благосклоннее к нам, чем в нашей последней попытке прорыва через льды к безопасности.

ГЛАВА VI

МАРШ-БРОСОК

Все, за исключением ночного дежурного, легли спать в 11 вечера, а в 3 часа утра 23 декабря проснулись для того, чтобы перетащить на санях по скованному ночным холодом насту две шлюпки, *Джеймс Кэрд* и *Дадли Докер*, через опасную зону трещин до ближайшей молодой льдины. Мы стартовали в 4.30 утра после горячего кофе в плотном морском тумане, пришедшем с запада.

Лодки перетаскивали по очереди, и по извилистому и тщательно вымеренному пути сквозь битый лед мы их благополучно перенесли через опасную зону.

Затем мы вернулись в Океанский лагерь за палатками и оставшимися санями, а после разбили стоянку у шлюпок в одной с четвертью миль от него. На обратном пути мы добыли большого тюленя, который обеспечил нас и собак свежим мясом. По прибытии на стоянку мы поужинали холодной консервированной бараниной с чаем и улеглись в 2 дня. Я принял решение спать днем, а двигаться ночью, чтобы воспользоваться преимуществом более низкой температуры и, следовательно, более твердым настом.

В 8 вечера все встали и после перекуса из холодной баранины с чаем марш-бросок продолжился. Большой открытый канал вынудил нас остановиться в 11 ночи, после чего мы разбили лагерь и улеглись спать без еды. К счастью, в это время погода была ясная и теплая.

Несколько человек спали под открытым небом с самого начала нашего путешествия. Но как-то ночью начался небольшой снегопад, приведший немедленно к понижению температуры. Уорсли, который повесил свои штаны и носки на лодку, нашел их скованными льдом и поэтому жесткими, и ему было весьма болезненно быстро натянуть их ранним утром. Я очень переживал из-за этой временной задержки в самом начале пути, тогда, когда мы должны были приложить все усилия, чтобы освободиться. Днем Уайлд и я прошли на лыжах до трещины и обнаружили, что она снова закрылась. На обратном пути мы промаркировали наш путь небольшими флажками. Теперь каждый день, после того как все ложились спать, Уайлд и я будем уходить вперед на пару миль или около того, чтобы разведать маршрут на следующий день, маркируя его кусками дерева, банками и маленькими флажками. Мы выбирали путь, который может и был окольным, но был ровным и наименее заторошен. Торосные гряды по возможности огибались, там, где это было невозможно, искали и помечались наиболее подходящие места, чтобы сделать гать из ледяных блоков через канал или брешь в торосной гряде. В обязанности каюров входила, таким образом, подготовка пути для тех, кто шел позади с тяжелыми лодками. Лодки тащили поочередно, передвигаясь в среднем по 60 ярдов. Я не хотел, чтобы они были разделены слишком большим расстоянием, и если под одной из них треснет лед, то мы должны были успеть достигнуть той, что осталась позади. Каждые плюс-минус двадцать ярдов мужики останавливались перевести дух, а самым приятным зрелищем для них было увидеть натянутый на веслах тент, который означал, что повар начал готовить еду, и что, по меньшей мере, гарантирован временный привал. Таким образом, группа, тащившая лодки, проходила маршрут туда-обратно три раза. Собаčky упряжки мотались туда-сюда по два, а некоторые по три раза. Собаки были великолепны. Без них мы не смогли бы перевезти и половины тех припасов и снаряжения, которые перетаскивали.

Мы легли спать в 7 часов вечера, а в 1 час ночи следующего дня, 25-го, на третий день нашего марша позавтракали санным рационом. В 2 ночи мы снова были в пути. Мы пожелали друг другу счастливого Рождества и мысленно тем, кто остался дома. Мы также в тот день живо обсуждали вопрос, *“обеда”* черствой тонкой пресной лепешкой с кружкой жидкого какао, чем же родные отмечают праздник дома.

Все были очень радостны. Перспектива освобождения от однообразия жизни на льдине поднимала наш дух. Один человек написал в своем дневнике: *“Это тяжелая, монотонная, но веселая жизнь, это переходы и ночевки, ни умыться, ни помыться, не раздеться, не сменить одежду. Мы худо-бедно едим, пропитаны гарью, спим почти на голом снегу и отдаем работе настолько, насколько человеческое тело способно сделать на минимуме пищи”*.

Мы шли до половины двенадцатого, сделав одну остановку в 6 часов утра. После ужина тюленьим стейком с чаем завалились спать. Поверхность льдины сейчас была просто ужасна. Высокая температура в течение дня сделала верхние слои снега очень мягкими, и тонкий наст, который образуется ночью, был не в состоянии выдержать даже вес человека. Поэтому при каждом сделанном шаге мы проваливались по колено в мягкий сырой снег. Периодически кто-то проваливался в отверстия во льду, предательски скрытые покрывалом снега, и его приходилось вытягивать за стропу. Солнце палило нещадно, многие страдали от потрескавшихся губ.

В этот день мы убили двух тюленей. Уайлд и Маклрой, которые отправились на охоту, получили непередаваемые ощущения, когда вышли на разорванный подтаявший лед, и

увидели в нескольких ярдах от себя трех косаток, которые двигали своими уродливыми головами словно в ожидании банкета.

На следующий день, 26 декабря в 1 час ночи мы снова тронулись в путь. *“Поверхность гораздо лучше, нежели была в последние несколько дней, и это самое главное. Маршрут, однако, проходит по очень заторошенным льдинам и нужно много работать кирками и лопатами, чтобы сделать его проходимым для саней с лодками. Этим занимались посменно восемнадцать человек под руководством Уорсли. Это невероятно тяжелая работа.”*

В 5 часов утра, после неприлично короткого перехода мы остановились у широкого открытого канала. Пока мы ждали его закрытия, выпили чай с двумя небольшими лепешками, но к 10 утра никаких признаков к закрытию канала не появилось и мы легли спать.

В течение дня шел небольшой снег, и у тех, кто спал снаружи, спальные мешки стали довольно влажными.

В 9.30 часов вечера мы опять тронулись в путь. Я, как обычно, шел первым вместе с коком и его помощником, таща небольшие сани с печкой и всеми кухонными принадлежностями. Этих двоих, черных от сажи как два Могавских министреля (*Mohawk Minstrels*, ск. всего герои одноименного фильма 1897г.), прозвали «Поташ и Перламутр» (герои рассказов Монтегю Гласса нач. 20 века). Следом шли собачьи упряжки, которые вскоре обгоняли нас, а замыкали кортеж две лодки. Если бы не эти неудобные в транспортировке лодки, мы могли бы двигаться вперед с очень приличной скоростью, но мы не могли бросить их ни при каких обстоятельствах. Мы и так оставили одну шлюпку *Стэнкомб Уиллс* в Океанском лагере и оставшиеся две едва вместят всю партию, когда мы покинем льды.

Мы сделали до наступления ночи приличный переход в полторы мили, прежде чем в час остановились на “обед”, а потом еще милю, и в 5 часов утра разбили лагерь у небольшого пологого айсберга.

Блэки, один из псов Уайлда, охромел и не мог ни тянуть, ни идти в ногу со стаей, даже когда его освободили от сбруи, поэтому его пришлось пристрелить.

В девять часов вечера 27-го, мы снова были в пути. Пересечение первых двухсот ярдов отняло у нас около пяти часов из-за необходимости пробивать путь через многочисленные торосные гряды и гатить каналы. К тому же заснеженная поверхность была очень раскисшей, так что наше продвижение было крайне медленным и утомительным. Нам удалось пройти еще три четверти мили до обеда, и еще милю на запад по очень заторошенной льдине, прежде чем мы разбили лагерь в 5.30 утра. Гринстрит и Маклин убили и притащили огромного тюленя Уэдделла весом около 800 фунтов и двух императорских пингвинов, которые стали отличным пополнением наших припасов.

Я поднялся на небольшой наклонный айсберг неподалеку. Местность в направлении дальнейшего движения была сильно разорвана. Огромные открытые каналы пересекали льдины под всеми углами, и все это выглядело очень бесперспективно. Уайлд и я как обычно вышли на поиск дальнейшего пути, но и это оказалось нереально.

“Декабрь, 29. После дальнейшей рекогносцировки лед впереди оказался непроходим, так что вчера в 8.30 вечера при всеобщем разочаровании, вместо того, чтобы двигаться вперед, мы были вынуждены вернуться на полмили назад к прочной льдине, на которой в 10 часов вечера разбили лагерь и легли спать. Несмотря на уныние, дополнительный сон был необходим.”

Ночью через льдину пробежала трещина, и мы торопливо переместились на крепкую старую льдину приблизительно в полутора милях к востоку от нашего нынешнего положения. Окружавший нас лед был теперь слишком разбитым и мягким для саней, но, тем не менее, открытой воды, достаточной для того чтобы безопасно спустить лодки не было. Мы находились на марше семь дней, питание было ограниченным, люди были ослаблены. Они выдохлись от тяжелой тягловой работы на раскисшем снегу, а запасы санных рационов были очень небольшими. Мы прошли всего семь с половиной миль по прямой и при такой скорости нам бы понадобилось более трехсот дней, чтобы добраться до земли далеко на западе. Так как пищи у нас было только на сорок два дня, поэтому особой альтернативы не было, и мы должны были смириться с тем, что вновь разобьем лагерь на льдине и будем терпеливо дожидаться более благоприятных условий для следующей попытки выбраться. Мы сгрузили наши излишки провизии, неприкосновенные санные пайки держали уложенными на сани, и перенесли все, что смогли из нашего старого, но теперь брошенного Океанского лагеря.

Наш новый дом, который мы занимали в течение почти трех с половиной месяцев, мы называли *“Лагерем терпения”*.

ГЛАВА VII

ЛАГЕРЬ ТЕРПЕНИЯ

Апатия, которая, как казалось, завладела некоторыми мужчинами из-за разочарования в своих надеждах, вскоре рассеялась. Ежедневно в разные стороны на поиски тюленей и пингвинов посылались группы охотников. У нас, помимо неприкосновенного запаса санных пайков, оставалось около 110 фунтов пеммикана, включая собачий, и 300 фунтов муки. Кроме этого было немного чая, сахара, сушеных овощей и сала. Я послал Хёрли и Маклина в Океанский лагерь для того, чтобы привезти оставленное там продовольствие. Они вернулись с очень хорошей добычей, в том числе со 130-ю фунтами сухого молока, где-то 50-ю фунтами собачьего пеммикана и джема, несколькими банками консервированного мяса. Когда они были примерно в полутора милях от нас, их голоса были вполне слышимы, настолько прозрачен был воздух.

Мы были очень ограничены в мучном. Муку смогли растянуть лишь на десять недель. После этого наши санные рационы будут служить нам менее трех месяцев. Наша пища состояла в основном из тюленей и пингвинов и, хотя она была ценна как противочинготное средство, т.к. ни единого случая цинги в команде не было, такая диета была сама по себе скверной, и впоследствии мы чувствовали себя очень слабыми и изнуренными.

“Кок заслуживает особых похвал за то, как он негибимо выполняет свою работу во время всех этих суровых метелей. Его камбуз состоит лишь из нескольких сложенных ящичков, двух жировых печей и брезентовой обертки, возведенной вокруг на четырех веслах. Защита от ветра, которую выполняет эта загородка только частична, поэтому порывы ветра разгоняют едкий дым жировой печи во все стороны”.

Через несколько дней мы построили для него из ледяных блоков иглу с брезентом наверху в качестве крыши.

“Нашего рациона достаточно, чтобы поддерживать в нас жизнь, но все мы чувствуем, что смогли бы съесть вдвое больше, нежели получаем. Сейчас в среднем еда состоит из полфунта тюленины с пинтой чая на завтрак, 4-х унций (112 г) лепешки с молоком на обед и трех четвертей пинты тушеной тюленины на ужин. Этого едва хватает, даже если выполнять минимум работы, ибо мы полностью лишены хлеба и картофеля, ну или чего-то подобного. Некоторым из нас, похоже, приходится еще тяжелее, они постоянно говорят о еде, но большинство из нас находят, что такие разговоры о пище только возбуждают аппетит, который не может быть удовлетворен. Наша жажда хлеба и масла очень высока, и не из-за того, что нам их не дают, а потому что организм чувствует в них необходимость”.

Из-за нехватки продовольствия и того, что всё, что мы могли добыть, было нужно, в первую очередь, нам самим, я приказал застрелить всех собак, за исключением двух упряжек. Это была самая гнусная работа, которую пришлось выполнить за все время экспедиции, мы очень остро восприняли их потерю.

Я должен был постоянно менять еженедельное меню. А число возможных вариаций с тюлениной было явно ограничено. Но то, что люди не знали об этой, своего рода эмоциональной спекуляции, имело огромное значение. *“Мы сегодня (26 января) поймали Адели, невдалеке видели кита, но тюленей нет”.*

“Сейчас мы очень ограничены в топливе и в результате одна плита простаивает. Мы получаем один горячий напиток в день, чай на завтрак. В остальное время пьем ледяную воду. Иногда ограничены даже в этом, обычно возьмем с собой в спальник несколько кусочков льда в оловянной банке из-под табака. Утром в банке ложка воды, причем банка должна всю ночь лежать неподвижно, чтобы вода не пролилась.”

Дабы обеспечить хоть какое-то разнообразие в еде, я начал использовать по половине санного рациона дважды в неделю.

От Океанского лагеря нас отделяло около пяти миль разбитого льда к юго-западу, но я всё же решил отправить туда Маклина и Хёрли вместе со своими собаками, чтобы посмотреть, есть ли там какие-либо продукты питания, которые могли бы быть добавлены к нашим скудным припасам. Я дал им письменные инструкции не рисковать без необходимости и не пересекать любые широкие открытые каналы, и сказал, чтобы они вернулись к середине следующего дня. Ни единожды провалившись по пояс сквозь тонкий лед, им всё же удалось добраться до лагеря. Они нашли лагерь просевшим на пару футов. Океанский лагерь, как они рассказали, *“выглядел как деревня, стертая с лица земли и брошенная её обитателями”.* Доски палубы, которые мы подкладывали под низ палаток, предотвращали таяние снега от солнца прямо под ними, и вздымались на почти два фута над уровнем окружающей льдины.

Склад рядом с камбузом покосился, повсеместно образовались лужи. Они собрали всю еду, что смогли найти, забросили несколько книг в фанерный ящик саней и вернулись в Лагерь Терпения около 8 часов вечера. Я был рад их скорому возвращению и, так как из их доклада следовало, что дорога была приемлемой, 2 февраля я отправил обратно восемнадцать человек под руководством Уайлда принести всю оставшуюся еду и третью шлюпку *Стэнкомб Уилс*. Они вышли в час ночи, захватив пустые сани, на которых везли *Джеймс Кэрд* и достигли Океанского Лагеря около 3.30 утра.

“Мы оставались в лагере около трех часов, устанавливая лодку на сани, собирая съестные припасы, одежду и книги. Мы вышли из него в 6 утра и вернулись обратно в

Лагерь Терпения со шлюпкой в 12.30, потратив ровно в три раза больше времени, чтобы вернуться с лодкой, нежели тащить сани без нее. На обратном пути мы делали многочисленные остановки, пока передовая партия из четырех человек была занята расчисткой проходов в торосных грядках и заполнением открытых трещин блоками льда, если они были открыты. Солнце довольно сильно размягчило поверхность, и местами тянуть было ужасно тяжело. За то время, что мы шли обратно, каждый здорово утомился, так как мы пребывали не в лучшей форме и сидели на ограниченном пайке. И сейчас и тогда тяжелые сани проламывали лед и были практически на плаву. Это была очень тяжелая, изматывающая работа, чтобы вытащить их. Самый длинный переход, который нам удалось сделать без остановки у каналов или торосных гряд был около трех четвертей мили.”

“Примерно в миле от Лагеря Терпения нас ждал приятный сюрприз. Сэр Эрнест и Хасси шли навстречу нам с хорошо обернутыми для сохранения тепла котелками горячего чая.”

“Один или двое человек расчистили довольно приличный участок пути для нас от лагеря и затем впряглись вместе с нами и мы пошли в блестящем темпе.”

“Еще одним прекрасным результатом нашего похода стало восстановление двух упаковок чечевицы весом 42 фунта каждая.”

На следующий день я послал Маклина и Крина назад для дальнейшего сбора вещей, но они столкнулись с несколькими открывшимися за ночь каналами и были вынуждены вернуться, не дойдя без малого полторы мили до места назначения. Нам больше так и не удалось снова достичь Океанского лагеря. К тому же в нем осталось очень мало из того, что нам могло бы пригодиться.

К середине февраля очень остро встал вопрос топлива. Мы выкопали все выброшенные ранее тюленьи головы и плавники и срезали с них все остатки жира. Мяса также было в обрез. Мы все еще сохраняли наш трехмесячный запас санных рационов практически нетронутым и собирались использовать его только в самом крайнем случае. У нас был небольшой запас собачьего пеммикана, но оставшихся собак кормили теми частями тюленины, которые не могли использовать для своих нужд. Этот собачий пеммикан мы жарили в сале с небольшим количеством муки и получались превосходные лепешки.

Наши запасы мяса сейчас были действительно очень малы, каждому по несколько кусочков. К счастью, однако, мы поймали двух тюленей и четырех императорских пингвинов, а на следующий день сорок Адели. Теперь у нас было еды на сорок дней, но нехватка жира для топлива по-прежнему остро ощущалась. Все наше сало было использовано, поэтому мясо жарили на тюленьем жиру. Со временем мы полюбили его рыбный привкус, но как и Оливер Твист хотели большего.

29 февраля, в Високосный день, мы устроили особенный праздник, развеселивший мужчин больше, чем что-либо другое. Некоторые из наших циников постановили, что это было отмечание избавления от женских козней еще на четыре года. В этот день было допито последнее какао. Впредь нашим единственным напитком стала вода, слегка разбавленная молоком. Теперь ежедневно каждому полагались три щепотки сахара.

Однажды ночью один из псов отвязался и опустошил наши драгоценные запасы лепешек. Он сожрал четыре с половиной из пяти, прежде чем был остановлен. Оставшуюся половину со следами собачьих зубов я отдал Уорсли, который разделил её на семерых своих соседей по палатке, каждому досталось по половине квадратного дюйма.

Лиз, который отвечал за еду и ее хранение, написал в своем дневнике: *“Ограничение в провизии сильнее, чем это делают в провиантской части, при этом мы ухищряемся существовать на наших скудных запасах неделя за неделей. Ни одна домохозяйка никогда не сможет сделать то, на чем мы продолжаем наш долгий путь.*

“Когда пишу о пресной лепешке, которую Питер немного покусал, то возникает одно желание, иметь столько еды, сколько дают дома собаке. Когда ты голоден, брезгливость идет по ветру, ты рад сожрать любые отходы, независимо от их происхождения. Может и нет смысла писать о всех тех лакомых кусочках, поднятых здесь, но достаточно рассказать, что когда кок опрокинул немного пеммикана на старую законченную тряпку и выбросил ее за пределы своего камбуза, то один человек позже соскабливал с нее грязную, но приемлемую для еды пищу”.

Другой ковырялся в течение часа в снегу, где он несколькими днями ранее уронил кусок сыра, в надежде найти хоть пару крошек. Он был вознагражден, найдя кусок размерами с ноготь большого пальца, и смотрел на него как на огромную ценность.

Тюлений жир был постоянной частью нашего рациона, как в сыром виде, так и вареном или жареном. *“Поразительно как в этом плане изменились наши аппетиты. До недавнего времени только одна мысль о нем вызывала отвращение. Теперь, однако, мы требуем его. Густое черное масло, напоминающее на вкус рыбий жир, капающее с него и больше похожее на китовый жир, мы пьем с алчностью.”*

Пока мучного и тюленины у нас оставалось из расчета два раза в день на месяц. Наш сорокадневный неприкосновенный запас санных пайков мы хотели сохранить до последнего.

Один человек философски заметил в своем дневнике:

«В том, чтобы быть голодными как сейчас есть свой плюс, когда мы вернемся домой то будем многие вещи ценить гораздо сильнее.»

Тюлени и пингвины, казалось, старательно избегали нас, 21 марта, оценив запасы нашей провизии, я обнаружил, что мяса у нас осталось только на десять дней, жира не хватит даже на столько, сухари придется сократить до одного в день.

Теперь мы питались практически только тюлениной с одним сухарем на обед; но я рассчитал, что на таком пайке, при ловле определенного количества тюленей и пингвинов, мы смогли бы продержаться около шести месяцев. Мы все были очень слабы, и как только появится возможность покинуть нашу льдину и сесть в лодки, я должен буду значительно увеличить рацион. Однажды огромный морской леопард взобрался на льдину и атаковал одного из мужчин. Уайлд, услышав крики, выбежал и застрелил его. Когда он был разделан, мы нашли в его желудке несколько переваренных рыб. Мы их поджарили на его подкожном жиру, и таким образом, за все время дрейфа на льдине получили единственный обед из “свежей” рыбы.

“Из-за нехватки топлива мы вынуждены топить лед для питьевой воды в банках на теле, аналогичным образом мы подогреваем банки собачьего пеммикана на завтрак, держа их в наших спальнях мешках всю ночь.”

“Последние две собачьи упряжки были расстреляны сегодня (2 апреля), туши пустили в еду. Мы приготовили собачатину и она оказалась совсем не дурственной, почти как говядина, только жестковата”.

5 апреля мы убили двух тюленей и они, вместе с морским леопардом, добытым за пару дней до этого, позволили несколько увеличить наш рацион. Каждый был счастлив,

психологическое напряжение, вызванное голодом, утихло.

В холод всем выдавали по несколько кусочков сырого жира, он удивительным образом помогал с ним справиться.

Наши сухие пайки по-прежнему оставались практически нетронутыми, но потом в лодках они использовался в полную силу.

Когда мы впервые обосновались в Лагере Терпения, погода была очень мягкой. Канун Нового Года выдался туманным и пасмурным, с небольшим снегом, а на следующий день, хотя температура и поднялась до +38F (+3,3C), наступили “*мерзкий холод и слякоть*”. Как правило, в первой половине января погода была сравнительно теплой, настолько, что мы могли обойтись без рукавиц и работать снаружи достаточно долго голыми руками. До 13-го она была неприлично теплой и спокойной. Это означало, что наш дрейф на север, который почти полностью зависел от ветра, был ничтожным. Легкий южный бриз 16-го всколыхнул наши надежды, и так как температура понижалась, то мы надеялись на период благоприятных ветров и продолжительный дрейф к северу.

18-го бриз сменился завыванием юго-западного гейла, усилившись на следующий день до хорошего шторма и, соответственно, дрейфа. Никто не покидал своих палаток, кроме как для кормежки собак, принести еду с камбуза в палатку и дежурить, когда настанет очередь. Вьюга продолжалась шесть дней, после чего немного стихла, и хотя южный ветер оставался столь же сильным, мы смогли получить представление о солнце. Оно показало, что за шесть дней мы прошли 84 мили на север, самое большое расстояние. Неделями мы оставались на 67-й параллели, и казалось, что словно какая-то преграда препятствовала её пересечению. Во время этого удивительного скачка мы пересекли Южный полярный круг и теперь 146 миль отделяло нас от ближайшей земли на западе - острова Сноу Хилл, и 357 миль от Южных Оркнейских островов, ближайшей земли по прямой на север от нас.

Словно компенсируя этот рывок, на следующий день поднялся столь же сильный северо-восточный ветер и не только остановил наш дрейф к северу, но и отнес нас обратно к югу на три мили. Эти северные ветры обычно сопровождались высокой температурой с сильным туманом, но после полудня 25 января туман исчез и мы наблюдали необычный эффект яркого раскаленного солнца при северо-восточном ветре. Это самый был жаркий день. Температура была 36 градусов в тени (+3C) и почти 80 градусов внутри палаток (+27C). Она привела в ужасное состояние поверхность льдины, превратив ее в один сплошной бассейн, очень коварный для передвижения. Десять дней северных ветров остудили наш пыл, но пришедший 4 февраля с юго-востока сильный южный ветер вновь понес нас дальше на север. Высокие температуры и северные ветра привели к тому, что наша средняя скорость дрейфа на север в феврале составляла около миль в день. В течение месяца в дневниках записи схожи: “*дождливо, пасмурно и тихо*”, и “*ярко и холодно, с легким южным ветром*”. Ветер был сейчас жизненно важным фактором для нас и единственной интересующей темой.

Начало марта принесло холод, слякоть и безветренную погоду с частым мокрым снегом. Влияние погоды на наше психическое состояние было весьма заметным. Все чувствовали себя намного веселее в яркий солнечный день и смотрели вперед с гораздо большей надеждой на будущее, чем когда было хмуро и пасмурно. Погода вызывала гораздо больший эффект, нежели увеличение продуктовых рационов.

Юго-восточный гейл, поднявшийся 13-го и продолжавшийся в течение пяти дней отнес нас на двадцать миль к северу и с этого момента удача, столь же быстротечная, как и

переменчивый ветер, сопутствовала нам длительное время. 20-го марта мы пережили самую сильную бурю из тех, с которыми имели дело до этого времени, впрочем еще хуже была буря после высадки на остров Элефант. Падал густой снег, делающий невозможным увидеть лагерь с расстояния в тридцать ярдов. Выходившие наружу в один момент полностью покрывались порошкообразным снегом, который требовалось полностью очистить перед тем, как снова войти в палатку.

Как только буря ослабла, температура понизилась и стало ужасно холодно. В нашем слабом состоянии, в грязной, засаленной одежде мы чувствовали эти внезапные перепады температуры гораздо сильнее, чем в иные времена. Затем прошел спокойный, ясный, чудесно теплый день, а на следующий началась сильная выюга. Сугробы в четыре фута покрывали все и вся, и мы должны были постоянно отрывать наши скудные запасы мяса, чтобы не потерять его совсем. Мы воспользовались теплом предыдущего дня, чтобы попытаться отогреть наши одеяла, которые были сильно заморожены и больше напоминали куски листового железа, но в этот день, как и в ближайшие два или три, было невозможно сделать хоть что-то, кроме как залезть внутрь какого-нибудь замерзшего спального мешка, чтобы попытаться согреться. Было слишком холодно, чтобы читать или шить, руки приходилось держать внутри одежды, а коротать время в беседе друг с другом.

“Температура не была слишком уж низкой, как характерно для этих мест, но сильные ветра проникают сквозь тонкую ткань наших палаток и создают сквозняки, из-за которых невозможно сохранить тепло внутри. Прошлым вечером за ужином наша питьевая вода в банке замерзла в палатке прежде, чем мы смогли ее выпить. Это тем любопытнее, что всем хотелось пить”.

На смену этим холодным временам пришли два прекрасных, теплых и солнечных дня, и 29 марта мы наблюдали поразительную погоду. День начался с сильного дождя и это был первый дождь, который мы видели с тех пор, как покинули Южную Джорджию шестнадцать месяцев назад. Мы расценили его как наш первый контакт с цивилизацией, и многим из людей очень хотелось дождя и туманов Лондона.

Сильный южный ветер с унылым пасмурным небом и случайными высокими температурами сопровождал нас до 7 апреля, а когда туман рассеялся, мы смогли различить очертания земли на севере.

Характер дрейфа нашей льдины указывал нам на то, что мы должны были, в конечном счете, дрейфовать на север, но наше продвижение в этом направлении не было непрерывным. Мы были отданы на милость ветра не могли повлиять ни на дрейф, ни на погоду.

Долгий период спокойной погоды в начале января вызвал у нас некоторое беспокойство по поводу постоянного пребывания на той же широте, на которой мы были в начале декабря. К концу января, однако, протяженный дрейф на восемьдесят четыре мили в бурю нас всех приободрил. Вскоре он остановился, и мы начали дрейфовать немного к востоку. Скорость нашего дрейфа к северу теперь значительно замедлилась, и к 22 февраля мы были все еще в восьмидесяти милях от острова Паулета, который был нашей конечной целью. Там была хижина и некоторые запасы продовольствия, снятые с корабля, который отправился на выручку экспедиции Норденшёльда в 1904 году, и которые я собственноручно укомплектовывал. Между собой мы отмечали, что окажется странным поворотом судьбы, если те большие припасы провизии, которые я отсылал сюда много лет назад, теперь сослужат нам службу во время наступающей зимы. Но этого не случилось. 5 марта мы

находились приблизительно в сорока милях южнее и восточнее долготы острова Паулета, и так как лед был еще слишком разбит, чтобы попытаться двигаться на санях, то это означало, что нас пронесет мимо него. К 17 марта мы были точно на одной широте с островом Паулета, но в шестидесяти милях восточнее. Это означало, что наши шансы один к шестиста, что мы сможем добраться до него на санках через разбитый морской лед в его нынешнем состоянии.

Наши помыслы теперь обратились на острова Опасности (*Danger Islands*) в тридцати пяти милях отсюда. *“Похоже, что мы вероятно еще некоторое время будем дрейфовать туда сюда вдоль побережья с юго-запада на северо-восток и обратно, пока в итоге не достигнем острова Жуанвиля, а до тех пор, пока этого не произойдет, бессмысленно надеяться на сильное вскрытие льда, так как лед, должно быть очень перегружен напротив юго-восточного побережья острова, иначе как еще объяснить последствия недавнего юго-восточного гейла. В поддержку этой версии было также очень сильное давление на северо-восточной стороне нашей льдины, огромный блок вздыбилось вверх на высоту 25 футов. Сегодня мы видели пролетающих над льдиной Доминиканских чаек, первых, которых мы увидели со времени отплытия из Южной Джорджии, это еще один признак нашей близости к земле. Мы вырубили ступени в этой 25-футовой плите, и это сделало ее прекрасной наблюдательной вышкой. Когда распогодится, мы с уверенностью ожидаем, что увидим землю.”*

Сильная вьюга ограничила видимость до 23 марта. *“Земля на горизонте”* сообщили сегодня утром. Мы были настроены скептически, но в полдень ее очертания явно появились на западе, сомнений в этом больше не было. Это был остров Жуанвиля, чьи зубчатые заснеженные горные хребты были видны на горизонте. Эта бесплодная, негостеприимная земля стала бы райским пристанищем для нас, если бы мы смогли достичь ее. Но было бы глупо предпринять такую попытку при таком состоянии льда как сейчас. Лед слишком разорван для марша, но и не достаточно открыт, чтобы спустить шлюпки”. В течение следующих двух или трех дней мы видели медленно проплывающую землю, близкую, но недоступную из-за отделяющего ее льда, а в конце марта мы увидели вершину Хаддингтона, исчезающую вдалеке.

Наши надежды были теперь сосредоточены на острове Элефант или острове Кларенса, которые лежали почти прямо в 100 милях к северу от нас.

Если мы не сможем достигнуть одного из них, то могли бы попытаться добраться до Южной Джорджии, но наши шансы достичь ее будут слишком малы.

ГЛАВА VIII

ВЫХОД ИЗ ЛЬДОВ

7 апреля при свете дня, азимутально почти на север от нашего лагеря, в нашем поле зрения появился долгожданный пик острова Кларенса. Сперва он выглядел как огромный айсберг, но с усилением видимости мы могли различить явные, хотя и немного расплывчатые черные линии осыпей и возвышенностей его обрывистых утесов. Эти темные скалы в белом одеянии были приятным зрелищем. Так долго наши глаза смотрели на

айсберги, которые то увеличивались, то уменьшались в зависимости от угла, под которым солнце отбрасывало тени, так часто мы высматривали скалистые острова и пики земли Жуанвиля, только чтобы обнаружить их после некоторого изменения ветра или температуры в виде уплывающего вдаль туманного облака или привычного айсберга, что до тех пор, пока Уорсли, Уайлд и Хёрли единогласно не подтвердили мои наблюдения, я не был уверен, что действительно смотрю на остров Кларенса. Земля была более чем в шестидесяти миль впереди, но в наших глазах она выглядела домом, где мы ожидали найти наш первый основательный кров после всех этих долгих месяцев дрейфа на неустойчивом льду. Мы приспособились к жизни на льдине, но наши надежды были все время связаны с какой-нибудь землей. Так как наша первая надежда не сбылась, наши чаяния переключились на другую. Наш дрейфующий дом не имел руля, чтобы направлять его, ни паруса, чтобы ускорить его. Мы зависели от прихотей ветра и течений, нас несло туда, куда вдумается этим безответственным силам. Стремление ощущать твердую землю под ногами наполняло наши сердца.

При полном свете дня остров Кларенса перестал выглядеть как земля, и был похож скорее на айсберг более чем восемь или десять миль в длину, так обманчивы расстояния в прозрачном воздухе Антарктики. Острые белые пики острова Элефант показались западнее несколько позже в тот же день.

“Сегодня я прекратил выдачу сахара и наша еда состоит теперь исключительно из тюленины и жира с 7-ю унциями сухого молока в день на всю партию”. Я записал: “Каждый получает щепотку соли и обязательно кипяченое молоко. Такая диета подходит нам, поскольку мы не можем много работать на льдине, а жир поддерживает тепло. Жареные кусочки жира, на наш взгляд, напоминают хрустящий бекон. Его не сложно съесть, хотя людей, живущих в цивилизованных условиях, вероятно при его виде охватит дрожь. Настоящие же трудности настанут, если мы не сможем получить его”.

Я так думаю, что человек, как животное, сможет приспособиться ко всему. А какие-то существа вымрут, прежде чем смогут сесть на непривычную диету, если лишатся привычного питания. Как, например, яки гималайского нагорья, которые должны кормиться скудной и сухой растущей травой, и скорее всего оголодают, даже если им предоставить самый лучший овес или кукурузу.

“С прошлой недели к юго-западу, западу и повсеместно на северо-восток мы наблюдаем темное водяное небо. Айсберги остаются западнее, да и их мало сейчас в нашем поле зрения. Сегодня волнение более заметно, и я уверен, что мы находимся на границе ледового поля. Одного сильного шторма после периода спокойствия будет достаточно, чтобы рассеять пак, и я думаю, что затем мы сможем выбраться из него. Я много думаю о наших перспективах. Появление острова Кларенса после нашего долгого дрейфа кажется, так или иначе поставило перед нами своеобразный ультиматум. Этот остров является последним форпостом на юге и нашим последним шансом на высадку. За ним лежит открытая Атлантика. Мы в любой момент сейчас можем оказаться в наших маленьких шлюпках в открытом море за тысячу лиг от земли на севере и востоке. Поэтому жизненно необходимо достигнуть острова Кларенса или его соседа, острова Элефант. Последний более привлекателен для нас, хотя, насколько я знаю, никто никогда не высаживался на нем. Его название предполагает наличие на нем лежбищ толстых и жирных морских слонов. В нас растет желание в любом случае оказаться на твердой земле. Льдина стала родной для нас, но ее путешествие подошло к концу и она должна через какое-то время разрушиться и

сбросить нас в бездонное море”.

Чуть позже, после рассмотрения ситуации с учетом всех обстоятельств, я решил, что мы должны попытаться достигнуть острова Обмана (*Десепин*). Относительные позиции островов Кларенса, Элефант и Обмана можно увидеть на схеме. Два первых из перечисленных лежали сравнительно недалеко от нас и находились приблизительно в восьмидесяти милях от острова Принц-Джордж (*о. Кинг-Джордж, почему-то здесь и далее автор называет его Принц-Джордж, хотя даже на Шеклтоновских картах это Кинг-Джордж, прим.*), последний (*Обмана*) находился приблизительно в 150 милях от нашего лагеря. От острова Принц-Джордж на запад простирается цепь островов, заканчивающаяся островом Обмана. Каналы, разделяющие эти безлюдные куски из камней и льда от десяти до пятнадцати миль шириной. Из лоции Адмиралтейства мы знали, что на острове Обмана были склады для потерпевших кораблекрушение моряков, и что возможно китобои еще не покинули его гавань. Из наших скудных записей мы также знали, что там возведена небольшая церковь для сезонного использования китобоями. Существование этого здания будет означать для нас наличие древесины, из которой, если заставит нужда, мы смогли бы построить приемлемую для плавания по морю лодку. Мы уже обсуждали этот момент во время нашего дрейфа на льдине. Две наши лодки были достаточно крепкими, но третья, *Джеймс Кэрд*, была легкой, хотя и немного больше. Но все они были очень маленькими для плавания по этим заведомо беспокойным морям, а кроме того они будут сильно загружены, и поэтому плавание в открытой воде, будет серьезным мероприятием. Я боюсь, что у плотника уже чешутся руки, чтобы переделать церковные скамейки в надстройки и палубы. В любом случае, самое худшее, что сможет случиться с нами, когда мы доберемся до острова Обмана, так это подождать там до середины ноября, пока не вернутся китобои.

Еще немного информации, полученной из документов о западном побережье моря Уэдделла, было связано с островом Принц-Джордж. Адмиралтейская “Лоция”, описывая Южные Шетландские острова, упоминает о пещере на этом острове. Никто из нас не знал, что это за пещера, большая ли она или маленькая, мокрая ли или сухая, но во время дрейфа на льдине и позже, проплывая по предательским каналам, устраивая наши неудобные ночные лагеря, эта пещера представлялась в моем воображении дворцом, только несколько более блеклым в отличие от великолепия Версаля.

Ночью волнение моря усилилось, и движение льда стало более ярко выраженным. Периодически соседние льдины сотрясали нашу, на которой мы стояли лагерем, и выводы от последствия этих ударов были яснее некуда. Мы как можно скорее должны были выбраться на твердую землю. Когда после очередного сильного удара прекратились вибрации, мои мысли сосредоточились на грядущих проблемах. Если бы численность партии была не более шести человек, то решение было бы найти не так сложно, но очевидно, что переправка всей партии в безопасное место при ограниченных средствах, имеющихся в нашем распоряжении, будет делом исключительной сложности. На нашем плавучем куске льда, который устойчиво уменьшался под воздействием ветра, погоды, соседних льдин и тяжелого волнения, находилось двадцать восемь человек. Признаюсь, я почувствовал, какой груз ответственности свалился на мои плечи, но, с другой стороны, был воодушевлен отношением ко мне со стороны экипажа. Одиночество – это наказание для капитана, но для человека, который принимает решения, крайне важно, если он чувствует, что нет неуверенности в умах тех, кто последует за ним, и что все его распоряжения будут выполнены уверенно и с ожиданием успеха.

Следующим утром (8 апреля) в безоблачном голубом небе ярко светило солнце. Остров Кларенса был отчетливо виден на горизонте, был также различим остров Элефант. Единственный заснеженный пик острова Кларенса возвышался словно маяк безопасности, хотя даже самые оптимистичные соображения не могли проложить простой путь через лед и океан, отделяющий нас от этого белого и сурового гиганта.

“Пак гораздо разреженнее этим утром, длинные продольные волны с северо-востока более выражены, нежели накануне. Льдины вздымаются и падают в унисон с волнением моря. Мы, очевидно, дрейфуем с поверхностным течением, зона многолетнего льда, айсбергов и торосов осталась далеко позади. В лагере была дискуссия по поводу варианта на некоторое время перебраться на айсберг и дрейфовать на нем на запад. Идея - это не пустой звук. Я не уверен, что айсберг будет дрейфовать в правильном направлении. Если даже он будет двигаться на запад и вынесет нас в открытое море, то какова будет наша судьба, когда мы попытаемся спустить шлюпки вниз по его крутым склонам в волнующееся море, когда окружающие нас ледовые поля исчезнут? Кроме этого есть шанс, что айсберг расколется или даже опрокинется во время нашего пребывания на нем. Невозможно оценить состояние большой массы льда только по ее виду. Лед может иметь дефекты, и когда ветер, течение и волнение вызывают напряжение и натяжение, линия разлома может проявиться внезапно и катастрофически. Нет, мне не нравится идея дрейфовать на айсберге. Мы должны оставаться на нашей льдине до тех пор, пока условия не улучшатся, а затем предпринять еще одну попытку достичь земли.”

В 6.30 вечера внезапный сильный удар сотряс нашу льдину. Дежурный и другие участники экспедиции провели немедленный осмотр и обнаружили трещину прямо под Джеймсом Кэрд и между двумя другими шлюпками и основным лагерем. В течение пяти минут лодки перенесли через трещину ближе к палаткам. Это ЧП не было вызвано ударом соседней льдины. Мы видели, что вытянутую льдину, которую мы сейчас занимали, развернуло к набегавшей волне. Льдина, таким образом, стала двигаться на манер корабля и разломилась посередине, когда волна подняла центр, оставив оба ее конца на весу. Теперь мы находились на треугольном ледяном плоту со сторонами примерно в 90, 100 и 120 ярдов. Наступила унылая пасмурная ночь, еще до полуночи посвежел западный ветер. Мы видели, что пак вскрылся под воздействием ветра, волн и течения, и я почувствовал, что наступало время для спуска лодок. На самом деле было совершенно очевидным, что даже если в течение ближайшего дня условия останутся неблагоприятными, то мы не могли безопасно оставаться на льдине больше какого-то времени. Волнение и движение льда нарастало, льдина под нашим лагерем могла расколоться в любой момент. Мы сделали все необходимые приготовления, если что-нибудь подобное произойдет. Но наше положение окажется отчаянным, если лед разобьется на мелкие куски, не достаточно большие, чтобы вместить всю партию, и не достаточно разреженные, чтобы можно было использовать лодки.

Следующий день, воскресенье (9 апреля), оказался отнюдь не днем нашего отдыха. Много знаменательных событий нашей экспедиции были связаны с воскресеньями, и в этот особенный день мы оставили льдину, на которой жили почти шесть месяцев и начали наше путешествие на лодках.

“Это был знаменательный день. Утро выдалось прекрасным, хотя несколько затянутым тучами и слоистыми кучерявыми облаками, дул умеренный юго-юго-западный к юго-восточному бриз. Мы надеялись, что этим ветром лед отнесет нас ближе к острову

Кларенса. В 7 часов утра пряди воды и каналов были видны на западном горизонте. Лед, отделяющий нас от полос воды, был разорван, но не выглядел проходимым для лодок. Длинные волны с северо-запада проникали более свободно, чем накануне и двигали льдины в хаотическом беспорядке. Мешанина обломков между массами льда взбалтывалась до грязеобразного состояния и лодки не смогли бы пройти сквозь каналы, что открывались и закрывались вокруг нас. Наша собственная льдина была вовлечена во всеобщий хаос, и после завтрака я распорядился снять палатки и сделать все приготовления для немедленного спуска шлюпок, как только для этого появится возможность”.

Я решил взять командование на себя вместе с Уайлдом Джеймсом Кэрд, вмещавшим одиннадцать человек. Это была самая большая из наших лодок, и помимо людей несла большую часть наших запасов. Уорсли отвечал за Дадли Докер и девять человек. Хадсон и Крин были старшими на Стэнкомб Уиллс.

Вскоре после завтрака лед снова закрылся. Мы оставались на месте, полностью наготове настолько, насколько это было возможно, когда в 11 часов утра наша льдина вдруг внезапно раскололась прямо под лодками. Мы перебросили наши вещи на большую из двух частей и с напряженным вниманием наблюдали за дальнейшим развитием событий. Трещина пробежала прямо через место, где была установлена моя палатка. Я стоял у края трещины и, глядя на расширяющийся канал воды, видел отпечаток, где в течение многих месяцев лежали мои голова и плечи, когда я находился в своем спальном мешке. Прямость, где лежали мое тело и ноги, была на нашей стороне трещины. Лед проседал под моим весом в течение многих месяцев жизни в палатке, и я уже много раз подсыпал снег под спальник, чтобы заполнить эту полость. Линии стратификации ясно указывали на различные слои снега. Каким хрупким и ненадежным был наш покой! Обыденность притупила наше чувство опасности. Льдина стала нашим домом, и в течение первых месяцев дрейфа мы уже почти перестали осознавать, что это всего лишь полотно льда, плывущее по скрытому от глаз морю. Теперь наш дом рассыпался прямо под ногами, и чувство потерянности и неопределенности было трудно описать.

Фрагменты льдины чуть позже сошлись вновь, мы пообедали тюленьим мясом, съев его полностью. Я подумал, что хороший обед будет лучшей возможной подготовкой к путешествию, которое теперь казалось неминуемым, а так как мы не сможем взять все наше мясо с собой, поэтому каждый съеденный фунт считали спасенным. Сигнал к старту прозвучал в час дня. Пак вскрылся, каналы стали судоходны. Условия были далеко не такими, о каких можно было мечтать, но и ожидать лучших было больше нельзя. Дадли Докер и Стэнкомб Уиллс спустили быстро. В них забросили снаряжение и обе лодки немедленно перешли в полыню в три мили шириной, в которой плавал одинокий и могучий айсберг. Джеймс Кэрд спустил на воду чрезмерно загруженным припасами и оставшимися мелочами лагерного оборудования. Многие вещи, в то время рассматривавшиеся нами как необходимые, позже были выброшены, так как давление реалий стало более серьезным. Человек может обойтись очень скудным набором вещей. И атрибуты цивилизации, довольно скоро оказавшиеся перед лицом суровой реальности, оказались ничем на фоне значимости еды и крова, а для выживания зачастую собственный смех оказывался значительно более ценной вещью.

В 2 часа дня все три шлюпки были в миле от нашей льдины. Мы прошли по каналам и вошли в большую полыню, когда увидели стремительный пенистый гребень воды и поднятый им лед, приближающийся к нам, словно приливная волна реки. Пак толкало к

востоку отливом и две огромные массы льда двигались вниз на нас на встречных курсах. *Джеймс Кэрд* был ведущим. Дав право руля и решительно взявшись за весла, нам удалось выбраться. Две другие лодки, следовавшие за нами, находились за кормой и не сразу осознали опасность. *Стэнкомб Уиллс* шел последним и чуть не оказался в этой ловушке, но с большим усилием удержался перед натиском движущегося льда. Это стало необыкновенным и поразительным опытом. Приливной эффект, проявившийся в этот день, во льдах встречается крайне редко. Движение льда, сопровождаемое большой волной, было со скоростью около трех узлов, и если бы нам не удалось выгрести, то мы бы, безусловно, затонули.

В течение часа мы с трудом выгребли к наветренной стороне айсберга, который лежал в открытой воде. Волны разбивались о его вертикальную стену, вздымая брызги на высоту до шестидесяти футов. Очевидно, что он был когда-то подошвой припая восточного побережья, и волны разбивались прежде, чем достигали его верха, и швыряли белые брызги на синюю ледяную стену. Мы могли бы остановиться и любоваться таким зрелищем в других условиях, но быстро наступала ночь, и нам было нужно место для отдыха. Пока мы гребли к северу-западу среди льдин *Дадли Докер* заклинило между двумя льдинами при попытке срезать путь. Старая поговорка, что короткий путь может оказаться самым длинным как никогда походит и для Антарктиды. С *Джеймса Кэрда* на борт *Дадли Докера* кинули линь, и после нескольких попыток его отбуксировать он освободился ото льда. В сумерках мы поспешили далее в поисках ночлега, какой-нибудь старой льдины, и вскоре нашли довольно большой кусок, покачивающийся на волнах. Это не было идеальным местом для отдыха во всех смыслах этого слова, но нас настигла тьма. Мы вытащили лодки и в 8 вечера палатки стояли, а в жировой печи весело играли языки огня. Вскоре все в своих палатках были сыты и счастливы, и пока я заполнял бортовой журнал, из них до меня доносились обрывки песен.

Какое-то неосязаемое чувство тревоги вынудило меня выйти из палатки в 11 часов ночи и осмотреть безмолвный лагерь. Видимые сквозь снежные порывы звезды показали, что льдину раскачивало на волнах в положении, подвергающем ее излишнему напряжению. Я пошел через льдину, чтобы предупредить дежурного, дабы внимательнее наблюдал за трещинами, и когда проходил мимо палатки, льдину подняло на гребне волны и она треснула прямо под моими ногами. Мужчины находились в одной из полубочек, когда ее начало растягивать расходящимся в разные стороны льдом. Приглушенный звук, напоминавший удушливый хрип, вырвался из-под растянувшейся палатки. Я бросился вперед, помог некоторым появившимся из-под тента и крикнул: «С вами все в порядке?».

«Двое в воде», ответил кто-то. Трещина расширилась примерно до четырех футов, а когда я бросился вниз у ее края, то увидел белесый объект, плавающий в воде. Это был спальный мешок с человеком внутри. Я сразу понял это, и с усилием вытащил человека в мешке на льдину. Через несколько секунд края льдины сошлись вновь с чудовищной силой. К счастью, в воде оказался только один человек, иначе бы этот инцидент закончился трагедией. Спасенным оказался Холнесс, который хоть и вымок по пояс, но был невредим. Трещина вскрылась вновь, *Джеймс Кэрд* и моя палатка были на одной стороне льдины, оставшиеся две лодки и лагерь на другой. С двумя или тремя помощниками я снял палатку, а затем все дружно носовым фалинем перетянули *Джеймс Кэрд* через открытую трещину. Мы удерживали натянутой веревку до тех пор, пока один за другим, мужики, остававшиеся на моей стороне, перепрыгивали через канал или перекарабкивались через лодку. В итоге я остался один. Ночь поглотила все видимое, а резкое движение льда вынудило меня

отпустить фалинь. На мгновение я почувствовал, что моя часть покачивающейся льдины была самым одиноким местом в мире. Вглядываясь в темноту, я видел только темные размычатые силуэты. Я крикнул Уайлду, сказав ему спустить *Стэнкомб Уиллс*, но в этом не было нужды. Он предвидел это, и шлюпка уже отошла от кромки льда. Минуты через две или три спустя она пришвартовалась, и меня доставили в лагерь.

Теперь мы находились на куске ровного льда около 200 футов длиной и 100 футов шириной. Той ночью больше никто не спал. Косатки фыркали в каналах и в ожидании рассвета мы наблюдали за тем, не появится ли еще трещина. Часы проходили в неторопливом перетаптывании на месте, пока мы стояли прижавшись друг к другу, или же ходили взад и вперед, чтобы сохранить хоть какое-то тепло в своих телах. В 3 утра мы запалили жировую плиту и после порции горячего молока определили некоторые позитивные моменты нашего положения. В любом случае мы были в движении, и если опасности и трудности ждут нас впереди, то мы сможем их преодолеть. Мы больше не дрейфовали по милости ветров и течений.

Первые проблески зари показались в 6 часов утра, и я с тревогой ждал, когда полностью рассветет. Волнение моря усиливалось, периодически нашу льдину плотно окружали подобные ей обломки льда. В 6.30 утра у нас был горячий хуш, а затем мы ждали вскрытия пака. Время для активных действий настало в 8 утра, когда мы спустили лодки, загрузили их и начали пробираться через каналы в северном направлении. *Джеймс Кэрд* шел первым, следом *Стэнкомб Уиллс*, замыкал *Дадли Докер*. Для того, чтобы немного разгрузить лодки и сделать их более мореходными, мы оставили на льдине некоторые вещи, то как лопаты, кирки и сушеные овощи, и еще долгое время могли видеть оставленное снаряжение, образовавшее на льду темное пятно. Тем не менее, лодки все еще оставались слишком тяжелыми. Мы вышли из каналов и вошли в участок открытой воды в 11 часов. Дул сильный восточный бриз, но выступ края пакового льда защищал нас от полной силы волнения, словно коралловый риф тропический остров от влияния Тихого океана. Наш путь лежал через открытое море, и вскоре после полудня мы обогнули северную оконечность пака и взяли курс на запад, *Джеймс Кэрд* по-прежнему шел первым. Сразу же наши сильно загруженные лодки ощутили всю тяжесть погоды. Вздыхаемые лодками брызги, которые замерзали как только падали, покрывали мужчин и вещи льдом, и вскоре стало ясным, что мы не сможем безопасно продолжать наше дальнейшее плавание. Я вновь развернул *Джеймс Кэрд* под прикрытие пака, остальные лодки последовали за нами. Но возврат к внешней линии льда не принес облегчения. Было 3 часа дня, все устали и замерзли. Мой взгляд остановился на большом, мирно лежащем обломке айсберга, и полчаса спустя мы вытащили на него лодки и расположились лагерем на ночь. Это был прекрасный, большой, крепкий голубой айсберг, с которого из нашего лагеря мы могли получить прекрасный обзор на окружающее море и льды. Его самая высокая точка возвышалась почти на 15 футов выше уровня моря. После горячего обеда все, кроме дежурного, легли спать. Каждый нуждался в отдыхе после предыдущей бессонной ночи и непривычного напряжения последних тридцати шести часов на веслах. Этот айсберг был в состоянии противостоять волнению моря, он был слишком массивен и глубоко погружен, чтобы серьезно пострадать от него, но не был таким уж и безопасным, как казался. Около полуночи сторож позвал меня и показал мне, что сильное северо-западное волнение вызвало раскол льда. Большой его кусок оторвался в восьми футах от моей палатки. Мы провели инспекцию настолько, насколько это было возможно в темноте, и обнаружили, что покрывающий западную сторону айсберга толстый

снег быстро размывается морем. Под поверхностью воды образовалось что-то подобное подошве припая. Я решил, что непосредственной опасности нет и будить людей незачем. Ночью северо-западный ветер усилился.

Утро 11 апреля выдалось пасмурным и туманным. С рассветом выяснилось, что пак сомкнулся вокруг нашего айсберга, сделав невозможным при сильном волнении моря спустить лодки. Никаких признаков воды не наблюдалось. Многочисленные киты и косатки шныряли между льдин, а вокруг нашего айсберга кружили капские голуби, чайки и глупыши. Картина, открывавшаяся из нашего лагеря с усилением света, была великолепна для описания, хотя я должен признать, что мы рассматривали ее с тревогой. Вздвигающиеся возвышенности пака и льдин накатывали на нас длинными волнами, образуя здесь и там темные линии открытой воды. Каждая волна, поднимающаяся около нас, быстро размывала айсберг, надвигая льдины на подошву припая, дробя верхний край снежного покрова и уменьшая размер нашего лагеря. Когда льдины отступали перед следующей атакой, вода бурлила у кромки припая, быстро увеличиваясь в ширину. Спустить лодки в таких условиях было бы сложно. Время от времени, так часто, что даже появилась тропинка, Уорсли, Уайлд и я поднимались на самую высокую точку айсберга и смотрели на горизонт в поисках разрывов в паке. После медленно тянувшихся часов ожидания, наконец, далеко вдали посреди ледяной мешанины появился темный разрыв. Казалось, прошла целая вечность, пока он медленно приблизился. Я с завистью наблюдал за двумя невозмутимыми тюленями, которые лениво развалились на покачивающейся льдине. Они были дома, у них не было причин ни для беспокойства, ни для страха. Если бы они думали о том же, что и я, то сочли бы этот день идеальным для веселого путешествия по кувыркающимся льдинам. Для нас же это был день, показавшийся вечностью. Я думаю, что никогда прежде еще не испытывал такого беспокойства. Когда я посмотрел вниз на лагерь, чтобы отдохнули глаза от напряженного наблюдения за широким белым простором, нарушаемым лишь одной черной лентой открытой воды, то увидел, что мои спутники ждали с более чем обычным интересом узнать, что я обо всем этом думаю. После одного особенно сильного удара кто-то отчаянно крикнул: “*Он треснул поперек*”. Я спрыгнул со смотровой площадки и побежал к месту, которое осматривали мужчины. Там действительно была трещина, но обследование показало, это был просто разлом в снегу без видимых признаков раскола самого айсберга. Плотник отметил своей невозмутимостью, когда чуть ранее в этот день реально чуть не уплыл на обломке льда. Он стоял рядом с краем нашего лагеря, когда лед под его ногами отделился от основной массы. Быстрый прыжок через увеличивающийся разрыв спас его.

Тянулись часы. Одним из моих опасений, была возможность, что течением нас может пронести сквозь восьмидесятимильный створ между островами Кларенса и Принц-Джордж в открытую Атлантику, но постепенно открытая вода приблизилась и в полдень почти добралась до нас. Длинный канал, узкий, но судоходный, простирался к юго-западному горизонту. Наш шанс выпал немного позже. Мы сбросили наши лодки с края раскачивающегося айсберга и отвели их подальше от подошвы припая, пока она поднималась под ними. *Джеймс Кэрд* почти перевернуло ударом снизу, когда айсберг возвращался в верхнее положение, но он успел выйти в глубокую воду. Мы побросали припасы и вещи на борт и через пару минут были уже далеко. *Джеймс Кэрд* и *Дадли Докер* имели хорошие паруса и с попутным ветром могли довольно быстро идти вдоль канала мимо ходящих ходуном ледяных полей по обе его стороны. Волнение было сильным и над льдинами летели брызги. Попытка установить небольшой парус на *Стэнкомб Уиллс* привела

к серьезной задержке. Площадь его паруса была слишком мала, чтобы оказать заметную помощь гребцам, но за то время, что люди были заняты этой работой, лодка отдрейфовала обратно к ледовому полю, где ее положение стало довольно опасным. Видя это, я отправил *Дадли Докер* за ней, а сам пришвартовал *Джеймс Кэрд* к куску льда. *Дадли Докеру* пришлось взять на буксир *Стэнкомб Уиллс*, и эта задержка стоила нам двух ценных часов светового дня. Когда все три лодки были снова вместе, мы продолжили путь вдоль канала и вскоре увидели ширь протяженной воды на западе, ее появление означало, что мы вырвались из плена пакового льда. В окончании ледяного языка, который практически закрывал проход, через которые мы могли выйти в открытое море, находился, словно какой-то любопытный ископаемый монстр, ледяной Цербер, охранявший путь, изъеденный волнами айсберг. У него была голова и глаза, он так тяжело оседал, что почти опрокидывался. Его бока были погружены глубоко в море, и когда он вновь поднимался, то вода, словно слезы плача струилась из его глаз по поводу нашего избавления из ледяных тисков. Для читателя это может показаться фантастикой, но для нас в то время такое впечатление было реальным. Люди, живущие в цивилизованных условиях, окруженные разнообразными формами жизни и знакомыми творениями своих рук, вряд ли смогут понять, насколько быстро ум под влиянием глаз реагирует на все необычное и проводит любопытные ассоциации, подобные полету фантазии дней нашего детства. Мы долго жили среди вечных льдов, и почти бессознательно стремились увидеть сходство с человеческими лицами и иными живыми формами в причудливых очертаниях и массивных неуклюжих формах айсбергов и льдин.

В сумерках мы быстро пристали к тяжелой льдине, каждая лодка своим швартовом закрепились за отдельные торосы, чтобы избежать столкновения при волнении. Мы выгрузили жировую печь, вскипятили воду, чтобы сделать горячее молоко, и раздали сухие пайки. Я также выгрузил полубочки и снял внешний тент с обручей. Наш опыт предыдущего дня в открытом море показал нам, что палатки нужно было располагать как можно плотнее. Брызги, вырывавшиеся из-под шлюпок, превращали ткань палаток в лед, который вскоре стал опасно тяжелым. Этой ночью мы избавились от последних излишеств нашего и без того скудного снаряжения. Теперь у нас с собой были только те вещи, без которых было нельзя, мы разгрузились до предела. Мы надеялись на спокойную ночь, но были вынуждены отшвартоваться, так как куски разрезанного льда начали собираться вокруг льдины. Дрейфующий лед всегда притягивается к подветренной стороне более тяжелой льдины, куда его толкает и где сжимает под воздействием течения. Я решил не рисковать повторением прошлой ночи и не вытаскивать лодок. Мы провели ночные часы, держась невдалеке от главной линии пака под прикрытием мелких кусков льдин. Постоянные порывы дождя и снега скрыли звезды и вымочили нас насквозь, мы периодически кричали друг другу чтобы держаться вместе. Никто не спал из-за пробирающего холода, а двигаться дальше, чтобы согреться, мы не рисковали, так как видели не более чем на несколько ярдов вперед. Иногда прозрачными отблесками серебра рядом с нами мелькали тени глупых буревестников, и повсюду кругом раздавалось фыркание косаток, короткий резкий свист которых напоминал вырывающийся пар. Косатки были источником тревоги, лодка могла легко быть опрокинутой любой из них, если та решится на удар. Они когда выныривают на поверхность, то с легкостью отбрасывают в стороны куски льда гораздо большие, чем наши лодки, и мы испытывали понятное беспокойство, так как белое дно лодки снизу смотрится как лед. Потерпевшие кораблекрушение моряки, дрейфующие в антарктических морях, совсем не то, о чем мечтает косатка, но в случае чего может оказаться на вкус неплохим заменителем

тюленины и пингвинятины. Поэтому мы посматривали на косаток с некоторым опасением.

Рано утром 12 апреля погода улучшилась, ветер стих. Рассвет подарил ясное небо, холод и решимость. Я оглядел своих спутников в *Джеймсе Кэрд* и увидел измученные и невыразительные лица. Начинало сказываться перенапряжение. Уайлд сел за румпель с такой же спокойной и решительной уверенностью, с какой делал это и в более комфортных условиях, его серо-голубые глаза смотрели в день грядущий. Все хоть и были измучены, делали все возможное, чтобы казаться веселыми, а перспектива горячего завтрака еще более воодушевляла. Я объявил всем, что сразу же, как только найдем подходящую льдину, разожжем плиту и сделаем для всех горячее молоко и боврил. Мы гребли на запад сквозь разреженный пак, льдины всех форм и размеров находились по обе стороны от нас, и каждый, кто не был занят в гребле, с нетерпением высматривал подходящее место для лагеря. Я мог оценить степень потребности в пище разных участников экспедиции по тому рвению, с которым они указывали мне на льдины, которые считали подходящими для нашей цели. Температура была около +10F и барберриевские комбинезоны гребцов трещали, когда мужики работали на веслах. Я заметил даже маленькие частички льда и измороси, падавшие с рук и тел. В восемь часов подходящая льдина появилась впереди и мы подошли к ней. Камбуз был выгружен, и вскоре веселый пар поднимался от готовящейся пищи. Никогда еще работа кока не проходила под таким тревожным и пристальным вниманием. Пока остальные могли размять свои затекшие конечности и побегать туда-сюда “*по кухне*”, Уорсли, Крин и я оставались в своих лодках, чтобы удерживать их, предотвращая столкновения с льдиной, так как волнение моря было довольно сильным. Величественно поднималось солнце. Барберриевские комбинезоны подсыхали, лед стал таять на наших бородах. Горячая пища наполнила нас новой энергией, и через три четверти часа мы на всех парусах снова двинулись на запад. На *Стэнкомб Уиллс* поставили дополнительный парус, и теперь он был способен поддерживать общую скорость. Мы видели, что находились на внешнем крае пака, сразу за его границей на север простиралось синее море. Ветровые волны разбивались о блестящие льдины, а бесчисленные тюлени грелись и вертелись на каждом достаточно большом для этого куске льда.

Мы шли на запад на всех веслах и парусах начиная с 9 апреля при преобладающих восточных ветрах. Наши надежды были довольно оптимистичны, пока в полдень не определили наше положение. Оптимисты считали, что мы прошли шестьдесят миль до нашей цели, самые осторожные думали, что, по крайней мере, тридцать. Яркий солнечный свет и прекрасная картина, окружавшая нас, возможно, повлияла на наши ожидания. В полдень я увидел Уорсли, балансирующего на планшете *Дадли Докера* и рукой обнимающего мачту, чтобы измерить угол солнца. Он сделал необходимые измерения и мы с нетерпением ждали, пока он занимался расчетами. После этого *Дадли Докер* причалил к *Джеймсу Кэрд* и я перепрыгнул в лодку Уорсли для того, чтобы посмотреть на результаты. Разочарование было полнейшим. Вместо того, чтобы хорошо продвинуться на запад, нас сильно отнесло дрейфом на юго-восток. Мы находились в тридцати милях к востоку от места, на котором были 9-го числа. Китобои, работающие в этом районе, отмечали, что в проливе Жерлаш довольно часты сильные непериодические течения на восток, и, несомненно, мы попали в одно из таких течений. Его причиной был северо-западный штормовой ветер у мыса Горн, вызвавший волнение, которое доставило нам так много неприятностей. Тихонько посоветовавшись с Уорсли и Уайлдом, я объявил, что мы не сделали столь уж большого прогресса, как ожидали, но и не стал говорить всем о нашем

продвижении вспять.

Вопрос нашего дальнейшего курса требовал рассмотрения. Остров Обмана был вне нашей досягаемости. Для острова Элефант был неподходящим ветер, а так как море было чистым на юго-запад, то я обсудил с Уорсли и Уайлдом целесообразность перехода к заливу Надежды (Хоуп Бэй) материковой Антарктиды, в восьмидесяти милях от нас. Ближайшей землей был остров Элефант, но он лежал за пределами основной части пака, и даже если бы ветер был попутным, то нам бы пришлось изрядно поболтаться в открытом море. Мы взяли примерный курс на Хоуп Бэй и лодки пошли дальше. Я указал Уорсли на контур айсберга впереди и сказал ему попробовать дойти до него как можно быстрее до темноты. Было около трех часов дня. Мы поставили парус и, так как *Стэнкомб Уиллс* не мог идти наравне с двумя другими лодками, я взял его на буксир, не хотелось повторять опыт дня, когда мы покинули раскачивающийся айсберг. *Дадли Докер* ушел вперед, но в сумерках присоединился к нам. Уорсли дошел до айсберга и сообщил, что тот никуда не годился. Это был бултыхавшийся в волнах уродливый кусок припайного льда. Новости были плохие. В меркнувшем свете мы повернули к границе пакового льда, и обнаружили его настолько сотрясаемым и перемолотым морем, что не осталось ни одного достаточно большого куска льда, который дал бы нам возможность приютиться. В двух милях от нас мы увидели большой кусок льда и направились к нему. Нос шлюпки, на котором с фалинем в руке стоял готовый к прыжку Хау, был нацелен на льдину. Я стоял и прикидывал наши перспективы, пока весла держали вертикально в готовности в любой момент начать движение назад, и когда Хау совершил свой прыжок, то понял, что на неё не будет возможности установить на ночь камбуз. Хау еле удалось задержаться на краю льдины, а затем быстро закрепить фалинь за торос. Две другие шлюпки пришвартовались рядом с *Джеймсом Кэрд*. Они не могли находиться с кормы от нас в линию, поскольку блинчатый лед стал дрейфовать вокруг льдины и собираться с ее подветренной стороны. Следующие два часа мы провели, отталкиваясь от прибывающих к нам дрейфующих льдин. Мы не могли использовать жировую печь и поэтому разожгли примуса. Море сильно штормило и на *Дадли Докере* не смогли разжечь примус, с ним что-то случилось. Мужикам в этой лодке пришлось ждать, пока кок на *Джеймсе Кэрд* вскипятит первую порцию молока.

Лодки сильно соударялись друг с другом, так что я должен был ослабить фалинь *Стэнкомб Уиллс* и выпустить его за корму. Вокруг льдины несло много льда, его приходилось отталкивать. Затем *Дадли Докер*, будучи наиболее тяжелой лодкой, начал угрожать *Джеймсу Кэрд* и его также пришлось отшвартовать. *Джеймс Кэрд* оставался прикованным к льдине с *Дадли Докером* и *Стэнкомб Уиллс* на хвосте. Темнота стала абсолютной, мы напрягали все наше зрение, чтобы разглядеть те фрагменты льда, которые бы угрожали нам. Спустя какое-то время мы подумали, что видим большой надвигающийся на нас айсберг, его силуэт четко вырисовывался на фоне неба, но это поразительное зрелище было вызвано низкими облаками в свете восходящей луны, которая появилась в ясном небе. Ветер сменился на юго-восточный, который вместе с улучшением видимости стал двигать лодки боком к зубчатому краю льдины. Мы были вынуждены обрезать фалинь *Джеймса Кэрда* и отойти от льдины, таким образом потеряв много ценной веревки. Не было времени, что бы снять его. Затем мы отошли от льдины и всю долгую ночь провели в открытом замерзающем море, *Дадли Докер* теперь был впереди, следом *Джеймс Кэрд* и третьим в ряд *Стэнкомб Уиллс*. Лодки были связаны друг с другом фалинями. Большую часть времени *Дадли Докер* удерживал *Джеймс Кэрд* и *Стэнкомб Уиллс* носом к волне, людям, которые

гребли, было куда лучше чем тем, которые в других лодках в бездействии ожидали рассвета. Температура упала до 4 градусов ниже нуля (-20C), на поверхности моря образовалась пленка льда. Те, кто не был на вахте, чтобы согреться, лежали в объятиях друг друга. Наши замороженные вещи таяли там, где тела соприкасались и при малейшем движении эти сравнительно теплые места подвергались безжалостным укусам студеного воздуха, мы подсознательно прижимались друг к другу, шепча свои мысли и чаяния. Иногда с почти ясного неба налетали снежные заряды, безмолвно опускающиеся на море и покрывающие тонким белым покрывалом наши тела и лодки.

Наступило утро 13 апреля, ясное, с редкими проплывающими облаками. Большинство мужчин выглядели сильно изможденными. Губы потрескались, глаза и веки на покрытых соленой коркой лицах были красными. Бороды, даже молодых людей были сравнимы с патриаршими, мороз и соленые брызги сделали их кипельно белыми. Я крикнул *Дадли Докеру* подойти поближе и увидел, что состояние людей в нем было не лучше, чем в *Джеймсе Кэрд*. Было совершенно очевидным, что мы должны были теперь как можно быстрее достичь земли, и я решил идти к острову Элефант. Ветер сменился на попутный, чтобы идти к этому скалистому острову, лежащему примерно в ста милях впереди, кроме этого пак, который отделял нас от залива Надежды, ночью сомкнулся на юге. Еще в 6 часов вечера мы распределили наши съестные припасы между тремя лодами в связи с возможностью их разделения. О приготовлении горячего завтрака не могло быть и речи. Задувал сильный бриз и волнение моря в разреженном паке, окружающем нас, было сильным. Мы позавтракали холодной едой, помимо этого я распорядился, чтобы все съели столько, сколько пожелают, это послабление отчасти объяснялось тем, что нам, так или иначе, придется избавиться от некоторых наших запасов для облегчения лодок, когда мы войдем в открытое море. Помимо этого я надеялся, что полноценное питание сухими пайками хотя бы немного компенсирует отсутствие теплой пищи и крова. К сожалению, часть людей была неспособна воспользоваться дополнительным питанием из-за морской болезни. Этим бедолагам, запихнутым в глубоко загруженные, омываемые брызгами лодки, помороженным и полузамерзшим, было плохо и без морской болезни, добавленной в список собственных проблем. Особые ухмылки вызывало тогда тяжелое состояние одного товарища, который имел привычку собирать толику еды на голодный день, и всегда думал, что она пригодится, а теперь был наказан беспомощным созерцанием того, как голодные товарищи с нормальными желудками уплетали сухари, сухой паек и сахар с необыкновенной скоростью.

Мы шли под ветер сквозь разорванный пак, человек на баке каждой лодки пытался отталкивать веслом куски льда, что не всегда получалось. Я оценивал нашу скорость как довольно приличную. Иногда столкновения было не предотвратить. *Джеймс Кэрд* находился в протоке, когда сполна ощутил всю тяжесть встречи с затаившимися фрагментами льда, получив его острым выступом пробоину выше ватерлинии, но эта неудача не остановила нас. Позже ветер стал сильнее, и мы взяли риф, чтобы не столкнуться со льдом на слишком высокой скорости. *Дадли Докер* шел следом за *Джеймсом Кэрдом*, за ним следовал *Стэнкомб Уиллс*. Я распорядился держать дистанцию в 30 или 40 ярдов для уменьшения опасности столкновения, в случае если какая-либо лодка столкнется со льдом. Пак оставался разреженным, и мы вышли в ту часть моря, где в течение ночи образовался тонкий лед. Когда мы столкнулись с этим новым льдом, то поставили паруса, чтобы пройти этот участок до конца. Вне пака ветер, видимо, был ураганной силы. Повсюду были видны тысячи маленьких мертвых рыб, возможно убитых холодным течением и суровой погодой. Они

плавали в воде и лежали на льду, на который выносились волнами. Буревестники и поморники падали вниз и подбирали их словно жареные сардины.

Мы пробирались сквозь протоки открытой воды, когда в полдень внезапно вырвались из пака в открытый океан, темно-синее изумрудное море. Паруса были установлены и с попутным ветром мы двигались по волнам, словно три корабля викингов в поисках затерянной Атлантиды. Под хорошо расправленными парусами и ярко светившем солнцем мы несколько часов наслаждались свободой и магией моря, компенсирующей нам боль и трудности прошедших дней. Наконец-то мы были свободны ото льда, в воде, где наши лодки могли плыть. Мысли о доме приглушали тяготы последних тревожных дней и ночей, а мысли о трудностях, которые еще предстоит преодолеть, почти совсем ушли.

Во второй половине дня мы были вынуждены во второй раз взять риф, ветер крепчал и сильно загруженные лодки глубоко погружались в воду и плохо управлялись в высоких волнах. Я положил курс на остров Элефант и мы добились существенного прогресса. В сумерках ко мне подошел *Дадли Докер* и Уорсли предложил идти прежним курсом всю ночь, но в сгущающейся тьме среди пенных валов *Стэнкомб Уиллс* был уже едва различим, и я решил, что будет безопаснее лечь в дрейф и подождать рассвета. Это не позволит лодкам ночью разделиться. Вся партия должна быть вместе и, кроме этого, я подумал о том, что в темноте мы можем проскочить мимо нашей цели и не суметь вернуться обратно. Мы соорудили из вертикально установленных весел плавучий якорь и легли в дрейф, *Дадли Докер* был ведущим, поскольку имел теперь самый длинный фалинь. *Джеймс Кэрд* болтался у него за кормой, *Стэнкомб Уиллс* снова был третьим. Мы съели холодный ужин и сделали то небольшое, что сделало бы более комфортными ночные часы. Но отдыхом это было назвать нельзя. В течение большей части ночи брызги, пролетающие над лодками, смерзались в большие массы льда, особенно на корме и баке. Этот лед необходимо было удалять, чтобы предотвратить перегруз. Температура была ниже нуля и проникавший сквозь одежду ветер доводил до исступления. Я сомневался в том, что все переживут эту ночь. Другой нашей проблемой был недостаток воды. Мы так неожиданно вышли из пака в открытое море, что у нас не было времени взять на борт лед для растопки, а безо льда нечего было и думать о горячей еде. В *Дадли Докере* была одна глыба льда весом примерно десять фунтов и ее разделили на всех. Мы сосали маленькие кусочки льда и получали некоторое облегчение от жажды, порожденной солеными брызгами, но в то же время, уменьшали тепло своих тел. Состояние большинства людей было ужасным. У нас всех были распухшие рты и мы едва могли притронуться к пище. Я страстно мечтал о рассвете. В течение ночи я периодически кричал другим лодкам, спрашивая о том, как у них обстоят дела. Мужчины всегда старались ответить с юмором. Один из людей на *Стэнкомб Уиллс* крикнул: “У нас все отлично, не хватает только пары сухих перчаток.” Эта шутка вызвала улыбку на потрескавшихся губах. С таким же успехом он мог бы попросить луну. Единственными сухими вещами на борту лодок были опухшие рты и горящие языки. Жажда одна из тех типичных проблем, с которой встречаются путешественники в полярных регионах. Льда может быть много, но его нельзя выпить, пока он не растает, а количество, которое можно растворить во рту, ограничено. Мы испытывали постоянную жажду в течение тех дней, когда с трудом пробирались сквозь паковый лед, а теперь наше положение усугублялось постоянными солеными брызгами. Наши спальные мешки могли бы дать нам немного тепла, но они были вне доступности. Они находились под палатками на баке, который скрыл панцирь льда, кроме того было настолько тесно, что мы не могли их вытащить.

Наконец рассвело, погода прояснилась, ветер стих до мягкого юго-западного бриза. Великолепный рассвет располагал к тому, на что мы надеялись, что этот день будет последним, проведенным в лодках. В розовом свете нарождающегося дня величественный пик острова Кларенса возвестил о грядущем величии солнца. Небо над нами становилось голубым и гребни волн весело искрились. Как только стало достаточно светло, мы скололи и соскребли лед с бака и кормы. Рули были сняты на ночь во избежание запутывания фалинями. Мы подняли наш плавучий якорь и втащили весла на борт. В течении ночи из-за волнения замерзающего моря они обросли льдом до толщины телеграфных столбов и теперь должны были быть очищены от него, прежде чем их можно было использовать снова.

Всех невероятно сильно мучила жажда. Мы выяснили, что можно получить кратковременное облегчение, пожевав куски сырого тюленьего мяса, но спустя время жажда возвращалась с удвоенной силой из-за солёности его плоти. Поэтому я распорядился, чтобы мясо выдавалось в установленные промежутки времени в течение дня, или тогда, когда жажда реально угрожала какому-либо конкретному человеку. При полном свете дня холодный и суровый остров Элефант показался на северо-северо-западе. Остров был в том направлении, на которое держал курс Уорсли, и я поздравил его с точностью навигации в трудных условиях после двух дней без определения нашего положения, окольного пути через паковый лед и последующего дрейфа в течение двух ночей по милости ветра и волн. Подошел *Стэнкомб Уиллс* и Маклрой сообщил, что у Блэкбороу очень сильно обморожены ноги. Это было досадно, но ничего нельзя было поделать. Большинство людей в какой-то степени были обморожены, и на этом фоне было интересно отметить, что у “ветеранов” - Уайлда, Крина, Хёрли и меня все было в порядке. Мы, наверное, были акклиматизированы к обычным Антарктическим температурам, хотя позднее узнали, что и мы не были неуязвимы.

Целый день под мягкий бриз с левого бейдевинда (*круто в бак с левого борта*) мы шли в открытом море. Мы бы отдали весь Китайский чай за кусок льда, чтобы растопить воду, но в пределах досягаемости льда не было. Три айсберга находились в поле зрения, мы подошли к ним в надежде, что какие-нибудь их обломки будут плавать в море с подветренной стороны, но айсберги оказались крепкими, лишённые каких-либо признаков раскола, а окружавшее их волнение делало невозможным подойти ближе. Ветер постепенно задувал с бака, день тянулся в свете безжалостных лучей солнца, яростно бьющих с безоблачного неба на помутневшие от боли лица людей. Продвижение было медленным, но постепенно остров Элефант становился ближе. Всегда, когда я занимался другими лодками, сигнализируя им или давая распоряжения, Уайлд находился за рулем *Джеймса Кэрд*. Он, казалось, не обращал внимания на усталость и лишения. Около четырех часов дня задул сильный встречный ветер, вскоре сделав море беспокойным. В течение следующего часа упорной гребли мы, казалось, не продвинулись вовсе. *Джеймс Кэрд* и *Дадли Докер* буксировали *Стэнкомб Уиллс* по очереди, но теперь моя лодка тащила *Стэнкомб Уиллс* на буксире постоянно, так как в посвежевшем ветре *Джеймс Кэрд* мог нести больше парусов, нежели *Дадли Докер*.

Пока мы пытались достигнуть юго-восточной оконечности острова Элефант ветер был от северо-западного к западному. Лодки, сдерживаемые практически встречным ветром, двигались крайне медленно, и когда наступила тьма, наша цель была все еще в нескольких милях впереди. И без того беспокойное море еще более разволновалось. Мы вскоре потеряли из виду *Стэнкомб Уиллс*, идущий за *Джеймсом Кэрдом* на длинном фалине, но изредка белый блеск разбиваемой о его борта воды говорил о его присутствии. Когда тьма стала полной, я

сел на корму, положив руку на фалинь, по натяжению которого мог определить, отделилась лодка или нет, я провел в таком положении всю ночь. Веревка стала очень тяжелой за счет льда, пока невидимое море бросало наши суденышки по воле волн. Еще в сумерках я сказал людям на *Стэнкомб Уиллс*, что если ночью их лодка оторвется и они не смогут идти против ветра, то они должны направиться к восточной стороне острова Кларенса и ждать нашего прибытия там. Даже если мы не сможем высадиться на Элефанте, это не значило, что это нужно было делать всем.

Это была на редкость суровая ночь. Мужики, за исключением вахтенного, скрючились и прижались друг к другу на дне лодки под промокшими спальными мешками, полагая, что это хоть немного позволит им согреться. Все сильнее и сильнее дул ветер и ожесточеннее и ожесточеннее становилось море. Лодка все тяжелее погружалась в тяжелые волны и разворачивалась к ветру, ее паруса трепало жестокими порывами. В течение ночи время от времени сквозь разрывы облаков пробивался лунный свет и в его всполохах я видел призрачные лица людей, сидящих в покачивающейся под ветер лодке. Когда луна скрывалась, ее присутствие проявлялось отражением света от сползающих ледников острова. Температура упала очень низко, и казалось, что весь кошмар положения, в котором мы находились, едва ли можно было усугубить, но земля впереди была словно маяк безопасности, и я думаю, что всех нас поддерживала надежда, что день грядущий положит конец нашим страданиям. Как минимум мы получим твердую землю под ногами. В то время, как в очередной раз фалинь *Стэнкомб Уиллс* напрягся и провис под моей рукой, мои мысли были уже заняты планами на будущее.

К полуночи ветер сменился на юго-западный и это позволило нам подойти ближе к острову. Несколько позже к *Джеймсу Кэрд* подошел *Дадли Докер* и Уорсли прокричал, что пойдет вперед и поищет место высадки. Я сказал ему, что он может попробовать, но не должен терять из виду сигнал с *Джеймс Кэрд*. Как только он отчалил, зарядил сильный снежный шквал и в темноте лодки разошлись. Больше я *Дадли Докера* не видел. Это разделение в течение остальных ночных часов вызывало во мне некоторое беспокойство. Перекрестное волнение было очень сильным, и я не чувствовал уверенности, что с исчезнувшей лодкой все хорошо. В темноте не было видно волн, хотя их направление и силу ветра можно было почувствовать, а в таких условиях в открытой лодке бедствие может настигнуть даже самого опытного штурмана. Я посигналил нашим компасным фонарем на парус, в надежде, что сигнал будет видно с борта *Дадли Докера*, но ответного сигнала так и не увидел. Мы всматривались сквозь ветер во тьму с надеждой уловить ответный сигнал, а затем повторить наш.

Мое беспокойство, по сути, оказалось безосновательным. Я процитирую собственноручную запись Уорсли о том, что случилось с *Дадли Докером*:

“Около полуночи мы потеряли из виду Джеймс Кэрд со Стэнкомб Уиллс на буксире, но некоторое время спустя увидели свет компасного фонаря, которым Сэр Эрнест сигнализировал нам для ориентира. Мы ответили светом нашей свечи, зажженной под тентом светопроницаемой палатки. Мы направились к подветренной стороне острова и шли по моему маленькому карманному компасу, поскольку илюминаторный компас был разбит. От этой свечи мои бедные парни закурили трубки, это было их единственным утешением, так как нестерпимая жажда мешала нам съесть хоть что-то. Тем временем мы попали в сильное отливное течение (течение против ветра, rip current), которое в сочетании с сильным волнением моря делало почти невозможным удержать Дадли Докера от подтопления. Вода

хлестала с кормы, бака и бортов одинаково хорошо, хотя мы были в крутом бейдевинде. Лиз, который показал себя неважным гребцом, хорошо проявил себя в напряженной откачке, в которой ему хорошо помог Читам. Гринстрит, славный малый, помогал мне на румпеле и в целом. Он и Маклин были моей правой и левой рукой во всем, словно загребные. Маклеод и Читам два хороших матроса и гребца, типичные старые морские волки и ворчуны, последние пираты до самых кончиков пальцев. Этой ночью в самый разгар шторма Читам проспорил мне бутылку шампанского (слишком мало, я должен был брать с него как минимум две). Шампанское должно быть отдано, когда он откроет свой паб в Халле, и я смогу выбрать какое именно... Мы уже сто восемь часов занимались изнурительной работой, промокая и промерзая до нитки и совсем или вообще без сна. Я думаю, что Сэр Эрнест, Уайлд, Гринстрит и я могли бы сказать, что мы не спали вовсе. Хотя прошло шестнадцать месяцев, когда мы последний раз были в штормящем море, только четверо на самом деле страдают от морской болезни, еще несколько человек выглядят болезненными.”

“Температура была 20 градусов ниже точки замерзания (-30С), к счастью мы были избавлены от столь низкой температуры предыдущей ночью. Гринстрит сильно поморозил правую ногу, но Лиз восстановил кровообращение, держа ее в свитере на животе. Другие были поморожены незначительно, главным образом за счет того, что их одежда была насквозь пропитана соленой водой... К утру мы были около земли, но ничего не могли разглядеть сквозь снег и брызги волн. Мои глаза стали подводить меня. Постоянное выкруливание к ветру, наблюдение за морем, казалось, застило мои глаза пеленой. В какой-то момент я не смог видеть или правильно судить о расстояниях и обнаружил себя падающим, мгновенно уснув у румпеля. В 3 часа утра Гринстрит сменил меня на нем. Я был так скован долгими часами холода и влажности в одном положении, что был вынужден завалиться поверх вещей и снаряжения у румпеля, пока остальные стащили меня в среднюю часть лодки и распрямляли словно складной нож, растирая мои бедра, пах и живот.

“С рассветом мы были вблизи земли, но туман был настолько густым, что мы не видели где сделать высадку. Снова взявшись за румпель после нескольких часов отдыха под укрытием (если это можно так назвать!) из капающего тента, я стал уводить Дадли Докер от шторма, следуя вдоль побережья к северу. Этот курс в первый час был довольно рискованным, сильное волнение, от которого мы уходили, угрожало утопить лодку, но к 8 утра мы оказались с подветренной стороны земли. Тогда я был в состоянии держаться очень близко к оконечностям ледников, подбирая, пока плыли мимо них, отколотые куски льда для воды. Наша жажда была невыносимой. Вскоре немного льда оказалось на борту, и в течение последующих полутора часов мы с остервенением сосали и жевали осколки льда.”

“Мы плыли вдоль возвышающихся скальных утесов и отвесных ледников, которые не давали ни малейшей возможности где-либо высадиться. В 9.30 утра мы заметили узкий каменистый пляж у основания нескольких очень высоких утесов и скал, и направились к нему. К нашей радости, мы увидели Джеймс Кэрд и Стэнкомб Уиллс, плывущих туда же немного впереди. Мы были так рады, что трижды прокричали "ура", которое не было слышно на других шлюпках из-за шума прибоя. Однако, вскоре мы присоединились к ним и смогли обмениваться своими впечатлениями на пляже”.

Наши приключения на Джеймсе Кэрд были схожими, хотя нам и не удалось идти против ветра также хорошо, как это сделал Дадли Докер. Но, как оказалось, это было даже к

лучшему для *Джеймс Кэрд* и *Стэнкомб Уиллс*, которым пришлось идти по ветру, огибая большую бухту, в которую вошел *Дадли Докер*, и из которой ему потом пришлось выбираться при сильной кормовой волне. Мы, таким образом, избежали риска подтопления *Стэнкомб Уиллс* попутными волнами. Утром стоял очень густой туман. В 7 утра мы оказались у отвесно падающих в море скал. Мы пошли вдоль побережья на север и лишь обрывистые утесы и ледники открывались нашему ищущему кров взору. Море с грохотом обрушивалось на эти стены, высадка была невозможна ни при каких условиях. Мы поднимали из воды обломки льда и с остервенением их сосали. В 9 часов утра на северо-западной (ск. *всего опечатка*, мыс *Валентин*, северо-восточная оконечность острова) оконечности острова мы увидели узкий пляж у подножья утесов. На подступах к нему лежали сильно изъеденные прибоем выступы скал с узким проходом между ними. Я решил, что мы должны рискнуть высадиться в этом, не самом привлекательном месте. Два дня и две ночи без питья и горячей пищи опустошили большинство людей настолько, что мы не могли ждать, пока какое-либо еще безопасное место появится в пределах нашей досягаемости. *Стэнкомб Уиллс* был легче и наиболее управляемым, поэтому я приказал ему подойти ближе, чтобы первым пройти на нем через узкий проход и определить возможность высадки, прежде чем это рискнет сделать *Джеймс Кэрд*. Как только я собирался пересечь в *Стэнкомб Уиллс*, то увидел за кормой идущий под парусом *Дадли Докер*. Увиденное сняло огромный груз с моей души.

Осторожно подгребая и избегая затемненных бурунов, которые указывали на притопленные камни, мы подвели *Стэнкомб Уиллс* к бреши в рифе. Затем в несколько сильных гребков мы проскочили через него на вершине волны и подвели лодку к каменистому пляжу. Следующей волной лодку отнесло еще немного дальше. Это была первая высадка, сделанная на острове *Элефант*, и мне в голову пришла мысль, что эта честь должна принадлежать самому молодому участнику экспедиции, поэтому я приказал *Блэкбороу* прыгать первым. Он, казалось, пребывал в состоянии комы, и для того, чтобы избежать ненужной никому задержки, я помог ему, быть может немного грубо, покинуть борт лодки. Он плюхнулся в прибой и не двигался. Потом я вдруг вспомнил, что его обе ноги были сильно обморожены. Следом спрыгнули другие и вытащили его на сухое место. Для *Блэкбороу* это было может не самым ярким впечатлением, но, во всяком случае, после этого он мог сказать, что был первым человеком, высадившемся на *Элефанте*. Хотя тогда ему вряд ли было до этого дело. Мы выгрузили кока и его жировую печь, топливо, несколько пакетов сухого молока, а также несколько человек. Затем через проход прошел *Дадли Докер*. *Джеймс Кэрд* был слишком тяжел, чтобы сходу пройти риф, поэтому после высадки большинства мужчин из *Дадли Докера* и *Стэнкомб Уиллс* я взялся перегрузить часть вещей с *Джеймса Кэрда* за пределами рифа. Затем и мы прошли через узкую горловину и спустя несколько минут все три лодки были на мели. Удивительное зрелище предстало перед моими глазами, когда я высадился во второй раз. Некоторые из мужчин шатались по пляжу в состоянии, словно они нашли на пустынном берегу неограниченный запас алкоголя. Они оглушительно смеялись, поднимая гальку и струйками пропуская ее сквозь пальцы, словно чахнувшие над златом скупцы. Улыбки и смех, который вновь заставлял кровоточить потрескавшиеся губы, крики ликования при виде двух живых тюленей на пляже, заставили меня вспомнить на мгновение чарующее мгновенье детства, когда наконец в створе отворившейся двери загоралась волшебная Рождественская елка. Я помню, что пока смотрел на людей, ко мне подошел *Уайлд*, которому все тяготы и лишения, казалось, были по боку, и встал рядом так же легко и беззаботно, словно только что вышел из своего автомобиля на

прогулку в парке.

Вскоре полдюжины из нас сгружали на берег вещи. Силы были почти на исходе, это была очень тяжелая работа, перенести их по грубой гальке и камням к подножию утеса, но нельзя было ничего оставить в пределах досягаемости прилива. Нам пришлось пробираться по колени в ледяной воде, чтобы вытащить их из лодок. Когда эта работа была закончена, мы вытащили все три лодки немного выше на пляж и с величайшим удовольствием наслаждались горячим напитком, который нам приготовил кок. Тем из нас, кто был сравнительно здоров, пришлось правда немного подождать, пока наиболее слабые участники поедят, но, в итоге, каждый получил порцию горячего молока, и никогда не пил ничего более вкусного. Потом были стейк с салом из тюленей, которые повсюду беззаботно валялись на пляже, словно в ожидании нашего прибытия. Для кока отдыха не было. Жировая печь горела и неистово трещала, он готовил вновь и вновь, превратив этот день в один сплошной день обжорства. Мы пили воду и ели тюленину до тех пор, пока каждый не насытился до предела.

Палатки установили на каркасах из весел и в 3 дня лагерь стоял. Родные стойки каркаса были оставлены на одной из льдин для экономии веса. Большинство мужчин рано погрузились в сладкий и безмятежный сон, прерываемый только на дежурство. Основной обязанностью дежурного было поддержание горения жировой печи, и каждый на посту, судя по всему, считал своей священной обязанностью приготовить себе во время дежурства что-нибудь поесть, прежде чем снова отправиться спать.

Прежде чем разойтись по палаткам Уайлд, Уорсли и Хёрли сопровождали меня в обследовании нашего пляжа. Мне очень хотелось отложить это на после сна, но ощущение беспокойства, намертво вбитое в голову опытом полярных путешествий, не покидало меня. Наши дальнейшие перспективы мы признали никудышными, но пока приемлемыми. Очевидные признаки указывали на то, что при весенних приливах наш маленький пляж будет полностью покрыт водой вплоть до подножия утесов. При сильном северо-восточном ветре, коих мы могли ожидать в любое время, волны будут перехлестывать через невыразительный барьерный риф и разбиваться о скальную стену позади нас. Хорошо выраженные террасы показывали влияние других штормов, а прямо на пляже был небольшой обломок не более трех футов длиной, округлый от постоянной шлифовки волнами. Очевидно, что мы должны были найти какое-нибудь более приемлемое место для лагеря. Я решил ничего не говорить людям о неопределенности нашего положения до тех пор, пока они полностью не насладятся сладостью безмятежного отдыха, без мысли, что в любую минуту снова смогут оказаться перед лицом опасности. Опасность со стороны моря сопровождала нас в течение многих дней и эта передышка играла огромное значение для эмоционально истощенных людей.

Данное описание обозначит наше положение более четче, нежели чем я смог перед этим его передать. Скалы у подножия пляжа были неприступны за исключением двух мест, где были крутые снежные наносы. Мы не особо переживали насчет еды, помимо наших собственных запасов на пляже было полно тюленей, которых мы в изобилии наблюдались в воде за пределами рифа. Сейчас и потом какие-либо из них будут выбираться на мелководье и выползать на пляж, который был, судя по всему, в своем роде признанным местом для отдыха. Небольшой скалистый остров, который защищал нас в некоторой степени от северо-западного ветра, был местом размножения антарктических пингвинов. Эти птицы были их числа мигрирующих и могли оставить нас прежде, чем настанет зима, но пока были в пределах нашей досягаемости. Эти положительные моменты нивелировались тем, что пляж

был открыт для атак ветра и моря с северо-востока и востока. В течение зимы в этом районе Антарктики восточные штормы являются более частыми, нежели западные. В ту ночь, прежде чем пойти спать, я изучил положение в целом и взвесил все возможности перенести лодки и наши запасы в безопасное место вне досягаемости воды. Сами мы могли бы вскарабкаться на снежные склоны, но не могли взять с собой лодки. Внутренняя же часть острова была абсолютно недоступна. Мы поднялись вверх по одному из этих склонов и вскоре остановились перед нависающими скалами. Камни позади лагеря были значительно выветрены, но мы заметили острые неизбитые глыбы, упавшие сверху. Очевидно, существовала опасность камнепадов сверху, если мы расположимся в конце пляжа. Мы должны были двигаться дальше. С этой мыслью я забрался в свою палатку и завалился спать на щебнистой земле, которая давала утешение ощущением стабильности. Принцесса, которая не могла заснуть своих семи пуховых перинах, потому что под ними лежала горошина, никогда не сможет понять того удовольствия, которое всем нам доставляла неровность камней, которая не могла сломаться под нами или уплыть, а наиболее острые камешки были лучшим напоминанием о нашей безопасности.

Ранним утром следующего дня (15 апреля) все оживились. Вскоре ярко засияло солнце, и мы растянули сушиться наши промокшие вещи, пляж выглядел словно цыганский табор в его не самом лучшем виде. Особенно пострадали за время нашего путешествия обувь и одежда. Я решил отправить Уайлда на *Стэнкомб Уиллс* вдоль побережья поискать новое место для лагеря, мы с ним обсудили детали предстоящего путешествия во время завтрака горячей тюлениной с салом. Место для лагеря, которое я хотел найти, должно было быть таким, чтобы партия смогла в нем жить в течение недель или даже месяцев в полной безопасности со стороны моря или ветров в разгар зимних бурь. Уайлд взял с собой четырех наиболее сильных людей: Марстона, Крина, Винсента и Маккарти и пошел на запад вдоль побережья. Если он не успеет вернуться засветло, то мы должны были зажечь сигнальный огонь, который будет служить ему маяком для входа в канал. *Стэнкомб Уиллс* отчалил в 11 часов утра и быстро скрылся из виду. Затем Хёрли и я пошли вдоль берега на запад, перебравшись через проход между скалами и большим отдельностоящим базальтовым выступом. Вновь открывшаяся узкая полоска пляжа была завалена грудами камней, упавших со скал. Мы с трудом преодолели мили две или чуть больше в поисках места, где смогли бы вытащить лодки на берег и основать постоянный лагерь в случае, если поиски Уайлда окажутся бесплодными, но после трех часов тщетных усилий повернули обратно. Мы обнаружили на обратной стороне базальтового выступа расщелину, которая, как казалось, была вне досягаемости всего и вся, кроме разве что сильных штормов. Округлые камешки показали, что море легко добирается и до этого места. Я решил оставить там десять упаковок бовриловских сухпайков на тот случай, если придется быстро сняться. Мы могли бы вернуться сюда за продовольствием позже, если представится возможность.

Вернувшись в лагерь, мы нашли людей отдыхающими или занимающимися своими делами. Кларк пытался удить на отмели у скал и поймал одну или две небольших рыбешки. День прошел спокойно. Покрывшиеся ржавчиной иголки почистили, натерев их до блеска о скалы, починили и заштопали одежду. Чувство усталости, которое как я и полагал, было реакцией на напряжение предыдущих дней, сковало нас, но наступающий прилив залил берег сильнее, чем это было за день до этого, и нам пришлось перетащить лодки на более высокий уступ. Мы также были вынуждены передвинуть наш временный лагерь поближе к скалам. Я распределил доступные площадки под палатки, камбуз и другие цели, поскольку

каждый фут земли был на вес золота. Когда наступила ночь, *Стэнкомб Уиллс* так и не показался, и я распорядился зажечь жировую горелку у основания канала.

Около 8 часов вечера мы услышали раздавшийся издалика приветственный клич. Мы ничего не видели, но вскоре, словно бледный призрак, из тьмы вынырнула лодка, а яркий свет огня выхватил белые лица мужчин. Уайлд вывел на гребне волны лодку на пляж и через пару минут мы оттащили ее в безопасное место. Я с большим беспокойством ждал отчета Уайлда, и мое облегчение было огромным, когда он сказал мне, что нашел небольшую песчаную косу в семи милях к западу, примерно в 200 ярдов длиной, выступающей под прямым углом к побережью и заканчивавшейся в сторону моря массивной скалой. С берегом косу соединяли протяженные снежные наддувы, выглядевшие подходящими для обустройства снежной хижины. Коса, в любом случае, была значительно лучше нашего узкого пляжа. Уайлд добавил, что место, которое он описывал, было единственно возможным из тех, что он видел. Дальше, на запад и юго-запад лежала негостеприимная линия скал и ледников, с явными обрывами к воде. Он думал, что в очень тяжелые шторма либо с юго-запада, либо с востока косу, возможно, будут накрывать брызги, но море ее не достанет. Лодки можно оставить на пологом берегу.

Услышав эту хорошую новость, я был готов немедленно покинуть наш лагерь. Дувший вдоль побережья ветер был благоприятен для движения вдоль него. Хорошая погода, стоявшая в течение последних двух дней, могла измениться в любой момент. Я сказал всем, что стартуем рано утром. Вновь убитый тюлень обеспечил нас роскошным ужином из бифштекса с салом, а потом мы безмятежно проспали до рассвета.

Утро 17 апреля выдалось ясным и безоблачным. Море было спокойным, но вдалеке мы увидели пояс пакового льда, который, как казалось, приближался. Мы заметили, что пак и айсберги гонит течением к востоку и затем относит на запад. Течение было быстрым, порядка пяти миль в час, и задержало Уайлда по возвращении с косы. Колебание уровня прилива составляло в это время около пяти футов, но луна стала полной и высота прилива увеличивалась. Появление льда подчеркнуло необходимость оставить пляж как можно быстрее. Оказаться запертыми на пляже паком будет серьезной проблемой. Вскоре лодки стащили на мелководье и после торопливого завтрака все занялись укладкой снаряжения и припасов на борт. Когда мы спускали лодки, нас постигла неудача. Мы использовали весла в качестве валков и три из них сломали, оставив себя без самого необходимого в самом начале путешествия. Подготовка заняла больше времени, нежели я предполагал, казалось, что со стороны нескольких человек сквозило какое-то нежелание оставить наш бесплодный безопасный маленький пляж и снова выйти в море. Но этот шаг был необходим и в 11 часов утра мы вышли, ведомые *Джеймсом Кэрд*. Как только мы обогнули маленький остров, занятый очковыми пингвинами, с 2000-футового утеса позади нас налетел “*вилливау*” (кратковременный порыв ветра ураганной силы, прим.), предвестник южного шторма, который разыгрался в течение получаса.

Вскоре мы прорывались на веслах сквозь штормовой встречный ветер. Никогда еще прежде мы не встречались с более серьезной задачей. Ветер менялся от южного до юго-западного и нехватка весел стала серьезной проблемой. У *Джеймса Кэрда*, самой большой шлюпки, был полный комплект гребцов, в то время как у *Дадли Докера* и *Стэнкомб Уиллс* был недобор, и они поочередно использовали нечетного гребца. Сильный прибой громыхал напротив утесов, временами нас бросало на скалы завихрениями зеленой воды. Мы должны были держаться как можно ближе к берегу, дабы не оказаться затянутыми бушующим морем,

окутанным белоснежной мглой вздымаемых яростными шквалами брызг. После двух часов напряженнейшего труда мы были вымотаны почти до предела, но нам посчастливилось найти небольшое укрытие за выступом скалы. Над нами возвышался отвесный утес под сотню футов высотой, морские птицы, вспархивающие из его щелей, были карликового размера. Лодки поднимались и опускались в больших волнах, но море не проникало в нашу маленькую гавань, мы отдыхали там, поглощая сухие пайки. Некоторые из матросов были вынуждены стоять с веслами в руках, чтобы отталкивать лодки от скалы.

После получасовой паузы я отдал приказ двигаться дальше. *Дадли Докер*, как и *Стэнкомб Уиллс* шел на трех веслах, но его отнесло особенно сильным порывом ветра. Я с тревогой наблюдал, как он сражается против ветра и моря. *Джеймсу Кэрд* было бесполезно идти на выручку *Дадли Докеру*, поскольку мы и сами двигались еле-еле. Оставалось идти вперед и надеяться на лучшее. Все снова вымокли и ощущали заметное влияние холода. Мы медленно продвигались, и вскоре подошли к одиноко стоящей в море огромной каменной скале, вздымавшейся на высоту около 2400 футов (ск. всего 240 футов). Между берегом и этим каменным изваянием протянулась отчетливая линия рифа, и я подумал, что по мере приближения к ней нам придется столкнуться с бушующим морем по ту его сторону, но разрыв в белом прибое указал на проход, и мы с трудом преодолели его под несомые ветром облака брызг с левого борта. *Стэнкомб Уиллс* прошел следом без проблем. В колких брызгах я совсем потерял из виду *Дадли Докер*. Было очевидно, что ему придется обогнуть скалу, поскольку он и так прилично отстал, я не видел, что с ним случилось, но и не рисковал остановиться. Это было ужасное время. Наконец, около 5 часов дня *Джеймс Кэрд* и *Стэнкомб Уиллс* достигли сравнительно спокойной воды и прямо по курсу мы увидели пляж Уайлда. Я оглянулся, безуспешно высматривая *Дадли Докер*.

Косу окружало усеянное камнями мелководье и бушующее среди него море. Я приказал *Стэнкомб Уиллс* двигаться в сторону пляжа к месту, которое выглядело наиболее пологим, и через несколько минут первая лодка была на берегу, выскакивающие люди удерживали ее от отступающей волны. Я сразу понял, что она была в безопасности, и направил туда же *Джеймс Кэрд*. Сразу же некоторые из нас поднялись выше края прибоя и закрепили фалинь за камень, чтобы удержать лодку. Затем мы стали сгружать припасы и вещи, работая словно одержимые, лодки нельзя было сдвинуть с места, пока они не будут разгружены. Быстро запалили жировую печь и кок начал готовить горячий напиток. Мы разгружали шлюпки, когда я заметил белого, как мел, Рикенсона, пошатывающегося в полосе прибоя. Я вытащил его из воды и послал к плите, которую разместили во временном укрытии из нескольких камней. К нему подошел Маклрой (врач) и диагностировал сильную аритмию. Рикенсон был плох и нуждался в быстрой медицинской помощи. Есть люди, которые всегда будут делать больше, чем это необходимо, те, кто будут пытаться сделать более, нежели могут физически. Рикенсон один из таких. Он страдал, как и многие другие члены экспедиции от фурункулов. Ими были покрыты наши запястья, руки и ноги. По-видимому, это было связано с постоянным контактом с морской водой, мокрой одеждой и внешними раздражителями.

Я очень волновался за *Дадли Докер*, сразу же, как только мы перенесли вещи на берег, мои мысли и взор были устремлены на восток, но через полчаса пропавшая лодка появилась, с трудом пробиваясь сквозь вспененное белое море и к настоящему времени достигла сравнительный спокойной бухты. Мы наблюдали за ее продвижением с чувством облегчения, которое испытывает моряк, заходя в портовый кабак. Начинался быстрый отлив и Уорсли подсветил *Дадли Докеру* место высадки среди скал, куда они и направились. Затем

он пришвартовался, и с общей помощью мы вскоре сгрузили наши пожитки на берег, и все три судна теперь были выше максимальной отметки уровня воды. Коса была отнюдь не идеальным местом для лагеря, это было неровное, мрачное и негостеприимное место, акр или два камней и гальки, окруженное вспенившимся морем, за исключением места, где снежный склон, протянувшийся к леднику, сформировал прибрежную границу. Некоторые из больших камней предоставляли некоторую защиту от ветра, и мы, столпившись вокруг жировой плиты, источающей едкий дым, дующий в наши лица, были довольно забавной компанией. В конце концов, очередной этап на обратном пути домой был пройден, и мы могли позволить себе забыть на некоторое время о грядущих сложностях. Жизнь была не так уж плоха. Мы доели ужин, и пока снег сдувало вниз с поверхности ледника наши замерзшие тела наполнялись теплом. Затем мы подсушили на плите немного табака и наслаждались покуриванием трубок, прежде чем забрались в палатки. Снег делал невозможным точно определить уровень прилива, мы не знали, насколько море зальет наш пляж. Я поставил свою палатку на обращенной к морю стороне, так что должен был первым предупредить об опасности и, как и этого и следовало ожидать, в 2 часа ночи небольшая волна проникла под ее днище. Это была наглядная демонстрация того, что мы не ушли далеко от моря, но в полутьме было трудно понять, где мы смогли бы найти безопасное место. Несомненно было к лучшему, что у нас был опыт внезапного быстрого переноса лагеря в случае опасности. Мы быстро сняли палатки и перенесли их поближе к высокой скале на вдающемся в море конце косы, где крупные валуны делали наше ложе очень неудобным. Шел сильный снег. Затем мы все вместе вытянули лодки подальше от берега и тогда же понесли существенную потерю. Два из наших четырех тюков одежды лежали придавленные *Джеймсом Кэрд* и, прежде чем мы осознали опасность их положения, лодку подняло волной и оба тюка унесло в море. У нас не было шансов достать их. Эта потеря далеко не полный перечень наших ночных несчастий. Рано утром ветром была разорвана в клочья большая восьмиместная палатка. Некоторые из ее обитателей расположились в других палатках, но некоторые остались в своих спальнях мешках под остатками тента до рассвета.

Утром 18 апреля все замело. Перспектива была безрадостная, но предстояло сделать еще очень многое, и мы не могли уступить желанию оставаться в теплых спальнях мешках. На пляже чуть выше уровня прилива лежали морские слоны и мы убили парочку помоложе ради мяса и жира. Большую палатку заменить было нечем и для того, чтобы сделать убежище для людей, мы перевернули *Дадли Докер* вверх ногами и валунами прикрыли боковые стороны. Чтобы защитить лодку от опасности быть сдвинутой ветром, мы занайтовили ее носовым и кормовым фалинем за самые тяжелые булыганы, которые только смогли найти. Два тюка одежды, подсакивающие о камни и лед, ветром отнесло к наветренной стороне косы, и достать их пока не представлялось возможным. Буря продолжалась весь день и масса снега, сдуваемого с поверхности ледника, добавлялась к большим хлопьям, падающим с неба. Я провел тщательное обследование косы с целью убедиться в ее пригодности для организации лагеря. По всей видимости, часть пляжа была выше максимально возможного уровня воды за счет возвышающихся скал. В хорошую погоду можно было бы сходить к снежным склонам в сторону ледника, но во время шторма я пока туда не рвался. На выступающем в море конце косы был уже упоминавшийся кусок скалы. На этих камнях гнездовались несколько тысяч антарктических и папуанских пингвинов, мы с большим удовольствием отметили этот факт во время нашей высадки. Антарктические пингвины были отнюдь не лучшими с точки зрения голодного путешественника, но какая-

никакая, а еда. В 8 утра я увидел, что они организованно собрались у кромки воды, и подумал, что они приготовились к ежедневной рыбалке, но вскоре заметил, что несколько вожаков ходят вдоль строя. Они собирались мигрировать, а с их уходом мы лишались ценного источника пропитания. Наспех вооружившись кусками лыж от саней и другими импровизированными дубинками, мы побежали в сторону гнездовья. Но опоздали. Услышав пронзительные кличи вожаков, пингвины стройными рядами стали прыгать в море. Следуя за ними, они выныривали за полосой прибоя и появлялись в клокочущей воде вдалеке от берега. Лишь очень немногие из числа наиболее слабых испугались и попятились обратно к берегу, где позже были принесены в жертву нашей нужде, но основная часть пингвиной армии ушла на север и больше мы их не видели. Мы опасались, что папуанские пингвины последуют примеру их антарктических сородичей, но они остались с нами и, скорее всего, были не из числа мигрирующих. Их было сравнительно немного, время от времени они ходили от моря до нашего пляжа. У папуанских пингвинов наиболее яркая окраска из всех мелких разновидностей пингвинов и они намного превосходят Адели весом лодыжек и груди, местами, особенно привлекательными для нас.

Опустевшее место гнездования пингвинов было, безусловно, выше максимального уровня воды в любое время, и мы поднялись на этот скалистый выступ в поисках места для установки наших палаток. Пингвины знали лучше, где им отдыхать, там, где море не сможет достать их даже в сильнейший шторм во время самого высокого прилива. Но недостатки лагеря на месте гнездовья были очевидны. Мягко говоря, сильно воняло, и было не похоже, что запах станет менее сильным, когда мы теплом своих тел подтопим смерзшуюся поверхность. Но выбор места был невелик, и после обеда мы расчистили среди помета место для двух палаток, выравнив их, убрав снег и камни. Моя палатка № 1 расположилась ближе к основанию утеса и там во время моего пребывания на Элефанте я жил. Палатка Крина была рядом, три другие палатки, установленные на достаточно чистом снегу, находились в нескольких ярдах поодаль. Пятая палатка была совсем ветхой. Тент разорванной восьмиместной палатки натянули на грубый каркас из весел, и люди ютились в этом подобие укрытия.

Установка лагеря, ревизия вещей, добыча и разделка тюленей и морских слонов заняла весь день и мы рано залезли в наши спальники. Мне и моим товарищам по палатке № 1 не суждено было провести приятную ночь. Теплом наших тел вскоре под нами подтопило снег и днище палатки стало невыносимо вонять от пропитавшей его желтой грязи. Снег, сметаемый с утеса над нами, сильно давил на бока палатки, а ночью штормовые порывы ветра буквально клали на нас крышу нашего маленького дома. Мы оставались под тяжестью снега до утра, было совершенно безнадежным делом даже думать о переустановке палатки во время бури, которая неистовала в ночной тьме.

Утром 19 апреля погода оставалась по-прежнему плохой. У некоторых из людей наблюдались признаки деморализации. Они не хотели покидать палаток когда настал час подъема, и было видно, что больше думали о неудобстве момента, нежели об удаче, которая привела нас на твердую землю к относительной безопасности. Состояние рукавиц и головных уборов некоторых особо потерянных наглядно иллюстрировало пресловутую поговорку о разгильдяйстве моряков. Ночью вещи смерзлись, оказалось, что их хозяева считали, что такое положение дел дает им право жаловаться, или, во всяком случае, право ворчать. Они сказали, что хотят сухой одежды и что их здоровье не позволяет им выполнять какую-либо работу. Только довольно жесткими методами их удалось взбодрить. Замерзшие

рукавицы и шапки были, безусловно, очень неудобны, а следовательно, ночью эти вещи необходимо держать под одной из поддевок.

Южный шторм, принеший так много снега, был настолько силен, что когда я пошел вдоль берега убить тюленя, то был сбит с ног его порывом. В тот же момент от палатки номер два в сторону моря покатались, подлетая на камнях, котелки. Крышка ящика, которой они были придавлены, чтобы держать их вместе, была опрокинута порывом ветра. Эти котелки, к счастью, не были столь необходимыми с тех пор, как почти все наше приготовление пищи осуществлялось на жировой плите. Камбуз был установлен у скал довольно близко к моей палатке, в нише, которую мы сделали среди помета пингвиньего грачовника. Упаковки с провизией обеспечивали некоторую защиту от ветра, а растянутый парус защищал кока от падающего снега во время работы. У него почти не было свободного времени. Количество мяса и сала тюленей и морских слонов, потребляемых нашей голодной командой, было почти невероятным. Он не испытывал недостатка в помощи, постоять рядом с жировой плитой было привлекательным для каждого члена партии, но заслужил всеобщую благодарность за свою неослабевающую энергию в приготовлении еды, которая была сытной и вкусной. Положа руку на сердце, мы действительно нуждались в тепле, которое давала нам горячая пища. Ледяные щупальца бури выискивали каждую щель меж камней нашего пляжа и безжалостно проникали сквозь нашу изношенную одежду и лохмотья палаток. Снег, несомый с ледника и падавший с небес, покрывал нас и наши вещи, образуя коварные ловушки для наших заплетающихся ног. Волнующееся море, бьющееся о скалы и камни, выбросило обломки плавучих льдов в нескольких футах от наших лодок. Однажды утром солнечные лучи проникли сквозь мчащиеся тучи, и мы увидели проблеск голубого неба, но хорошая погода, увы, не наступала. Утешением ситуации служило лишь то, что наш лагерь был в безопасности. Мы могли стерпеть неудобства, и я чувствовал, что всем будет польза от возможности отдохнуть и восстановить силы.

ГЛАВА IX

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛОДКЕ

Усилившееся волнение моря вынудило нас перетащить лодки повыше. Это была задача для всех, и после ударной работы мы вытащили лодки в безопасное место среди скал и фалинями занайтовили их за большие валуны. Затем я обсудил с Уайлдом и Уорсли шансы достигнуть Южной Джорджии, прежде чем зима скует окружающее нас море. Для спасения экспедиции нужно было что-то предпринимать. Выпавшие лишения и внешняя среда оставили свой неизгладимый след на партии, здоровье и душевное состояние нескольких человек вызвали мое серьезное беспокойство. Ноги Блэкбороу, которые были обморожены в переходе на лодке, находились в плохом состоянии и оба доктора опасались, что будет необходима операция. Они сказали мне, что если в обозримом будущем не наступит улучшения, то пальцы придется ампутировать. Также жизненно важным был вопрос

продовольствия. У нас осталось десять упаковок сухпайков в расщелине скалы на нашей первой стоянке на острове. Ревизия оставшихся припасов показала, что их хватит на пять недель. Эти пайки можно было растянуть на три месяца, сократив при этом суточную норму и частично восполняя их тюленьями и морскими слонами. Но я не мог с полной уверенностью рассчитывать на мясо и жир животных, пляж опустел, на носу была зима. Сейчас эти наши припасы состояли из трех тюленей и двух шкур (с жиром). Мы главным образом завесили от жира для топлива и, после предварительного обзора ситуации, я решил, что партия должна быть ограничена одним горячем питанием в сутки.

Я пришел к выводу, что с целью спасения экспедиции было необходимо путешествие на лодке и оно не могло быть отложено на долго. Ближайшим портом, где можно было найти гарантированную помощь, был Порт Стэнли на Фолклендских островах, в 540 милях отсюда, но мы не могли даже надеяться идти против преобладающего северо-западного ветра на маленькой лодке с небольшим парусом. Южная Джорджия была более чем в 800-ах милях, но лежала по пути западных ветров, а я мог рассчитывать найти китобоев в любой китобойной станции на восточном побережье. Небольшая команда сможет пройти этот путь и вернуться со спасением в течение месяца, при условии, что море будет свободным ото льда и лодка выживет в бушующем море. Было совсем не трудно определить, что нашей конечной целью должна стать Южная Джорджия, и я продолжил планирование маршрута и необходимых для этого средств. Опасности 800 мильного путешествия на лодке через штормовой антарктический океан были очевидны, но я считал, что от этого рискованного мероприятия те, кто останутся на острове, совершенно ничего не потеряют. Зимой будет меньше ртов, лодка возьмет максимум месячный запас еды на шесть человек, ибо, если мы не достигнем Южной Джорджии за это время, то не достигнем ее никогда. Ещё одним веским доводом для меня было то, не было ни единого шанса, что хоть кто-то будет нас искать на острове Элефант.

Данные соображения требовалось обсудить в деталях, поскольку все знали, что опасность предполагаемого путешествия была исключительной. Этот риск был оправдан только нашей крайней необходимостью в помощи. В середине мая океан к югу от мыса Горн, как известно, является самым бушующим в мире. Постоянно плохая погода, унылое и пасмурное небо, практически непрерывные шторма. Нам придется столкнуться с этими условиями в маленькой тщедушной лодке, основательно потрепанной за прошедший месяц. Уорсли и Уайлд понимали, что такая попытка должна быть сделана, и оба вызвались сопровождать меня в этом путешествии. Я сказал Уайлду, что на этот раз он должен остаться. Я полагался на него, как на человека, который способен сохранить партию вместе, пока меня не будет, а также он был лучшим из тех, кто сможет довести людей весной до острова Обмана в случае нашей неудачи привести помощь. Уорсли я хотел взять с собой, так как был очень высокого мнения о его способностях в навигации, особенно в тяжелых условиях, это мнение лишь усилилось во время последнего перехода. Требовалось еще четверо человек, и я решил вызвать добровольцев, хотя, по сути, очень хорошо знал, кого выберу. Тому Крину я предложил остаться на острове в качестве правой руки Уайлда, но он так сильно просил взять его с собой, что после консультации с Уайлдом, я ему это пообещал. Я собрал людей вместе, объяснил свой план и вызвал добровольцев. Многие сразу же вышли вперед. Некоторые просто не подходили для этого дела, других нельзя было брать, так как они не были закаленными моряками, хотя опыт последних месяцев давал им некоторое право называться таковыми. Оба врача, Маклрой и Маклин, хотели идти с нами, но

понимали, что их обязанность состояла в том, чтобы остаться на острове с больными людьми. Они предложили нам взять с собой Блэкбороу, мотивируя это тем, что он сможет получить тепло и кров, настолько быстро, насколько это возможно, но у меня было вето на эту идею. Жить в лодке будет достаточно трудно и здоровым людям. Я реально не представлял себе, как больной человек, беспомощно лежащий на дне лодки, сможет выжить в суровую погоду, во встрече с которой я был уверен. В итоге я выбрал Макниша, Маккарти и Винсента. Экипаж выглядел сильным и я, глядя на этих людей, чувствовал растущую уверенность в успехе.

Приняв решение, я пошел сквозь метель вместе с Уорсли и Уайлдом осмотреть *Джеймс Кэрд*. Эта 20-футовая шлюпка и так никогда не выглядела особо большой, а сейчас, казалось, каким-то таинственным образом съежилась, когда я смотрел на нее в свете нашего нового предприятия. Это был обычный китобоец, крепко скроенный, но с видимыми признаками повреждений, полученных после гибели «*Эндьюранс*». Пробоина, полученная при выходе из пака, к счастью, была выше ватерлинии и легко заделывалась. Стоя рядом с ним, мы смотрели на громыхавший прибой штормового моря, по которому предстоял наш путь. Было ясно, что вояж будет большим приключением. Я подозвал плотника и спросил его, сможет ли он что-нибудь сделать, чтобы вельбот стал более мореходным. Он переспросил меня, пойдет ли он со мной, и выглядел очень довольным, когда я сказал ему “да”. Ему было за пятьдесят, он был не совсем здоров, но хорошо знал парусные суда и был очень сообразителен. Маккарти сказал, что он сможет смастерить какую-никакую палубу для *Джеймс Кэрд*, если ему дадут крышки от ящиков и четыре санных лыжи, которые были занайтовлены внутри лодки для использования на случай высадки на Земле Грэхама в заливе Вильгельмина. Эта бухта одно время была нашей целью, но потом курс пришлось изменить, а лыжи мы оставили. Плотник предлагал покрыть ее брезентом и принялся немедленно воплощать в жизнь свой план.

Миновал полдень, а метель была даже еще более сильной, нежели до этого. Подготовка продолжалась. Палатки трепало на ветру, море еще сильнее штормило. Мы прошли к снежному склону у прибрежного конца косы с намерением вырыть в снегу пещеру, достаточно большую, способную обеспечить всю партию кровом. У меня была мысль, что Уайлд со своими людьми смогут расположиться в ней лагерем во время моего отсутствия, поскольку казалось совершенно невероятным, что палатки выдержат еще много много дней бесконечные порывы ветра, но исследование места показало, что любая пещера, которую мы смогли бы вырыть, будет быстро забиваться снегом. В темноте, около 5 часов вечера, после ужина, состоящего из кружки горячего молока, одного из наших драгоценных сухарей и холодной пингвинячьей лапки, мы все завалились спать.

На следующее утро (20 апреля) буря усилилась. Что-либо делать было нельзя. Метель и снег, снег и метель, то внезапно стихающие, то с яростью начинающиеся. Во время затишья мы могли видеть на далеком горизонте к северо-востокудвигаемые штормом айсберги всех форм и размеров и зловещего вида быстро движущиеся массы льда, при виде которых становилось хорошо только от того, что вместо противостоянию шторму среди льдов, нам оставалось лишь смотреть на сдуваемый с ледников снег и высокие утесы. Порывы ветра могут сбить нас с ног, но, по крайней мере, мы упадем на твердую землю, а не раскачивающиеся льдины. Два тюленя вылезли на пляж, один из них в десяти ярдах от моей палатки. Наша потребность в пище и жире была столь велика, что я созвал всех и организовал линию загонщиков, вместо того, чтобы просто подойти к тюленю и дать ему по

носу. Мы готовы были навалиться на этого тюленя *en masse* (всей массой), если он попытается сбежать. Его убили кайлом и через несколько минут пятидневный запас пищи и шестидневный топлива был сложен в безопасном месте среди валунов. Днем кок, который великолепно работал на льдине и во время путешествия на лодках, вдруг неожиданно свалился без сил. Мне довелось в этот момент быть на камбузе, и я видел его падение. Я оттащил его вниз по склону к палатке и засунул в нее, указав соседям держать его в своем спальном мешке до тех пор, пока я не позволю ему выйти или врачи не скажут, что он здоров. Затем я назначил вместо кока одного из людей, которые выразили желание лечь и умереть. Задача поддерживать огонь на камбузе была довольно трудна, и поэтому отвлекала от ненужных мыслей. И в самом деле, немного позднее я увидел его серьезное выражение лица, озабоченное сушкой не очень чистых носок, которые висели в непосредственной близости от нашего вечернего молока. Занятость вернула его мозги в привычное рабочее русло.

21 апреля в непогоде произошла передышка и плотник начал собирать материалы для палубы *Джеймса Кэрд*. Он установил внутри лодки с бака до кормы в качестве продольной надпалубной балки мачту *Стэнкомб Уиллс*, таким образом, укрепив киль с целью предотвращения «хоггинга» - напряжения в корпусе лодки при перегибе в сильном волнении. У него не было достаточно древесины для палубы, но, используя лыжи от саней и крышки упаковочных коробок, он сделал от бака до кормы хороший каркас. Это была основа для брезентового покрытия. У нас был с собой сильно сморщенный рулон брезента, и этот материал нужно было вначале обрезать, а затем оттаять на жировой печи, фут за футом, для того чтобы придать ему необходимую форму. Когда его закрепили в нужном положении это, безусловно, придало некую видимую безопасность лодке, хотя у меня было неприятное чувство, вызванное сильным сходством с декорацией, на которой видишь гранитную стену, а на самом деле это лишь брезент и рейки. Но как показали дальнейшие события, это укрытие выполнило свою задачу на отлично. Мы, безусловно, не смогли бы без него выжить в плавании.

Очередной свирепый шторм, задувший 22 апреля, вмешался в нашу подготовку к путешествию. Горелку палатки № 5 сдуло порывом ветра, и хотя ее поймали у края воды, она была навсегда испорчена. Ноги Блэкбороу причиняли ему мучительную боль, и Маклрой и Маклин полагали, что вскоре им будет необходимо его прооперировать. Они волновались, что у них не было хлороформа, но впоследствии, после того, как мы отплыли, они нашли кое-что в аптечке. Некоторые упаковки с припасами, остававшиеся на камнях в конце косы со дня нашего прибытия, были в этот день перенесены в лагерь. Мы сидели среди припасов для путешествия на лодке и отбирали все самое необходимое из тех скудных запасов, что имелись в нашем распоряжении. Две десятигалонные бочки нужно было заполнить талой водой изо льда с подножия ледника. Это было довольно медленным делом. Жировая плита работала всю ночь, и дежурные заливали воду в бочки из кружек с растаявшим льдом. Бригада энтузиастов начала копать пещеру в снежном склоне в почти сорока футах выше уровня моря с целью организовать место для лагеря. Они довольно неплохо начали в самом начале, но с островных ледников непрерывно сдувало снег и, в конце концов, бригада отказалась от этой затеи.

Утром 23 апреля выдалась ясная погода, и с подготовкой пришлось поторопиться. В этот день я окончательно решил, что экипаж *Джеймс Кэрд* должен состоять из Уорсли, Крина, Макниша, Маккарти, Винсента и меня. Около полудня началась сильная метель.

Иногда на несколько минут прояснялось, и в разрывах непогоды мы могли видеть полоску пакового льда в пяти милях отсюда,двигающуюся с запада на восток. Это зрелище усиливало мое беспокойство по поводу грядущего путешествия. Приближалась зима и вскоре пак мог сомкнуться вокруг острова и задержать наше отплытие на дни или даже недели, хотя я не думал, что лед будет оставаться вокруг острова Элефант в течение всей зимы, сильные ветра и быстрые течения будут держать его в постоянном движении. Мы заметили льды и айсберги, проходящие мимо со скоростью четыре или пять узлов. Некоторое количество льда образовалось у конца нашей косы, но там, откуда должна была отчалить лодка, море оставалось чистым.

Уорсли, Уайлд и я залезли на вершину выступающей в море скалы и осмотрели льды с более лучшей точки обзора, нежели пляж. Пояс пакового льда, окружавший остров, казался достаточно разорванным для выполнения нашей задачи, и я решил, что пока условия позволяют, мы отправимся на *Джеймсе Кэрд* следующим утром. Было очевидно, что пак может закрыться в любой момент. Приняв это решение, я провел остаток дня осматривая лодку, вещи, снаряжение, и обсуждая планы с Уорсли и Уайлдом.

Наша последняя ночевка на острове Элефант была холодной и неудобной. Мы проснулись на рассвете и позавтракали. Затем спустили *Стэнкомб Уиллс* и загрузили его припасами, вещами и балластом, который нужно будет перенести на *Джеймс Кэрд*, после того, как его спустят на воду. Балласт состоял из мешков, сделанных из одеял и заполненных песком, делая общий вес около 1000 фунтов. Кроме того, мы собрали несколько круглых валунов и около 250 фунтов льда, который будет дополнением к нашим двум бочкам воды.

Снаряжение, взятое на *Джеймс Кэрд*, и рассчитанное на шесть человек и месяц плавания, было следующим:

30 коробков спичек.

6½ галлонов парафина.

1 банка метилового спирта.

10 коробок растопки.

1 коробка синего света.

2 примуса с запчастями и шилом

1 нансеновская алюминиевая плита.

6 спальных мешков.

Несколько запасных носков.

Несколько свечей и немного масла в канистре.

Еда:

3 упаковки сухпайков = 300 порций

2 упаковки орехов = 200 порций

2 упаковки сухарей = 600 сухарей.

1 упаковка рафинада.

30 пакетов сухого молока.

1 банка бовриловских кубиков

1 банка соли.

36 галлонов воды

250 фунтов льда.

Инструменты:

Секстант.

Плавучий якорь.

Бинокль.

Карты.

Призматический компас.

Анероид.

Когда спускали на воду *Стэнкомб Уиллс* волны были небольшими и это не вызвало каких-либо затруднений, но полчаса спустя, когда стаскивали вниз *Джеймс Кэрд*, волнение внезапно усилилось. По всей видимости, зона пакового льда стала более разорванной и позволила волнам проникать дальше не встречая сопротивления. Волнение усиливалось. Пока спускали лодку, многие вымокли по пояс, что было очень некстати в таком климате. Когда *Джеймс Кэрд* оказался на плаву среди прибоя, то едва не опрокинулся среди скал прежде, чем мы смогли вывести его на чистую воду, Винсента и плотника, которые стояли на палубе, сбросило в воду. Это было действительно плохо, так как эти двое имели небольшие шансы высушить одежду после того, как мы отправимся в путь. Хёрли, который имел профессиональный нюх на всяческие “инциденты” запечатлел момент опрокидывания, и я бьюсь об заклад, что он хотел, чтобы оба несчастных оставались в воде до тех пор, пока он не сделает свой «щелк» вблизи, но мы вытащили их оттуда немедленно, независимо от его желания.

Вскоре *Джеймс Кэрд* был на чистой воде. Мы использовали все имеющиеся веревки, чтобы удержать его на месте. Затем к *Джеймсу Кэрду* причалил *Стэнкомб Уиллс*, с которого на него перегрузили вещи, и он отправился назад к берегу за следующей партией груза. В момент причаливания к берегу его наполовину залило перехлестнувшей корму волной. И теперь, прежде чем он мог отправиться в обратный путь, его нужно было перевернуть и вылить воду. Каждый член экипажа *Стэнкомб Уиллс* промок насквозь. Во второй заход *Стэнкомб Уиллс* буксировал бочки с водой, волнением, которое внезапно резко усилилось, лодку бросило на камни, и одну из бочек слегка придавило. Это малозначительное, на первый взгляд, происшествие по своим последствиям оказалось очень серьезным, поскольку в бочку попала морская вода и ее содержимое стало солоноватым.

К полудню *Джеймс Кэрд* был готов к путешествию. Винсент и плотник нашли сухую одежду, поменявшись своей с членами береговой партии (впоследствии я узнал, что прошло полных две недели, прежде чем промокшая одежда окончательно высохла), экипаж лодки стоял в ожидании команды к отплытию. Дул умеренный западный бриз. Я вместе с Уайлдом, который оставался за старшего, прошелся вдоль берега и сказал ему, как действовать в случае нашей неудачи, хотя в реальности предоставил ему полную свободу действий и принятия решений по собственному усмотрению, зная, что он будет действовать мудро. Я сказал, что вверяю ему партию, а затем со всеми попрощался. Потом мы в последний раз оттолкнулись от берега и через несколько минут были на борту *Джеймс Кэрд*. Экипаж *Стэнкомб Уиллс* пожал нам руки и, когда лодки сошлись вместе, еще раз пожелал нам удачи. После этого, поставив кливер, мы обрезали фалинь и пошли на северо-восток. Оставшиеся на пляже выглядели как то особенно сиротливо на фоне мрачных утесов острова и бурлящего моря, они помахали нам и прокричали сердечное трехкратное ура. Они верили в нас, в их сердцах жила надежда, что мы приведем помощь, в которой так остро нуждались.

Я поднял все паруса и *Джеймс Кэрд* быстро удалялся от пляжа и линии темных фигурок на нем. Западный ветер резво относил нас к поясу пакового льда, и, как только мы вошли в

него, я встал, обняв рукой мачту, и направлял рулевого, чтобы избежать столкновения с большими глыбами льда, что были повсюду вокруг в волнуемом море. Когда пак стал более плотным, мы были вынуждены повернуть почти прямо на восток, двигаясь под ветер к проливу, который я увидел рано утром с высоты утеса. Я не видел его сейчас, но мы должны были выйти к нему по азимуту, и я готов был поспорить, что он образовался под влиянием восточного течения. В четыре часа пополудни мы нашли этот канал, гораздо более узкий, нежели чем он казался утром, но еще вполне проходимый. Приспустив паруса, мы прошли сквозь него и в 5.30 вечера вышли из зоны пакового льда. Мы прошли мимо еще одного обломка льда в темноте часом позже, но пак остался позади, и с попутным ветром в парусах мы повели наше суденышко сквозь ночь, наши надежды сосредоточились на далекой цели. Волны были очень высокими и теперь, когда пришло время для нашего первого ужина мы ощутили большие трудности в удержании горящего примуса и предотвращения расплескивания хуша в котелке. Чтобы приготовить еду были нужны трое человек, один держал горелку, а еще двое алюминиевый котелок, который приподнимали всякий раз над примусом, когда движение лодки приобретало угрожающий характер. Помимо этого примус нужно было защищать от воды, брызги которой летели над лодкой с бака, а наша хлипкая палуба не была водонепроницаемой. Все эти операции проводились в замкнутом пространстве под палубой, где люди, лежа или стоя на коленях, располагались как можно удобнее посреди вещей и балласта. Все это было крайне неудобно, но мы утешались тем, что без палубы не смогли бы воспользоваться горелкой вовсе.

Повествование о следующих шестнадцати днях является рассказом об одной сплошной невероятной борьбе за жизнь посреди бушующего субантарктического океана, который полностью оправдал свою зловещую репутацию. Пока ветер держался, я решил идти на север, по крайней мере, два дня, чтобы дойти до области теплой погоды, прежде чем повернуть на восток и взять курс на Южную Джорджию. Мы положили румпель на два часа. Мужчины, которые были не на вахте, залезали в мокрые спальники и пытались на время забыться, но сделать это в лодке было сложно. Вещи и снаряжение, казалось, жили своей жизнью, обладая при этом неизменной способностью оказываться под самыми неудобными углами для наших жаждущих отдыха тел. На мгновение представьте себе, что вы вот-вот нашли удобное положение, как тут же быстро обнаружили какие-то закорюки, давящие на мышцы или кости. Первая ночь на борту лодки была одной из особо дискомфортных для нас всех, и мы были от души рады, когда наконец наступил рассвет и мы смогли начать готовить горячий завтрак.

Описание путешествия к Южной Джорджии основывается на сделанных тогда изо дня в день скудных записях. И хотя они преимущественно отражают лишь голые факты о пройденных расстояниях, нашем положении и погоде, то наша память сохранила детали прошедших дней, времени, которого не забыть никогда. Направляясь на север первые два дня, я надеялся выйти в зону более теплой погоды, а также избежать встречи с паком, который может иногда выходить за обычные границы. Нам было нужно преимущество высоких широт для плавания по Великому кругу (*широты пролива Дрейка*) и быть осторожными в отношении возможной встречи со льдом. Зжатые в тесноте нашей узкой каюты и постоянно мокрые от летящих брызг мы невероятно сильно страдали от холода в течение всего путешествия. Мы сражались с морем и ветром, и в то же время, ежедневно боролись за то, чтобы остаться в живых. Временами мы находились в страшной опасности. Единственное, что нас поддерживало, это осознание того, что мы идем к земле, куда

страстно хотели попасть, но были дни и ночи, когда ничего не оставалось, кроме как ложиться в дрейф в выбеленном штормом океане, и смотреть, больше с интересом, чем с опаской, на вздымающиеся колоссальные массы воды, бросаемые туда и сюда природой, восхищенной своим величием. Иногда казалось, что мы находились в глубоких ущельях, когда оказывались внизу между волн, и на вершинах гор, когда на мгновение оказывались на пике гигантских гребней. Шторма были почти всегда. Насколько мала была наша лодка, и насколько величественно было море, что часто меж гребней волн наши паруса полностью обвисали. Но затем мы вновь поднимались на новый хребет и ощущали всю ярость шторма и окружающей белизны вспененной воды. Мы иногда смеялись, и это правда, и достаточно искренне. Даже когда потрескались губы и распухли рты, мы отыскивали любые поводы для веселья, хотя они и выглядели довольно натянутыми. Чувство юмора у человека всегда легко пробуждается небольшими неудачами своих друзей, поэтому я никогда не забуду усилий Уорсли, который хотел как-то раз поставить горячую алюминиевую подставку на примус во время очень сильной качки. Своими обмороженными пальцами он поднял ее, бросил ее, поднял снова и поиграл с ней осторожно, словно с тонким кружевом женского туалета. Мы не то что смеялись, мы захлебнулись смехом.

На третий день после отплытия ветер усилился и перерос в северо-западный шторм. Мы шли на восток. Усилившееся волнение моря вскоре обнажило слабости нашей палубы. Непрекращающиеся порывы ветра и воды сместили крышки ящиков и лыжи саней, из которых была сделана палуба так, что брезент провисал вниз и накапливал воду. Ледяные струйки, в отличие от летящих брызг, просачивались в лодку с бака до кормы. Гвозди, которые плотник вытащил из упаковочных ящиков на острове Элефант и использовал для того, чтобы скрепить рейки были слишком коротки, чтобы сделать палубу жесткой. Мы делали все, что могли, дабы исправить это, но наши возможности были очень ограничены и вода продолжала проникать в лодку в дюжине мест. Было необходимо постоянно вычерпывать воду, но мы совершенно ничего не могли поделать, чтобы предотвратить намокание наших вещей. Ощутить на себе струйку ледяной воды с брезента было значительно более неприятным, чем принять внезапный контрастный душ из брызг. Лежа часами внизу под банками (*местами для гребцов*), мы тщетно пытались их избежать. В лодке не было сухих мест, и поэтому мы просто накрывали головы комбинезонами и терпели всепроникающую воду. Откачка воды была работой вахтенных. Настоящего отдыха у нас не было. Постоянная качка не позволяла расслабиться, мы мезли и страдали физически и эмоционально. В дневной полутьме под палубой мы как могли шевелили руками и ногами. Полная тьма наступала к 6 вечера и только к 7 утра следующего дня мы могли под банками разглядеть друг друга. У нас было несколько огарков свечей, которые очень берегли, чтобы во время ночного перекуса у нас была подсветка. В лодке было единственное сравнительно сухое место под родной палубой на баке, и нам удалось защитить некоторую часть сухарей от попадания соленой воды, но я не думаю, что это имело огромное значение, мы все оплевались солью за время путешествия.

Сложности перемещения по лодке выглядели бы довольно комично, если бы не причиняли нам так много боли и страданий. Для того, чтобы пролезть вдоль нее приходилось подлезать под банками и колени невероятно страдали. Когда поднималась вахта мне было необходимо каждому по имени сказать когда и куда ему двигаться, ибо если бы все стали ползать одновременно, то в результате была бы ужасная путаница и многочисленные синяки. К тому же следовало считаться с дифферентом лодки. На вахте

находились по трое по четыре часа, затем четыре часа отдыхали. Один на румпеле, второй на парусах, третий на откачке воды. Когда воду в лодке требовалось уменьшить до минимума, использовали насос. Этот насос, который Хёрли сделал из стойки Флиндерса нашего основного корабельного компаса, был достаточно эффективным, хотя его производительность была невысокой. Вахтенный на парусах мог одновременно качать им в большую емкость от плиты, которая поднималась и выливалась за борт по мере заполнения. У нас было приспособление, с помощью которого воду можно было напрямую откачивать в море через отверстие в планшире, но это отверстие пришлось заткнуть еще на ранней стадии путешествия, так как мы обнаружили, что через него во время качки в лодку попадает вода.

Пока вновь заступившая вахта дрожала от ветра и брызг, сменившиеся поспешно нащупывали промокшие насквозь спальные мешки и пытались воспользоваться теплом, оставшимся от предыдущих хозяев, но и это не всегда получалось во время пересменки. Булыжники, которые мы взяли на борт для балласта, нужно было постоянно перемещать с места на место для того, чтобы выкачивать воду и очищать насос, который забивался шерстью спальных мешков. Четыре меховых спальных мешка теряли шерсть из-за постоянной влажности и вскоре стали совершенно лысыми на вид. Перемещение булыжников было очень утомительной и болезненной работой. Мы знали каждый камень по виду и на ощупь, у меня до сих остались яркие воспоминания о всех их шероховатостях. Возможно они и представляли какой-то интерес в качестве геологических образцов для ученых и были незаменимы в качестве балласта, но вот в качестве тяжестей для перемещения в тесноте лодки они были просто ужасны. И не щадили наши бедные тела. Еще одной нашей проблемой, о которой стоит упомянуть, было раздражение на ногах от мокрой одежды, которая не менялась вот уже семь месяцев. Внутренние стороны бедер были стерты в кровь, а тюбик крема *Hazeline* из нашей аптечки не сильно помогал в облегчении боли, которая только усиливалась от воздействия соленой воды. Мы тогда думали, что вообще никогда не спали. Дело в том, что как только задремешь, то тут же быстро пробуждаешься от какой-то новой боли или чего-то еще, требующего реакции. На мою долю в общем круговороте страданий выпали все обостряющиеся приступы радикулита. Я стал их обладателем еще на льдине несколько месяцев назад.

Наше питание, несмотря на шторма, было регулярным. Пристальное внимание к этому вопросу было крайне необходимо, так как условия плавания предъявляли повышенные требования к нашей жизнеспособности. Завтрак в 8 утра состоял из миски горячего хуша, сделанного из бовриловского санного сухпайка, двух сухарей и нескольких кусочков сахара. Обед был в час дня и включал бовриловский сухой паек, съедавшийся холодным, и миску горячего молока каждому. В 5 вечера чай и снова санный рацион. Затем ночью у нас был обязательный горячий напиток, обычно молоко. Еда была единственным ярким маяком в те холодные и грозные дни. Тепло и комфорт, которые давала телу пища и питье, вселяло в нас всех оптимизм. У нас было две банки *Virol* (*сгущенного молока* ?), которые держали про запас на всякий «пожарный случай», но, в связи с необходимостью в масляной лампе, которая дополнила бы наш запас свечей, мы опустошили одну из банок наиболее привлекательным для нас способом, и приладили к ней фитиль, сделанный из полоски брезента. Когда эту лампу наполнили маслом, то она давала определенное количество света, хотя и легко задувалась, но все равно была для нас ночью большим подспорьем. Мы были довольно хорошо обеспечены топливом, поскольку у нас было 6½ галлонов масла.

На четвертый день сильный юго-западный шторм вынудил нас лечь в дрейф. Я

намеревался идти под ветер, но море было настолько бурным, что *Джеймс Кэрд* был в опасности опрокидывания. Эта задержка была досадной, поскольку до этого мы делали по шестьдесят или семьдесят миль в день, хорошо продвигаясь с нашими ограниченными по площади парусами. Мы дрейфовали под взятым на два рифа гротом и небольшим кливером, и ждали, пока шторм не выдохнется. Днем мы увидели обломки какого-то несчастного судна, вероятно ставшего жертвой непогоды и сильных штормов к югу от мыса Горн. Погода не улучшалась, а на пятый день ураган свирепствовал так, что мы были вынуждены еще на два рифа взять грот и поставить вместо него кливер. Мы бросили плавучий якорь, чтобы удерживать бак *Джеймс Кэрд* по ветру. Этот якорь представлял собой треугольный брезентовый мешок, с привязанным к его концам фалинем, который крепился на баке. Лодка была достаточно высокой, чтобы поймать ветер, и таким образом дрейфовала под ветер, а сопротивление якоря удерживало ее носом к волне. Таким манером нашей лодке удалось пройти более или менее приличную часть пути. Но всё равно даже так гребни волн часто обрушивались на нас и мы набирали много воды, которую требовалось собирать и откачивать. Глядя с траверза, мы видели туннелеобразные полости, образованные гребнями огромных волн, опрокидывавшихся на бушующую поверхность океана. Они появлялись тысячи раз и должны были поглотить *Джеймс Кэрд*, но шлюпка каким-то образом жила. Ледяное дыхание зародившегося над Антарктикой юго-западного шторма понизило температуру воздуха почти до нуля (-17°C). Замерзавшие брызги волн покрывали бак, борта и палубу лодки тяжелым ледяным одеялом. Такое скопление льда значительно снижало плавучесть лодки и в этом плане добавляло хлопот, хотя давало преимущество с другой точки зрения. Вода переставала капать и течь с брезента и брызги попадали исключительно с кормовой части лодки. Мы не могли позволить льду нарастать на лодке более некоторого уровня, поэтому приходилось ползать по палубе, счищая и скалывая лед всеми имевшимися у нас подходящими инструментами.

Когда утром на шестой день плавания рассвело, мы почувствовали, что *Джеймс Кэрд* потерял свою устойчивость. Он не поднимался к набегаящим волнам. Масса льда, которая образовалась на нем за ночь, сделала свое дело, и он стал больше похож на бревно, нежели на лодку. Ситуация требовала немедленных действий. Первым делом мы отделили запасные весла, которые были закованы в лед и примерзли к бортам лодки, и выбросили их за борт. Мы оставили два весла для использования у берега. Следом за веслами за борт отправились два меховых спальных мешка, они были настолько промокшими, что весили, наверное, по 40 фунтов каждый, да и к тому же намертво смерзлись ночью. Внизу всегда были трое человек, и когда очередной вахтенный спускался вниз, то ему лучше было залезть в мокрый мешок, который только что освободил кто-то другой, чем лезть в свой замороженный спальник и оттаивать его теплом своего несчастного тела. Теперь у нас оставалось четыре мешка, три для использования по назначению и один на всякий случай, если кто-либо надолго выйдет из строя. Быстрое уменьшение веса принесло лодке некоторое облегчение, а энергичное откалывание и срубание льда облегчило ее еще больше. Мы должны были быть очень осторожны, чтобы не повредить ледорубом или ножом замерзший брезент палубы, но постепенно избавились от большей части льда. *Джеймс Кэрд* вновь поднялся на нескончаемых волнах, словно заново родился.

Около 11 часов утра лодка вдруг неожиданно нырнула во впадину. Фалиль отделился и плавучий якорь ушел. Это было очень серьезно. *Джеймс Кэрд* шел под ветер и у нас не было ни единого шанса восстановить якорь и веревку, которые были единственным средством

удержать лодку баком к ветру без установки паруса. Теперь же было нужно поставить парус и держать его. Пока *Джеймс Кэрд* качало между сильных волн, мы долбили смерзшуюся парусину до тех пор, пока лед на ней не растрескался и мы не смогли ее расправить. Заледеневший такелаж также работал плохо, но после его очистки ото льда наш маленький корабль пошел по ветру и мы вздохнули более свободно. Нас сильно беспокоили обморожения, у всех были большие волдыри на пальцах и руках. У меня на всю жизнь остался шрам на левой руке от одного из этих волдырей, который сильно воспалился после того, как кожа лопнула и холод проник вглубь тканей.

Весь день мы шли сквозь шторм, терпя на пределе возможностей неудобства, причинявшие боль. Под серым угрожающим небом лодку несчетное число раз бросало в больших волнах. Мы не думали ни о чем, кроме как о насущных потребностях. Каждый всплеск моря был врагом, коварным и хитрым. Мы ели нашу скудную пищу, рассматривали обморожения и надеялись на улучшение погоды, которое мог принести день грядущий. Ночь наступила рано, и незадолго до рассвета мы с удовлетворением отметили изменение погоды к лучшему. Ветер стих, снежные шквалы стали менее частыми, море успокоилось. На рассвете седьмого дня ветра почти не было. Мы убрали риф и положили курс на Южную Джорджию. Выглянуло яркое солнце и Уорсли смог определить нашу долготу. Мы надеялись, что небо останется чистым до полудня и мы сможем определить широту. Прошло уже шесть дней без точного определения нашего положения и примерные вычисления, которые мы делали, естественно, были неточны. Тем утром лодка имела довольно странный вид. Все грелись на солнце. Мы развесили на грот-мачте наши спальные мешки и раскидали по палубе носки и прочие вещи. Часть льда на *Джеймсе Кэрде* стояла еще рано утром, когда шторм только начал утихать, и на палубе появились сухие места. Вокруг лодки фыркали морские свиньи, в нескольких футах от нас кружили капские голуби. Эти маленькие чернобелые птицы очень дружелюбны, чего не скажешь о больших странствующих альбатросах. Их серые тени на фоне волнующегося моря иногда стремглав проносились над нашими головами, оглушая воздух своими жалобными криками. Альбатросы, что черные, что сажевые (*тристанские*), смотрели на нас своими стеклянными блестящими глазами и, казалось, были совершенно безучастны к нашей борьбе посреди бушующего моря. Помимо капских голубей встречались случайные буревестники. А еще была неизвестная мне маленькая птичка, которая всегда пребывала в излишне суетливом, суматошном состоянии, совершенно не соответствующем обстановке. Она меня раздражала. У нее практически не было хвоста, и она двигалась так хаотично, будто в поисках своего недостающего органа. Я испытывал горячее желание самому найти ее хвост и покончить с этим ее бестолковым порханьем.

Целый день мы наслаждались теплом солнца. После всего происшедшего жизнь была не так уж плоха. Мы чувствовали, что находились на верном пути. Наше снаряжение подсыхало, мы смогли комфортно пообедать горячей пищей. Волнение хоть и было еще довольно сильным, но было не разрушительным, и лодка легко двигалась вперед. В полдень Уорсли встал на планширь и, вцепившись одной рукой за грот-мачту, определил положение солнца. Результат оказался более чем обнадеживающим. Мы прошли более 380 миль и находились на полпути к Южной Джорджии. Это звучало так, как будто полдела уже было сделано.

Во второй половине дня ветер посвежел до хорошего бриза и *Джеймс Кэрд* неплохо продвигался вперед. До тех пор, пока не вышло солнце, я не понимал, насколько в действительности была мала наша лодка. Под влиянием света и тепла в нашей памяти

оживились воспоминания о более счастливых днях, о других путешествиях, когда у нас была крепкая палуба под ногами, сколь угодно много еды и уютные каюты. А сейчас мы вцепились в нашу потрепанную крохотную лодку, *“одну, одну, совсем одну, одну в бескрайнем море”*. Мы так низко были в воде, что каждая последующая волна отрезала нам вид границы неба. Мы являлись лишь крошечным пятнышком в огромном безбрежном океане, открытым для всех и немилосердным тоже для всех, грозном, даже когда казалось, что он сдается, и всегда беспощадным к слабости. На мгновение осознание силы, противостоящей нам, почти вызвало оцепенение. Но затем надежда и уверенность вновь воскресли, когда наш корабль подняло волной и бросило с гребня в сверкающий всеми цветами радуги ливень брызг, словно к подножию водопада. Моя двустволка и несколько патронов к ней были погружены на борт лодки в качестве чрезвычайной меры на случай недостатка продовольствия, но мы были не склонны нарушать покой наших маленьких соседей, капских голубей, даже ради свежего мяса. Мы могли застрелить альбатроса, но странствующий король океана пробуждал в нас какое-то чувство вдохновения, как у *Старого морехода*. Так что оружие оставалось среди припасов и спальных мешков в тесной каюте под текущей палубой, а птицы незаметно следовали за нами.

Восьмой, девятый и десятый дни плавания имели несколько особенностей, достойных особого упоминания. В течение этих дней дул сильный ветер и напряжение от плавания было нескончаемым, но мы потихоньку продвигались к нашей цели. Айсбергов на горизонте не было, море было свободно от ледовых полей. Каждый день приносил свои маленькие сложности, но также и компенсацию в виде еды и все возрастающей надежды. Мы чувствовали, что можем добиться успеха. Шансы против нас были велики, но мы пока побеждали. Мы все так же сильно страдали от холода, и хотя температура воздуха повышалась, наши жизненные силы уменьшались вследствие ограничения в пище, внешних воздействий, а также необходимости постоянно находиться в скованном состоянии и днем и ночью. Чтобы продержаться до рассвета, теперь было необходимо готовить горячее молоко в течение всей ночи. Это означало необходимость постоянного ночного освещения и увеличение расхода нашего небольшого запаса спичек. Существовало правило, по которому примус должен был быть зажжен с одной спички. У нас не было лампы для компаса и первые дни путешествия, когда рулевой хотел посмотреть ночью курс, мы пользовались спичками, но позже, в связи с необходимостью жесткой экономии, практика использования спичек ночью была остановлена. У нас была всего одна герметичная банка спичек. Я положил в карман, рассчитывая на солнечные дни, линзы от одного из телескопов, но они так и негодились. Солнце редко баловало нас. Стекло компаса мы сломали в одну из ночей, но смогли починить его с помощью пластыря из аптечки. Одним из воспоминаний, что приходят ко мне о тех днях, является пение Крина у румпеля. Он пел всегда, когда сидел на руле, и никто никогда так и не догадался, что же это была за песня. Она была лишена мелодии и более походила на монотонное пение буддистскими монахами своих молитв, но почему-то было весело. В моменты вдохновения Крин пытался исполнить *“The Wearing of the Green.”*

На десятую ночь после вахты на румпеле Уорсли не смог разогнуться. Его тело свело судорогой, и нам пришлось втащить его под палубу и делать массаж, прежде чем он смог выпрямиться и залезть в спальный мешок. На одиннадцатый день (5 Мая) начался сильный северо-западный шторм, который в конце дня сменился юго-западным. Небо затянуло тучами, а редкие снежные шквалы добавлялись к неудобству, доставляемому сильнейшим

перекрестным волнением (*cross-sea, эффект, когда волны в одну сторону, а ветер в противоположную*), пожалуй худшим из тех, как я думал, что мы пережили. В полночь я был на румпеле, когда вдруг заметил полосу чистого неба между югом и юго-западом. Я сказал остальным, что небо очищается, а затем, мгновение спустя, понял, что то, что я видел, было не просветом в облаках, а белым гребнем огромной волны. За двадцать шесть лет плавания по океанам я никогда не сталкивался с такими гигантскими волнами. Это было могучее поднятие океана, вещь довольно обособленная от больших белоголовых волн, которые были нашими неустанными врагами много дней. Я закричал: *“Ради всего Святого, держитесь! Боже!”* Потом наступил момент неизвестности, который, казалось, тянулся часы. Нас окружила белая нахлынувшая пена. Мы почувствовали, что нашу шлюпку подняло и бросило вперед, словно пробку в бушующий прибой. Мы находились в кипящем хаосе воды, но почему-то, несмотря на это, лодка жила, наполовину полная воды, со смертельной осадкой, содрагаясь под малейшими порывами ветра. Мы откачивали воду с энергией людей, сражающихся за жизнь, вычерпывая воду во все стороны всем, что только попадалось под руки, и через десять минут неопределенности почувствовали, что лодка снова живет. Она вновь плыла и перестала пьяно крениться, словно оглушенная нападением моря. Мы искренне надеялись, что больше никогда не столкнемся с такой волной.

Условия в лодке, ужасные и так, стали еще хуже. Все наше снаряжение было мокрым насквозь. Плита плавала на дне лодки, а остатки последнего хуша, казалось, разметало повсюду. Еще до 3 часов ночи, когда мы все были переохлаждены почти до абсолютного предела, нам удалось разжечь плиту и приготовить горячие напитки. Плотник страдал особенно, но показывал твердость и дух. Винсент еще на прошлой неделе перестал быть активным членом экипажа, и я не могу точно сказать, что стало причиной этого. Физически он был одним из самых сильных людей в лодке. Он был молод, служил на траулерах в Северном море и, по идее, должен был способен выносить тяготы и лишения лучше, чем Маккарти, который был не настолько силен, но всегда счастлив.

На следующий день (6 Мая) погода улучшилась, и мы увидели проблески солнца. Наблюдения Уорсли показали, что мы находились не более чем в ста милях от северо-западной оконечности Южной Джорджии. Еще два дня с попутным ветром и мы бы увидели вожаделенную землю. Я очень надеялся, что задержек не будет, так как наши запасы воды были очень малы. Горячий напиток ночью был крайне необходим, но я решил, что ежедневный рацион воды теперь должен быть сокращен до половины пинты на человека. Куски льда, которые мы взяли с собой, давно закончились. Мы зависели от воды, которую взяли с острова Элефант, и наша жажда усиливалась из-за того, что теперь приходилось пить солоноватую воду из бочки, поврежденной в полосе прибоя во время погрузки. Тогда в нее попала морская вода. Жажда завладела нами. Я не мог позволить увеличить потребление воды, так как неблагоприятным ветром нас могло отнести от острова и продлить наше путешествие еще на много дней. Недостаток воды является всегда самым тяжелым лишением, на которое только могут быть обречены люди, и мы знали из опыта нашего предыдущего путешествия, что соленая вода на одежде и соленые брызги, хлещущие по лицам, невероятно быстро усиливают жажду до нестерпимой боли. Мне приходилось быть очень твердым, отказывая в разрешении каждому в завтрашней норме, которую иногда меня умоляли выдать. Мы тупо делали необходимую работу и надеялись на землю. Я изменил курс к востоку, чтобы быть уверенным, что не пройдем мимо острова, к которому будет невозможно вернуться, если мы проскочим его северную оконечность. Курс был проложен

на клочке карты с описанием тридцати мильной береговой линии. Этот день и день следующий мы провели словно в одном сплошном кошмарном сне. Рты пересохли, языки распухли. Ветер был все еще силен и приличное волнение вынуждало идти с осторожностью, но любая мысль об опасности со стороны волн хоронилась ощущением неистовой жажды. Единственными яркими моментами были те, когда каждый получал одну кружку горячего молока за долгие мучительные часы вахты. Все было плохо для нас в те дни, но постепенно приближалась развязка. Утро 8 мая выдалось тусклым и штормовым, с порывами северо-западного ветра. Мы обшаривали глазами водную гладь в поисках признаков земли и, хотя видели не более того, с чем встречались наши глаза в течение многих предыдущих дней, мы радовались ощущению, что цель близка. В десять часов утра мы прошли мимо небольшого пятна водорослей, хорошего признака приближающейся земли. Час спустя мы увидели двух бакланов, сидящих на большом скоплении водорослей, и поняли, что были в пределах десяти пятнадцати миль от берега. Эти птицы словно индикатор близости земли, словно маяк, они никогда не улетают далеко в море. Мы пристально смотрели вперед со все возрастающим остервенением и в 12.30 сквозь разрыв в облаках Маккарти увидел проблеск черных скал Южной Джорджии, ровно через четырнадцать дней после нашего отплытия с острова Элефант. Это был радостный момент. Нас, слабых, обмороженных, мучимых жаждой, ослепило счастье. Дело было почти сделано.

Мы направились к берегу, высматривая место высадки и даже видели зеленую кочковатую траву на карнизах разбитых прибоем скал. Впереди нас и к югу буруны говорили о наличии рифов вдоль побережья. Здесь и там грозные скалы спускались к поверхности моря и о них разбивались огромные волны, с неистовством завихряясь и взлетая на тридцать сорок футов в воздух. Наша потребность в воде и отдыхе был почти отчаянной, но попытаться совершить высадку в это время было равносильно самоубийству. Приближалась ночь, а признаки погоды были неблагоприятными. Но ничего не оставалось, кроме как дожидаться утра, и мы остались на правом галсе невдалеке от берега, покачиваясь в высоком западном волнении. Медленно тянулось время в ожидании рассвета, который должен был возвестить, как мы горячо надеялись, о заключительном этапе нашего путешествия. Наша жажда была мучительной, мы едва могли прикоснуться к нашим продуктам, холод, казалось, проникал прямо сквозь наши ослабленные тела. Но в 5 часов утра ветер сменился на северо-западный и быстро усилился до сильнейшего урагана, с равным по силе которому никто из нас никогда не сталкивался. Началось сильнейшее перекрестное волнение, ветер просто надрывался, отрывая вершины волн и превратив морской пейзаж в сплошной туман из летящих брызг. Вниз в ложбины, вверх на гребни, напрягаясь до кончиков швов, храбро, но с большим трудом сражалась с ураганом наша маленький лодка. Мы знали, что ветер и море отнесут нас к берегу, но ничего не могли поделать. Рассвет открыл нашему взору ревущий штормовой океан, утро прошло вне видимости земли, но в час дня, сквозь разрыв летящей пелены, мы увидели проблески огромных скал острова и поняли, что наше положение стало отчаянным. Мы находились у смертоносного подветренного берега и могли оценить свои шансы подойти к невидимым скалам по неистовому реву прибоя, разбиваемому об отвесные стены скал. Я распорядился поставить на два рифа грот в надежде, что мы сможем вывернуть в сторону ветра от берега, а это лишь увеличивало напряжение на лодку. *Джеймс Кэрд* сотрясаясь, отовсюду проникала вода. Находясь в смертельной опасности мы забыли о жажде, откачивая без остановки воду, и время от времени корректируя дифферент, но случайные проблески показывали, что берег становился все ближе. Я знал, что остров

Анненкова лежал к югу от нас, но наша маленькая и неточная карта показывала наличие рифов в проливе между островом и материком, и я не осмеливался идти туда, хотя в самом крайнем случае, мы могли бы попытаться лечь под прикрытие его подветренной стороны. День прошел у края берега под непрерывный грохот прибоя. Вечер застал нас на некотором удалении от острова Анненкова и в сумерках мы смутно видели его нависающие над нами заснеженные горы. Шансы выжить этой ночью в шторме и бушующем море, бросающим нас на подветренный берег, были ничтожными. Я думаю, что большинство из нас тогда почувствовали, что конец очень близок. Только после 6 часов вечера, в темноте, когда лодка была уже в бурлящей, отбрасываемой от скалистого побережья прибрежной воде, когда ситуация выглядела хуже всего, она вдруг изменилась к лучшему. Я часто удивляюсь, насколько тонка грань, отделяющая удачу от беды, насколько неожиданны повороты, ведущие от очевидной катастрофы к сравнительной безопасности. Ветер вдруг неожиданно стих и мы вновь смогли идти вдоль берега. Почти сразу, как только буря стихла, штифт, крепивший грот мачту к банке выпал. Это, несомненно, должно было произойти во время урагана, и если бы так случилось, уже ничто не смогло бы нас спасти, мачту срезало бы как морковку. Наш бакштаг при этом опрокинулся и когда покрылся льдом, то не слишком прочно крепился. Мы были действительно благодарны за милость, которая удержала этот штифт на своем месте в течение всего урагана.

Мы вновь отошли от берега, уставшие почти до точки апатии. Наша вода уже давно закончилась. Последней было около пинты отвратительной жидкости, которую мы отфильтровали через кусок марли из аптечки. Муки жажды напали на нас с удвоенной силой, и я чувствовал, что мы должны сделать высадку на следующий день, невзирая на любые опасности. Тянулась ночь. Мы очень устали. Мы жаждали наступления дня. 10 мая, когда, наконец, рассвело, ветра практически не было, но началось сильное перекрестное волнение. Мы медленно продвигались к берегу. Около 8 часов утра ветер вновь стал северо-западным и угрожал еще одним ударом стихии. Тем временем мы заметили большую бухту, которая, по моему мнению, должно быть была заливом Кинг Хаакон Бэй и я решил, что мы должны высадиться в ней. Мы направили лодку в сторону залива и шли, пока не посвежел ветер. Вскоре мы прошли мимо едва видимых рифов по обе стороны от нас. Величественные ледники спускались повсюду к морю и делали высадку невозможной. Море разбивалось о прибрежные рифы и грохотало напротив берега. Около полудня мы увидели линию зубчатых, словно почерневшие зубы, скал, которые, казалось, преграждали вход в залив. Внутри него была сравнительно спокойная вода, которая простиралась на восемь или девять миль до изголовья. Вскоре показался вход в залив и мы направились в него. Но судьба распорядилась иначе. Ветер поменялся и задул с востока, прямо из залива. Мы видели дальнейший путь, но не могли даже приблизиться к нему. Весь день мы самоотверженно бросались вперед и вперед, пять раз пробуя вылавировать сквозь сильный встречный ветер. Лишь последний галс позволил нам пройти сквозь риф и мы, наконец, оказались в широком устье залива. Приближались сумерки. В узком разрыве скал на южной стороне залива показалась небольшая бухта с каменистым пляжем и мы направились к ней. Я стоял на носу, направляя рулевого в проходе сквозь скопления водорослей и между скал. Вход в бухточку был настолько узким, что мы были вынуждены взяться за весла, поскольку волны проникали сквозь разрыв, но через минуту или две мы были внутри, и в сгущающихся сумерках *Джеймс Кэрд*, проскользив на волне, мягко коснулся берега. Я спрыгнул на землю с коротким фалинем и держал его, когда лодку потащило обратной волной. Когда *Джеймс Кэрд* вновь

волной толкнуло вперед, на берег прыгнули еще трое человек и держали фалинь, пока я полез выше с другой веревкой. Скольжение по мокрым камням на двадцать футов вниз чуть не завершили мой рассказ как раз в тот момент, когда мы достигли безопасности. Зубчатый кусок скалы задержал мое падение и я отделался лишь очень сильным ушибом. Тем не менее, я быстро закрепил веревку и через несколько минут мы все невредимые находились на пляже, лодка плавала в прибое недалеко от берега. Мы слышали булькающий звук, который был самой сладкой музыкой для наших ушей и, оглядевшись, обнаружили почти прямо под ногами ручей с пресной водой. Мгновенье спустя мы стояли на коленях, поглощая большими глотками чистую ледяную воду, которая влила в нас новую жизнь. Это мгновенье было волшебным.

Следующей нашей задачей было достать и перенести на берег снаряжение, а также скинуть за борт балласт для того, чтобы мы смогли вытащить лодку. Мы перенесли продукты и вещи выше уровня моря и выбросили мешки с песком и валуны, которые стали нам почти родными. Затем мы попытались вытянуть пустую лодку на берег и поняли, насколько мы стали слабы. наших совместных усилий было недостаточно, чтобы вытащить *Джеймс Кэрд* подальше от воды. Время от времени мы все вместе дергали его, но безрезультатно. Я видел, что прежде чем вытащить лодку, было необходимо поесть и отдохнуть. Мы быстро сделали из тяжелых валунов своеобразный отбойник и оставили дежурного, что бы следил за *Джеймс Кэрд*. Затем я послал Крина в левую сторону бухты, где еще на подходе приблизительно в тридцати ярдах заметил небольшую пещеру. Он не мог много разглядеть в темноте, но сообщил, что место определенно подходит в качестве какого-никакого укрытия. Мы перенесли туда спальники и вместо пещеры нашли лишь углубление в скале с галечным дном, покатым под приличным углом к морю. Там мы приготовили горячую пищу, и когда с едой была покончено, я распорядился всем спать. Время было около 8 часов вечера, а сам взялся первым дежурить рядом с *Джеймс Кэрд*, который был еще на плаву в бурлящей полосе прибоя.

Удерживать в темноте *Джеймс Кэрд* от соударения со скалами было очень неудобно. Лодке грозили серьезные удары, если позволить ей подняться на волнах, которые проникали в бухту. Я нашел для ног, которые были в плохом состоянии из-за холода, сырости и недостатка физических упражнений, в качестве опоры плоский камень и в течение ближайших нескольких часов трудился, чтобы удержать *Джеймс Кэрд* у пляжа. Периодически я бросался к бурлящей воде. Затем, когда волна отступала, я позволял лодке отойти на альпийской веревке так, чтобы избежать резкого рывка. Крепкий фалинь ушел вместе с плавучим якорем. *Джеймс Кэрд* смутно виднелся в бухте, где высокие черные утесы делали темноту почти непроницаемой, поэтому напряжение внимания было очень сильным. По прошествии нескольких часов я обнаружил, что мое желание спать стало непреодолимым и в час ночи позвал Крина. Я слышал его стоны, когда он спотыкался об острые камни по пути вниз на пляж. Пока он брал веревку, *Джеймс Кэрд* немного от дрейфовал и мы пережили несколько весьма неприятных минут. К счастью, тот пошел по направлению к устью бухты и мы поймали его целым и невредимым. Потеря или разрушение лодки на данном этапе было бы очень серьезной проблемой, поскольку у нас, по всей видимости, не было возможности покинуть эту бухту, кроме как морем. Скалы и ледники вокруг не предполагали легкого пути к изголовью залива. Я назначил почасовые дежурства на оставшуюся часть ночи, а затем занял место Крина среди спящих и немного поспал до рассвета.

Рано утром (11 Мая) начался отлив, и после восхода солнца появилась возможность вытащить лодку на берег, но прежде мы посвятили себя выполнению другой задачи – поесть. Мы все еще были очень слабы. Затем мы сняли с лодки все верхние надстройки и вытащили все, что только было можно. Потом подождали Байроновского “девятого вала”, и когда тот приподнял *Джеймс Кэрд*, то с большими усилиями стали подтаскивать его к берегу. Дюйм за дюймом мы передвигали его до тех пор, пока не добрались до границы травы и не удостоверились, что лодка была выше ватерлинии. Высота прилива была около пяти футов, и весенние приливы могли дойти только до края травы. Завершив эту работу и избавившись от нашей главной головной боли, мы стали свободны, чтобы обследовать окружающую нас местность и планировать следующий этап. День был солнечный и ясный.

Кинг Хаакон Бэй представляет собой восьмимильный залив, вдающийся в побережье Южной Джорджии в восточном направлении. Мы отметили, что его северная и южная стороны сформированы из крутых горных хребтов, прорезаемых могучими ледниками, выходами гигантского ледяного покрова внутренней части острова. Было очевидно, что эти ледники и обрывистые склоны гор преграждали нам путь вглубь суши из устья залива. Поэтому мы должны были доплыть до его изголовья. Вихревые облака и кольца тумана ограничивали видимость вглубь залива, когда мы в него входили, но отблески снежных склонов давали надежду на то, что оттуда можно будет начать сухопутное путешествие. Несколько участков грубой, кочковатой, покрытой травой земли, усеянной небольшими карстовыми озерцами, лежали между ледниками у подножия гор, прорезанных глубокими шрамами осыпных кулуаров. Несколько величественных пиков и скал просматривались на фоне ледяного царства, отражаясь от сверкающих вод залива.

Наша маленькая бухта лежала внутри южного мыса залива Кинг Хаакон Бэй. Узкий разрыв в скалах, которые в этом месте были около ста футов высотой, являлся входом в бухту. Скалы продолжались внутри бухты с каждой стороны и сливались в холм, который спускался крутым склоном к каменистому пляжу. Склон, покрытый плотнокустовой травой, не был ровным. Он выполаживался в двух местах небольшими заболоченными террасами, усеянными замерзшими лужами и пересохшими ручейками. Наша пещера была нишей в скале в левом конце пляжа. В этом месте скалы утеса подрезались, а выброшенная волнами галька образовала крутой склон, который мы спрямили, вытащив камни изнутри наружу. Затем мы сделали черновой пол, засыпав его сухостоем травы и придав ему удобную для наших спальных мешков форму. Вода стекала вниз по поверхности скалы и образовала длинные сосульки, которые свисали перед пещерой на длину около пятнадцати футов. На этих сосульках и с помощью весел мы растянули парус, обеспечив себя жильем, которое в наших обстоятельствах могло расцениваться как достаточно комфортное. В лагере, по крайней мере, было сухо, и мы с уверенностью переместили туда наши вещи. Мы построили камин и расположили наши спальные мешки и одеяла вокруг него. Пещера была около 8 футов глубиной и 12 футов шириной у входа.

Пока обустривался лагерь, я и Крин поднялись по травяному склону позади пляжа на вершину мыса. Там, к нашей великой радости, мы обнаружили гнезда альбатросов с птенцами. Неоперившиеся птенцы были толстыми и коренастыми, и мы без колебаний решили, что им суждено умереть в столь раннем возрасте. Нашим самым главным поводом для беспокойства на данном этапе был недостаток топлива. У нас были пайки на десять с небольшим дней и теперь мы знали, что кроме этого могли разжиться еще и птицей, но если мы хотели иметь горячее питание, то обязаны были найти и топливо. Его привезенные с

собой оставшиеся запасы были очень маленькими и, казалось целесообразным, сохранить их для использования в ожидавшем нас пешем путешествии. Морской слон или тюлень обеспечили бы нас как топливом, так и пищей, но мы никого в округе пока не видели. Утром мы разожгли в пещере огонь из дерева от обшивки палубы лодки и, несмотря на едкий дым от сырых палок, разъедавший наши и так воспаленные глаза, тепло и перспектива горячей пищи были достаточной компенсацией за это. Крин был за кока в тот день, и я предложил ему одеть очки, которые он случайно захватил с собой. Очки сильно помогли ему, когда он склонялся над огнем и мешал тушеное мясо. Что за мясо это было!!! Молодые альбатросы весили приблизительно по четырнадцать фунтов каждый, а после свежевания и разделки, как мы прикинули, не менее шести. На шесть человек приготовили четыре птицы вместе с бовриловским соусом для густоты. Их мякоть была белой и сочной, а не полностью сформировавшиеся кости практически таяли во ртах. Это был памятный обед. Когда мы наелись до отвала, то подсушили на углях костра табак и, довольные, закурили. Мы попытались подсушить нашу одежду, которая была пропитана соленой водой, но это не увенчалось успехом. Мы не могли позволить себе жечь костер кроме как для приготовления пищи до тех пор, пока не найдутся жир или плавник.

Заключительный этап путешествия еще предстояло предпринять. Я понимал, что состояние партии в целом, а в частности Макниша и Винсента, не позволит нам выйти в море, кроме разве что крайней необходимости. Наша лодка, помимо этого, была теперь без палубы, а я сомневался в стабильности погоды на острове. Мы находились в 150 милях от китобойной станции Стрёмнесс на морском побережье. Альтернативой морскому пути был вариант попытаться пересечь остров. Если мы не сможем этого сделать, то должны были обеспечить себя достаточным количеством продовольствия и топлива, чтобы продержаться зиму, но о такой перспективе нечего было и думать. На Элефанте двадцать два человека ожидали спасения, принести которое могли только мы. Их положение было еще хуже, чем наше. Мы должны были поднажать. Но несколько дней должны были пройти, прежде чем наши силы в достаточной степени восстановятся, чтобы позволить нам догresti или пройти под парусом последние девять миль до изголовья залива. За это время мы могли бы сделать кое-какие приготовления, высушить одежду, воспользовавшись каждой крупницей тепла огня, который жгли для приготовления пищи. Той ночью мы легли спать рано, и я помню, что мне снилась гигантская волна, а также проснувшихся спутников, кричащих мне что-то, когда я смотрел наполовину закрытыми глазами на возвышающуюся скалу на противоположной стороне бухты. Незадолго до полуночи внезапно начался северо-восточный шторм с дождем и мокрым снегом. Он согнал в бухту часть ледниковых обломков и в 2 часа ночи (12 мая) наша маленькая гавань была наполнена льдом, который колыхался на волнах и выталкивался на пляж. Но у нас под ногами была твердая земля и мы могли смотреть на это без особого беспокойства. На рассвете пошел дождь, температура была, пожалуй, самой высокой за последние многие месяцы. Сосульки, свисающие над нашей пещерой, таяли и ручейками стекали вниз, и мы были вынуждены быстро пересекать вход, чтобы не попасть под упавшую глыбу льда. Один такой кусок весом в пятнадцать или двадцать фунтов рухнул вниз, когда мы завтракали. Еще мы обнаружили, что ночью снизу спального мешка Уорсли образовалась большая дыра. Уорсли проснулся от жжения в ногах и спросил соседей, всё ли в порядке с его спальным мешком, те посмотрели, но не увидели ничего особенного. У нас всех были поверхностно обморожены ноги, и это вызывало болезненное жжение конечностей до тех пор, пока со временем не слезала кожа. Уорсли подумал, что жар в ногах вызван

обморожением и, оставшись в мешке, завалился спать дальше. Когда утром он проснулся, то обнаружил, что трава, которую мы положили на пол пещеры, затлеяла от уголька и прожгла большую дыру в спальном мешке под его ногами. Сами ноги, к счастью, не пострадали.

Наша команда провела спокойный день, приводя в порядок одежду и снаряжение, перебирая припасы, кушая и отдыхая. Несколько молодых альбатросов нашли свой благородный конец в нашем котелке. Птицы гнездились на небольшом плато справа от нашего пляжа. Ранее мы обнаружили, что когда высаживались с лодки в ночь на 10 Мая, то потеряли руль. *Джеймс Кэрд* сильно ударился кормой, когда мы выбирались на берег, и, по всей видимости, тогда руль и сбило. Тщательные обыски пляжа и скал в пределах нашей досягаемости ничего не дали. Это была очень серьезная потеря, даже если путешествие к началу залива будет проходить в хорошую погоду. В сумерках лед в бухте вставал дыбом и вылезал на берег. Он дошел практически до гряды камней у края травы, где лежал *Джеймс Кэрд*. Некоторые из кусков льда вытолкнуло практически ко входу в нашу пещеру. Его фрагменты валялись всего в двух футах от Винсента, который лежал ниже всех, и всего в четырех футах от кострища. Днем Крин и Маккарти принесли еще шесть молодых альбатросов, так что мы были хорошо обеспечены свежей пищей. Температура воздуха этой ночью, вероятно, была не ниже 38 или 40 градусов (+5C), и нам стало даже неуютно в своих тесных спальниках от столь непривычного тепла. Наши чувства по отношению к соседям в этом плане варьировались. Когда температура была ниже 20 градусов, то мы старались прижаться как можно ближе друг к другу, но стоило температуре повыситься на несколько градусов, как тепло другого человека переставало быть благом. Лед и волны угрожающе шумели всю ночь, но я слышал их только сквозь сон.

Утром в субботу 13 мая бухта все еще была полна льда, но уже во второй половине дня его отнесло отливом. А затем произошла удивительнейшая вещь. Приплыл руль, во всей огромной Атлантике, среди побережий двух континентов он выбрал в качестве места для приюта нашу бухту. Не веря своим глазам, мы наблюдали за тем, как он приближался, движимый капризным влиянием ветра и волн. Он подходил все ближе и ближе, пока мы ждали на берегу с веслами в руках и, в итоге, смогли его подхватить. Это, конечно, было невероятно! Стоял солнечный и ясный день, одежда подсыхала, силы возвращались. Бегущая среди травы и камней вода ласкала слух. Мы отнесли наши одеяла на вершину холма и попытались высушить их на ветру тремьями футами выше уровня моря. Во второй половине дня мы стали готовить *Джеймс Кэрд* к переходу к изголовью Кинг Хаакон Бэй. Полуденные наблюдения показали широту 54,10:47° ЮШ, но если верить немецкой карте, широта должна была быть 54,12° ЮШ. Вероятно, наблюдения Уорсли были более точны. Этой ночью мы поддерживали огонь до тех пор, пока не легли спать, еще днем, лазая по скалам над бухтой, я увидел у подножья утеса выброшенный волнами разбитый шпангоут. Мы достали его, спустившись с обрыва и, таким образом, запаслись топливом и могли позволить себе жечь фрагменты палубы *Джеймс Кэрда* более свободно.

Утром того же дня (13 Мая) Уорсли и я отправились на северо-восток, чтобы осмотреть залив и, по возможности, собрать некоторую информацию, которая могла бы быть полезна на следующем этапе нашего путешествия. Это было нелегко, но пройдя за два часа около двух с половиной миль, мы смогли осмотреть верховья залива. Мы не смогли, к сожалению, хорошо рассмотреть местность, которую намеревались пересечь, чтобы достичь китобойной станции на другой стороне острова. Мы перешли несколько ручьев и замерзших карстовых озер, и в месте, где вышли на пляж на берегу залива, нашли несколько обломков, 18-ти

футовую балку (вероятно часть стены), несколько кусков обшивки и маленькую модель корабля, очевидно, детскую игрушку. Мы ужаснулись трагедии, свидетелем которой стала эта бедная безделушка. Мы также встретили нескольких папуанских пингвинов и молодого морского слона, которого Уорсли убил.

Когда в три часа дня, усталые, голодные, но довольные собой, мы вернулись обратно к пещере, то нашли ожидавший нас великолепный обед из тушеных альбатросов. Мы принесли с собой в робах большое количество жира и печень морского слона, чем сделали сюрприз нашим товарищам. Трудности лазания на обратном пути в лагерь почти убедили нас выбросить эти сокровища, но мы донесли их, за что и были вознаграждены в лагере. Протяженный залив представлял великолепное зрелище даже для глаз, которые достаточно уже насмотрелись на окружающее величие и жаждали простых знакомых вещей из повседневной жизни. Его зелено-голубые воды были покрыты зыбью, вздымаемой яростным северо-западным ветром. Горы, *“суровые вершины, как яркие светила”* проглядывались сквозь туман, а между ними с великого ледяного плато, лежавшего позади, стекали вниз огромные ледники. Мы насчитали двенадцать ледников и слышали каждые несколько минут вибрирующий рев, вызванный откалывающимися от основных потоков массами льда.

14 мая мы занимались приготовлениями к раннему выходу на следующий день, если, конечно, продержится хорошая погода. Мы намеревались, если будет возможно, забрать по пути останки морского слона. К этому времени все оправилось от раздражений, вызванных мокрой одеждой во время путешествия на лодке. Внутренние поверхности бедер пострадали особенно сильно, и некоторое время после высадки в бухте передвигаться было крайне неудобно. Мы нанесли наш последний визит к гнездовью альбатросов на небольшом плато над пещерой посреди кочковатой травы, снежников и небольших озерков. Каждое гнездо состояло из насыпи более фута высотой, состоящей из травы, корней и земли. Альбатросы откладывают по одному яйцу и очень редко по два. Птенцы выводятся в январе и, прежде чем отправиться в море и стать самостоятельными, выкармливаются в гнезде родителями в течение почти семи месяцев. До четырех месяцев птенцы представляют собой покрытые мягким пухом красивые белые комочки, но когда на сцене появились мы, их оперение было почти полным. Как правило, один из родителей всегда находился на страже рядом с гнездом. Нам очень не нравились атаки этих взрослых птиц, но голод был сильнее. На вкус птенцы были настолько хороши и помогали восстановиться до такой степени, что каждый раз, когда мы убивали одного из них, то ощущали глубокое чувство раскаяния.

15 мая стало великим днем. Мы позавтракали в 7.30 утра. Затем загрузили лодку и оттащили ее вниз. Ночью прошел сильный дождь и теперь дул порывистый северо-западный ветер вместе с туманной изморосью. *Джеймс Кэрд* направился в море с суровым видом, словно собирался на очередную битву. Мы прошли сквозь узкое жерло бухты и, поплыв мимо водорослей по обе стороны ее уродливых скал, повернули к востоку, после чего весело поплыли вверх по заливу в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь туман и в сверкающих в их свете отбрасываемых брызгах воды. В то ясное утро мы с нескрываемым любопытством взирали вокруг и испытывали чувство счастья. Мы даже напевали песню, и случайный наблюдатель, наподобие Робинзона Крузо, мог вполне принять нас за отправившуюся на пикник компанию, плывущую по норвежскому фьорду или по одному из прекрасных заливов западного побережья Новой Зеландии. Дул свежий ветер и, по мере продвижения, воды залива все сильнее бились о побережье. Прибой был достаточно сильным, чтобы подвергнуть опасности лодку, если попытаться причалить на пляже, где лежал труп

морского слона, поэтому мы решили идти к верховью залива без излишнего риска, мы наверняка могли рассчитывать найти морских слонов на верхних пляжах. Столь большие создания имеют привычку выбирать спокойные лежбища, защищенные от волн. Мы надеялись также найти пингвинов. Наши ожидания насчет морских слонов оказались далеко небезосновательными. Еще по мере приближения к изголовью залива мы слышали бычий рев и вскоре увидели большие громоздкие фигуры животных, лежавших на пологом берегу. Мы обогнули заметный выступ на северной стороне залива (*ныне Шеклтон Блаф, блаф (англ) – скальное образование в форме трапеции, далее по тексту встречается часто*) и в 12.30 направили лодку к берегу на пологий пляж из песка и гальки с кочковатой травой выше ватерлинии. На нем лежали сотни морских слонов, и наша тревога относительно пищи исчезла. Мяса и жира было достаточно, чтобы обеспечить нашу партию на годы вперед. Место высадки находилось приблизительно в полутора милях к западу от северо-восточной оконечности залива. К востоку от нас лежал язык ледника, заканчивающийся на пляже, но проходимый в направлении изголовья бухты, кроме как, разве что, во время сильного прибоя или высокой воды. Начался холодный морозящий дождь, и мы максимально быстро, насколько это было возможно, сделали себе жилье. Мы выволокли *Джеймс Кэрд* выше ватерлинии и перевернули его с подветренной (восточной) стороны выступа. Место было отделено от горного склона пологой сыпучой, поднимавшейся на двадцать или тридцать футов выше уровня моря. Вскоре мы превратили лодку в очень комфортабельную лачугу а-ля Пегготи, задерновав ее по кругу травой, которую выкопали ножами. Один из бортов *Джеймс Кэрд* лежал на камнях, чтобы обеспечить низкий вход и, когда мы закончили, он выглядел так, как будто вырос в этом месте. Маккарти участвовал в этой работе с большим энтузиазмом. Морской слон обеспечил нас топливом и мясом, и вечер отдыха в лагере Пегготи был проведен в сытости и довольстве.

Наш лагерь, как я уже говорил, находился на северной стороне залива Кинг Хаакон Бэй недалеко от его изголовья. Путь к китобойной станции лежал мимо вдающегося в море конца ледника на восточной стороне лагеря и далее поднимался по снежному склону, который, казалось, выводил к перевалу в Хребте Эллардайса, который протянулся с северо-запада на юго-восток и формировал главный хребет Южной Джорджии. Этот хребет выполаживался напротив залива заметным понижением в направлении с востока на запад. Ледовое плато, покрывающее большую часть острова, заполняло долины и скрывало профиль земли, который проявлялся лишь высокими скальными хребтами, пиками и нунатаками. Когда мы осматривали местность из лагеря Пегготи, то еще левее от нас просматривались два сравнительно легких пути на противоположный берег острова, но мы знали, что в этом месте он был необитаем (Поссешн Бэй, Залив Владения). Нам нужно было обратить внимание далее на восток, но из лагеря было невозможно оценить все препятствия, которые встретятся нам на пути. Я планировал подняться на выполаживание, а затем действовать по обстановке в выборе маршрута на восток к Стрёмнесс Бэй, где в небольших бухточках расположились китобойные станции Лейт, Хусвик и Стрёмнесс. Горный хребет с отвесными склонами, неприступными вершинами и крупными ледниками, лежавший к югу от Кинг Хаакон Бэй, казалось, являлся продолжением главного хребта. Между этим его ответвлением и перевалом над нашим лагерем был протяженный заснеженный склон, поднимавшийся до внутреннего ледникового плато и достигавший скалистого гребня, перпендикулярного нашему пути и преграждавшему дальнейший путь. Этот хребет, по всей видимости, был боковым отростком главного хребта. Его очертания выдавали четыре скальные

вершины с перевалами между ними, которые издали смотрелись вполне проходимыми.

Во вторник 16 мая погода была плохой и мы почти весь день провели под лодкой. Наша маленькая хижина была тесной, но предоставляла полную защиту от непогоды, и мы довольствовались ей с большим комфортом. Обильная еда из мяса и печени морского слона лишь увеличивала наше удовлетворение. Макниш рассказал, что днем видел крыс, питающихся объедками пищи, но это интересное наблюдение не подтвердилось. Вряд ли было возможно встретить крыс в таком месте, хотя и существовала мизерная возможность, что они попали на землю после кораблекрушения, и им удалось выжить в столь суровых условиях.

Следующим утром (в среду 17 мая) дул свежий запад-юго-западный бриз, с мокрым снегом, дождем и туманной пеленой. Я взял с собой на разведку Уорсли прогуляться к западу (ск. *всего опечатка, востоку*) с целью осмотреть местность, которую нужно было пересечь в начале путешествия. Мы обогнули конец впадавшего в море ледника и прошли еще около мили по камням и покрытому снегом курумнику, после чего пересекли несколько крупных осыпей и морен. Мы выяснили, что вплоть до северо-восточного угла бухты было бы неплохо идти с санями, но не смогли получить большей информации относительно дальнейших условий из-за скрывших видимость снежных зарядов. Мы прождали с четверть часа просветления погоды, но были вынуждены повернуть обратно. Я убедился, однако, что мы сможем достичь снежного склона, ведущего к ледниковому плато внутренней части острова. Уорсли вычислил по карте, что расстояние от нашего лагеря до Хусвика на восточном азимуте было около семнадцати географических миль, но мы не рассчитывали, что сможем проследовать по прямой линии. Плотник начал делать сани для путешествия. Материалы, имеющиеся в его распоряжении, были ограничены в количестве и едва ли подходили по качеству.

18 мая, в четверг, мы привели в порядок наши вещи и оттащили сани к нижнему краю выступающего ледника. Сани оказались тяжелыми и неудобными. Мы вынуждены были поднимать их на незаснеженных участках скал вдоль берега, и я понял, что будет слишком тяжело управляться с ними посреди снежных равнин, ледников и пиков острова. Со мной шли Уорсли и Крин и, посоветовавшись, мы решили оставить спальные мешки и идти налегке. Мы брали с собой лишь трехдневный запас еды на каждого и сухари. Еду упаковали в три мешка, так что каждый член команды тащил свое собственное питание. Кроме этого мы брали примус, заполненный топливом, небольшую плиту, плотницкое тесло (для использования в качестве ледоруба) и альпийскую веревку, общей длиной пятьдесят футов вместе с узлами. Мы могли бы ей подстраховать себя на крутых склонах или при пересечении трещин на ледниках. Заполненный примус обеспечивал шесть готовок, которые заключались в подогреве сухих пайков. С собой мы также брали два коробка спичек, один целый, другой частично использованный. Мы оставляли в лагере полный коробок, взяв второй, в котором было сорок восемь спичек. Я очень сожалел о своих тяжелых барбериевских треках, оставленных на льдине, и теперь довольствовался сравнительно легкими, к тому же в плохом состоянии. Плотник помог мне вкрутить несколько шурупов в подошву каждого ботинка для улучшения сцепления на льду. Шурупы были от *Джеймс Кэрд*.

Той ночью мы легли спать рано, но сон не шел ко мне. Мои мысли были заняты задачей на следующий день. Погода стояла ясной и перспектива на ранний выход была хорошей. Мы собирались оставить слабых участников партии в лагере. Винсент находился все в том же состоянии, он не мог идти. Макниш был очень слаб. Эти двое не могли поухаживать за собой

и поэтому оставались под присмотром Маккарти. На него возлагалась очень трудная задача, если мы не сможем достичь китобойной станции. Расстояние до Хусвика, судя по карте, было не более семнадцати географических миль по прямой, но у нас были минимальные сведения о внутренней части острова. Никто никогда-либо не проникал далее чем на милю вглубь от побережья Южной Джорджии в любой ее точке, и китобои, насколько я знал, считали остров непроходимым. В тот день, когда мы ходили к выступу ледника, то увидели трех диких уток, летящих к началу залива с востока. Я надеялся, что присутствие этих птиц, указывало на травянистый покров и отсутствие снежных полей и ледников внутри острова, но надежда была не очень сильной.

Мы проснулись в 2 часа ночи в пятницу и часом спустя хуш был готов. Полная луна сияла в практически безоблачном небе, ее лучи отражались от окружающих нас пиков и трещин ледопадов. Величественные вершины четко выделялись на фоне неба и отбрасывали темные тени на воды залива. Задерживаться не было необходимости и мы вышли, как только поели. Макниш прошелся с нами около 200 ярдов, на большее он был не способен. Затем мы попрощались, и он повернул назад к лагерю. Первой задачей было обойти край выступающего ледника, словно пальцами вгрызавшегося в сторону моря. Волны достигали перепонки этих пальцев, и нам пришлось стремительно перебегать эти ниши от одного пальца к другому, когда вода отступала. Вскоре мы достигли восточного края ледника и заметили его большую активность в этой точке. Изменения произошли за последние двадцать четыре часа. Несколько огромных глыб отколотого льда и груды грязи и камней говорили о постоянном движении льда. Ледник был словно гигантский плуг, движимый неудержимо в сторону моря.

За ледником на пляже валялись обломки потерпевших крушение кораблей. Мы заметили стойки из тикового дерева, обильно украшенные резьбой, которые, должно быть, были с кораблей ранних типов, окованные почти проржавевшим железом тимберсы, разбитые бочки и обычный океанический хлам. У нас были свои трудности и заботы, но, проходя мимо этого морского кладбища, мы подумали о том, свидетелями скольких трагедий являются эти вынесенные волнами фрагменты разбитых судов. Мы не останавливались и вскоре поднимались по снежному склону, направляясь на восток, на последний отрезок нашего долгого пути.

Заснеженная поверхность вызвала разочарование. Еще два дня назад было возможно быстро передвигаться по жесткому плотному фирну, теперь же на каждом шагу мы проваливались по щиколотку и продвижение было замедленным. После двух часов непрерывного восхождения мы были в 2500 футах над уровнем моря (~750 м, *здесь и далее Шеклтон довольно сильно преувеличивает реальную высоту над уровнем моря, прим. пер.*). Погода оставалась ясной и тихой, и по мере приближения хребтов и удаления западного побережья, раскинувшегося внизу, в ярком лунном свете было видно, что внутренняя островная часть была невероятно сложна. Высокие вершины, непролазные скалы, крутые снежные склоны и ледники были видны во всех направлениях, возвышаясь над снежной равниной, покрывающей ледяным щитом внутреннюю часть острова. Склон, по которому мы поднимались на хребет и наш курс вел прямо вверх. Луна, которая оказалась хорошим помощником во время этого путешествия, отбрасывала в одном из мест длинные тени, и подсказала нам, что склон на нашем пути был сильно разорван. Вовремя предупрежденные, мы обошли огромный провал, способный поглотить армию. Залив был сейчас приблизительно в трех милях от нас и постоянный грохот большого ледника у его изголовья

доносился до нашего слуха. Этот ледник, который мы заметили во время пребывания в лагере Пегготи, казалось, обрушался почти непрерывно.

Я надеялся оглядеться, поднявшись наверх по склону, но как только он стал выполаживаться, снизу поднялся густой туман. Луна стала мутной и создавала рассеянный свет, который был еще хуже, нежели тьма, поскольку в этом отраженном от тумана «молоке» было не понятно куда идти. Мы связались веревкой в качестве меры предосторожности от падения в провалы, трещины и с обрывов, и я начал тропить по мягкому снегу. Мы растянулись на почти полную длину веревки, чтобы была возможность идти хотя бы примерно по прямой, ибо если я забирал вправо или влево, когда шли сквозь густую пелену тумана, то последний человек на веревке мог откорректировать направление. Таким образом, словно корабль с его “лево на борт”, “право на борт и “так держать” мы шагали в тумане следующие два часа.

Позже, когда рассвело, а туман поредел и поднялся, мы смотрели вниз с высоты около 3000 футов на то, что, казалось, огромным замерзшим озером с дальним берегом, все еще скрытым в тумане. Мы остановились, чтобы съесть по куску сухаря, пока обсуждали, стоит ли спуститься вниз и пересечь плоскую поверхность «озера», или держать на хребет, которого уже почти достигли. Я решил спуститься, поскольку озеро лежало по пути. После часа сравнительно легкого перехода по снегу мы заметили тонкие линии трещин. Вскоре они стали увеличиваться в размерах и появились разломы, означавшие, что мы шли по леднику. Как только окончательно рассвело и туман рассеялся, озеро стало видно более четко, но все еще не показался его восточный край. Чуть позже туман рассеялся окончательно, и тогда мы увидели, что наше озеро тянулось до самого горизонта, и внезапно поняли, что смотрели вниз на открытое море на восточном побережье острова. Легкие пульсации на берегу означали, что море даже не замерзло, нас обманул коварный свет. Было очевидно, что мы находились в верховьях залива Поссешн Бэй и остров в этом месте не мог более пяти миль в ширину от изголовья Кинг Хаакон Бэй. Наша грубая карта была неточна. Ничего не оставалось, как снова подниматься на ледник. Было около семи часов утра и к девяти часам нам удалось вернуться на исходный рубеж. Мы вернулись к гребню, а затем повернули на юго-восток, как показывала карта, еще два залива вдавались в восточное побережье перед бухтой Стрёмнесс. Было приятно осознавать, что мы будем во время нашего путешествия идти вдоль него, хотя пока видели лишь участок береговой линии, испещренный обрывами скал и ледников. Идти туда, где люди жили в домах, освещенных электрическим светом. Туда, где нас ждали новости из внешнего мира и, прежде всего, средства спасения двадцати двух человек, оставшихся на острове Элефант.

ГЛАВА X

ЧЕРЕЗ ЮЖНУЮ ДЖОРДЖИЮ

В небе поднялось солнце, предвеляя прекрасный день, стало теплее. Перед нами лежал боковой отрог главного хребта, который мы заметили еще из бухты. Мы шли по полого поднимающемуся плато и к концу часа изрядно запарились. Годами ранее, в предыдущей экспедиции, я заявил, что я никогда больше слова не скажу по поводу солнечного тепла, и

мое решение лишь утвердилось во время путешествия на лодке. Мне пришло это на ум, когда солнце неистово слепило на белый снежный склон. После прохождения зоны трещин мы остановились на первый перекус. Мы вырыли в снегу яму около трех футов глубиной и установили в ней примус. Ветра не было, но его порыв мог наступить в любой момент. Вскоре был съеден горячий хуш и мы побрели в направлении седловины между двумя уже упоминавшимися ранее вершинами. К 11 часам утра мы были почти на ней. По мере продвижения вверх склон стал очень крутым и пришлось рубить ступени. Тесло оказалось превосходным инструментом для этой задачи, одного удара хватало чтобы обеспечить надежную опору для ноги. С тревогой, но с надеждой я сделал последние несколько шагов и поднялся на острый гребень, пока остальные держали веревку и ждали от меня новостей. Перспектива была неутешительной. Я смотрел вниз с края отвесной пропасти на хаос рухнувшего льда полутора тысячами футами ниже. Здесь было не спуститься. Местность к востоку представляла собой огромное снежное нагорье, раскинувшееся на расстояние семи или восьми миль на высоте более 4000 футов. К северу оно обрывалось крутыми ледниками к заливам, а на юге упиралось в огромный водораздел внутренней части острова. Наш дальнейший путь лежал между ледниками и водоразделом, но вначале нам нужно было спуститься с хребта, на котором мы находились. Вырубая теслом ступени, мы пошли в боковом направлении, огибая основание жандарма, который преграждал нам обзор на север. Все та же пропасть предстала нашему взгляду. Далее на северо-востоке был виден снежный склон, по которому, как казалось, можно было спуститься вниз, поэтому мы вернулись по нашим следам к основанию протяженного склона, на который поднимались три часа. Внизу мы были через час. Теперь остро чувствовалась усталость от непривычного движения. Мы очень мало ходили с января и наши мышцы находились не в тонусе. Обогнув подножье контрфорса, мы вышли к гигантскому бергшрунду в полторы мили длиной и с 1000 футов глубиной. Этот огромный овраг, прорезанный в снеге и льду свирепыми ветрами, дующими вокруг горы, был полукруглой формы и заканчивался пологим склоном. Мы прошли вдоль него над ледяной пропастью и у его дальнего конца снова перекусили и немного передохнули. Время было 12:30 дня. Половина котелка горячего бовриловского рациона придавала нам сил и, когда мы снова вышли на 45 градусный ледовый склон, он уже не выглядел таким грозным, как до этого.

В очередной раз мы начали подниматься на гребень. После тяжелого подъема мы вышли на перевал. Голубой лед по пути подъема был покрыт тонким слоем снега, и последние пятьдесят ярдов вновь пришлось рубить ступени. И снова пропасть преградила нам путь и мои глаза тщетно выискивали варианты для спуска. От жаркого солнца снег раскис и пребывал в коварном состоянии, так что приходилось очень тщательно контролировать каждый шаг. Оглянувшись назад, мы увидели, что снизу с запада поднимается туман и собирается в долинах, приближаясь с востока. Наползавшие серые клочья тумана служили недвусмысленным предупреждением о том, что мы должны были спуститься вниз, прежде чем они окутают нас.

Гребень был усеян многочисленными жандармами, которые мешали обзору как направо, так и налево. В этом отношении ситуация была не лучше, чем в предыдущей достигнутой нами точке гребня, и я решил, что придется идти обратно по пути подъема. День сходил на нет, с запада зловеще надвигался туман. Было крайне важно спуститься вниз в долину до наступления темноты. Мы находились на 4500 футах, и ночью температура на такой высоте будет очень низкой. У нас не было ни палатки, ни спальных мешков, наша

одежда за последние десять месяцев, мягко говоря, поистрепалась. Вдалеке, в долине под нами мы видели недалеко от берега кочковатую траву и, если мы сможем спуститься, то будет возможно выкопать пещеру в одном из снежных наддувов на границе травы и достаточно комфортно расположиться на ночь. Мы приспустились вниз и после обхода небольшой вершины в угасающем свете дня вышли на еще один перевал. Бросив сверху взгляд, я посмотрел на взволнованные лица товарищей, стоявших ниже меня, и сказал: “*Пошли, парни*”. Через минуту они стояли позади меня на ледяном гребне. Склон круто уходил вниз и заканчивался пологим снежным выкатом. Из-за тумана и рассеянного света всего склона не было четко видно и, возможно, он обрывался отвесной стеной, но напозавтра сзади туман не давал времени для колебаний. Вначале мы медленно спускались, вырубая ступени в снегу, потом поверхность стала мягче, указывая на то, что крутизна склона стала меньше. Повернуть назад было нельзя, так что мы развязались и поскользили вниз способом дней младенчества (*на попе*). Когда мы остановились в сугробе у подножия склона, то выяснили, что за две или три минуты спустились, по крайней мере, на 900 футов. Мы оглянулись и увидели серые щупальца тумана, появившиеся на гребне, словно в поисках незваных пришельцев посреди непроходимых дебрей. Мы спаслись.

Местность к востоку от нас представляла собой полого повышающуюся снежную возвышенность, разделенную ледниками, спускающимися к северному побережью от водораздела на юге. Мы видели сверху, что наш курс пролегал между двумя огромными испещренными трещинами скоплениями льда и полагали, что дорога вперед открыта. Эта уверенность и заметное похолодание заставили нас отказаться от идеи ночлега. Мы поели в 6 вечера. Несмотря на вырытое для плиты укрытие, легкий бриз сделал приготовление пищи довольно сложным. Крин кашеварил, а Уорсли и я лежали на снегу с наветренной стороны от примуса так, чтобы препятствовать ветру нашими телами. Поев, мы направились в сторону длинного пологого подъема. Наступила ночь, и с час мы брели в почти кромешной тьме, настороженно высматривая признаки трещин. Затем около 8 часов вечера из-за остроконечных пиков вышла полная луна, серебром осветив наш дальнейший путь. Идти, словно в кильватерной струе, стало более безопасно за счет отбрасываемых краями трещин черных теней по обе стороны от нас. Вперед и вверх по рыхлому снегу мы шли и шли, отдыхая перед тяжелыми участками, которые показывались перед нами в белом свете. К полуночи мы снова были на высоте около 4000 футов. Пока мы шли в свете луны, она сместилась на северо-восток, и наш путь повернул в этом же направлении. Дружественная луна, казалось, направляла наши усталые ноги. Более лучшего проводника вряд ли можно было себе представить. Если бы при ярком свете дня пришлось вновь пройти этот путь, то мы определенно проследовали бы тем же курсом, который был отмечен для нас той ночью.

Полночь застала нас на подходе к краю огромного снежного поля, пронзенному отдельно стоящими нунатаками, которые отбрасывали длинные тени, похожие на черные реки посреди белого простора. Пологий склон на северо-востоке словно магнитом манил наши ноги. Мы думали, что у его основания лежал Стрёмнесс Бэй. После того, как мы спустились где-то на 300 футов, нас начал одолевает ветер. Мы были на марше более двадцати часов, останавливаясь только на эпизодические перекусы. Ключья облаков плыли над высокими вершинами на юге, предупреждая нас, что ветер и снег не заставят себя долго ждать. После часа ночи мы вырубали в снегу яму, свалили вокруг нее рыхлый снег и снова запалили примус. И вновь горячая пища придавала нам сил. Под веселое шипение примуса Уорсли и Крин пели свои старые песни. В душе, но не на пересохших и потрескавшихся

губах, звучал смех.

В течение получаса мы встали и побрели вниз к побережью. Мы были почти уверены в том, что находились у Стрёмнесс Бэй. Темный объект внизу у подножия склона смотрелся совсем как остров Маттон, что лежит у Хусвика. Я так думаю, что наши желания обрели форму фантазий, ибо мозг с радостью различал знакомые характерные черты ландшафта, выхваченные мимолетным светом луны, чей дружелюбный лик проскальзывал сквозь проносимые облака. Однако большие надежды были вскоре разбиты в прах. Трещины говорили о том, что мы оказались на леднике, а вскоре, почти перпендикулярно в направлении моря, мы увидели край огромного ледопада. Я понял, что это был ледник не в сторону Стрёмнесс Бэй, а должно быть, ледник Фортуны. Разочарование было полнейшим. Пришлось повернуть назад и снова подниматься, но не по нашим следам, а по касательной на юго-восток. Мы очень утомились.

К 5 часам утра мы находились у подножия скалистых отрогов очередного хребта. Мы устали, а от ветра, что дул вниз с возвышенностей острова, сильно мерзли. Мы решили отойти под прикрытия скал передохнуть. Положив палки и тесло на снег, мы уселись на них как можно ближе друг к другу, обхватив руками тело. Ветер тут же нанес вокруг нас небольшой сугроб, покрыв белой пылью одежду. Я подумал, что мы сможем какое-то время сохранить тепло и таким образом с полчаса отдохнуть. Через минуту оба мои спутника крепко спали. Я понял, что если мы задремем все вместе, то это обернется катастрофой, заснуть в таких условиях было равносильно смерти. Через пять минут я их снова привел в сознание, сказав, что они проспали полчаса, и дал команду к выходу. Мы так задубели, что первые две или три сотни ярдов шли на полусогнутых коленях. Перед нами лежала цепь зубчатых горных вершин со щелью, наподобие выбитого зуба. Это был хребет, который протянулся в южном направлении от залива Фортуны и наш курс на восток в Стрёмнесс лежал сквозь него. К щели вел очень крутой склон, а в нее врывался ледяной ветер (*ныне перевал BreakWind Gap, прим. пер.*).

Мы вышли на седловину в 6 утра с тревогой, настолько же сильной, насколько устали наши тела. Если далее спуск окажется непроходимым, то наше положение будет почти безнадежным, но худшее обернулось лучшим для нас. В начинающемся рассвете прямо по курсу появилась изогнутая, похожая на волну скала порта Хусвик. Не говоря ни слова, мы пожали друг другу руки. В нашем сознании путешествие закончилось, хотя на самом деле, предстояло пройти еще двенадцать миль по сложному рельефу. В направлении долины, отделявшей наш хребет от холмов сразу за Хусвиком, уходил пологий снежный склон, и когда мы стояли, пристально глядя на него, Уорсли торжественно сказал: «*Босс, это выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой!*» Мы пошли вниз, держа курс на воду 2500 футов ниже. Мы видели небольшую рябь на черном пляже, пингвинов, расхаживающих взад и вперед, и темные предметы, которые выглядели словно тюлени, лениво развалившиеся на песке. Это был восточный берег залива Фортуны, отделенный нашим хребтом от берега, который мы видели ночью. Склон, по которому мы спускались, круто обрывался к пляжу. Но наш воспаривший дух было не напугать трудностями последнего этапа пути и, довольные, мы сели позавтракать. Пока Уорсли и Крин копали яму для примуса и начали готовить, я поднялся на отрожек над нами. Было 6.30 утра и я подумал, что быть может услышу звук парового гудка. Я не был в этом полностью уверен, но знал, что люди на китобойной станции в это время встают на работу. Спустившись в лагерь, я сказал об этом спутникам и в сильном волнении мы наблюдали за стрелкой хронометра,

приближавшейся к семи часам утра, когда китобоев вызывают на работу. Минута в минуту пароходный гудок донесся до нас, пронесенный ветром сквозь вклинившиеся мили камней и снега. Никто из нас никогда не слышал музыки слаще. Это был первый звук из внешнего мира, который мы услышали с тех пор, как в декабре 1914 года покинули Стрёмнесс Бэй. Этот гудок сказал нам о том, что рядом были люди, что корабли находились на месте, и что через несколько часов мы сможем быть на обратном пути к острову Элефант, неся помощь людям, ожидающим ее там под присмотром и опекой Уайлда. Этот момент трудно описать. Страдания и боль, путешествия на лодках, переходы, голод и усталость, казалось, ушли в прошлое, и осталось только полное удовлетворение, которое приходит от хорошо проделанной работы.

Обзор окрестностей с отрожка ничего не дал, и после спуска я обрисовал ситуацию Уорсли и Крину. Наш очевидный курс лежал вниз по снежному склону в направлении Хусвика. *“Парни”* - сказал я, *“этот снежный склон, похоже, заканчивается пропастью, но, возможно, там нет пропасти. Если мы не пойдём вниз, мы должны сделать крюк не менее пяти миль, прежде чем достигнем низа. Что выберем?”* Они оба сразу же ответили: *“Попробуем склон.”* Итак, мы начали спускаться вниз. Мы оставили пустой примус на месте завтрака и тащили теперь с собой по одному пайку и сухарю. Очень глубокий снег, с которым мы еще не сталкивались, сильно затруднял наш спуск, но мы пробирались вниз, и спустившись где-то футов на 500, сбросили высоту до 2000 над уровнем моря, мы думали, что путь вперед открыт. Следующим препятствием стал крутой лед. Уорсли и Крин стояли на площадке, вырубленной теслом, и потом выпустили меня, по мере рубки ступеней, на все 50 футов длины нашей веревки. Затем я вырубил площадку, достаточно большую для нас троих, и два спутника спустились по ступеням. Мой конец веревки был заякорен на тесле, а я сам уселся на площадке, уперевшись на случай срыва. Когда мы все собрались на второй точке страховки, я снова спустился вниз, чтобы сделать ступени, за этим трудоемким занятием мы провели два часа, сбросив при этом около 500 футов высоты. На полпути вниз мы ушли по диагонали влево, поскольку заметили, что осколки льда, откалываемые теслом, улетают в пустоту к подножью склона. Мы очень своевременно ушли с крутого льда в месте где торчали скалы, ибо увидели, что прямо под тем местом, где уже начали рубить ступени, была опасная пропасть. Скольжение вниз по склону с теслом в руках и плитой в ногах завершило этот спуск и, кстати, нанесло значительный ущерб нашим, немало повидавшим, штанам.

Когда мы доехали до низа снежника, то находились не более чем в 1500-х футов над уровнем моря. Дальнейший склон был сравнительно прост. Вода, бежавшая под снегом, образовывала выделявшиеся посреди белой поверхности снега темные пятна “карманов”. Они были довольно коварны для прохождения, но мы сползли вниз, и вскоре добрались до травы. Несколькими минутами спустя мы находились на песчаном пляже. На нем были видны следы каких-то животных, чем мы были сильно озадачены, пока я не вспомнил, что это следы оленей, привезенных из Норвегии и расселенных на острове, и сейчас занимавших низовья восточного побережья. Мы не останавливались. Наши помыслы были нацелены на достижение обещанного места, и со всей возможной скоростью мы шли вдоль берега к следующему возвышающемуся травянистому гребню. Там мы увидели первые свидетельства близости человека, чья деятельность, как правило, несет одни разрушения. У травы лежал недавно убитый тюлень, а после мы заметили еще нескольких со следами пулевых ранений. Позже я узнал, что люди с китобойной станции Стрёмнесс иногда заходят в залив Фортуны

пострелять тюленей.

Полдень застал нас на пути вверх по склону по другую сторону залива в направлении восток-юго-восток, и через полчаса мы находились на плоском плато перед еще одним хребтом, который нужно было пересечь, прежде чем спуститься в Хусвик. Я шел первым по этому плато, когда неожиданно обнаружил себя по колени в воде и быстро погружающимся глубже сквозь снежный наст. Я бросился на снег и крикнул другим сделать то же самое, чтобы распределить свой вес на зыбкой поверхности. Мы находились на глади небольшого озера, покрытого снегом (*оз. Крина*). Полежав еще с некоторое время, мы вытащили ноги и осторожно прошли, словно Агаг, еще 200 ярдов, до начала подъема, говорившего о том, что мы выбрались из озера.

В час тридцать пополудни мы поднялись на последний хребет и увидели с него маленький пароход и китобойную шхуну, заходившие в бухту 2500-ми футами ниже. Несколько мгновений спустя, после того как мы поспешили вперед, в поле зрения показались мачты парусного судна, стоявшего у причала. Наш взгляд выхватил мелкие фигурки людей, сновавших туда-сюда, а затем бараки и завод китобойной станции Стрёмнесс. Мы остановились и пожали друг другу руки, этакой формой взаимных поздравлений, которой воспользовались в четвертый раз в ходе экспедиции. Первый раз, когда высадились на острове Элефант, второй, когда добрались до Южной Джорджии, в третий, когда в первые сутки перехода поднялись на гребень и с него увидели ведущий вниз пологий снежный склон и скалу Хусвика.

Осторожно мы начали спускаться вниз к теплу и комфорту. Последний участок пути оказался экстраординарно трудным. Напрасно мы искали безопасный путь вниз по крутому, отполированному льдом горному склону. Единственным возможным спуском вниз оказался узкий кулуар, прорезанный бегущей с возвышенности водой. Мы пошли вниз по кулуару. Мы вымокли по пояс, дрожали, замерзли и устали. Через какое-то время до наших ушей донесся звук, которые вполне мог бы показаться привлекательным при несколько других обстоятельствах. Это был шум водопада, а мы находились не с того его конца. Когда мы достигли его верха, то осторожно выглянули и обнаружили, что он падал на 25 или 30 футов вниз между непроходимых бараньих лбов по обе его стороны. Подняться вверх в нашем крайне утомленном состоянии было едва ли мыслимо. Путь вниз лежал сквозь водопад. Мы с некоторым трудом закрепили один конец веревки за гладкий вылизанный водой валун. Затем Уорсли и я спустили Крина, самого тяжелого из нас. Он исчез в низвергающемся потоке и, задыхаясь, вышел в нижней его части. Я пошел следующим, соскользнув вниз по веревке, а Уорсли, самый легкий и шустрый член команды, спустился последним. На дне водопада мы смогли снова выбраться на сухую землю. Веревку было не снять. С вершины водопада мы вышвырнули тесло, а также вахтенный журнал и плиту, завернутую в одну из наших одежек. Это было все, за исключением нашей промокшей одежды, что мы принесли из Антарктики, в которую пришли полтора года назад с отличным кораблем, полным оборудованием и большими надеждами. Но это были всё материальные вещи, а вот воспоминаниями мы были богаты. Мы проникли внутрь обертки очень многих понятий. Мы *“страдали, голодали и торжествовали, опускались на самое дно, чтобы подняться ввысь, стать бОльшим в необъятном целом”*. Мы видели Бога во всем Его сиянии, слышали истинный голос Природы. Мы проникли в самую суть человеческой души.

Дрожа от холода, но с сердцами светлыми и радостным, мы отправились к китобойной станции, теперь отдаленной не более чем на полторы мили. Трудности путешествия

остались позади. Мы попытались немного привести себя в порядок, ибо мысль о том, что на станции могут быть женщины, заставила нас болезненно отнестись к нашему нецивилизованному внешнему виду. Длинные бороды, спутанные волосы. Немытые, в драной и грязной одежде, которую носили почти год. Трех более нелицеприятных головорезов едва ли можно было себе представить. Уорсли вынул из воротника комбинезона пару английских булавок и скрепил совсем уж растрепанные куски своих штанов. Мы торопились вниз и когда были совсем рядом со станцией, то встретили двух маленьких мальчиков десяти или двенадцати лет. Я спросил пацанов, где находится дом управляющего. Ответа не последовало. Достаточно было одного взгляда на них, чтобы не повторять вопрос. Они убежали от нас так быстро, что засверкали пятки. Мы добрались до окраины станции и прошли мимо темного изнутри *“цеха переработки”*. Дойдя до другого ее конца, мы встретили старика, который повел себя так, словно увидел дьявола во плоти и не дал нам даже времени, чтобы задать хоть какой-то вопрос. Он поспешил прочь. Такая встреча была совсем не дружелюбной. Затем мы подошли к пристани, на которой ковырялся мужчина. Я спросил его, дома ли мистер Сёрли (управляющий).

“Да” - сказал он, уставившись на нас.

“Мы хотели бы видеть его” – произнес я.

“Кто вы?” - спросил он.

“Мы потеряли корабль и прошли через остров” - ответил я.

“Вы прошли через остров?” - спросил он недоверчивым тоном.

Мужчина пошел в направлении дома управляющего, и мы последовали за ним. Я потом узнал, что он сказал мистеру Сёрли: *“Там на улице стоят трое клоунов, которые говорят, что прошли через остров и знают тебя. Я оставил их снаружи.”* Очень необходимые меры предосторожности с его точки зрения.

Мистер Сёрли вышел из двери и сказал: *“Ну?”*

“Вы не узнаете меня?” – произнес я.

“Я узнаю ваш голос” - ответил он с сомнением. *“Вы помощник на Дейзи.”*

“Меня зовут Шеклтон” – сказал я.

Он тут же протянул руку и произнес: *“Входите. Входите”*.

“Скажите мне, когда закончилась война?” - спросил я.

“Война не закончилась.” - ответил он. *“Убиты миллионы людей. Европа сошла с ума. Мир сошел с ума”*.

Гостеприимству мистера Сёрли не было предела. Он едва позволил нам снять замороженные ботинки, прежде чем принять в своем доме и дать место в теплой и уютной комнате. Мы были не в состоянии находиться в любом доме, пока не помоемся и не переоденемся, но управляющий не считал зазорным находиться рядом с нами. Он дал нам кофе и норвежские пирожные, а затем проводил наверх, в ванную, где мы скинули лохмотья и знатно помылись.

Доброта мистера Сёрли не исчерпывалась его личной заботой за тремя путниками, что зашли в дверь его дома. Пока мы мылись, он отдал распоряжение одному из китобойных судов быть готовым отправиться ночью на другую сторону острова и забрать троих оставшихся там человек. Китобои знали Кинг Хаакон Бэй, хотя и никогда не работали по ту сторону острова. Вскоре мы были чистыми. Затем получили восхитительную новую одежду из станционных запасов и постриглись. Через час или два мы перестали быть дикарями и снова стали цивилизованными людьми. Потом был великолепный ужин, а мистер Сёрли

рассказал нам о своих решениях и мы обсудили планы по спасению главной партии на острове Элефант.

Я договорился, что Уорсли отправится на спасательном судне показать точное место, где стояли лагерем плотник сотоварищи, а сам начал подготовку для спасения партии на острове Элефант. Китобойное судно, которое отправилось в Кинг Хаакон Бэй ожидалось назад в понедельник утром, и должно было по пути зайти в порт Грютвикен, из которого мы вышли в декабре 1914 затем, чтобы проинформировать представителя метрополии о судьбе «Эндьюранс». Возможно, нас там дожидались письма. Уорсли поднялся на борт китобойца в десять вечера и завалился спать. На следующий день спасательный корабль вошел в Кинг Хаакон Бэй, лодка подошла к Лагерю Пегготи. Трое мужчин были в восторге сверх меры, узнав, что мы удачно пересекли остров и что их ожидание под перевернутым *Джеймс Кэрд* закончилось. Любопытно, что они не узнали Уорсли, который покинул их лохматым и грязным оборванцем, а вернулся элегантным и бритым джентльменом. Они подумали, что он был одним из китобоев. Когда кто-то из них спросил, почему со спасательной командой нет ни одного члена партии, Уорсли сказал: “*Что ты имеешь в виду?*”. «*Ну мы подумали, что Босс или кто-то еще вернется*» - объяснили они. «*Да что с вами случилось?*» - спросил Уорсли. И лишь потом они вдруг неожиданно прозрели, что разговаривают с человеком, который был их близким товарищем полтора года. В течение нескольких минут китобои загрузили пожитки в лодку. Они отбуксировали *Джеймс Кэрд* и подняли его на палубу своего корабля. А затем пустились в обратный путь. Только в сумерках в понедельник во второй половине дня они вошли в Стрёмнесс Бэй, где все люди с китобойной станции собрались на пляже встретить спасенную партию и осмотреть с профессиональным интересом лодку, на которой мы прошли 800 миль по штормовому океану, который они так хорошо знали.

Когда я мысленно возвращаюсь назад в те дни, то не сомневаюсь, что нас вело Провидение, и не только через снежные поля, но и через штормовой океан, отделявший остров Элефант от места высадки в Южной Джорджии. Я знаю, что во время этого долгого и мучительного тридцати шести часового перехода через безымянные горы и ледники Южной Джорджии мне часто казалось, что нас было четверо, а не трое. Я тогда ничего не сказал своим спутникам, но позже Уорсли признался мне: “*Босс, у меня на марше было странное ощущение, что с нами был еще один человек*”. Крин признался в той же мысли. В попытке описать вещи нематериальные явно ощущается “*убогость слов людских и тленность смертной речи*”, но описание нашего путешествия было бы неполным без упоминания о том, что нам очень близко.

ГЛАВА XI

СПАСЕНИЕ

Наша первая ночь на китобойной станции была блаженной. Крин и я устроились в прекрасной комнате в доме мистера Сёрли, с электрическим освещением и двумя мягкими и теплыми кроватями. Нам было настолько комфортно, что мы даже не могли уснуть. Поздно ночью стюард принес нам чай, хлеб, масло и пирожные, и мы лежали в постелях,

наслаждаясь всей этой роскошью. Снаружи бушевала снежная буря, которая началась два часа спустя после нашего прибытия, и продолжалась до следующего дня, кружась и заметая горные склоны. Мы были невероятно счастливы, что пришли в безопасное место, что было бы значительно тяжелее, окажись мы снаружи в горах этой ночью. Когда на следующее утро мы проснулись, повсюду лежал глубокий снег.

После завтрака мистер Сёрли взял нас с собой на катере в Хусвик. Мы жадно слушали его рассказ о войне и обо всем том, что произошло, пока мы были вне цивилизации. Мы были похожи на людей, воскресших из мертвых в мире, сошедшем с ума. Наши разум постепенно привыкал к рассказам о войне, бессмертном мужестве и неопишуемой резне, мировом конфликте, который вышел за рамки всех бывших договоренностей, огромной кровавой бойне, мрачно контрастирующей с холодным белым безмолвием, которое мы покинули. Читатель может толком не понять, насколько трудным было для нас представить себе почти двухлетнюю, небывалую в истории человечества войну. Зажатые в траншеи армии, потопление *Лузитании*, убийство Эдит Кэвелл, использование отравляющих газов и огнеметов, подводную войну, Галлипольскую кампанию, эти и сотни других случаев вначале ошеломили нас, но затем наш мозг начал адаптироваться и думать соответственно обстановке. Мне кажется, что наш опыт оказался уникальным. Нигде в мире больше не найдется других цивилизованных людей, кто бы так тупо не ведал о потрясших весь мир событиях, коими были мы, когда достигли китобойной станции Стрёмнесс.

Я услышал первые известия о злоключениях "*Авроры*" в море Росса от мистера Сёрли. Но наш гостеприимный хозяин смог рассказать мне очень мало. Он сообщил лишь, что *Аврора* вышла с зимовки в МакМердо и достигла Новой Зеландии после долгого дрейфа, и что не было никаких новостей от береговой партии. Его информация была неопределенна в деталях, и мне пришлось ждать, пока я, спустя какое-то время не достиг Фолклендских островов и не получил более внятной информации об «*Авроре*». Слух о том, что мы достигли Южной Джорджии, делал задачу по возможно быстрому спасению оставшейся партии моря Уэдделла еще более важной, дабы высвободить себя для эвакуации остающихся в море Росса.

Когда в воскресенье утром мы добрались до Хусвика, то были тепло приняты магистратом (мистером Бернстеном (*Bernsten*)), которого я давно знал, а также другими членами маленькой общины. В гавани на якоре стоял один из крупнейших китобоев, *Южное Небо* (Саузен Скай (*Southern Sky*)), принадлежавший английской компании, но сейчас законсервированный на зиму. У меня не было возможности быстро связаться с его владельцами, и я взял на себя всю ответственность мистера Бернстена, сделавшего для меня исключение отправить этот корабль на остров Элефант. Я подписал договор с Ллойдом по страхованию судна. Капитан Торн, старый друг экспедиции, оказался в Хусвике на своем корабле *Оруэлл*, загружающим китовый жир, используемый для целей Британского военного ведомства, и сразу вызвался пойти с нами в любое место. Я попросил его помочь в качестве капитана *Южного Неба*. Не было никаких трудностей насчет экипажа. Китобоям не терпелось помочь в спасении людей, терпящих бедствие. Они начали работать в воскресенье, чтобы подготовить и загрузить корабль. Части двигателей были на берегу, но добровольцы облегчили эту работу. Я приобрел на стационарном складе все необходимые припасы и оборудование, в том числе особые подарки для мужчин, которых мы надеялись спасти, и к утру вторника *Южное Небо* был готов к отплытию. Я считаю своим долгом, настолько, насколько это возможно на страницах этой книги, от всей души поблагодарить всех норвежских китобоев Южной Джорджии за протянутые в момент острой нужды руки

помощи. Среди всех воспоминаний о доброжелательности, оказанной мне по разные стороны света, воспоминания о гостеприимстве и помощи, которую я получил в Южной Джорджии, занимают, безусловно, самую верхнюю строчку. Это морское братство. Люди, которые уходят в море, работают и страдают, сражаются в непрерывной битве с прихотями ветра и океана, прекрасно знают опасности и беды их брата моряка.

Во вторник утром *Южное Небо* был готов, и в девять часов утра пароход вышел из бухты под дружеское прощание гудков китобойной станции. Накануне вечером мы собрались на борту корабля капитана Тома с несколькими капитанами китобойного промысла, посвятившими в свою профессию сыновей. Это были “старые морские волки” с испещренными за полвека в море морщинами лицами, и они были даже более заинтересованы в истории нашего перехода с острова Элефант, нежели молодежь. Они поздравили нас с потрясающим путешествием. Я не хотел бы умалять наш успех горделивым надменным смирением. С помощью Провидения мы преодолели большие трудности и опасности, и было приятно рассказать об этом людям, которые не понаслышке знали суровые и коварные южные моря.

Маккарти, Макниш и Винсент прибыли в понедельник днем. В тепле и с обильным питанием они уже стали проявлять некоторые признаки выздоровления. Плотник после ванны выглядел невероятно худым. Когда он высадился с корабля, на нем было много одежды, и я даже не подозревал, насколько он исхудал, пока не увидел его вымытым и побритым. Ему было за пятьдесят, и перенесенные лишения сказались на нем больше, чем на остальных из нас. Спасение для него пришло вовремя.

Начальная часть плавания к острову Элефант на *Южном Небе* прошла без приключений. В полдень вторника 23 мая мы находились в море и шли под паром на десяти узлах юго-западным курсом. Мы хорошо продвигались вперед, но температура воздуха упала до очень низкой и дала мне повод для беспокойства на счет вероятности столкнуться со льдом. На третью ночь море, казалось, затихло. Я посмотрел за борт и увидел тонкую пленку льда. Море вокруг нас замерзало, а лед становился толще, погасив нашу скорость примерно до пяти узлов. Затем начали встречаться обломки старого пакового льда. Я понял, что о продвижении сквозь пак не может быть и речи. *Южное Небо* был стальным пароходом, и его конструкция, мощная для сопротивления волнам, не выдержала бы столкновения со льдом. Поэтому я держал корабль севернее, но на рассвете в пятницу мы столкнулись с блинчатым льдом. Мы пошли на запад в надежде на более благоприятные условия. Утро 28-го было хмурым и пасмурным, с небольшим ветром. Корабль снова направился к юго-западу, но в 3 часа дня на горизонте появилась ярковыраженная линия пака. Мы находились в 70 милях от острова Элефант, но не было ни малейшей возможности провести пароход сквозь лед, преграждавший наш путь. Мы повернули на северо-запад. На следующий день мы находились точно к северу от острова, и я предпринял очередную попытку пробиться на юг. Но тяжелый паковый лед образовал непреодолимый барьер.

Признать неудачу на этом этапе было очень тяжело, но факты оставались фактами. *Южное Небо* не мог войти в лед даже умеренной толщины. Была поздняя осень, и уверенности в том, что лед вскроется в течение ближайших месяцев, не было, хотя мое мнение заключалось в том, что в этом секторе Атлантики вследствие сильных ветров и течений пак не статичен даже зимой. *Южное Небо* мог взять уголь только на десять дней, шесть из которых уже прошли. Мы находились в 500-х милях от Фолклендских островов и почти в 600-х от Южной Джорджии. Поэтому я решил, что поскольку мы не могли

дождаться вскрытия пака, перейти на Фолклендские острова и подыскать там более подходящее судно, может местное, или из Англии, и уже оттуда предпринять вторую попытку достигнуть острова Элефант.

На пути к северу мы столкнулись с ужасной погодой, но, тем не менее, 31 мая чуть позже полудня мы вошли в Порт-Стэнли, где был телеграф и связь с внешним миром. Нас вышел встретить начальник порта, и после того, как мы бросили якорь, я сошел на берег и встретился с губернатором - мистером Дугласом Янгом. Он сразу предложил мне свою помощь. Он связался с мистером Хардингом, управляющим Фолклендскими островами, и я, к своему искреннему разочарованию, узнал, что ни одного подходящего судна на островах не было. Тем же вечером я телеграфировал в Лондон Его Величеству сообщение с отчетом о потере «Эндьюранс» и последующих приключениях экспедиции. На следующий день я получил от Короля следующее сообщение:

“Рад слышать о вашем благополучном прибытии на Фолклендские острова, и верю, что вскоре ваши товарищи на острове Элефант будут спасены. ГЕОРГ V.”

Я не стану описывать в деталях события дней после нашего прибытия на Фолклендские острова. Все мои помыслы были заняты вопросами спасения партии на острове Элефант как можно скорее. Приближалась зима, и я осознавал, что ценой за промедление могут стать жизни некоторых моих друзей. Было сделано предложение направить спасательное судно из Англии, но последнее не могло добраться до южных морей ранее чем через многие недели. По беспроводной и кабельной связи я связался с правительствами Южно-Американских Республик и спросил, нет ли у них какого-либо подходящего корабля, который я мог бы использовать для спасения экспедиции. Мне был нужен деревянный корабль, способный пройти сквозь разорванный лед, с нормальной скоростью и разумным потреблением угля. Многочисленные сообщения с поздравлениями и пожеланиями приходили ко мне со всех частей света и вера сотен друзей из многих стран значительно помогала в то непростое время, полное тревог и переживаний.

Британское Адмиралтейство сообщило мне, что в Англии пока нет подходящего судна, и что помощи стоит ожидать не ранее октября. Я ответил, что в октябре будет слишком поздно. Тогда Британский посол в Монтевидео телеграфировал мне, чтобы я присмотрелся к траулеру *Instituto de Pesca № 1*, принадлежащему правительству Уругвая. Это было небольшое крепкое судно и правительство щедро предложило укомплектовать его углем, продовольствием, одеждой и тому подобным и отправить на остров Элефант, забрав меня на Фолклендских островах. Я с радостью принял это предложение, траулер прибыл в Порт-Стэнли 10 июня, и мы вновь отправились на юг.

Погода была паршивой, но траулер хорошо продвигался вперед на своих почти шести узлах, и в свете ясного рассвета третьего дня плавания мы увидели вершины острова Элефант. Надежда была светлой как никогда, но наш старый враг паковый лед не дремал, и за двадцать миль от острова траулер был остановлен непреодолимым барьером льда. Пак лежал в форме полумесяца, огибая остров с запада на восток внешней стороной на север. Пройдя на северо-восток, мы достигли края полумесяца и увидели, что пак, тяжелый и плотный, простирался еще далее на восток. Мы сделали попытку войти в лед, но он был настолько тяжел, что траулер сразу же остановился, увязнув между небольших толстых льдин, поэтому мы осторожно попятились назад. Гребной винт удалось не повредить, хотя я боялся, что в любой момент мы сможем погнуть его нож. Остров лежал с правого борта, но подойти ближе не было возможности. Уругвайский инженер сообщил мне, что остался

трехдневный запас угля и я распорядился повернуть назад. Завеса тумана скрывала низлежащие склоны острова и люди, наверняка смотревшие из лагеря на пляже, не могли увидеть корабль. Мы снова пошли на север с внатяжку работающими двигателями и, столкнувшись со штормом, достигли Порты-Стэнли с почти пустыми бункерами и еле живыми машинами. Корабль Его Величества *Глазго* находился в порту, и британские моряки оказали нам радушный прием, когда мы вошли в него.

Правительство Уругвая предложило отправить траулер на ремонт в сухой док Пунта-Аренас и там подготовиться к следующей попытке. Одна из проблем путешествия состояла в том, что согласно расчетам траулер мог делать десять узлов на шести тоннах угля в день, которые давали нам хорошее преимущество на чистой воде, но, в действительности, он развивал скорость только шесть узлов, потребляя при этом десять тонн угля в сутки. Время было дорого, и эта подготовка заняла бы слишком много времени. Я поблагодарил правительство за столь щедрое предложение, и хочу сказать, что доброта уругвайцев снискала мою самую теплую благодарность. Я должен также упомянуть помощь, оказанную мне Райаном Льюэтом (Lieut), военно-морским офицером запаса, который привел траулер на Фолклендские острова и отправился на юг спасти людей. *Instituto de Pesca* ушел в Монтевидео и я начал поиски другого судна.

Очень кстати в Порт-Стэнли зашел британский почтовый пароход Орита (*Orita*), и я вместе с Уорсли и Крином отправился на нем через Магелланов пролив в Пунта-Аренас. Прием, оказанный там, воодушевлял. Нас очень сердечно приняли члены британской ассоциации Магальянес. Мистер Алан Макдональд был особенно активен в своих неустанных усилиях по оказанию содействия в спасении наших двадцати двух товарищей на острове Элефант. Он работал и днем и ночью, и заслуга в том, что за три дня они собрали сумму £1500 фунтов, зафрахтовав шхуну *Эмма* и оборудовав ее для наших нужд, принадлежит, главным образом, ему. *Эмма* была сорокалетней дубовой шхуной, крепкой и устойчивой, со вспомогательным двигателем.

Отдельно хочется упомянуть о 10-ти членах экипажа шхуны, они были восьми разных национальностей, но все замечательные ребята и прекрасно понимали, что от них требовалось. Правительство Чили предоставило нам небольшой пароход Йелчо (*Yelcho*), чтобы отбуксировать нас часть пути. Йелчо не мог идти сквозь льды, так как был построен из стали. 12 июля мы бросили ему наш буксировочный трос и отправились в путь. На следующий день из-за плохой погоды пришлось встать на якорь и, хотя ветер усилился до штормового, я не мог ждать, и рано утром 14-го мы пошли дальше. Натяжение буксирного троса было слишком велико. С треском выстрела трос лопнул. На следующий день шторм продолжился, и я процитирую бортовой журнал *Эммы*, который сохранил Уорсли, будучи на ней за штурмана.

“9 утра. Свежо, усилившийся штормовой ветер, очень беспокойное море. 10 утра. Буксировочный трос лопнул. Полдень. Аналогичная погода. Час дня. Буксирный трос снова оборвало. Установили фок и держались к югу и юго-востоку. 3 дня. Йелчо просигналил нам и сообщил, что в трюмах полно воды (как на наших палубах) и им не хватает угля. Сэр Эрнест передал им, что они могут вернуться в порт. После этого Йелчо отправился в залив Сан-Себастьян.”

После трех дней постоянной непогоды мы остались одни в попытке еще раз спасти двадцать два человека на острове Элефант, и на этот раз у нас были очень серьезные опасения.

На рассвете в пятницу, 21 июля, мы находились в ста милях от острова и еще в полумраке столкнулись со льдом. Я прождал весь день, а затем попытался зайти в него. Шхуну подбрасывало в тяжелых волнах и, прежде чем зайти в пак, всего за десять минут ее бросило вниз на кусок льда и оборвало ватерштаг. Затем водозаборник двигателя забило льдом. Шхуну бросало словно пробку в прибое, и после нескольких крепких столкновений я понял, что она была легче, чем окружавшие ее куски льда. Дальнейшее продвижение в таких условиях было немыслимо. Я вывел шхуну из пака и пошел на восток. Я вел ее к югу вдоль линии льда в течение ночи, но был вынужден повернуть на северо-восток, лед протянулся в этом направлении до самого горизонта. Мы дрейфовали ночь, которая сейчас длилась шестнадцать часов. В разгаре была зима и погодные условия были преимущественно плохими. Лед с юга быстро двигался на север. Наш двигатель вышел из строя и теперь мы полностью зависели от парусов. На следующий день нам удалось пройти немного южнее, но в полдень мы все равно находились в 108-ми милях от острова. Мы переждали разразившуюся ночью бурю, дрейфуя вне зоны льда, и утром обнаружили шхуну полностью покрытой льдом. Из-за намерзших брызг веревки такелажа стали толщиной с человеческую руку и, если бы ветер усилился, то мы могли бы столкнуться с проблемой снятия парусов. Некоторые члены экипажа из-за холода и непрерывной качки слегли. Шхуна была около семидесяти футов длиной и вела себя в штормовом море так, что выводила из строя даже самых опытных моряков.

Я направлял шхуну на юг при любой возможности, но повсюду линия льда преграждала путь. Инженер, который оказался американцем, время от времени запускать двигатели, но не мог заставить их работать стабильно, а постоянные южные ветра преграждали путь вперед. Было трудно повернуть назад в третий раз, но я понимал, что мы не сможем добраться до острова в таких условиях и должны повернуть на север для того, чтобы освободить корабль от тяжелого обледенения. Поэтому мы взяли курс на север и после непростого перехода в очередной раз достигли Порты-Стэнли. Это было в третий раз, но меня не покидала вера в то, что лед не остается вокруг острова Элефант в течение всей зимы, несмотря на то, что об этом говорили доморощенные эксперты. Мы вошли на *Эмме* в Порт-Стэнли 8 августа, и там я узнал, что судно *Дискавери* уже покинуло Англию и будет на Фолклендских островах примерно в середине сентября. Мой хороший друг губернатор сказал, что я могу поселиться в Порт-Стэнли и спокойно заниматься делами в течение нескольких недель. Главная улица порта около полутора миль длиной. На одном ее конце скотобойня, на другом кладбище. Основное развлечение - прогулка от скотобойни до кладбища. Еще можно прогуляться от кладбища к скотобойне. В Порт-Стэнли родилась Эллайн Террис (*Ellaline Terriss* – популярная английская актриса и певица (1871-1971), прим. пер.), но не прожила там много времени. Так и я не мог позволить себе прождать шесть или семь недель, зная, что в шести сотнях миль в страшной нужде находились мои друзья. Я попросил правительство Чили отправиться на *Йелчо*, пароходе, буксировавшем нас перед этим, до Пунта-Аренас, и они оперативно дали свое согласие, так же, как и на все мои предыдущие запросы. Таким образом, в сильнейший северо-западный шторм, едва избежав по пути катастрофы, 14 августа я добрался до Пунта-Аренас.

Но подходящего корабля все не было. Погода выказывала некоторые признаки улучшения, и я попросил правительство Чили позволить мне еще раз взять *Йелчо* для последней попытки добраться до острова Элефант. Это был маленький стальной парходик, совершенно непригодный для работы во льдах, и я пообещал, что не буду в них входить.

Правительство было готово предоставить мне еще один шанс, и 25 августа я отправился на юг в четвертую попытку спасти моих людей. На этот раз Провидение благоволит нам. В относительно хорошую погоду маленький пароходик быстро продвигался, и по мере приближения к острову Элефант я увидел, что лед был разорван. Южный шторм временно отогнал его к северу и у *Йелчо* появилась возможность пройти сквозь него. Мы подошли к острову в густом тумане. Я не мог ждать его прояснения, и в 10 часов утра 30 августа мы прошли мимо нескольких сидящих на мели айсбергов. Затем увидели море, бьющееся о рифы, и я понял, что мы находимся практически у берега. Это был волнительный момент, но нам еще было нужно отыскать лагерь, а надеяться на пак, который даст нам время на продолжительные поиски в густой мгле, было нельзя, но туман поднялся и открыл скалы и ледники острова Элефант. Я направился на восток и в 11.40 утра пронизательные глаза Уорсли обнаружили лагерь, почти невидимый под покровом снега. В тот же момент нас увидели люди на берегу, и мы наблюдали маленькие черные фигурки, высыпавшие на пляж и посылающие нам сигналы. Мы находились в полутора милях от лагеря. Я повернул *Йелчо* в сторону лагеря и в течение получаса мы с Крином и несколькими чилийскими матросами достигли берега. Я увидел маленькую фигуру на избитой прибоем скале и узнал в ней Уайлда. Когда я приблизился, то прокричал: «*У вас все хорошо?*», и он ответил: «*У нас все хорошо, Босс!*», а затем я услышал троекратное Ура. Приблизившись к скале, я бросил на берег пачку сигарет и они набросились на нее, словно голодные тигры, ибо я хорошо знал, сколько месяцев они мечтали и говорили о табаке. Некоторые выглядели неважно, но Уайлд смог удержать партию вместе и сохранить надежду в их сердцах. Времени обмениваться новостями или поздравлениями не было. Я даже не сошел на берег, чтобы осмотреть лагерь, который, как заверил меня Уайлд, был значительно улучшен. Волнение на море и изменение ветра могло вернуть лед обратно в любой момент. Я погрузил партию на борт со всей возможной скоростью, забрав также экспедиционные записи и основную часть оборудования. В течение часа все были на борту *Йелчо* и направлялись на север на максимальной скорости, на которую только был способен этот маленький пароходик. Лед был все еще разрезан и ничего худшего, кроме простора бурного океана, не отделяло нас теперь от Южно-Американского побережья.

По пути к Пунта Аренас я слушал рассказ Уайлда, и вновь и вновь благословил стойкость и выдержку, которые помогли продержаться партии в течение четырех с половиной месяцев лишений. Двадцать два человека на острове Элефант находились на грани истощения, когда до них добрался *Йелчо*. Уайлд рачительно использовал скудный запас продовольствия и настолько, насколько это возможно, победил бесов уныния и отчаяния на небольшой песчаной косе между мрачными ледяными полями и коварным, покрытым льдом морем. Время от времени пак вскрывался, но большую часть времени путь на север оставался закрыт. *Йелчо* прибыл в нужный момент. Еще два дня назад он не смог бы добраться до острова, а несколькими часами позже пак мог снова сомкнуться. Уайлд полагал, что помощь придет в августе, и каждое утро он с довольным видом собирал свои пожитки, надеясь заразить этим остальных. Один член команды, которому я сказал: «*Хорошо, что вы все были собраны.*» ответил мне на это: «*Видишь ли, Босс, Уайлд никогда не оставлял надежды, и всякий раз, когда море очищалось ото льда, он сворачивал свой спальный мешок и говорил всем, сверните спальные, парни, сегодня может приехать Босс.*» Так и случилось, когда мы вдруг внезапно вышли из мрачной туманной дали, а через час все были в безопасности на пути домой. Еда разбавлялась тюленьим и пингвиным

мясом, моллюсками и водорослями. Тюленей было мало, но пингвинятина достаточно хорошо выручала в течение первых трех месяцев. На момент спасения мужчины распечатали последний бовриловский сухой паек, питались исключительно в форме горячего супа и имели едва ли четырехдневный запас еды. Лагерь находился в постоянной опасности быть замеченным снегом, который сдувало с высокой части острова, и люди чем могли расчищали наносы. Существовала опасность того, что лагерь станет полностью невидимым со стороны моря, и что спасательная партия может их не найти.

“Почему-то считалось, что со спасательного судна, когда оно окажется рядом с островом, обязательно должен быть произведен выстрел,” - сказал Уайлд. “Много раз, когда от ледников откалывались куски, то они падали со звуком выстрела, а мы думали, что это выстрел с корабля, но через некоторое время перестали обращать на них внимание. Йелчо же мы увидели прежде, чем услышали любой звук. Это было мгновение, которое будет непросто забыть. Мы только собирались пообедать, услышав привычное «Обед!», а я разлить суп, который, кстати, был особенно хорош в этот день и состоял из вареного хребта тюленя, моллюсков и водорослей, когда раздался крик Марстона "Корабль!" Некоторые подумали, что это и был "Обед!", но когда раздался еще один крик Марстона, обед больше никого не интересовал. Корабль был примерно в полутора милях и шел мимо нас. Было решено подать с берега дымовой сигнал, и я схватил чью-то лежащую робу, ударил кайлом по банке с керосином, хранившейся для этой цели, вылил керосин на робу и поджег. Он вспыхнул вместо того, чтобы дымиться, но это уже не имело значения, ты узнал место, где вы оставили нас, и Йелчо повернул к нам”.

На пути обратно в Пунта-Аренас мы столкнулись с ужасной погодой и маленькому Йелчо приходилось нелегко, но у него на борту находились окрыленные люди. Мы вошли в Магелланов пролив и 3 сентября в 8 часов утра достигли Рио Секко. Я сошел на берег, нашел телефон и сообщил губернатору и моим друзьям в Пунта-Аренас, что люди спасены. Через два часа мы были в Пунта-Аренас, где нас встречали так, что никому никогда не забыть. Чилийцы были восторженны не менее британцев. Полиции было поручено распространить новость о том, что в порт прибывает Йелчо со спасенными людьми и чтобы это сообщение не прошло мимо кого бы то либо звучала пожарная сирена. На улицы высыпало все население города. Это был великий прием, и после долгого напряжения и волнений последних месяцев, мы были в настроении, чтобы наслаждаться всем этим.

Следующие несколько недель были наполнены событиями, но я не буду здесь пытаться описать их в деталях. Я получил поздравления и наилучшие пожелания со всего мира, и мое сердце благодарно всем тем добрым людям, кто не забывал меня и моих людей под гнетом страшных событий на полях сражений. Чилийское правительство оставило Йелчо в моем распоряжении, чтобы переправить людей в Вальпараисо и Сантьяго. Мы добрались до Вальпараисо 27 сентября. Все, что только могло плавать приветствовало нас, выстроились экипажи чилийских военных кораблей и, по крайней мере, тридцать тысяч человек толпились на улицах. На следующий день я выступил в Сантьяго для британского Красного Креста и Чилийского морского благотворительного фонда. Были вывешены вместе флаг Чили и "Юнион Джек", оркестр сыграл чилийский Национальный гимн, “Боже, храни Короля!” и “Марсельезу”, с трибуны выступал министр иностранных дел Чили и вручил мне Орден. Я встретился с Президентом и поблагодарил его за оказанную Британской экспедиции помощь. Его правительство безвозмездно выделило £4000 на уголь. В ответ он напомнил мне, что британские моряки участвовали в становлении Чилийского военно-

морского флота.

Министерство путей сообщения Чили предоставило специальный поезд, чтобы перевезти нас через Анды, и я отправился в Монтевидео с целью лично выразить благодарность Президенту и правительству Уругвая за щедрую помощь, оказанную в начале спасательной эпопеи. Нас по-королевски встречали в различных местах *en route* (по пути следования). Мы съездили также в Буэнос-Айрес на брифинг. Затем снова пересекли Анды. В это время я также занимался вопросами отправки людей в Англию. Всем не терпелось занять место в строю Королевских вооруженных сил. Моей собственной немедленной задачей было спасение партии в море Росса, до меня дошли новости от "*Авроры*", долго дрейфовавшей в море Росса и вернувшейся в плачевном состоянии в Новую Зеландию. Со мной отправлялся Уорсли. Мы поспешили на север через Панаму морскими и железнодорожными компаниями, предоставившими нам повсеместно радушную и щедрую помощь, и в Сан-Франциско сели на пароход, который доставил нас в конце ноября в Новую Зеландию. Я был проинформирован, что правительство Новой Зеландии принимало меры по оказанию помощи партии в море Росса, но моя информация была неполной, и мне очень хотелось самому оказаться на месте как можно быстрее.

ГЛАВА XII

ОСТРОВ ЭЛЕФАНТ

На острове Элефант под руководством Уайлда, в котором я был абсолютно уверен, оставались двадцать два человека, и описывать их быт в течение долгих четырех с половиной месяцев ожидания, я буду на основании их дневников, дополненных сведениями, почерпнутыми из личных бесед по пути назад к цивилизации.

Первейшей задачей, стоявшей перед ними и которая была даже еще более важна, нежели пропитание, было сделать жилье. Полуголодное существование во время дрейфа на льдине, добавленное к испытаниям в переходе на лодках и суровостью погоды, с которой мы столкнулись после высадки на острове Элефант, оставило свой неизгладимый след на многих. Рикенсон, стойко переносивший до последнего все тяготы и лишения, рухнул от сердечного приступа. Блэкбороу и Хадсон не могли передвигаться. Все были в различной степени обморожены, а одежда, которая непрерывно носилась в течение шести месяцев, была полностью изношена. Буря, начавшаяся в день высадки на мысе Уайлд, продолжалась две недели, зачастую задувая со скоростью от семидесяти до девяноста миль в час, и достигая иногда даже более высоких значений. Палатки, проявившие себя исключительно и столько вынесшие, были порваны в лохмотья, за исключением полюсной, занимаемой Хёрли, Джеймсом (*Вордье*) и Хадсоном. Спальные мешки и одежда пребывали в вечно влажном состоянии и физические неудобства перерастали в психологическую депрессию. Две оставшиеся лодки перевернули вверх дном, одним бортом положив на снег, другим на два фута скал и ящиков, и под ними нашли крышу над головой матросы и некоторые ученые вместе с двумя инвалидами, Рикенсоном и Блэкбороу. Было необходимо надежное укрытие от непогоды и тепло, чтобы просушить одежду, и Уайлд ускорил рытье ледяной пещеры на склоне, которое было начато еще при мне.

Высокая температура, однако, вызывала непрерывную капель воды с крыши и стен ледяной пещеры и, поскольку предполагалось, что в ней будут постоянно жить двадцать два человека, то температура будет практически всегда выше нуля, и это не оставляло никаких надежд на сухую обитель. Поэтому, по указанию Уайлда мужики собрали много больших плоских камней, имевшихся во множестве под снегом на пляже, и с их помощью возвели две основательные стены высотой четыре фута и девятнадцать футов длиной.

“Мы все до смешного слабы, и эта часть работы была чрезвычайно трудоемка и отняла времени более чем в два раза больше, нежели мы выполнили бы ее в нормальном состоянии. Камни, которые легко могли поднять в иное время, оказались совершенно неподъемными и были нужны двое или трое из нас, чтобы перенести те, которые обычно таскал один. Наши трудности усугублялись тем фактом, что большинство наиболее подходящих камней лежали на противоположном конце косы в ста пятидесяти ярдах. Наша слабость лучшее сравнение с долгой болезнью, про которую говорят "пациент чувствует себя хорошо, но физически бессилен”.

“Место, выбранное для хижины, было тем самым местом, где первоначально установили плиту в ночь нашего прибытия. Оно располагалось между двумя большими валунами, которые, хоть и не формировали стены хижины, но, по крайней мере, обеспечивали надежную защиту от ветра. Дополнительную защиту от северного ветра давал холм на конце косы, именуемый Пингвин Хилл. Как только стены были готовы, на них положили вверх дном рядом друг с другом две лодки. Точное выравнивание лодок отняло время, но имело первостепенное значение, если наша конструкция планировалась надолго, на что мы и надеялись. Оказавшись на месте, лодки были надежно скреплены и занайтовлены за скалы. Несколько кусков дерева проложили от киля до киля и поверх них расстелили брезент рваных палаток и парни закрепили его за скалы. Крепеж краев тента был гениально придуман и реализован Марстоном. Первым делом он нарезал материал бесполезных теперь палаток на соответствующие отрезки, затем нарезал голенища пары болотных сапог на узкие полосы и, используя их наподобие кожаного переплета, которым обычно обтягивают кресла с мягкой обивкой, закрепил по кругу тент за внутреннюю часть планируя лодок таким образом, что он свисал вниз, словно балдахин, придавленный к земле мачтами и веслами. Из вдвое сложенных одеял сделали дверь, которую позже заменили тубусом, отрезанным от одной из палаток. Он представлял собой брезентовый цилиндр, пришитый к тенту, через который люди заползали внутрь или наружу, завязывая его, словно носок, как только человек проползал сквозь него. Это, конечно, самая удобная и эффективная дверь в этих условиях, что когда-либо была изобретена”.

“Несмотря на то, что боковые стены хижины были возведены, далее приступили к заполнению зазоров между камнями внешнего контура стен снегом. Снег был порошкообразным и не слеплялся, в конце концов мы запихивали его только запасным одеялом и робой. Вся эта работа была очень тяжелой для наших обмороженных пальцев, а инструмент был весьма ограничен.”

“Наконец все было завершено и нас позвали принести наши промокившие спальники, которые пролежали под морозящим дождем несколько часов после того, как лодки и палатки, которые приютили их ранее, были реквизированы для нашей новой резиденции.”

“Мы заняли свои места так, как сказал Уайлд. Склоки по поводу лучших мест не было, но было заметно, что была какая-то суета по распределению банок.”

“Рикенсон, который был болен и слаб, но очень счастлив, получил место в лодке прямо

над плитой, а моряки, прожившие под Стэнкомб Уиллс несколько дней, пока он был вверх ногами на пляже, негласно претендовали на места под ним как на свои собственные и толпились возле него как один. Еще одну верхнюю банку слева в этой лодке Уайлд предложил одновременно Хасси и Лизу, сказав, что первый, кто соберет свои вещи в мешок, сможет занять эту койку. Пока Лиз высчитывал плюсы и минусы, Хасси собрал свой мешок и залез наверх, а Лиз только определил, что плюс все-таки был. Таким образом, четверо человек расположились наверху на банках в Дадли Докере и пятеро, включая Хасси, на Стэнкомб Уиллс, остальные улеглись на полу”.

Первое время пол был покрыт снегом и льдом. Потом он был подчищен и на камни постелили оставшиеся части палаток. Под защитой этого тесного, но сравнительно роскошного помещения, в партии вновь воцарилась бодрость духа. Выюга, однако, вскоре выявила недостатки архитектуры хижины и сквозь щели между камнями проникала мелкая снежная пыль. Снаружи развесили Джайгеровские спальные мешки и куртки и, спаянные снегом и надежно примороженные к стенам, они эффективно сдерживали эти порывы.

Поначалу приготовление пищи осуществлялось снаружи под прикрытием скал, дополнительную защиту которым предоставляла стена из-под упаковок провизии. Там располагались две жировые плиты, изготовленные из старых топливных бочек, но однажды, когда выюга была необычайно сурова, еду попытались приготовить внутри хижины. Это означало, что было не избежать копоти, оказывающей вредное воздействие, и некоторые пострадали от дымной слепоты, схожей со слепотой снежной, очень болезненной и требующей внимания медиков.

Вскоре установили дымоход, сделанный Керром из жестяной подкладки одной из упаковок с сухарями, и вывели его через жестяной кренгельс в брезенте крыши прямо между килями двух лодок, проблемы с дымом ушли в прошлое. Позже к дымоходу приделали еще одну старую топливную бочку, окружавшую дымоход так, что на одной плите можно было готовить одновременно два котелка. Те, чьи койки располагались возле плиты, страдали от последствий локальной оттепели, вызываемой ее теплом, но это нивелировалось возможностью согреться теплом приготовляемых порций бифштекса и хуша, распространявшимся в процессе готовки, и также возможностью согреться менее удачливым товарищам. Еда состояла, как правило, из порции хуша или одного - двух кусков сахара.

Кок и его помощник, в роли которых позже выступали по очереди, вставали около 7-ми утра и к 10-ти часам завтрак, как правило, был готов.

Упаковки с едой позже разместили широким кругом вокруг печки и те, кому посчастливилось быть рядом, могли просушить свои вещи. Так, чтобы всем было одинаково выгодно от этого, был устроен своего рода «Центральный почтамт», каждый человек, занимал свое место у печи только один день, перемещаясь на следующий. Таким образом, в конечном счете, каждому удалось просушить свою одежду и жизнь виделась в более ярком свете.

Большой проблемой хижины было отсутствие света. Брезентовые стены были покрыты сажей, а сугробы, накапливающиеся вокруг, делали жизнь ее обитателей государством вечной тьмы. Лампы, изготовленные из банок сардин и кусков хирургических бинтов в качестве фитилей и наполняемые тюленьим жиром в качестве горючего, кстати, считавшимся большим деликатесом, были скорее средством сохранения ограниченных запасов спичек, нежели осветительными приборами.

Уайлд стал первым, кто решил эту проблему, вшив в брезент стены стеклянную крышку

хронометра. Позже добавили еще три окошка, материалом для которых стали пластиковые панели моих фотографических пластин, которые я оставил в вещмешке. Это позволило обитателям пола, кто находился рядом, читать и шить, значительно разнообразив их времяпрепровождение.

“Наша библиотека состояла из двух книг стихов, “Экспедиции Норденшёльда”, одного или двух порванных томов “Энциклопедии Британника” и поваренной книги, принадлежавшей Марстону. Наша одежда, и так никогда не выглядевшая презентабельно, несла отпечатки почти десяти месяцев грубого использования и нуждалась в постоянной починке, чтобы сохранить ее хоть как-то.”

Поскольку пол хижины поднимался за счет добавления очищенной гальки, с которой убирали большую часть снега, то в холодную погоду он оставался сравнительно сухим. Когда, однако, температура поднялась чуть выше нуля, что иногда случалось, хижина превратилась с дренажный колодец для всех окружающих ее возвышенностей. Уайлд первым заметил это, отметив однажды утром, что его спальный мешок находился практически на плаву. Остальные обнаружили свои спальные места в схожем состоянии и, поэтому, операция по откачке воды началась незамедлительно. С пола были убраны камни и выкопано большое отверстие, в мрачной глубине которого стремительно накапливалась вода. Используя для откачки котелок, они вычерпали свыше 100 галлонов грязной воды. На следующий день были вычерпаны еще 150 галлонов, а ночью пришлось даже вставать на дежурство, еще более 160 галлонов были вычерпаны в течение последующих суток, один человек патетически заметил в своем дневнике: *“Вот что означает для нас приятная, мягкая, высокая температура, не зря мы предпочитаем холод.”* В конце концов, разобрав часть стены, ребята прорыли длинный канал, доходивший почти до моря, тем самым полностью решив эту проблему. Дополнительные меры предосторожности предпринимались путем откапывания снега, который окружал хижину после каждой метели, а иногда и полностью покрывал ее.

Огромный ледник, впадающий в залив позади хижины, постоянно угрожал партии. Колоссальные глыбы льда весом во многие тонны с завидной периодичностью откалывались и падали в море, вызывая огромные волны. Однажды Марстон находился вне хижины, отрывая киркой на обед замороженного тюленя, когда услышал грохот *“наподобие артподготовки”*. Посмотрев вверх, он увидел одну из этих огромных волн, более тридцати футов высотой, надвигавшуюся через залив и угрожавшую смыть хижину и ее обитателей в море. Поспешно выкрикнутое предупреждение заставило людей высыпать наружу, но, к счастью, лед, заполнявший бухту, погасил мощь волны настолько, что, хотя она и затекла под хижину, но ничего не унесла. Бежать было особо некуда, и поэтому, если бы их смыло в море, то уже ничто не смогло бы их спасти.

Постепенно они стали привыкать к тьме и грязи, и некоторые записи в их дневниках отображают, как они воспринимали условия, в которых жили.

“Хижина становится грязнее день от дня. Все покрыто сажей. Мы достигли предела, за которым дальнейшая копать от плиты, ламп, и уже с ними незаметна. По крайней мере, приятно чувствовать, что мы сами не такие же грязные. Наш галечный пол едва ли вынесет испытание светом без дрожи и выражения неодобрения его состоянием. Жир, смешанный с оленьим ворсом, кусочками мяса, осокой и пингвиными перьями цементировал камни. Время от времени у нас происходит уборка, но свежая поставка напольного покрытия не всегда возможна, так как вся галька замерзла и похоронена под

снегом в глубине косы. Таков наш Дом, Родимый Дом.”

“Все суставы ноют от пребывания на жестком щепнистом полу, на котором устроены наши постели.”

Чуть позже, тот же снова пишет: “Теперь, когда сквозь окно Уайлда в нашу хижину проникает свет, то можно начать "видеть" вещи изнутри. Ранее один полагался на осязание, ориентируясь по замечаниям тех, на чьи лица непреднамеренно наступал, продвигаясь к двери. Глядя вниз, в полумрак, в дальний конец, можно заметить два очень маленьких дымных факела, тускло освещающих пятерых, старающихся скоротать время в чтении или болтовне. Это Маклин, Керр, Вордье, Хадсон и Блэкбороу - последние два инвалиды.”

“Центр хижины заполнен ящиками, которые служат кроватями поваров, разделочными столами для мяса, ворвани и засохших объедков, которые Лиз хранит в своем спальном мешке. Ближе к концу занятого плитой места по одну сторону расположились Уайлд и Маклрой, Хёрли и Джеймс по другую. Марстон почти всю ночь и день занимает гамак, который свисает напротив входа. Так как он очень большой, а вход очень маленький, об него неизменно ударяются все, кто входит и выходит. Его словарный запас в этот момент занятен.”

“На чердаке, образованном двумя перевернутыми лодками, живут десять очень неопрятных и неряшливых жильцов, которые постоянно роняют сапоги, рукавицы, а также другие предметы одежды на людей внизу. Олений ворс непрерывным дождем сыпется днем и ночью при каждом движении, которые они совершают в своих линяющих спальниках. Он вместе с пингвиными перьями и песком с пола иногда приправляет наш хуш. Слава Богу, что человек приспособляющаяся ко всему скотина! Если мы и дальше проживем достаточно долго в этой хижине, то, скорее всего, изменим свой способ передвижения, высота потолка четыре фута и шесть дюймов в самой высокой части заставляет нас ходить согнувшись пополам или на четвереньках.”

“Наш вход - только что вполз Читам, вызвав снежный душ, обычное при этом явление. Когда кто-то хочет выйти, он развязывает шнур, завязывающий дверь, и выползает или выскальзывает наружу, восклицая: "Слава Богу, я на свежем воздухе!" Этого должно быть достаточно, чтобы описать атмосферу внутри хижины, одно занятно, всегда такая зарядка пересиливается аппетитным запахом готовящегося пингвиньего мяса.”

“Отовсюду свисает странная коллекция жирной одежды, развешанная для просушки, мимо которой каждый пролезает, словно цыпленок в инкубатор. Наши брезентовые стены, надо признать, настолько же светлы, насколько светло от закрытых жалюзи. Это поразительно, как мы свыкаемся с неудобствами и терпим привычки, которые еще некоторое время назад расценивались как отвратительные. У нас нет вилок, но у каждого есть нож и ложка, последние у многих вырезаны из кусков крышек ящика. Нож служит многим целям. Им мы убиваем, снимаем кожу, разделяем тюленей и пингвинов, нарезаем на полоски жир для огня, тщательно очищаем от снега стены нашей хижины, а потом, после небрежной протирки жирной пингвиньей кожей, используем для еды. Мы безразличны к грязи как эскимосы. Мы не можем помыться с тех пор, как оставили корабль почти десять месяцев назад. У нас нет мыла или полотенца, с собой брали только самое необходимое, но опять же, даже если бы мы обладали таковыми вещами, наш запас топлива позволяет только натопить достаточно льда для питья. Умойся хоть один

человек, полдюжины других останутся без воды на целый день. Никто не может сосать лед, чтобы облегчить жажду, при такой низкой температуре на губах появляются трещины и на языке волдыри. Но все равно нам всем очень весело”.

За все время их пребывания на острове Элефант погода по описанию Уайлда была *“просто ужасной”*. Зажатые на узком песчаном пляже в окружении высоких гор они видели скудный солнечный свет лишь в течение редких прояснений неба. Большинство дней воздух был наполнен снежной крупой, сдуваемой с прилегающих высот. Остров Элефант лежит практически на внешней границе зоны паковых льдов и ветры, которые проносятся над сравнительно теплым океаном, прежде чем достигнут его, превращаются в *“постоянную пелену тумана и снега”*.

25 апреля, в день, когда я отправился к Южной Джорджии, остров окружил тяжелый паковый лед, начался снег и поднялся туман. Следующий день был спокойнее, но 27-го, как записано в одном из дневников, началась *“самая ужасная погода, которую только можно представить. Весь день и ночь шел дождь, сопровождаемый тяжелыми порывами ветра. Промокли до нитки.”* Еще на следующий день стало туманно и слякотно, а затем началась выюга. Апрель закончился ужасной бурей, которая почти разрушила хижину. Единственная оставшаяся палатка была снята, колья убрали, а ее обитатели пролежали всю ночь на земле под ледяным брезентом. Буря продолжилась в мае и типичный майский день описывается следующим образом: *“днем ужасающий ветер, угрожающий смести наше убежище. Ветер чередуется с ураганскими порывами, которые налетают с ледников на юго-юго-западе от нас. Каждый порыв ветра сопровождается приближающимся низким гулом, который усиливается до оглушительного грохота. Сдувает и снег, и камни, а любую вещь, не прижатую очень тяжелыми камнями, уносит в море”*.

Тяжелые пучки водорослей и ящики из-под кухонных принадлежностей были подняты в воздух и унесены прочь. Однажды ветер унес подстилку под днище палатки, которую держали шесть человек, вытряхивая снег. Эти порывы часто возникали без предупреждения. Хасси находился снаружи во время бури, выкапывая замороженное мясо, когда порыв ветра подхватил его и понес вниз косы в сторону моря. К счастью, когда он достиг мягкого песка и гальки ниже ватерлинии, ему удалось зарубиться киркой и удержаться за нее обеими руками до окончания шквала.

Один или два раза выдались красивые, тихие, ясные дни. Отблески заходящего солнца на горах и ледниках наполнили даже самых инфантильных из них удивлением и восхищением. Такие дни иногда сменяли спокойные ясные ночи, и тогда, хоть было и холодно, они оставались на песчаном пляже всю ночь.

Примерно в середине мая началась чудовищная буря, дувшая со скоростью от шестидесяти до девяноста миль в час, и Уайлд испытывал неподдельные опасения за хижину. Любопытной особенностью, наблюдаемой во время этой выюги, стали швыряемые ветром ледяные пласты около четверти дюйма толщиной, такие же большие, как оконные стекла, которые делали нахождение снаружи столь же опасным, как в лавине из осколков стекла. И все же эти ветры с юга и юго-запада, хотя неизменно и сопровождались снегом и низкой температурой, были приятны тем, что относили паковый лед вдаль от острова, даря каждый раз надежду на спасение. Северо-восточные ветры, с другой стороны, наполняли залив льдом и приносили плотный туман, убивая надежду на то, что какое-либо судно приблизится к ним.

К концу мая установился период затишья, и лед плотно сковал все вокруг острова. С

ним пришли северо-восточные ветра и туманы, а в начале июня началась юго-западная буря и пошел снег. “*Ночью буря усилилась до ужасающих порывов, вызывая серьезное беспокойство за безопасность нашей хижины. Никто не спал, все опасались за срывающуюся брезентовую крышу и лодки, которые норовило сдуть в море.*”

Таким образом, жизнь протекала в череде между юго-западными выюгами, когда все сидели в хижине, и северо-восточными ветрами, приносящими холодную, сырую и туманную погоду.

25 июня был отмечен сильный шторм с северо-запада, сопровождавшийся сильными ветрами и волнами, вторгающимися на небольшой песчаный пляж, и не достигающих всего четырех ярдов до хижины.

В конце июля и начале августа выдались несколько хороших, спокойных и ясных дней. Отмечались случайные проблески солнца и высокая температура, а юго-западный ветер отогнал лед, и партия, чей дух подогревался неунывающим оптимизмом Уайлда, снова стала с нетерпением высматривать спасательное судно.

Первые три попытки спасения, к сожалению, совпали с тем временем, когда остров был окружен льдом, и хотя во второй раз мы подошли к нему достаточно близко, чтобы сделать выстрел в надежде на то, что они услышат его и поймут, что мы в безопасности, но они так привыкли к шуму, производимому откалывающимися прилежавшими ледниками, что либо не расслышали его, либо не обратили на него внимание. 16 августа пак был виден на горизонте, а на следующий день залив заполнился разорванным льдом, который вскоре консолидировался. Вскоре к нему добавились огромные старые льдины и много айсбергов. *«Пак казался плотнее, нежели даже выглядел. Никакой открытой воды в пределах видимости и лишь отблески льда до самого горизонта. Погода плохая, спокойствие воздуха подобно застывшему океану, последний невидим из-за плотного пака, сквозь который не проникает волнение, а над землей и морем висит, словно пелена, мокрый туман. Тишина удручающая. Ничего не остается делать, как только оставаться в спальном мешке или же бродить по мягком снегу и насквозь промокнуть.»* В ближайшие сутки выпало пятнадцать дюймов снега и еще более двух футов с 18 по 21-е августа. Легкое волнение с северо-востока на следующий день немного размежевало паковый лед, но вскоре стихло, и пак снова стал плотным. 27 августа задул сильный запад-юго-западный ветер и выгнал весь лед из бухты, за исключением нескольких сидящих на мели айсбергов, и освободил море ото льда, сквозь которое, в итоге, мы смогли пройти из Пунта-Аренас до острова Элефант.

Как только я покинул остров, отправившись за помощью для оставшейся партии, Уайлд организовал всех собрать как можно больше тюленей и пингвинов на тот случай, если остаться на острове придется дольше, чем предполагалось. Резкое повышение температуры вызвало массу проблем, а также стало причиной порчи мяса, поэтому слишком больших его запасов сделать не удалось.

Поначалу питание, состоявшее в основном из тюленьего мяса и одного горячего напитка в день, готовили на печи на открытом воздухе. Снег и ветер делали готовку очень неприятной и, кроме этого, забивали все кухонные принадлежности песком и грязью, поэтому зимой пищу стали готовить внутри хижины.

Удалось сохранить немного церебосовской (Cerebos) соли, и ее выдавали по три четверти унции на человека в неделю. Некоторые из ее упаковок были повреждены, поэтому до полноценной дозы ее не хватало. С другой стороны, как то раз один человек выронил свой недельный рацион на пол хижины посреди камней и грязи. Он был быстро собран, и

тот, к своему восхищению, обнаружил, что теперь ее хватит на три недели. Конечно же это было не ВСЕ соль. Горячий напиток поначалу состоял из молока, изготовленного из молочного порошка и разбавленного примерно до одной четверти от нормы. Позже он разбавлялся еще сильнее, и иногда заменялся питьем, приготовленным из упаковок горохообразного супа из бовриловских санных пайков. Для празднования дня середины зимы добавили по одной чайной ложке метилового спирта на пинту горячей воды, приправленной немного имбирем и сахаром, и это напомнило некоторым коктейль *Вдова Клико*.

На завтрак каждому полагался кусок тюленины или половина пингвиной грудки. Ланч состоял из одного сухаря три дня в неделю, орехов по четвергам, немного жира, из которого большая часть шла на топливо для ламп, по два дня в неделю, и ничего на оставшийся день. В этот день (*середины зимы, прим.*) завтрак состоял из половины пайка санного рациона. Ужин из тюленей и пингвинов, очень мелко нарезанных и пожаренных в тюленьем жире.

Существовали иногда очень забавные вариации этого меню. Несколько пэдди (*белая ржанка, прим.*) – маленьких белых птиц, похожих на голубя – были пойманы силком и поджарены в размоченном сухаре на обед. Удалось сберечь достаточно ячменя и гороха на одну готовку на каждого, и когда все это приготовили, то это стало днем большого праздника. Иногда, по общему согласию, сохраняли норму полагавшихся сухарей и на следующий раз двойную порцию мололи в брезентовом мешке в порошок и варили с небольшим количеством сахара, делая что-то типа пудинга. Когда жира было достаточно, то всегда делали кастрюлю холодной воды из растопленных кусков льда, упавших в море с ледника и выброшенных на берег, чтобы утолить жажду. Опыт арктических исследований склоняется к тому, что снег, образованный из морской воды, вызывает дизентерию, и поэтому Уайлд старался его не использовать. В тоже время, пингвины туши, сваренные однажды в морской воде в пропорции одной к четырем с пресной, имели огромный успех, и никаких негативных последствий ни у кого не вызвали.

Очковые пингвины мигрировали на север на следующий день после того, как мы высадились на мысе Уайлд и, хотя всякий раз, насколько это было возможно, мы стремились запасти как можно больше мяса и жира, к концу зимовки их запасы были так малы, что готовилось только одно горячее блюдо в день. На завтрак готовилась сразу двойная порция пингвинов и ту, что шла на ужин, держали в горячих котелках, завернутых в одеяла и т.п. *“Кларк положил сегодня нашу полную кастрюлю в свой спальный мешок, чтобы держать ее горячей, и это действительно был большой успех, несмотря на дополнительную приправу из оленьих волос, которые в нее попали. Таким образом, мы можем сберечь десять пингвиных шкур за день”.* (ск. всего им. в виду жир на топливо, прим.)

Некоторые, кому посчастливилось поймать пингвинов с достаточно большими неперевавленными рыбами в глотках, подвешивали рыб на кусках проволоки в банках вокруг печки для подогрева.

“Все мясо, предназначенное для хуша, резали внутри хижины, так как слишком холодно снаружи. Доски, которые мы используем для этой цели также использовались для резки табака, когда он еще у нас был, его характерный вкус иногда добавлялся к хушу, к слову, делая его еще вкусней.”

Позже их диета состояла практически только из мяса, и то в небольших количествах, все дневники свидетельствуют о жажде углеводистой пищи, такой как мука, овсянка и т.п. Один человек, с тоской упоминал капусту, которая растет на острове Кергелен. К 18 июня оставалось только девятьсот кусков сахара, то есть немногим более сорока штук на каждого.

Даже мои читатели знают, означает дефицит сахара вообще, а еще и в таких условиях. Поэтому не удивительно, что все их мысли и разговоры будут крутиться вокруг еды, прошлых и будущих застолий.

Каждый по очереди спрашивал остальных, что бы он хотел съесть в данный момент, если бы было возможно получить все, что он хотел. Все, за одним исключением, хотели жирного пудинга на вроде “дафф”, столь любимого моряками. Маклин не раз спрашивал об омлете, поджаренном на горячем масле. Несколько отдали предпочтение “*потрясающим Девонширским пельменям*”, в то время как Уайлд хотел “*любых старых пельменей, одинаково длинных и толстых*”. Жажда углеводов, таких как мука и сахар, была очень сильна. У Марстона была с собой небольшая карманная кулинарная книга. Из нее он зачитывал по одному рецепту каждую ночь, чтобы продлить ее чтение. Книжица обсуждалась очень серьезно, в рецепты предлагались изменения и улучшения, а затем они заворачивались в свои спальники помечтать о тех замечательных блюдах, которые они никогда не смогут получить. Следующий разговор был записан в одном дневнике:

“Уайлд: Ты любишь пончики?”

“Маклрой: Скорее да!”

“Уайлд: Очень легко делаются к тому же. Я люблю их холодными с небольшим количеством джема.

“Маклрой: Не плохо, а как насчет огромного омлета?”

“Уайлд: Прекрасно! (с глубоким вздохом).

“Над головой двое матросов обсуждают, насколько необыкновенна смесь рагу, яблочного соуса, пива и сыра. Марстон в своем гамаке читает свою карманную кулинарную книгу. Далее внизу кто-то воспекает Шотландский корж. Несколько матросов с большим воодушевлением говорят о пироге с изюмом, пироге мясном и Локхартах. Кто-то упоминает орехи, после чего беседа становится общей, и мы все сразу решили купить их по фунту, как только доберемся до цивилизации и отправиться по домам, чтобы безмятежно погрызть. В настоящее время мы действительно думаем только об этом!”

День Середины зимы, великий полярный праздник, отметили должным образом. Был накрыт “*волшебный завтрак*” из полного санного рациона, хорошо проваренный для густоты с молоком. Обед состоял из чудесного пудинга, изобретенного Уайлдом из порошка сухарей и сваренного с двенадцатью кусками заплесневевших орехов. Ужин состоял из мелко нарезанной тюленины, приправленной сахаром.

После ужина состоялся концерт под аккомпанемент Хасси и его “*незаменимого банджо*.” Это банджо было последней вещью, которую мы спасли с корабля, прежде чем он затонул, и я оставил его как важный психический стимулятор. Оно прошло с нами весь путь и практически невредимым добралось до самого Элефанта, и сыграло значительную роль в поддержании духа команды. Почти каждую субботу по вечерам состоялся концерт, где каждый исполнял песню о каком-нибудь участнике партии. Если тому, о ком пелось, не нравились некоторые куплеты, они переписывались к следующей неделе.

Коку, который долго и хорошо выполнял свои обязанности, с 9 августа дали отдохнуть и каждый встал в очередь быть коком в течение недели. Так как повар и его “помощник” имели привилегию соскребать с котелков остатки еды, то эта миссия вызывала некоторые опасения, если их места займут те, у кого прекрасный аппетит. “*Последний спирт выпили 12 августа, сначала за здоровье Короля, затем за ‘возлюбленных и жен’ и ‘Босса и команду Кэрда’, его разбавляли в горячей воде с имбирем каждый субботний вечер.*”

Пингвины и тюлени, которые мигрировали на север в начале зимы еще не вернулись, возможно припай толщиной в шесть футов, окружавший косу, препятствовал их высадке на берег, но так или иначе пищи не хватало. Были откопаны старые выброшенные тюленьи кости, которые тушили с морской водой. Пингвины скелеты использовали аналогично. В лужах, которые образовывались между скалами ниже уровня прилива после того, как относило паковый лед, собирали моллюсков. Собирать этих маленьких моллюсков было очень холодно, так как каждый раз приходилось полностью погружать руку в ледяную воду, а их требовалось очень большое количество, чтобы приготовить хоть что-нибудь съестное. К быстро уменьшавшимся запасам мяса тюленей и пингвинов добавляли сваренные в морской воде водоросли. С этим были согласны далеко не все. Хотя те и признавали, что это очень вкусно, но отмечали, что это только распаляло их аппетит, штуку серьезную, особенно когда нечем было его удовлетворить! Один человек отметил в своем дневнике: *“Сегодня была роскошная еда, почти пять унций твердой пищи каждому.”*

В значительной степени благодаря Уайлду, его энергии, инициативе и изобретательности в партии все время поддерживался высокий моральный дух и она прошла сквозь выпавшие испытания без потерь. При содействии двух хирургов, докторов Маклроя и Маклина, он пристально следил за здоровьем каждого из них. Его не оставлял неунывающий оптимизм даже когда еда была очень скудна, а перспективы спасения туманны. Каждый в своем дневнике с восхищением отзывается о нем. Я без тени сомнений считаю, что вся команда, которая находилась на острове Элефант, обязана своей жизнью ему. Духам уныния не было места рядом с ним, не довольствуясь *“разговорами”* он *“делал”* столько, сколько мог, а зачастую больше чем мог. Он проявил прекрасные качества лидера и более чем оправдал мою в нем абсолютную уверенность. Хасси со своей жизнерадостностью и своим банджо сыграл еще одну очень важную роль в пресекании любых тенденций к упадничеству.

После того, как они поселились в своей хижине, здоровье команды было довольно хорошим. Конечно, все они были довольно слабы, у некоторых кружилась голова, все были обморожены, у некоторых позже были проблемы с сердечной недостаточностью. Блэкбороу, который сильно обморозил пальцы на ногах во время перехода на лодках, нуждался в ампутации пяти из них прямо на острове. Немногочисленным инструментом, что был в наличии, без надлежащей стерилизации, операцию провели прямо в темноте и грязи хижины, отапливаемой только жировой печью, и это многое говорит о мастерстве и инициативе хирургов. Я рад возможности сказать, что операция прошла очень успешно, и после небольшого лечения, очень любезно оказанного чилийскими врачами в Пунта-Аренас, он полностью восстановился и теперь ходит лишь слегка прихрамывая. Хадсон, который заработал бронхит и болезнь бедра (*что-то типа артрита, прим.*), практически выздоровел к моменту спасения партии. Все следы сильных обморожений, полученных в путешествии на лодках, исчезли, хотя на некоторых и оставались пятна от недавних поверхностных обморожений. Все, естественно, когда спаслись, были слабы, в связи с тем, что долго сидели на мизерных пайках, но все были живы и очень веселы, благодаря Фрэнку Уайлду.

30 августа 1916 года описывается в их дневниках как *“день чудес”*. Еды было очень мало, оставался всего двухдневный запас мяса, а перспектив его пополнить не было. Вся партия собирала моллюсков и водоросли, чтобы есть их с тушеными костями тюленя. Уайлд готовил обед, Хёрли и Марстон находились снаружи, еще раз напоследок пронзительно вглядываясь в направление, где ожидали увидеть корабль. Через две недели после того, как я покинул остров, Уайлд каждый день начал сворачивать свой спальный мешок, приговаривая

при этом: “Держите вещи наготове, парни, сегодня может приехать Босс”. И, как это бывает, однажды туман поднялся и показалось судно, которого они так долго и с такой надеждой ждали в течение четырех месяцев. “Марстон был первым, кто заметил его и немедленно прокричал: “Корабль!” Обитатели хижины приняли этот крик за команду “Обеда!” и сперва не откликнулись. Вскоре, тем не менее, мы услышали стук его быстро барабнящих по снегу шагов и, задыхаясь, дрожащим, хриплым от волнения голосом он крикнул: “Уайлд, там корабль! Не лучше ли зажечь огонь?” Мы все как один ринулись к нашей узкой двери. Те, кто не мог пролезть, в спешке и волнении срывали брезент стен. Горшки с нашими драгоценными моллюсками и водорослями были опрокинуты стремительным порывом. Мы увидели огибающий остров небольшой корабль, плывущий под флагом Чили.”

“Мы пытались кричать, но волнение сковало наши голосовые связки. Маклин бросился к флагиштоку, ранее установленному в наиболее видном месте на ледовом склоне. Подъемный механизм не работал, а сам флаг от мороза превратился в твердую компактную массу, поэтому в качестве сигнала он привязал свой свитер к макушке флагиштока.”

“Уайлд пробил киркой нашу последнюю банку горючего, намочил им куртки, рукавицы и носки, отнес их на вершину Пингвин Хилл в конце косы и вскоре они горели.”

“Между тем, большинство из нас собралось на берегу, беспокойными глазами наблюдая за малейшими признаками того, что на корабле нас заметили или за любыми ответными сигналами. Пока мы стояли и смотрели, он, казалось, отвернул, словно не заметив нас. Вновь и вновь мы кричали “ура”, хотя наши слабые крики могли, конечно, быть не слышны так далеко. Внезапно он остановился, была спущена шлюпка, и мы узнали фигуру Сэра Эрнеста, когда он спускался по трапу. Одновременно мы взорвались приветственным ревом, а потом один сказал другому: “Слава Богу, Босс спасся”. Ибо я думаю, что его спасение было более важным для нас, чем наше собственное.”

“Вскоре лодка подошла достаточно близко, и Босс, стоявший на носу, крикнул Уайлду: “Вы целы?” На что тот ответил: “Все живы, все хорошо.” и мы увидели улыбку, озарившую лицо Босса, когда он произнес: “Слава Богу!”

“Прежде чем причалить, он бросил на берег горсть сигарет и табак, и курильщики, которые в течение двух месяцев пытались найти утешение, заменяя его водорослями, дроблеными трубчатыми костями, мясом тюленя и осокой жадно на них набросились.”

“Блэкбороу, который не мог ходить, перенесли к высокой скале и, оперевшись на свой спальный мешок, он мог смотреть на эту замечательную сцену.”

“Вскоре мы влезли в лодку, и чилийские матросы, посмеиваясь над нами, источали такое же удовлетворение нашим спасением, как и мы сами. Лодка возвращалась еще не менее двух раз и через час с момента, когда мы впервые заметили корабль, мы направлялись на север к внешнему миру, из которого не имели никаких известий с октября 1914 года, более двадцати двух месяцев. Мы словно люди, пробудившиеся от долгого сна. Мы пытаемся приобрести внезапную перспективу, которую остальной мир приобрел постепенно за два года войны. Произошло много событий, о которых мы никогда не слышали.”

“Наша первая еда, из-за общей слабости и атрофированному состоянию желудков оказалась бедствием для многих. Хотя вскоре они восстановились. Наши кровати были устроены на матрасах и диванчиках, однако вахтенный офицер любезно предоставил двоим из нас свою койку. Я думаю, мы очень мало спали этой ночью. Было просто божественно

лежать и слушать грохот двигателей вместо треска ломающихся льдин, шума прибоя о покрытый льдом берег или завывание вьюги.”

“Мы намерены сделать 30 августа праздником на всю оставшуюся жизнь.”

Вы, читатели, наверное, можете представить себе мои чувства, когда я стоял в маленькой каюте, наблюдая, как едят мои спасенные друзья.

ГЛАВА XIII

ПАРТИЯ В МОРЕ РОССА

А сейчас я перехожу к удачам и неудачам партии в море Росса и *Авроры*. Несмотря на чрезвычайные трудности, возникшие в связи с относом *Авроры* от места зимовки, с нее успели выгрузить достаточное количество продовольствия и снаряжения, и капитан Энеас Макинтош и партия под его командованием выполнила задачу, поставленную этой части экспедиции. Склады с продовольствием, основная задача партии, были заложены в указанных мною местах, и если бы трансконтинентальной партии повезло пересечь материк, то она нашла бы помощь в виде забросок, которые были жизненно важны для успеха всего предприятия. Вследствие недостатка продовольствия, одежды и санного снаряжения, забросочная команда была вынуждена передвигаться более медленно и с бОльшими трудностями, чем изначально предполагалось. В результате оказалось, что в этом путешествии потребуются невероятная стойкость, самопожертвование и терпение и, читая последующие страницы, вы поймете, что все это было не зря. И потому более чем прискорбно, что после стольких месяцев тягот и лишений пропадут без вести Макинтош и Хейворд. Примером для всех стал Спенсер-Смит, которого в течение долгих дней тащили на санях его товарищи, который страдал, но никогда не жаловался. Макинтош и Хейворд своими жизнями в том путешествии обязаны неустанной заботе и напряженным усилиям Джойса, Уайлда и Ричардса, которые, также пораженные цингой, но чуть более здоровые, нежели их товарищи, смогли вынести их на себе сквозь метели и глубокие снега. Я думаю, что нет более поразительной истории о силе человека, чем повествование о том долгом походе, который я собрал из различных дневников. К сожалению, дневник руководителя этой части экспедиции пропал вместе с ним. Самой яркой страницей истории партии в море Росса стало, несомненно, путешествие, проделанное этими шестерыми. Более ранние походы не выявили явных лидеров среди членов команды. Макинтошу повезло, что в том долгом путешествии с ним были эти три человека: Эрнест Уайлд, Ричардс и Джойс.

Прежде чем приступить к приключениям этой партии, я хочу здесь, на этих страницах внести ясность, насколько я ценю помощь, полученную как в Австралии, так и в Новой Зеландии, особенно в последнем доминионе. Думаю, что для моих многих друзей не станет оскорбительным, если я особо упомяну Леонарда Триппа, который на протяжении многих лет был моим наставником, консультантом и другом, и кто, когда экспедиция оказалась в опасности, отдал все свои силы, знания и время в интересах нашего общего дела. Я также должен поблагодарить Эдварда Сондерса, который уже во второй раз сильно помог мне в подготовке экспедиционных записей для публикации.

Правительству доминиона я выражаю свои самые теплые слова благодарности.

Жителям Новой Зеландии и тем многим друзьям, столь многочисленным, чтобы упомянуть здесь всех, которые помогли нам, когда удача была не на нашей стороне, я хочу сказать, что их доброта в моей неуывающей памяти. Если у кого и есть причины быть благодарным за помощь в те смутные дни, так это у меня.

Аврора под командованием капитана Энеаса Макинтоша отплыла из Хобарта в море Росса 24 декабря 1914 года. Корабль был доукомплектован в Сиднее, где федеральное и правительство штата оказали щедрую помощь и он мог, если будет необходимо, провести два года в Антарктике. Мои инструкции капитану Макинтошу вкратце состояли в том, чтобы проследовать в море Росса, в удобном месте в или рядом с проливом Мак-Мёрдо организовать базу, сгрузить припасы и снаряжение и заложить склады на шельфовом леднике Росса (*Большой Ледовый Барьер, далее Барьер*) в направлении ледника Бирдмора (*Beardmore Glacier*) для использования партией, которую я собирался провести по суше от побережья моря Уэдделла. Эта программа включала несколько продолжительных санных походов, но маршрут был известен, и я не ожидал, что эта работа будет сопряжена с какими-то великими трудностями. На *Авроре* находились материалы для хижины, снаряжение для береговых и санных партий, все необходимые припасы, одежда и достаточный запас саней. Также были собачьи упряжки и один трактор. Я сказал капитану Макинтошу, что в случае, если высадка на побережье моря Уэдделла окажется неожиданно легкой, то возможно трансконтинентальное путешествие будет предпринято в сезоне 1914-15 и, стало быть, на него возлагается задача заложить склады немедленно после прибытия на базу. Я указал ему место закладки продуктов питания и топлива на 80-м градусе в 1914-15 и возведения гурья с флагами, как руководства для санной партии, приближающейся со стороны полюса. Остальные склады дальнего юга следует организовать летом 1915-16 годов.

Аврора без приключений отправилась на юг. 25 декабря, на Рождество, она бросила якорь на острове Маккуори. Ретранслятор, построенный Австралийской Антарктической экспедицией Сэра Дугласа Моусона, можно было увидеть на вершине к северо-западу от хижины у подножия холма. Саму хижину занимал персонал метеостанции и позже, в тот же день, метеоролог господин Таллоч (Tulloch) поднялся на корабль и поужинал на борту. На *Авроре* находились некоторые грузы для партии на острове Маккуори и в последующие дни их на лодках переправили на берег. Берег представлял собой грубый, покрытый водорослями пляж, на котором лежали останки новозеландского барка *Клайд*. Якорная стоянка на острове Маккуори ненадежна и несколько морских судов, занятых в тюленьем и китобойном промысле оставили свои остовы на его скалистых берегах, где грелись большие стада тюленей и морских слонов. *Аврора* вышла с острова 31 декабря, а три дня спустя с нее заметили первый плоский айсберг (*столообразный по современной номенклатуре*), возвышающийся на 250 футов над уровнем моря. Это произошло на 62-м градусе 44 секунде южной широты и 169 градусе 58 секунде восточной долготы. На следующий день, на 64°27'38" ЮШ *Аврора* прошла через первый пояс пакового льда. 7 января в 9 часов утра в семидесяти пяти милях показалась вершина Сабина (*Mount Sabine*), могучий пик Хребта Адмиралтейства на Земле Южная Виктория.

Изначально предполагалось, что зимой на мыс Крозье (*северная оконечность острова Росса*) с базы будет ходить отряд из трех человек, чтобы добывать яйца императорских пингвинов. Корабль зашел на мыс Крозье сгрузить часть провизии и возвести небольшую хижину из фибро-бетонных панелей для использования этой партией. Корабль подошел к мысу в полдень 9 января и с него спустили лодку со Стенхаусом, Коупом, Джойсом,

Ниннисом, Маугером и Айткеном для поиска места высадки. “Мы направились в сторону Барьера” - написал Стенхаус, “и нашли вход, ведущий в большую бухту к востоку от него. Мы безуспешно попробовали подняться на крутой припай под скалами, а затем проследовали в изголовье бухты. Пройдя вдоль отвесно возвышающегося льда, мы повернули к ледяным утесам и уткнулись в тупик, в конце которого находился грот. В гроте и на снежном карнизе сидели несколько пингвинов Адели. Великолепные зеленые и голубые оттенки льда делали картину настолько нереальной, словно постановочной. Возвращаясь вдоль края бухты, мы поймали и убили одного пингвина, другой заставил нас повозиться, он прыгнул в нишу во льду, и лишь после долгого скваканья был извлечен багром и схвачен. Мы вернулись к месту высадки очень вовремя, ибо только успели уйти за карниз, на котором висел Ниннис, пытаясь поймать пингвина, как тот откололся, и кусок весом в сотни тонн упал в море.”

“Как только мы оставили корабль, с юга пришел туман, и когда мы вернулись обратно ко входу в бухту, корабль был едва различим. Мы нашли подъем на припай, Джойсу и мне удалось с помощью рубки ступеней взобраться на засыпанную обломками скал кромку между утесами и льдом, которая, как мы думали, сможет вывести в окрестности гнездовья императорских пингвинов. Я отправил на корабль шлюпку передать капитану сообщение о нашей неудаче найти место для установки хижины, а затем вместе с Джойсом пошел вдоль узкой полосы земли между скалами и льдом на юг в надежде найти пингвиний грачовник. Мы прошли около мили вдоль подножия скал по холмистым тропам, иногда осторожно спускаясь вниз по промоинам, а затем по камням из обломков скал, упавших с отвесно возвышающихся над нами утесов, но не увидели никаких признаков гнездовья или другого места, где оно могло бы быть. Близко к скалам и отделенный от них проходом, по которому мы шли, ледник в своем движении к морю имел разрывы и признаки сжатия. Увидев впереди поворот, который, как мы думали, возможно выведет нас к лучшей точке обзора, мы прошли вперед и были вознаграждены зрелищем, которое Джойс признал величайшим из тех, что когда-либо видел. Барьер упирался в скалы, и оттуда, откуда мы смотрели на него, казалось, что айсберги попадали в огромную пещеру и лежали там дикими нагромождениями. Глядя вниз на эту удивительную картину, я понял, насколько мы малы на фоне бесконечности природы.”

“Нас не могли долго ждать и, как бы не хотелось идти дальше, пришлось возвращаться назад. Я провалился в небольшую трещину, без последствий. Вернувшись назад, откуда отправили лодку, мы увидели, что она еще не вернулась, и поэтому сели под навесом и закурили, наслаждаясь чувством одиночества. Вскоре из тумана появилась лодка, и ее экипаж рассказал нам свежие новости. После того, как мы покинули судно, капитан попробовал подвести его поближе к барьеру, но, к сожалению, двигатели не смогли дать реверс, когда потребовалось сдать назад, и корабль врезался в край Барьера. Барьер здесь примерно двадцать футов высотой и утлегарь судна принял на себя основной удар. Когда я вернулся, Томпсон был занят починкой сломанной стрелы и снастей. К счастью, серьезных повреждений удалось избежать, но для Антарктики начало было плохим. На мысе Крозье нет места, откуда было бы возможно выгрузить хижину и припасы, поэтому построить здесь хижину мы должны зимой, что будет означать много дополнительных санных переходов от зимовья. Плохое начало, хороший финиш! Джойс и я полезли вверх в воронье гнездо, но не увидели с него открытых участков в Барьере к востоку, по которым судно могло бы пройти дальше на юг.”

Макинтош направился в пролив Мак-Мёрдо. Тяжелый паковый лед задержал корабль на три дня и только 16 января он дошел до мыса Эванс, где сгрузили десять тонн угля и девяносто восемь упаковок топлива. В течение следующих дней капитан Макинтош отвел *Аврору* южнее, и 24 января она находилась примерно в девяти милях от Хат-Пойнт. Там он пришвартовал корабль ко льду и приступил к организации санных походов. Это было его решение сразу начать закладывать склады и оставить вместо себя командовать *Авророй* первого офицера Льюита Стенхауса, предоставив последнему право выбора места для основной базы и береговой партии.

Первой целью был мыс Хат-Пойнт, на котором находилась хижина, возведенная экспедицией *Дискавери* в 1902 году. Передовая партия, состоявшая из Джойса (старшего), Джека и Гейза с собаками и полностью загруженными санями покинула корабль 24 января, Макинтош с Уайлдом и Смитом вышли на следующий день, а группа поддержки, состоящая из Коупа (старшего), Стивенса, Нинниса, Хейворда, Гука, и Ричардса вышла 30 января. У первых двух партий были собачьи упряжки. Третья партия взяла трактор, который не оказал хорошей помощи, на которую я так рассчитывал. В течение последующих недель всем партиям досталось изрядно. Люди, только что сошедшие с корабля, находились не в лучшей форме, то же самое относилось и к собакам. Было плохо, что их заставили работать сразу же по прибытии в Антарктику. Они пребывали в плохом состоянии и не были обучены для работы в команде. Закономерным результатом этого стала потеря многих собак, которая серьезным образом сказалась в следующем сезоне. Записи капитана Макинтоша о санных походах первых месяцев 1915 года достаточно полны. Они не позволяют проследить в деталях за состоянием других партий, но хотя люди и столкнулись со многими трудностями и опасностями, но шли по хорошо известным маршрутам, которые знакомы большинству читателей истории предыдущих экспедиций.

Капитан Макинтош и его партия оставила *Аврору* вечером 25 января. С ними были девять собак и одни тяжело нагруженные сани, стартовали быстро под аккомпанемент аплодисментов товарищей. Собакам так не терпелось поработать после затянувшегося заключения на борту корабля, что они припустились вперед на всей возможной скоростью и нужен был хоть один человек, который бы сидел на санях и умерял их темп. Макинтош надеялся достичь Хат-Пойнт ночью, но удача отвернулась от него. После того, как он прошел около пяти миль, разразилась непогода и снег, полностью заслонивший все ориентиры, вынудил его разбить лагерь на морском льду. На следующее утро видимость по-прежнему отсутствовала и партия, вышедшая после завтрака, сбилась с пути. “*Мы придерживались курса, на котором, как я себе представлял, находится Хат-Пойнт*” - записал капитан Макинтош в своем дневнике, “*но когда санный метрометр показал тринадцать миль пятьдесят ярдов, что на четыре мили превышало расстояние от судна до Хат-Пойнт, я решил остановиться. Поверхность значительно изменилась, а земли не было видно. Мы шли сквозь глубокий снег, сильно увязая в нем, собаки также не слишком радовались.*” Они вышли в полдень 27 января, когда достаточно прояснилось, чтобы увидеть землю и в 4 дня достигли *Хат-Пойнт*. Санный метрометр показал, что общее пройденное расстояние составило более семнадцати миль. Макинтош нашел в хижине записку от Джойса, который был там 25-го, и в ней сообщал, что одну из собак разорвали другие. В хижине были некоторые припасы, оставленные ранними экспедициями. Партия осталась в ней на ночь. Макинтош оставил записку для Стенхауса, указав тому оставить провизию в хижине на тот случай, если санные партии не вернутся вовремя. На следующее утро в

хижину вернулся Джойс. Он столкнулся с плохим состоянием льда и пришел обратно проконсультироваться с Макинтошем относительно маршрута, которым нужно было следовать. Макинтош велел ему держать на Черный Остров (Black Island), пересекая изголовье пролива напрямую от Хат-Пойнт.

Макинтош вышел из Хат-Пойнт 28 января. Он взял некоторое количество дополнительных припасов и упоминает, что сани теперь весили около 1200 фунтов. Это был тяжелый груз, но собаки тянули его хорошо, и он думал, что они справятся. Он столкнулся с трудностями почти сразу же после спуска по склону от мыса на морской лед, сани вязли в мягком снегу, партии пришлось уменьшить вес саней и переносить грузы до тех пор, пока они не достигли более лучшей поверхности. Появилась проблема с собаками, которые тянули сани абы как, общее пройденное в тот день расстояние составило около четырех миль. Погода стояла теплой, снег раскис. Макинтош решил, что будет лучше идти по ночам. Начавшийся снег задержал партию на весь следующий день и они не покидали лагерь почти до полуночи. *“Поверхность была отвратительно мягкой,”* писал Макинтош. *“Мы впрягались в сани и вместе с собаками прилагали невероятные усилия, пытаясь сдвинуть их с места. Мы еще не ушли далеко, когда намертво застряли в глубоком снегу. Мы пробовали и так и этак, но так и не смогли продолжить движение. Неохотно мы разгрузились и начали утомительное челночье. Работа, несмотря на облегченные сани, оказалась ужасной для нас и собак. Мы надрывались четыре часа, а затем поставили лагерь, чтобы дожидаться вечера, когда солнце не будет столь яростным, а поверхность, быть может, станет лучше. Я должен сказать, что чувствую себя несколько подавленным, так как мы не продвигаемся настолько хорошо, насколько я рассчитывал, мы не находим это дело столь легким, как можно подумать, читая книги.”*

Днем обе партии встретились. Джойс был также вынужден поочередно перетаскивать свой груз, все трудились усердно, но продвигались медленно. Они достигли края Барьера ночью 30 января и поднялись по пологому склону на его поверхность, поднимающуюся на высоту около тридцати футов над уровнем морского льда. Собаки проявляли признаки утомления, и когда Макинтош стал лагерем в 6.30 утра 31 января, он оценил пройденное за двенадцать с половиной часов расстояние в две с половиной мили. Мужчины убили тюленя на краю морского льда и положили мясо на гурий для использования в будущем. Одну собаку, отказавшуюся тянуть сани, оставили с хорошей порцией мяса, и Макинтош надеялся, что животное проследует за ними. То, с чем столкнулась партия в последующие дни, могут наглядно проиллюстрировать некоторые выдержки из дневника Макинтоша.

“Воскресенье, 31 января. Вышли в 3 дня. Поверхность слишком ужасна, что бы ее описать. Мы зачастую проваливаемся в снег по колени, собаки, выбираясь из него, задыхаются и прилагают огромные усилия. Я думаю, что мягкий снег, должно быть вызван феноменально теплым летом без сильного ветра. Прошли около 1000 ярдов. Я заметил справа по курсу несколько шестов. Мы пошли туда и обнаружили промежуточный лагерь капитана Скотта. Мы выгрузили там весь груз и вернулись с пустыми санями за второй частью. Нам потребовалось четыре часа на эту короткую дистанцию. Это раздражает. После того, как притащили вторую часть груза, пообедали. Мы порылись вокруг шестов, пока шел снег, и на глубине около трех футов наткнулись сначала на мешок овса, а ниже на две упаковки собачьих галет, одну с полным недельным рационом, другую с тюленьим мясом. Хорошая находка. В сорока шагах поодаль мы нашли фанерную крышку, торчащую из-под снега. Смит поскреб вокруг нее ледорубом и вскоре обнаружил трактор капитана

Скотта. Он был в том же состоянии, в каком его бросили, бензобак частично заполнен и, видимо, испорчен. Мы обозначили это место шестом. Снег перестал идти, пошли челночить. Мы преодолели всего полмили, все также утопая в глубоком снегу, а затем вернулись обратно за второй частью груза. Все еще видим гурий, возведенный на краю барьера и черное пятно, которое принимаем за собаку.”

“1 февраля. Встали в 7.30 вечера и, поев, свернули лагерь. Прочелночили две с половиной мили. Санний метрометр во время этого перехода остановился. Возможно, поэтому он не показывает общее пройденное расстояние. Навскидку мы покрыли семь с половиной миль, чтобы перенести груз всего на две с половиной мили. После обеда решили, так как поверхность становилась все лучше, попробовать идти с полным грузом. Это была изнурительная работа. Уайлд командовал упряжкой, в то время как Смит и я тянули лямки. Огромная проблема сдвинуть сани после многих вынужденных остановок. Нам удалось покрыть милю. Это даже лучше, чем челночить. Затем разбили лагерь, собаки полностью вымотаны, бедняги.”

“2 февраля. Проснулись в полдень, пока находились в спальнях мешках слышали лай собак Джойса. Они хорошо шли и догнали нас. Слышно голос Джойса, спрашивающего время. Он шел с полной загрузкой. Мы договорились идти «поочередно» от Блафф (Minna Bluff, выступающий материковый хребет, прим. пер.) и он согласился. Когда встали в 6.30 вечера его лагерь был виден примерно в трех милях впереди. Около 8 часов вечера, после хуша, вышли и дошли до лагеря Джойса в 1 час ночи. Собаки хорошо тянули, видя лагерь впереди, но когда мы достигли его, идти дальше они не собирались. После недолгих уговоров и борьбы мы вышли, но не надолго. Эта стартовая возня страшная работа. Мы толкаем тяжело нагруженные сани, одновременно понукая собак. Если они не тянут вместе с нами, это бесполезно. Когда сдвигаем сани, то мучаемся неизвестностью, на каком снежном склоне вновь остановимся, это происходит часто. Передвижение на санях реально тяжелая работа, но мы идем вперед.”

2 февраля поверхность стала лучше, и партия покрыла шесть миль без челночинья. Они разбили лагерь на раскисшем снегу и, когда на следующий день вышли, то два часа перетаскивали груз на сто пятьдесят ярдов. Затем вышли на след Джойса и пошло лучше. Макинтош догнал Джойса утром 4 февраля и пошел дальше, его партия пробивала путь в течение следующего перехода. Ночью 4-го они покрыли десять миль. Одна собака на марше “откинулась”, и Макинтош упоминает, что намеревался увеличить собачьи рационы. Поверхность стала жестче, и ночью 5 февраля Макинтош покрыл одиннадцать миль двадцать пять ярдов, но финишировал с двумя собаками на санях. Джойс шел днем, так что партии проходили мимо друг друга каждый день.

10 февраля с юга налетела метель, и партии оставались в палатках на протяжении суток. Погода успокоилась утром следующего дня, и в 11 часов Макинтош разбил лагерь рядом с лагерем Джойса и приступил к перегруппировке партий. Одна из его собак умерла 9-го, несколько других не могли больше тянуть. Он решил взять лучших собак из двух упряжек и продолжать поход вместе с Джойсом и Уайлдом, в то время как Смит, Джек и Гейз отправлялись обратно к Хат-Пойнт с оставшимися собаками. Это потребовало корректировки загрузки саней, дабы обеспечить достаточный запас провизии для складов. У Макинтоша было восемь собак и пять у Смита. В этом месте был заложен склад с топливом и построен гурий с бамбуковым шестом, возвышающимся над ним на десять футов. Внесенные коррективы позволили идти в лучшем темпе. Смит повернул назад, а партия

Макинтоша продвигалась довольно быстро, собаки были в состоянии тащить сани без помощи людей. Каждый час партия возводила снежные пирамиды как указатели пути к складу и маркировку для обратного похода. Очередная выюга задержала мужчин 13 февраля и они с дискомфортом, вызванным низкой температурой, провели время в своих спальнях мешках.

В течение последующих дней партия пробиралась вперед. В зависимости от состояния снега и погоды они покрывали от пяти до двенадцати миль в день. Регулярно строили пирамиды и сверяли маршрут, ориентируясь на горы на западе. Собаки тянули груз довольно хорошо. В полдень 20 февраля партия достигла 80 градуса южной широты. Макинтош надеялся найти место под склад рядом со складом капитана Скотта, но никаких его следов не обнаружил. Поверхность была очень неровной, и по этой причине заложенный склад называли "Склад Скалистые Горы". Его поместили в большой гурий, а под прямыми углами к складу в качестве указателя для материковой партии, построили небольшие пирамиды. *“Как только позавтракали, написал Макинтош на следующий день, Джойс и Уайлд отправились на восток с пустыми санями и собаками выложить через каждую милю пирамиды и место под сигнальные флаги. На внешнем гурии установили большой флаг и оставили записку, указывающую положение склада. Я остался, чтобы измерить углы и зафиксировать наше положение теодолитом. Этим утром температура была очень низкой, и работа с теодолитом оказалась не слишком теплой для пальцев. Мои усы примерзали к металлу, пока я брал горизонт. Через пять часов путешественники вернулись. Они прошли милю десять, пять туда и пять обратно. Во второй половине дня мы закончили гурий, который построили высотой в восемь футов. Это солидной площади возвышение должно хорошо выдержать выветривание, а сверху мы установили бамбуковый шест с флагом, сделав общую высоту двадцать пять футов. Во время строительства гурия было тепло, но потом по десять минут приходилось оттаивать лед на наших бородах. Завтра мы надеемся выложить пирамиды к западу, а затем взять курс на Блаф.”*

Ночью погода вновь испортилась. Буран продержал мужиков в спальниках на протяжении 21 февраля, и продолжался до полудня 23-го, когда Макинтош и Джойс попытались выложить гурии к западу. Они обнаружили, что за время бури умерли две собаки и теперь в живых оставались только семь. Макинтош и Джойс прошли полторы мили к западу и построили пирамиду, но видимость была столь скверной, что они не посчитали разумным идти дальше. Было ничего не видно далее сотни ярдов, и палатка вскоре исчезла из виду. Они вернулись в лагерь и оставались там до утра 24 февраля, когда начали обратный путь сквозь падавший снег. *“Мы отошли от лагеря”* пишет Макинтош, *“но как только прошли около четырех сотен ярдов, туман стал настолько плотным, что мы едва могли разглядеть собственную вытянутую руку, поэтому мы снова поставили палатку и теперь сидим внутри, надеясь, что погода прояснится. Мы возвращаемся только с десятидневным запасом продовольствия, и это на всех сильно давит. Эти задержки реально бесят. Бедные собаки голодны, они едят постромки и ремни. Мы не можем дать им ничего более, кроме их пайки по три галеты каждой, мы и сами на голых пайках, но я уверен, что им требуется больше, чем один фунт в день. Это то, что они получают сейчас... После обеда немного прояснилось, но видимость очень плохая. Мы решили поднажать. Фантастика идти при таком свете. Нет контраста или очертаний, небо и поверхность одинаковы и мы не можем различить неровности, с которыми сталкиваемся с катастрофическими результатами. Мы дошли до нашего первого внешнего гурия. Это было замечательно.*

После прохождения второго гурья все следующие оказались скрыты, поэтому мы вынуждены стать лагерем, покрыв 4 мили 703 ярда. Собаки, испытывая муки голода, жрут все, что видят. Они сожрут все, кроме, разве что, веревки. Если бы не эти бестолковые три дня, мы, возможно, смогли бы дать им хорошую еду на складе Блаф, но теперь это невозможно. Сильно снежит...”.

Следующие несколько дней стали еще более унылыми. Очередная метель принесла обильный снег и задержала партию 25-го и 26-го. “Снаружи сцена хаоса. Ветер и снег стирают все вокруг. Собаки полностью погребены им, и только насыпь с торчащими лыжами указывает, где находятся сани. Мы порываемся выйти, но вой ветра говорит, что это невозможно. Спальники влажные и липкие, равно как и наша одежда. К счастью, температура достаточно высока и они не замерзают. Одна из собак залаяла, Джойс вышел разбираться. Он выяснил, что Майор, испытывая голод, пробрался к Джойсовым лыжам и сожрал кожаные ремни. Другая собака съела все свои постромки, брезент, веревку, кожу с заклепками и табличкой. Боюсь собаки долго не протянут, все они выглядят тощими, а эти постоянные вьюги не улучшают их состояния... У нас недельный запас провизии и сто шестьдесят миль впереди. Похоже, что следующую недельную провизию придется брать со склада, чего мы не очень хотим. Посмотрим, что будет завтра. Конечно же, на Блаф мы сможем разжиться.”

“Мы сейчас ограничены одним питанием в сутки, написал Макинтош днем позже. Это ограничение в еде делает нас уязвимей. Очень поганое, гнилое время. Ужасно просто ждать, но нас также гнетет мысль о том, чтобы использовать уже заложенное продовольствие, ради которого у нас была вся эта тяжелая борьба.” Погода прояснилась 27-го, и днем Макинтош и Джойс вернулись к складу, пока Уайлд остался построить пирамиду и попытаться просушить на солнце спальные мешки. Запасы, оставленные в заброске, состояли из двух с четвертью упаковок галет (42 фунта в упаковке), сухпайков на трех человек на три недели в мешках, каждый на неделю, и трех канистр топлива. Макинтош взял один недельный мешок из заброски и вернулся в лагерь. Партия продолжила путь домой на следующее утро, и с парусом на санях, чтобы воспользоваться преимуществом южного бриза, покрыла за день девять с половиной миль. Но собаки достигли предела своей выносливости и трое из них свалились, не в силах идти дальше. В тот вечер, впервые с тех пор, как оставили Аврору, мужчины увидели заходящее за горизонт солнце, наглядное напоминание о том, что короткое антарктическое лето близилось к концу.

Оставшиеся четыре собаки свалились 2 марта. “После обеда мы с полчаса прошли довольно хорошо. Затем Нигер стал шататься, его ноги подкосились. Мы вытащили его из упряжи и позволили идти рядом с нами, но все, на что он был способен, так это только лечь. После Нигера свалился мой друг Помпей. Походить, я думаю, станет хорошим для него делом. Помпей был превосходным замыкающим, тянувшим неуклонно и хорошо. Затем сдалась Скотти, последняя оставшаяся собака. Они все лежат на наших следах. Они умерли безболезненно, свернувшись калачиком в снегу и впад в сон, из которого никогда не выдут. Мы остались с одной собакой, Пинки. Она не была одной из рабочих лошадок, но и не халаявничала. Мы можем теперь дать ей много галет. Мы должны ухаживать за ней и смотреть, если хотим вернуться хотя бы с одной собакой. Сани тянем сами, с установленным парусом (половиной палатки) и Пинки, оказывающей помощь. На одном из переходов сильный порыв ветра опрокинул сани. Оттяжки порвались и мы приготовились разбить лагерь, но ветер стих до умеренного бриза, поэтому мы их починили и пошли

далее.”

“Вечером сильные порывы ветра, холодно. Еще один замечательный закат. Золотые цвета освещают небо. Луна отбрасывает красивые лучи в сочетании с более яркими от заходящего солнца. Если бы все было также прекрасно, как это видение, мы могли считать себя в некотором раю, но как темно и холодно в палатке, я дрожу в замерзшем спальном мешке. Внутри меха скопление льда, застывшее от моего дыхания. Стоит пошевелиться в мешке, пошебуришь полузамерзшими пальцами, как слышен треск льда. Сейчас капли тающего льда падают на голову. Затем наступает приступ дрожи. Ты потираешь себя и поворачиваешься к теплой стороне мешка, которая сверху. Под телом образуется лужица воды. На пару часов можно вздремнуть, но я всегда пробуждаюсь с ощущением, что не спал вовсе.”

3 марта партия прошла всего три с половиной мили. Они обнаружили, что сани чрезвычайно тяжело тянуть, и Макинтош решил снять верхние направляющие и почистить дно. Эти направляющие снимут, прежде чем партия начнет движение, а нижние салазки будут гладко отполированы. Он также для уменьшения веса выбросил все запасные вещи, в том числе собачью упряжь, и выяснил, что облегченные сани легче тянуть. Ночью температура упала до -28 градусов (-33С), самой низкой зарегистрированной за все время в пути. *“С трудом прошли одну милю за час.”* Записал Макинтош 5-го. *“Очень тяжело тащить, поверхность очень вязкая. Пинки все еще сопровождает нас. Мы надеемся, что сможем спасти его. Он получает все, что хочет. Он просто обязан.”* На следующий день условия путешествия изменились. Южный ветер сделал возможным использовать парус, и проблема теперь заключалась в том, чтобы удержать скакавшие вперед сани от опрокидывания на грубых застругах. Удерживание веревок и паруса стало причиной многих обморожений и иногда мужчины шли привязавшись к саням. Последняя собака свалилась во второй половине дня и была оставлена. Макинтош чувствовал, что не мог позволить снизить темп. Саный метрометр вышел из строя, так что расстояние, пройденное в тот день, не было зафиксировано. Ночью ветер усилился, и к утру 7-го дул с силой выюги. Партия не выходила до утра 8-го. Они все еще находили сани очень тяжелыми и были разочарованы своим медленным продвижением, они покрывали от шести до восьми миль за день. 10-го они достигли пика Блаф в хребте с вершиной Дискавери. Мои инструкции заключались в том, что склад Блаф должен быть заложен по линии хребта, а так как склад был заложен чуть севернее, делая в плохую погоду невозможным подобрать ориентиры, Макинтош намеревался перенести склад в правильное место. Он увидел забросочный флаг в четырех милях впереди и после установки лагеря в новом месте для склада, отправился вместе с Джойсом и Уайлдом к нему и нашел склад таким же, каким его оставили.

“Мы загрузили сани припасами, положили большой сигнальный флаг на сани и направились обратно к нашей палатке, которая была теперь вне видимости. Конечно, было неблагоприятным выходить как мы, без палатки или спальников. Но у нас был шанс, так как погода обещалась быть ясной. Пока мы продвигались, становилось все темнее и темнее и, в конце концов, мы шли только при свете звезд, солнце зашло. После четырех с половиной часов мы увидели маленький зеленый шатер. Было тяжело и необычно тянуть последние два часа в темноте. Это был ударный день, мы провели на ногах четырнадцать часов. Зато сейчас сидим, наслаждаясь превосходным жирным хушем. Светильник смастерили из старой банки из-под спирта.”

Весь следующий день партия провела в спальнях мешках, пока снаружи бушевала

метель. 12 марта установилась хорошая погода, и они построили для склада гурий. Припасы, размещенные в этом гурии, состояли из шести недельного запаса сухарей и трех недельного комплекта сухпайков на трех человек и трех канистр топлива. Сразу после обеда мужчины продолжили путь на север и прошли три мили, прежде чем остановились. *“Наши спальники в плохом состоянии, писал Макинтош, с тех пор, как у нас была последняя возможность их просушить. Мы используем свои тела для сушки носков и кое-какой одежды, которую суем под свитера и достаем по мере надобности. На Уайлде целый гардероб, забавно наблюдать, как он вертится в поисках пары носок. Утренний выход наше злейшее время. Залезть в finneskos * это кошмар, ибо они всегда леденеют, и у нас великая борьба, засунуть в них ноги. Заледеневшая осока вокруг пальцев еще одно наказание, которое вызывает сильную боль. Мы несчастны до тех пор, пока не начнем двигаться, затем вместе с работой возвращается тепло. Наши разговоры сейчас в основном о том, что случилось с другими партиями. У нас различные мнения на этот счет.”*

(finneskos - меховые башмаки из, как правило, оленьего меха, наподобие унт, другое название – финские или эскимосские каньги. Здесь и далее я буду называть их унты. Чтобы сохранить ноги в тепле полярники использовали осоку sennegrass (Carex vesicaria) (иногда встречается название Альпийская трава) с северных областей Европы. Она помещалась в унты finneskos в пространство между пальцами и краем ботинка и служила хорошим теплоизолятором. Кроме этого, sennegrass хороший абсорбент и позволяла держать ноги сухими, примечание переводчика).*

Субботу 13 марта пришлось снова провести в спальнях мешках. Метель бушевала, видимости не было. Мужчины сэкономили пищу, питаясь только раз в день, они чувствовали на себе эффект ограниченного питания в снижении жизненных сил. Джойс и Уайлд в своих спальниках поморозили пальцы на ногах, а восстановить кровообращение было трудно. Уайлд особенно страдал, его ноги были очень воспалены. Погода немного прояснилась на следующее утро, но поземка началась прежде, чем они смогли свернуть лагерь и поэтому еще один день пришлось провести в палатке.

Поход возобновился 15 марта. *“Около 11 часов вечера прошлой ночью температура начала падать и буря стихла. С понижением температуры сырые спальники начали замерзать. Мы всю ночь не спали и ворочались. Утро подарило солнце и хорошее настроение, горячий хуш наполнил тела теплом и стало более комфортно. Солнце в небе, погода ясная, но холодная. Вышли в 8.30 утра. Много времени отняло залезть в унты, хотя мы и встали ради этого пораньше. Утром прошли чуть более четырех часов. Поверхность была прекрасной для перехода, но продвинулись мы не сильно. Обычно до обеда мы делали четыре мили. Температура -23 градуса (-30C). Мираж делает заструги колышущимися, словно ледяными гоблинами. Джойс называет их "танцующими Джимми". После обеда мы шли хорошо, но покрытое за день расстояние составило только 7 миль 400 ярдов. Мы обвиняем наш санный метрометр за медленную скорость передвижения. Это странно, что в дни, когда мы считаем, что движемся с хорошей скоростью проходим не более, чем когда тяжело.”*

“15 марта. Утром температура воздуха -35 градусов (-37C). Прошлая ночь была одной из худших из тех, что я пережил. К довершению всего заработал зубную боль, предположительно, в результате обморожения щек. Я был в конкретной агонии. Я стонал и стонал, взял аптечку, но не нашел ничего, чтобы остановить боль. Проснувшийся Джойс предложил спирт, я намочил немного ваты, а затем поместил ее на зуб, в результате чего

обжиг рот. Все это время мои пальцы были без варежек (должно быть было, по меньшей мере, 50 ниже нуля), и постоянно напоминали о себе. Положив спирт, я залез обратно в мешок, который, естественно, замерз. Я извивался и стонал до утра, пока не встал. Джойс и Уайлд провели тяжелую ночь, их ноги доставляли им проблемы. Мои ноги не так плохи, как у них. Кожа отшелушивается внутри рта, обнажая открытую рану как результат воздействия метилового спирта. Но зуб стал лучше. Мы вынуждены сократить ежедневный паек. Как следствие увеличились обморожения. Поверхность стала очень грубой во второй половине дня, свет также был плох из-за кучевых облаков, заслонявших солнце. Мы постоянно падаем, поскольку не можем отличить высокие и низкие части застругов. Идем на лыжах. Лагерь разбили в 6 часов вечера, пройдя 6 миль 100 ярдов. Я пишу, сидя в мешке. Это первый раз, когда я способен писать его в таком положении хоть некоторое время, как правило, пронизывает холод, стоит лишь его приоткрыть. Температура немного выше ночью, но все равно еще -21 градус (-30C) (53 градуса ниже точки замерзания). Спичек, как и многого другого, не хватает, мы отказались от их использования кроме как для разжигания примуса.”

На следующий день партия вновь столкнулась с плохой видимостью. После падений на застругах в течение двух часов, люди отказались от лыж и пошло лучше, но по-прежнему они часто падали из-за невозможности различить склоны и неровности на мутной, без теней снежной поверхности. Они прошли в тот день более девяти с половиной миль, а на следующий день, 18 марта, им удалось покрыть десять миль, один из лучших переходов путешествия. “Я смотрю вперед, высматривая корабль. У всех отметины от нашей прогулки. Уайлд занимает первое место. Его нос – картина-мечта для Панча (юмористический журнал, прим. пер.), уши такие же воспаленные, плюс один большой черный палец на ноге. У Джойса хороший нос и много мелких болячек. Мою челюсть раздуло от обморожения щек, а также немного поморожен нос... Мы отказались от лыж, которые до сих пор использовали и идем в унтах. Это позволяет идти с санями лучше, но не так удобно как на лыжах. Мы столкнулись с очень грубой поверхностью, сплошь в высоких застругах, и с холодным встречным ветром в течение перехода. Наши бороды и усы - сплошные куски льда. Я обязательно чисто выбреюсь в следующий раз, когда пойду в поход. Замороженные усы делают обморожение мочек носа более легким, если бы их не было вовсе... Я спрашиваю себя, почему на земле кто-то стремится в эти края.. Как мы, отмороженные днем, замороженные ночью. Что за жизнь!” Температура в час дня в этот день была -23 градуса (-30C), 55 градусов ниже точки замерзания.

Вечером 19 марта мужчины разбили лагерь рядом с “Корнер Кэмп” (“Corner Camp”), где были 1 февраля. На следующий день, задержавшись на несколько часов из-за плохой погоды, они повернули к Кастл Рок (скала позади хижины Хат-Пойнт, прим.) и вышли в опасную область, где Барьер упирается в землю. Джойс нащупал ногами довольно большую трещину и пришлось поменять курс, дабы избежать этой опасности. В этот день прошли только 2 мили 900 ярдов. Макинтош чувствовал, что темп был слишком медленным, но они не могли идти быстрее из-за плохой поверхности. Еда была уменьшена по мере приближения к Хат-Пойнт еще на половину рациона, и даже этой пониженной нормы оставалось только на два дня. 21-го партия покрыла 7 миль 570 ярдов и хуш этой ночью был “не наваристой чая”.

“Первая мысль этим утром была о том, что мы должны сделать хороший переход” - написал Макинтош 22 марта. “Как только мы сможем добраться до Лагеря Спасения (на

соединении Барьера с морским льдом), считай дело в шляпе. В самом крайнем случае, можем бросить сани и сразу отправиться к Хат-Пойнт приблизительно в двадцати двух милях отсюда... Утром нам удалось довольно прилично продвинуться вперед. Поверхность была твердой, так что мы в полной мере ей воспользовались. Из-за недостаточного питания очень холодно. Мы пообедали в час, остался один полный сухой паек и небольшое количество сухарей. В обед температура -6 градусов (-21С). Эребус испускает большие клубы дыма, относимые в юго-восточном направлении, также различимы красные блики. После обеда снова сделали хороший переход, ветер сопровождал нас два часа. Мы с тревогой высматриваем Лагерь Спасения". Пройденное за день расстояние составило 8 миль 1525 ярдов.

"23 марта 1915. Едва мы прошлой ночью разбили лагерь, как началась вьюга и продолжается до сих пор. Это утро застало нас в плену непогоды. Снег хлещет по стенкам палатки, снаружи ничего не видно. Такая погода вызывает тревогу, если она продолжится, для нас это может закончиться плохо. У нас только смесь какао с крошками сухарей. Они немного согрели нас, но на пустой желудок нещадно пробирает холод."

Погода прояснилась в середине дня, однако выходить было слишком поздно. Они вышли в 7 часов утра 24-го, позавтракав какао с крошками сухарей.

"В сумке осталось лишь немного крошек сухарей и все. Выход был ужасен, все сильно поморозилось. Попробовали быстро растереться руками. После усердной терки и «возвращения» конечностей вышли. Уайлд весь в обморожениях, мы все также в плохом состоянии. Включились в работу, но тепло не возвращалось в наши тела. Мы тащились около двух часов, когда зоркие глаза Джойса углядели флаг. Мы выжимали из себя все возможное, что в нас оставалось, и когда подошли ближе, появились очертания упаковок с едой. То, чем мы собирались себя подкормить. Это случилось незадолго до того, как мы достигли предела своих возможностей. Со склада принесли пеммикан и овсянку для густоты, сладкую, как сахар. Пока Уайлд разжигал примус, он крикнул нам, что думает, что его ухо отмерзло. Это была последняя оставшаяся часть его лица - нос, щеки и шея были обморожены. Я залез в палатку и осмотрел его. Ухо было бледно-зеленым. Я быстро положил на ухо ладонь и зажал. Затем его пальцы зашевелились и, отстранив мою руку от уха, когда циркуляция крови в нем восстановилась, он положил их над горящим примусом, страшная вещь. В результате он был в агонии. С его ухом было все в порядке, и вскоре горячий хуш принес тепло, покалывая сквозь нас. Мы почувствовали себя как новенькие. Мы просто ели, пока не насытились, кружку за кружкой. После того, как наелись до отвала, перенесли на место взятые со склада ящики и направились к проходу (Gap). Как раз перед отходом Джойс обнаружил записку, оставленную Спенсер-Смитом и Ричардсом. В ней говорилось, что обе другие партии вернулись в Хат-Пойнт и, скорее всего, с ними все было нормально. Это хорошо. Когда мы подошли к краю Барьера, то обнаружили ледяные башины на вновь сформированном морском льду, не достаточно безопасном, чтобы выдержать нас, так что пришлось делать обход вдоль края Барьера и, поскольку на морской лед не было возможности спуститься, ищем путь у Кастл Рок. В 7 часов вечера, не найдя никакого подходящего места для спуска, разбили лагерь. Сегодня ночью у нас есть горящий примус и тепло для наших замороженных тел. Завтра я надеюсь дойти до Хат-Пойнт."

Макинтош и его спутники свернули лагерь утром 25 марта, термометр показывал ниже 55 градусов и, после очередного безуспешного поиска пути вниз с ледника на морской лед, они направились в сторону Кастл Рок. На этом курсе они вышли на санный след и,

проследовав по нему, нашли дорогу вниз. Макинтош решил оставить вещи и сани на вершине хорошо выраженной неровности и идти дальше без них. Через некоторое время трое мужчин, поднявшись по скалам Хат-Пойнт, дошли до двери хижины.

“Мы покричали. Ни звука. Снова крикнули, и вскоре появился темный субъект. Этим проснувшимся оказался Коуп, который был один. Другие члены партии ушли забрать также брошенные вещи и сани. Коуп был болен и не пошел с ними. Вскоре мы стали рассказывать друг другу о своих приключениях, и узнали, что корабль зашел сюда 11 марта и забрал Спенсер-Смита, Ричардса, Ниннису, Гука и Гейза, здесь остались Коуп, Хейворд и Джек. Вскоре был готов обед. Мы нашли здесь даже жировой светильник, роскошный, но грязный и засаленный! Однако наша главная задачи сейчас - тепло и еда. Пока мы ели, появились Джек и Хейворд... Поздно вечером легли в сухие спальники. Поскольку здесь было только три спальных мешка, пользовались ими по очереди. Наша партия имеет привилегию... Я получил письмо от Стенхауса, кратко описывающего события, произошедшие после того, как мы оставили его. Судовая партия также провела не розовое время.”

Макинтош узнал, что Спенсер-Смит, Джек и Гейз, которые повернули обратно 10 февраля, без особых трудностей достигли Хат-Пойнт. Третья партия, возглавляемая Коупом, также вышла на Барьер, но мало что смогла сделать. Эта партия попыталась использовать трактор, но не добилась эффективной отдачи от машины и далеко не ушла. Теперь он лежал в Хат-Пойнт. Партии Спенсер-Смита и Коупа вернулись в Хат-Пойнт до конца февраля.

Шесть человек были отрезаны в Хат-Пойнт открытой водой пролива Мак-Мердо от зимовки экспедиции на мысе Эванс. Макинтошу, естественно, не терпелось переправиться и встретиться с судном и другими членами береговой партии, но он не мог выйти до тех пор, пока морской лед не станет более крепким и, как показали дальнейшие события, не смог добраться до мыса Эванс вплоть до начала июня. 29 марта он отправился с Коупом и Хейвордом забрать сани и перенести их как можно ближе к Прэм Пойнт на южной стороне Хат-Пойнт. Ему пришлось бросить там сани из-за состояния морского льда. Он и его спутники жили монотонной жизнью в примитивных условиях хижины. Погода была плохой, и хотя зафиксированные температуры были низкими, молодой морской лед постоянно относило. Жировая печь, которой пользовались в хижине, традиционно покрывала все сажей и жиром и люди, как и их одежда, соответствовали обстановке. Белки глаз ярко контрастировали с густой чернотой кожи. Уайлд и Джойс страдали от обморожений. На ногах и руках Джойса вздулись волдыри, колени распухли. Джек смастерил несколько жировых светильников, которые источали не столько свет, сколько дополнительный дым. Записи Макинтоша говорят о том, что члены партии были достаточно довольны, но “непередаваемо грязны”, он с тоской пишет о бане и чистой одежде. В начале апреля стали заканчиваться запасы тюленьего жира, поэтому все с пристрастием следили за их появлением. 15 апреля убили несколько тюленей. Эта операция сделали сальную и почерневшую одежду мужчин еще хуже. Вызывает сожаление тот факт, что хотя в хижине и было много доступной литературы, в частности, по этому конкретному району, лидеры различных партий так и не воспользовались ей, чтобы пополнить свои знания. У Джойса и Макинтоша, конечно, был антарктический опыт, но в книгах о трех последних экспедициях в этом районе были даны детальные и подробные рекомендации.

ЗИМОВКА В ПРОЛИВЕ МАК-МЕРДО

Забрав шесть человек в Хат-Пойнт, 11 марта *Аврора* вернулась на мыс Эванс. Это место было выбрано для зимовки *Авроры*, и находилось непосредственно за хижинкой, возведенной капитаном Скоттом в его последней экспедиции. 14 марта корабль стоял в сорока ярдах от берега, носом в сторону моря. Два якоря вытащили на берег и завалили тяжелым щебнем, за якоря закрепили шесть буксирных тросов. Тросы держали корму, а бак удерживался обыкновенными корабельными якорями. Позже, когда вокруг *Авроры* образовался новый лед, на берег вытащили и закрепили якорную цепь. Окончательная швартовка, таким образом, состояла из шести тросов и одной якорной цепи с кормы, закрепленных за береговые якоря, и двух якорей с бака, погруженных на около семидесяти саженей. 23 марта Стенхаус отправил на берег партию, состоящую из Стивенса, Спенсер-Смита, Гейза и Ричардса с целью, чтобы они могли заниматься рутинными вещами на берегу. Эти четверо расположились в хижине капитана Скотта. Им было велено заготавливать тюленьё мясо и жир. Выгрузка продовольствия, вещей и угля происходила не быстро, предполагалось, что судно останется на якоре в течение всей зимы. В апреле на землю перенесли несколько тонн угля, но большая его часть оставалась на пляже, и его унесло вместе с морским льдом. Береговая партия находилась под началом Стивенса, и его отчет, полученный мной гораздо позже, лаконично повествует о том, что произошло с точки зрения находившихся в хижине.

“Мыс Эванс, остров Росса, 30 июля 1915.

23 марта 1915 года партия в составе Спенсер-Смита, Ричардса и Гейза была высажена на мысе Эванс на мое попечение. Спенсер-Смит получил отдельные инструкции по поводу фотографирования. Я был устно проинструктирован, что главной задачей партии было обеспечить запас тюленьи для пищи и топлива. Помимо, естественно, научной работы.

Сразу же были установлены метеорологические приборы, начаты эксперименты с медным электрическим термометром, дополнившим наши скудные запасы измерительных инструментов, начаты наблюдения за температурой земли, льда и моря. Были проведены другие экспериментальные работы, все время научной партии было занято. Все появившиеся тюлени убивались. В одном или двух случаях члены береговой партии привлекались для работы на борту судна.

В целом погода была непостоянной, частые метели прерывали связь с кораблем. Только небольшие, необходимые запасы продовольствия, но не одежда, были доставлены для береговой партии. Лишь часть научного оборудования смогли перевезти на берег, скорейшей его выгрузке препятствовали некоторые члены партии, выгружающие свои личные вещи.

Поначалу корабль был пришвартован кормой к берегу за сотню ярдов от него. Два якоря бросили с бака, а судно привязали семью тросами к двум другим, вытащенным на землю. Натяжение на тросах было постоянным, но они, время от времени, выбирались, когда натяжение ослабевало, таким образом, корабль подвели ближе к берегу. Затем к южному якорю на берегу кинули якорную цепь (не хватало), пропустив ее через борт сквозь выпускной патрубок под концом левого борта, соединив и закрепив ее за швартовную тумбу

спереди. Последующие деформации, вызванные льдом и ветром, порвали три троса. Я думаю, что на борту хоть и считали, что корабль был в безопасности, но ощущали значительное чувство беспокойства. Якоря держали плохо, а сила давления льда на судно была довольно серьезной.

С тех пор, как корабль пришвартовали, залив часто замерзал, но лед так же часто относил, сопоставимо с частотой вьюг. Лед не всегда отгоняло, как только ветер достигал своего пика. Это зависело от состояния приливов и течений, несколько раз замечали, что морской лед отходил, когда вьюга почти полностью стихала.

6 мая стоял лед, и люди свободно перемещались между берегом и кораблем. В 11 вечера ветер был южный, смещавшийся на юго-восток, и дул со скоростью сорок миль в час. Корабль находился по-прежнему на своем месте. В 3 часа ночи 7-го ветер не усилился ни на йоту, но лед и корабль ушли. Поскольку корабля было не видно, мы не можем сказать, было ли судно повреждено. Береговой конец якорной цепи был согнут пополам, а буксирные тросы свободны. Во второй половине дня 7-го погода немного прояснилась, но корабля не было видно. Вьюга продолжалась всего около двенадцати часов. На следующий день ветер стал северным, а 10-го задула самая свирепая буря с юго-востока, с какими мы сталкивались. С тех пор о корабле было ничего не слышно и не видно, хотя мы высматривали его постоянно.

Сразу после того, как корабль ушел, была проведена тщательная инвентаризация, насколько это было возможно, всех припасов на берегу, и нормы потребления продовольствия отрегулированы так, что их будет достаточно для десяти человек не менее чем на сто недель. Уголь уже использовался с возможной экономией. Мало что можно было сделать, чтобы сократить его потребление, и на перемещение в окрестности хижины угля, сгруженного ранее с корабля и который не был потерян, бросили все силы. Мяса также оказалась очень не много, было очевидно, что ни его, ни угля не растянуть на два года, и очевидно, грядущим летом будет необходима заготовка достаточного запаса мяса и жира, для пополнения запасов которых зима представляет мало возможностей. Мясо и уголь, поэтому, использовались по этим соображением настолько тщательно, насколько возможно.

А. Стивенс."

Людей на берегу не покидала надежда на возвращение корабля, прежде чем пролив окончательно замерзнет. Новый лед образовывался на море всякий раз, когда погода была спокойной, но много раз вскрывался и относился вьюгами. В течение следующих нескольких дней зоркие взгляды вглядывались в море сквозь мутный сумеречный полуденный свет, но море было покрыто плотной темной пеленой тумана и ничего не было видно. Северный ветер начался 8 мая и продолжался несколько часов, но не выявил признаков корабля и, когда 10 мая началась самая жестокая буря, из тех что выпали на долю партии, надежда стала совсем мизерной. Буря продолжалась три дня, ветер достигал скорости в семьдесят миль в час. Снежные заряды были очень плотными, а температура упала до -20 градусов (-28С). Береговая партия оценивала шансы на спасение корабля среди льдов в море Росса в таких условиях как небольшие.

Стивенс и его спутники провели тщательную рекогносцировку своего положения и поняли, что столкнулись с серьезными трудностями. Основное продовольствие и необходимая одежда для санных походов не было сгружено с корабля. На борту также осталось много санного снаряжения. К счастью, в хижине были продукты питания и одежда,

оставленные там экспедицией капитана Скотта. Мужчины добыли сколько смогли тюленей и пополнили запасы мяса и ворвани. 2 июня партия пополнилась людьми, которые были вынуждены оставаться в Хат-Пойнт до тех пор, пока не встанет морской лед. Макинтош и те, кто с ним был, рисковали, совершая переход, поскольку буквально недавно открытая вода была видна и на их пути к партии на мысе Эванс. Теперь на мысе Эванс находились уже десять человек – поименно: Макинтош, Спенсер-Смит, Джойс, Уайлд, Коуп, Стивенс, Хейворд, Гейз, Джек, и Ричардс. Началась антарктическая зима и партия не могла совершать любые выходы до начала сентября. За это время они пересмотрели имеющиеся припасы и снаряжение, строили планы на работу предстоящей весной и летом, и жили тяжелой, но не совсем несчастной жизнью полярных исследователей на зимовке. Макинтош 5 июня так описал свое видение ситуации:

“Решение Стенхауса сделать этот залив местом зимовки корабля не было принято без многих раздумий и рассмотрения всех вариантов. Стенхаус уже пытался сделать это у Языка Ледника (Glacier Tongue, плавающий ледник в проливе между мысами Эванс и полуостровом Хат-Пойнт, прим. пер.) и в других местах, но в каждом из них корабль находился в открытом и опасном положении. Когда была выбрана эта бухта, корабль выдержал несколько серьезных снежных бурь, при которых лед оставался несколько раз. Когда же его относило, то швартовы удерживали судно. Корабль был закреплен баком на север (?). Он удерживался обоими якорями спереди и двумя якорями с кормы, которые были усилены семью тросами. Принимая все это во внимание, вполне справедливо с его стороны предполагать, что корабль будет здесь в безопасности. Метель, что захватила корабль и выходящий из бухты лед не были настолько ощутимы, как другие, которые он выдержал. Этот несчастный случай вновь доказывает неопределенность условий в этих районах. Я только молюсь и верю, что судно и все на его борту в безопасности. Я уверен, что они расскажут захватывающую историю, когда мы увидимся.”

Аврора могла найти безопасную зимовку, углубившись в пролив МакМердо к Хат-Пойнт, но был риск не выбраться из ледяного плена следующим летом, поэтому, прежде чем отправится на юг, я дал инструкции Макинтошу, что этой опасности следует избегать.

“Тем временем мы делаем все приготовления для длительного пребывания здесь. Наша основная трудность - нехватка одежды. Члены партии с Хат-Пойнт носят одежду с тех пор, как покинули корабль 25 января. Мы без мытья все это время и я не могу представить себе более грязных людей. Мы пытались вымыться с тех пор, как вернулись обратно, но из-за ветра в последние два дня не было возможности. Все работают слаженно, каждый воспринимает ситуацию очень философски. Стивенс возглавляет научный штат и в настоящее время является старшим офицером на берегу. Джойс главный за снаряжение и импровизирует с одеждой из того, что здесь можно найти. Уайлд работает с Джойсом. Он доволен и бодр духом. Его никогда ничего не беспокоит и не расстраивает, он даже поет, шутит, или делает что-то смешное. Ричардс взялся вести метеожурнал. Он молодой австралиец, твердый, жесткий, добросовестный работник, и я рассчитываю на хорошие результаты в его начинаниях. Джек еще один молодой австралиец, его помощник. Хейворд - очень старательный человек, отвечает за запасы ворвани. Гейз, другой австралиец, работает вместе с Хейвордом. Спенсер-Смит -надре (padre), главный фотограф, очень помогает в общей рутинной работе. Коуп за медика.”

“Рутина здесь такая: четверо из нас - я, Стивенс, Ричардс и Спенсер-Смит завтракаем в 7 утра. Других зовут в 9 часов утра, их завтрак накрыт. Затем стол

убирается, пол подметается, начинается обыкновенная дневная работа. В час дня у нас то, что мы называем «беглый обед», то есть холодный перекус и какао. Мы работаем с 2 до 5 вечера. После 5 часов вечера люди могут делать то, что им нравится. Ужин в 7. Мужчины играют в игры, читают, пишут дневники. Ложимся спать рано, поскольку экономим топливо и освещение. Ночные дежурства за учеными, которые имеют привилегию поспать днем. После моего прибытия сюда, я обрисовал наше положение, и объяснил необходимость экономии в использовании топлива, света и припасов, ввиду возможности того, что мы можем остаться здесь на два года... Мы не собираемся начинать работу на санях пока не узнаем более определенно судьбу Авроры. Не смею думать, что произошла катастрофа.”

В оставшиеся дни июня люди мылись и чинили одежду, убивали тюленей, делали непродолжительные выходы в окрестностях хижины и обсуждали планы на будущее. У них были шесть собак, из них две суки без опыта работы на санях. Одна из этих сук родила маленьких щенков, но оказалась плохой матерью и помет умер. У собак было много тюленины и о них бережно заботились.

26 июня Макинтош созвал общий совет для обсуждения планов, которые вынашивал по поводу забросочной экспедиции, планировавшейся грядущей весной и летом.

“Я обрисовал ситуацию и пригласил к обсуждению членов команды. Были высказаны несколько точек зрения. Я предложил, что кто-то один из нашей партии должен остаться, чтобы продолжать метеонаблюдения и пополнять запасы мяса и жира. Этот человек сможет передать мои инструкции на корабль и направить партию к Блаф. Было решено, что им будет Ричардс. Некоторые возражали на том основании, что будут необходимы двое, и после того, как вопрос был поставлен на голосование, договорились, что отложим окончательное решение до тех пор, пока партии не начнут практическую работу и посмотрят, как у них пойдут дела. Была обсуждена нехватка одежды, и Джойс и Уайлд согласились сделать все возможное по этому вопросу. Октябрьский выход (на Барьер) был расценен как слишком ранний, но решили действовать по обстановке. Это были самые важные моменты, и мы единогласно решили, что больше пока ничего не можем поделать... Я знаю, что мы сделаем все возможное.”

Партии не терпелось посетить мыс Ройдс к северу от мыса Эванс, но в конце июня открытая вода все еще преграждала прямой путь через пролив и переправа была невозможна. На мысе Ройдс, в хижине, установленной экспедицией Шеклтона 1907-1909, находились запасы и продовольствие, которые могли оказаться очень полезными. Джойс и Уайлд сделали унты из запасных спальных мешков. Макинтош отмечает, что необходимость экономии одежды и обуви ограничивали людей в выполнении многих задач, что они наметили. В хижине был найден большой запас брезента и кожи, и некоторые пытались своими руками сделать обувь. Удалось добыть много тюленей, запаса мяса и жира было вполне достаточно для удовлетворения текущих потребностей.

В течение июля Макинтош сделал несколько вылазок на север по морскому льду, но обнаружил, что каждый раз не мог уйти далеко. Трещина протянулась примерно от острова Инексессибл (неприступности) (Inaccessible Island, крохотный островок к югу от мыса Эванс) к леднику Берн (Barne Glacier), лед выглядел слабым и разорванным. Улучшение видимости возвестило о возвращении солнца. Ричардс и Джек взвешивали припасы для санных экспедиций. 1 августа Макинтош с холма за хижинной увидел открытую воду, простирающуюся к западу от острова Инексессибл, и отметил, что возможно пролив Мак-Мердо никогда полностью не замерзает. Неделью спустя пространство открытой воды,

казалось, стало еще больше и люди начали отчаиваться добраться до мыса Ройдс. Метели были частыми и продолжительными. С усилением света в окрестностях хижины нашли несколько полезных вещей, в том числе пару выброшенных носков и нижнее белье, оставленное участниками экспедиции Скотта, а также коробку цукатов, которые пошли на пирожные. 12 августа в хижине случился небольшой пожар. Ацетиленовая газовая лампа, установленная в хижине капитаном Скоттом, в один прекрасный день начала сифонить. Один из членов партии искал утечку при помощи зажженной свечи, и взрыв лампы привел к возгоранию нескольких деревянных вещей. К счастью, возгорание быстро погасили. Потеря в хижины на этом этапе стала бы трагическим инцидентом.

13 августа Макинтош и Стивенс совершили визит на мыс Ройдс. Они решили попытаться пройти через ледник Берн и, после пересечения зоны трещин, поднялись на склон мыса Берн и оттуда вниз, на морской лед. Они нашли этот лед вновь сформированным, но достаточно крепким для своей задачи и вскоре достигли хижины на мысе Ройдс.

“Внешняя дверь хижины была не заперта”, - писал Макинтош. “Немного снега намело в прихожую, но лопатой, которую мы нашли снаружи, его вскоре выгребли. Затем мы вошли и в центре хижины обнаружили груды снега и льда, который попал сквозь открытую вытяжку в крыше. Вскоре мы закрыли ее. Стивенс приготовил поесть, пока я убирал лед и снег из центра хижины. После обеда мы приступили к инвентаризации припасов внутри. Нашей первейшей целью был табак. Мы нашли одну коробку Нэви Кат и коробку сигар. Также нашли мыло, которое теперь позволит по возвращении вымыться и постирать одежду. Затем мы принялись за поиски спального мешка. Мешков там не было, однако на импровизированных кроватях из ящиков мы нашли два матраса, старый рулон ткани и два одеяла. Мы использовали их, чтобы поочередно поспать. Стивенс лег первым, пока я поддерживал огонь. Угля или жира здесь не было, так что нам пришлось использовать древесину, которая пока горела, человеку рядом было тепло, но не поднимала температуру в хижине выше нуля (С). Над плитой, на видном месте мы обнаружили напоминание от партии Скотта, что пользующиеся хижинкой должны оставить посуду в чистоте.”

Макинтош и Стивенс остались на мысе Ройдс на следующий день и провели тщательный осмотр запасов. Они нашли за пределами хижины кучу ящиков с мясом, мукой, сушеными овощами и другой всякой всячиной, по крайней мере, годовой запас на партию из шести человек. Они не нашли новой одежды, но набрали старую, которую можно было починить и сделать пригодной для носки. Загрузив добычу, они вышли к мысу Эванс утром 15 августа по морскому льду. Очень слабый лед преграждал путь, и им пришлось идти вдоль берега. Они вернулись на мыс Эванс в два часа. Во время их отсутствия Уайлд и Гейз поднялись на остров Инексессибл, Гейз сильно обморозил по пути ухо. Табак разделили между членами партии. На следующий день разразилась метель, и Макинтош поздравил себя с тем, что выбрал удачное время для своей прогулки.

Записи об оставшейся части августа не полны. Все занимались приготовлениями для санного путешествия и радовались увеличению светового дня. Партия испытала специальный санный сухпак, составленный по моим рекомендациям, и *“все согласились, это было превосходно по соотношению вес-вкус”*. Трех императорских пингвинов, впервые увиденных с момента высадки, поймали 19 августа. К этому времени возвращающееся солнце уже касалось золотом вершин Западных Гор и отсвечивало от массивной фигуры Эребуса. Вулкан испускал гигантские клубы дыма, и сияние его внутреннего огня

отражалось иногда в клубящихся облаках над кратером. Стивенс, Спенсер-Смит и Коуп отправились к мысу Ройдс 20-го, и находились еще там, когда солнце впервые появилось над Эребусом 26-го. Предыдущие дни было пасмурно, и солнца, которое хоть и было выше горизонта, не было видно.

“Утро выдалось ясным,” - написал Макинтош. “Над Эребусом лучи солнца, проникающие сквозь скопления кучевых облаков, порождают самые невероятные эффекты. Свет заставляет нас всех моргать, и в то же время, вызывает величайшее буйство духа. Мы чувствовали себя словно люди, которых выпустили из темницы. Я стоял снаружи хижины и смотрел на поистине грандиозную картину вокруг. Западные Горы были великолепны в своем диком величии. Очертания вершин, некоторые из которых находились в восьмидесяти или девяноста милях, словно нарисованные показались в хрупком контрасте с линией неба. Огромные ледовые склоны блестели белизной, словно алебастр на фоне темных теней. Небо на западе над горами было ясным, за исключением низлежащих скоплений у подножия склонов вокруг вершины Дискавери. На юге четкие полосы слоистых облаков располагались в 30 градусах над горизонтом... Затем Эребус начал выделять клубы дыма, который поднимался на сотни футов и перемещался в северо-западном направлении. Южные склоны Эребуса окутали массы облаков.” Партия с мыса Ройдс вернулась днем и их сообщение, что табака больше не нашли, вызвало всеобщее разочарование.

Перемещение снаряжения в Хат-Пойнт, в рамках подготовки к путешествиям по закладке забросок на Барьере, начали 1 сентября. Макинтош до этого основательно обсудил планы с членами партии. Он считал, что на мысе Эванс было достаточно провианта для санных походов, запасы, сгруженные с корабля, пополнили припасами, оставшимися от экспедиций Скотта 1912-13 и Шеклтона 1907-09. С запасами одежды и палаток было тяжелее. Одежду, доставленную с корабля, пополнила старая, найденная в Хат-Пойнт и на мысе Эванс. Барбериевские ветровки были старыми и ветхими для начала экспедиции. Старые спальные мешки нарезали, чтобы сделать унты (меховые сапоги) и починить оставшиеся спальные мешки. В наличие были три палатки, одна прочная с *Авроры*, и две старых, оставленных капитаном Скоттом. У Макинтоша было достаточно саней, но первое путешествие с собаками оказалось неудачным, и теперь оставались только четыре собаки. Они не образовывали полной упряжки и поэтому могли использоваться лишь в качестве дополнительной помощи для тянущих сани людей.

Замысел Макинтоша после обсуждения с товарищами состоял в том, что девять человек, поделенных на три партии по трое, будут совершать санные походы. Один человек останется на мысе Эванс, чтобы в течение лета продолжать метеорологические наблюдения. Трактор, который остался в Хат-Пойнт, должны были доставить на мыс Эванс и, по возможности, привести в рабочее состояние. По оценке Макинтоша, вес провизии, требующейся для забросочной партии и складов, размещаемых на юге и у подножия ледника Бирдмора, составлял 4000 фунтов. Первый склад должен был быть размещен у Минна Блаф, а оттуда на юг склады размещались на каждом градусе широты ($1^\circ \sim 120$ км). Последний склад закладывался у подножия ледника Бирдмора. Первоначальная задача состояла в том, что бы перетящить припасы от мыса Эванс к Хат-Пойнт на расстояние 13 миль. Туда планировалось перенести все санные сухпайки, и Макинтош предложил оставить там также дополнительные запасы на тот случай, если запоздавшей партии придется провести зимние месяцы в Хат-Пойнт.

Первая партия, состоящая из Макинтоша, Ричардса и Спенсер-Смита вышла с мыса

Эванс 1 сентября с 600 фунтами груза на санях и без приключений добралась до Хат-Пойнт. Они установили на морском льду палатку на полпути через залив, и оставили ее там для использования различными партиями в течение месяца. В Хат-Пойнт они откопали трактор и попытались привести его в рабочее состояние. Они вернулись на мыс Эванс 3-го. Второй выход в Хат-Пойнт был проделан партией из девяти человек с тремя санями. Двое саней, которые тянули люди, были загружены 1278 фунтами, на санях поменьше, запряженных собаками, находились спальные мешки. Эта партия столкнулась с жестоким южным ветром, низкой температурой и, так как люди находились еще в достаточно расслабленном состоянии, очень пострадали от обморожений. У Джойса и Гейза сильно опухли пятки. У Макинтоша сильно пострадало лицо, другие поморозили пальцы и уши. Когда они возвращались, Гейз ехал на санях, так как не мог ступить на землю. Они попытались в этот раз дотащить трактор до мыса Эванс, но бросили его, покрыв милю или около того. Двигатель не работал, а тянуть было тяжело.

Третье путешествие к Хат-Пойнт предприняли восемь человек, Гейз и Джек остались. Они взяли с собой 660 фунтов топлива и 630 фунтов продовольствия. На следующий день (14 сентября) партия вышла с загруженными санями от Хат-Пойнт к лагерю Спасения (Сэйфети Кэмп) на краю Барьера. Этот лагерь станет отправной точкой для походов по Барьеру к складу Минна Блаф. Они оставили двое саней с 660 фунтами топлива и 500 фунтами овсянки, сахара и всякой всячины в лагере Спасения и вернулись в Хат-Пойнт. В этом переходе участвовали собаки. На следующий день Макинтош и его спутники дотащили трактор до мыса Эванс, закрепив его колеса на санях. Переждав плохую погоду, партия из восьми человек 24 сентября забрала очередной груз в Хат-Пойнт, и прибыла в лагерь Спасения на следующий день. Они вернулись на мыс Эванс 26-го. Ричардс тем временем произвел капитальный ремонт двигателя и сделал несколько пробных поездок по морскому льду. Но сообщил, что машина работает неудовлетворительно, и поэтому Макинтош решил с ней не связываться.

“Все по уши в работе” - говорится в последней записи журнала, оставленного Макинтошем на мысе Эванс. “Все вещи починены, личная одежда приведена в порядок. Мы придумали обувь для замены унт, которые уже износились. Уайлд сделал отличную обувь из старых лошадиных шкур, что нашел здесь, наподобие той, что делали предшественники. Я сделал себе пару перчаток из старого спального мешка. Прошлой ночью я принял ванну, вторую с тех пор, как я здесь... Я заканчиваю этот журнал сегодня (30 сентября) и кладу его рядом со своими дневниками. Завтра мы отправляемся в Хат-Пойнт. Девять из нас идут в санные походы для закладки забросок, а именно: Стивенс, Спенсер-Смит, Джойс, Уайлд, Коуп, Хейворд, Джек, Ричардс и я. Гейз, которого по-прежнему мучают ноги, остается, возможно после нашей первой поездки оставим Стивенса. С собой берем трехмесячный запас провизии. Я продолжу этот дневник в другой тетради, которую держу при себе”.

Девять человек добрались до Хат-Пойнт 1 октября. Они забрали с собой последний груз. Трое саней и три палатки перенесли на Барьер, партии были следующими:

№ 1: Макинтош, Спенсер-Смит и Уайлд; № 2: Джойс, Коуп и Ричардс; № 3: Джек, Хейворд и Гейз. 3 и 4 октября часть запасов, оставленных в лагере «На полпути» были вместе с остальными перемещены в лагерь Спасения. Плохая погода задержала выход забросочной экспедиции из Хат-Пойнт до 9 октября.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАБРОСОК

Отчет Макинтоша о походе по организации забросок, предпринятом его участниками летом 1915-16, к сожалению, не доступен. Лидер партии вел дневник, но эти записи были с ним, когда он следующей зимой пропал на морском льду. Описание походов скомпоновано из записей Джойса, Ричардса и других членов партий, и я могу сказать, что это записи о невероятных усилиях перед лицом величайших трудностей и серьезных опасностей. Всегда легко быть мудрым после того, как событие уже произошло, и конечно теперь можно понять, что использование собак, нетренированных и слабых после бездействия на корабле в сравнительно коротком путешествии, предпринятом сразу же после высадки в 1915 году, было ошибкой. Его результатом стала потеря почти всех собак перед продолжительными и более важными походами 1915-16 годов. Мужчины находились в санном походе почти непрерывно в течение шести месяцев, они страдали от обморожений, цинги, снежной слепоты и крайней усталости. Но они заложили склады в нужных местах и, если бы партии моря Уэдделла удалось пересечь Антарктиду, продовольствие и топливо ожидали бы нас там, где мы и рассчитывали их найти.

Диспозиция на 9 октября была такова, что девять человек находились в Хат-Пойнт, имея с собой припасы, необходимые для складов и собственных нужд в течение всего лета. Оставшиеся собаки находились на мысе Эванс с Гейзом, у которого были воспалены пятки и он был на время заменен Стивенсом в санной партии. Небольшое количество запасов уже было перевезено в лагерь Спасения на краю Барьера за Хат-Пойнт. Макинтош намеревался сформировать крупный склад у Минна Блаф в семидесяти милях от Хат-Пойнт. Это потребует нескольких походов с тяжелым грузом. Затем склад Блаф будет использоваться в качестве отправной точки для путешествия к горе Надежды (Mount Hope) у подножия ледника Бирдмора, где был заложен последний склад.

Партия вышла из Хат-Пойнт утром 9 октября, девять человек на одной веревке тянули трое нагруженных саней. Они достигли лагеря Спасения сразу после полудня и, переупаковав сани с грузом около 2000 фунтов, начали свое путешествие по Барьеру. Тянуть оказалось чрезвычайно тяжело, и через полмили они разбили лагерь. Было решено на следующий день разделить сани и тянуть каждые по трое человек. Макинтош надеялся, что таким образом сможет двигаться быстрее. Днем прошли только четыре мили, а на следующий день пути было не лучше. Джойс упоминает, что ему никогда не тянулось тяжелее, поверхность была мягкой (*), а нагрузка на человека составляла 220 фунтов (ок. 100 кг). Новое перераспределение не стало успешным из-за различий в силах людей и разной загрузке саней, поэтому утром 12-го Макинтош, после совета, решил выдвинуться вперед с Уайлдом и Спенсер-Смитом, взяв одни сани с относительно легким грузом, оставив Джойса и остальных пятерых мужчин тащить двое саней и остальные припасы в своем темпе. Этого способа передвижения придерживались и в дальнейшем. Температуры были ниже -30 Fahr, и поскольку люди потели, когда тащили под солнцем свой тяжелый груз, то по ночам очень страдали от дискомфорта в сырой и замерзающей одежде. Джойс облегчил сани 13-го,

оставив часть сухпайков и запасную одежду, и дело пошло лучше. Он строил по пути снежные гурии как указатели для обратного пути. Он упоминает о прохождении нескольких крупных трещин в течение следующих дней. Постоянный встречный ветер, местами с поземкой, делал условия похода неприятными и стал причиной множественных обморожений. Когда поверхность была твердой и тянулось сравнительно легко, люди скользили и падали постоянно, *“выгляды словно профессиональные танцоры”*.

(* Здесь и далее будет довольно часто упоминаться то или иное состояние снега. Следует понимать, что в крайних широтах свежевывающий снег имеет несколько иную структуру (это может быть т.н. рыхлый перемороженный снег, «тормозун», «бетон» и т.д.), который зачастую представляет серьезное препятствие для передвижения, особенно на деревянных лыжах, поскольку по трущимся свойствам может иногда быть сравним больше с наждачной бумагой, нежели с привычными для нас его свойствами.)

20-го октября северный ветер сделал возможным воспользоваться парусом, и партия Джойса быстро продвигалась вперед. Днем Джек заметил бамбуковую палку и Джойс обнаружил отмеченный склад, который он заложил для моей собственной партии “дальнего юга” в 1908 году. Он порывался в надежде найти какие-нибудь припасы, но склад был чист. Партия дошла до склада Блаф вечером 21-го и выяснила, что Макинтош был там 19-го. Макинтош оставил 178 фунтов провизии, а Джойс оставил одни сани и 273 фунта припасов. Наиболее интересным случаем на обратном путешествии стало нахождение записки, оставленной Черри Гэррардом для капитана Скотта 19 марта 1912 года, всего за несколько дней до того, как последний погиб в своем лагере. В этом месте были найдены перевернутые сани, обозначающие склад собачьих галет и топлива, заложенные одной из партий капитана Скотта. Джойс достиг лагеря Спасения днем 27-го октября и, оставив в нем все запасные вещи, в метель добрался до Хат-Пойнт. Сани почти прошли над большой трещиной на краю Барьера, но несколько мгновений спустя Стивенс улетел вниз в трещину на всю длину стропы.

“Было трудно поднять его наверх, поскольку у нас не было альпийской веревки, а лишь только упряжь.” - написал Джойс. “После того, как мы его вытащили, было очень тяжело идти против ветра и снега, мое лицо обморозилось, поскольку приходилось все время смотреть вперед, чтобы указывать путь. Мы прибыли к хижине около 7.30 после очень тяжелой борьбы. Мы обнаружили, что капитан и его партия находились там. Они провели там уже три дня. Гейз с собаками был там же. Вскоре мы хорошо поели и забыли о трудностях дня.”

Во втором походе к складу Блаф Макинтош решил использовать собак. Он подумал, что с помощью собак можно будет перетащить более тяжелые грузы. Этот план предусматривал отправить партию к мысу Эванс за собачьим пеммиканом. Макинтош, Уайлд и Спенсер-Смит снова вышли на юг 29 октября. Их сани перевернулись на склоне по пути к морскому льду, повредили стойки палатки. Ущерб был незначительным, и партия вскоре исчезла за мысом Эрмитаж. Джойс, оставшийся за старшего в Хат-Пойнт, получил инструкции доставить собачий корм с мыса Эванс и выдвинуться на юг как можно скорее. На следующий день он отправил Стивенса, Хейворда и Коупа на мыс Эванс, а сам занялся ремонтом санного снаряжения. Коуп, Хейворд и Гейз вернулись с мыса Эванс 1 ноября, Стивенс остался на базе. Буря задержала выход партии до 5 ноября. Мужчины тянули сани вместе с четырьмя собаками и, поскольку поверхность была мягкой, а груз на двух санях тяжелым, продвижение было медленным. Партия прошла 5 миль 700 ярдов 6-го, 4 мили 300

ярдов 7-го, 8 мил в 1800 ярдов 9-го ноября с помощью легкого северного ветра. 9-го они прошли мимо огромного бергстрема (*скорее всего это что-то типа бергширунда на ровном теле ледника*), с провалом около 70 футов от плоской поверхности Барьера. Джойс думал, что большая трещина имела расширяющуюся полость. *“Мы сделали несколько фотографий”* - писал Джойс. *“Это действительно необычный лед, с сильно рассеченными утесами голубого цвета почти в 70 футов высотой и свисающими снежными занавесками. Можно легко выскочить на его край, идя с севера в туманную погоду.”* С другим бергстромом, с разорванным вокруг него льдом, столкнулись 11-го. Джойс достиг склада Блаф вечером 14-го и оставил 624 фунта провизии. Макинтош был здесь несколькими днями ранее и оставил 188 фунтов припасов.

Джойс вновь вернулся в Хат-Пойнт 20 ноября после полного приключений дня. Утром поверхность была хорошей, и он быстро продвигался вперед. Около 10.30 утра партия вышла в зону сжатия с многочисленными узкими трещинами. *“После обеда мы внезапно выскочили на четыре вскрывшиеся трещины. Джек провалился. Мы не могли изменить курс, поскольку иначе должны были бы петлять между ними, а так скакали прямо поверх них. Трещины стали очень широкими в 2 часа. Каждый клочок земли был неясен, было трудно выдерживать курс. Решил дойти до Хат-Пойнт, прибыл в 6.30 вечера, после двадцати двух миль и очень хорошей работы. У меня был сильный приступ снежной слепоты, пришлось использовать кокаин. Хейворду также плохо. Я слез и держал глаза перевязанными три дня. Хейворд тоже.”* Оба немного оклемались к 24 ноября, и 25-го партия вышла на юг в свое третье путешествие к складу Блаф. Макинтош ушел немного вперед, но обе партии встретились 28-го и обсудили дальнейшие планы. Макинтош направлялся к складу Блаф, чтобы забрать продовольствие для склада, размещенному на 80-м градусе в первом сезоне. Джойс, после того как отнесет свою третью часть груза на Блаф, должен был вернуться в Хат-Пойнт за четвертой и последней частью, а затем партии объединят силы для путешествия к югу к вершине Надежды (83°45' ЮШ/171°00' ЗД).

2 декабря Джойс оставил на складе Блаф 729 фунтов и 7 декабря прибыл в Хат-Пойнт, и после отдыха собак и людей 13 декабря снова выдвинулся на юг. Этот поход оказался худшим для партии. Было много неприятностей с трещинами, а бури привели к задержкам 16, 18, 19, 22, 23, 26 и 27 декабря. Они провели Рождество, продираясь сквозь мягкий снег против встречного ледяного ветра и поземки. Партия достигла склада Блаф 28 декабря и выяснила, что Макинтош, который надолго задержался из-за плохой погоды, ушел на юг всего двумя днями ранее по маршруту к складу на 80 градусе. Он не продвинулся далеко и его лагерь находился в поле зрения. Макинтош оставил инструкции Джойсу следовать за ним. Склад Блаф теперь был хорошо заполнен. В нем находилось порядка 2800 - 2900 фунтов провизии для использования партиями, работающими к югу от этой точки. Это количество было дополнено к припасам, размещенным годом ранее.

Джойс вышел со склада Блаф 29 декабря, два дня спустя партии встретились. Макинтош проинструктировал Джойса, что тот должен проследовать к 81° ЮШ и там заложить склад. Затем отправить троих человек обратно к Хат-Пойнт, а самому проследовать к 82°, где заложить еще один склад. Если позволят запасы продовольствия, то после он должен идти как можно дальше на юг к 83 градусу. Сам же Макинтош дооснастит депо на 80-м градусе, а затем продолжит поход на юг. Очевидно, что такие инструкции Джойсу были предназначены для подстраховки от непредвиденных обстоятельств, если партии вдруг разминутся. Собаки тянули хорошо и, хотя их было мало, оказывали очень большую помощь.

Прошло девяносто дней, как партии оставили мыс Эванс и *“все были в добром здравии.”*

Серьезной неприятностью стала появившаяся неисправность в одном из двух примусов, используемых партией Джойса. Эти примуса повсеместно использовались то одной, то другой партиями капитана Скотта и не были в первоклассном состоянии, когда начались санные походы. Угроза отказа примуса представляла смертельную опасность, поскольку партия не могла передвигаться без средств для растопки снега и приготовления горячей пищи. Если Джойс возьмет с собой неисправный примус, пройдя склад на 80-м градусе, то всей его группе, возможно, придется повернуть назад на 81-м градусе, а это поставило бы под угрозу успех всего дела. Поэтому он решил отправить трех человек обратно от склада на 80-м градусе, которого достиг 6 января 1916 года. Ими были Коуп, Гейз, и Джек. Они взяли с собой неисправный примус и легкую поклажу и в форсированном темпе без помощи собак 16 января прибыли на мыс Эванс.

Джойс, Ричардс и Хейворд пошли дальше с грузом 1280 фунтов, состоящим из двенадцати недельных сухпайков, корма для собак и других вещей в дополнение к санному снаряжению. Через небольшие отрезки пути они возводили гурии, необходимые как указатели для складов. Джойс кормил собак хорошо и давал им горячий хуш каждую третью ночь. *“Это стоит того за ту изумительную работу, что они делают. Если мы сможем сберечь их до 82 градуса, я смогу честно сказать, что мы дошли только благодаря им.”* 8 января к Джойсу присоединился Макинтош, и с этой точки обе партии, шесть сильных человек, пошли дальше вместе. Они шли в туманной погоде 10, 11 и 12 января, выдерживая курс по редким гуриям с обрывками черной ткани на вершинах каждого из них. Придерживаясь линии гуриев и строя новые на месте старых, было возможно идти по почти прямой линии. Вечером 12-го они достигли 81 градуса южной широты и построили большую пирамиду для склада. Здесь оставили трех недельный запас продуктов для санной команды из трех человек. Такой запас обеспечивал пятидневным питанием двенадцать человек, половина его предназначалась для использования материковой партией, а вторая половина для забросочной партии на обратный путь.

13 января в плохую погоду отряд снова выдвинулся на юг.

“После непродолжительной дискуссии решили отправляться в путь”- написал Джойс. “Хотя погода туманная и падает снег, стоит делать усилие. Немного терпения в выборе направления и курса на пирамиды, даже если они где-то в 200-х ярдах, позволяет нам двигаться вперед, кажется, что такая погода не изменится никогда. Мы режем старые брюки Ричардса и крепим лоскуты по бокам пирамид, чтобы сделать их более заметными. Удивительно то, как мы продвигаемся вперед, несмотря на снег и покрытую коркой поверхность. Мы сделали 5 миль 75 ярдов до обеда. Собаки работают великолепно. Я действительно не знаю, как бы мы управились, если бы их не было с нами... Расстояние за день 10 миль 720 ярдов, великолепный результат, учитывая поверхность и погоду.”

Погода прояснилась 14-го, и люди смогли ориентироваться на горы к западу. В течение следующих дней они продвигались достаточно быстро, ежедневно покрывая расстояния от десяти до двенадцати миль, и достигли 82 градуса южной широты утром 18 января. Склад здесь, как и склад на 81 градусе, был рассчитан на пятидневный запас на двенадцать человек. В палатке Макинтоша возникли проблемы с примусом, что сделало нецелесообразным разделение партий. Поэтому было решено, что все пойдут дальше, и что следующий и последний склад должен быть размещен у подножия вершины Надежды на леднике Бирдмора на широте 83°30' (~ в 130 км от склада). Партия продолжила путь и

прошла пять миль, прежде чем вечером того же дня разбила лагерь.

Санний груз теперь был сравнительно легким, и 19-го января партия преодолела 13 миль 700 ярдов. Но появилась новая проблема, Спенсер-Смит сильно страдал от отеков и болей в ногах и был не в силах много и долго тянуть сани. 21-го Джойс написал, что Смиту стало хуже, и что у Макинтоша также появились признаки истощения. Вершина, которую он принимал за Надежду, была видна прямо впереди в более чем тридцати милях. Спенсер-Смит, который мужественно шел вперед и лишней раз не жаловался, вышел вместе со всей партией следующим утром и продолжал идти почти до полудня. Затем он сообщил, что не может идти дальше и Макинтош объявил привал. Спенсер-Смит предложил, что останется с провизией и палаткой, пока другие члены партии отправятся к вершине Надежды, и заверил Макинтоша, что отдых позволит ему поправиться и что он будет готов к походу, когда они вернутся. После короткого совещания, партия согласилась принять этот план. Макинтош чувствовал ответственность за то, что склад должен быть заложен, и что вынужденная задержка может стать роковой. Спенсер-Смита оставили одного в палатке с санями и провизией и договорились о возвращении партии примерно через неделю. Палатку сделали как можно более комфортной изнутри, еда была размещена в пределах досягаемости больного человека. После обеда Спенсер-Смит пожелал своим товарищам удачи, и к вечеру партия была в шести или семи милях от него. Пять человек теперь ютились по ночам в одной палатке, но при минусовой температуре совсем не возражали против того, что было так тесно.

23 января густой туман скрыл все ориентиры, а поскольку теперь была необходима привязка к горам, в 11 дня партия остановилась, пройдя только четыре мили. Туманная погода продолжалась в течение 24-го, и люди не смогли выйти до утра 25-го. В тот день они прошли 17 и $\frac{3}{4}$ мили и остановились в 6 часов вечера у края “огромного ледопада”, которого Джойс прежде никогда не видел. Они подошли к горам и столкнулись с огромным нагромождением, созданным в Барьере потоком ледника Бирдмора.

“Мы решили не снимать лагерь” – пишет Джойс о работе, выполненной 26 января. “Кэп, Ричардс и я связались веревкой, я лидировал, и попытались найти путь через это нагромождение. Мы прошли вдоль очень широкой трещины, потом немного спустились вниз, вылезли на вершину очень высокой гряды, и увидели такую сцену! Представьте только себе тысячи тонн льда, обрушившихся на глубину около 300 футов. Мы сделали пару фотографий, а потом пошли на восток. Наконец мы нашли проход и вышли через небольшую трещину к горе Надежда, надеясь, что это она. Мы видим гигантский ледник, который принимаем за ледник Бирдмора, в устье которого находится эта гора, но наше местоположение, кажется, не соответствует схеме. [Это не оно. Э.Г.Ш.] Мы почти достигли края ледника, когда Ричардс справа увидел что-то, что оказалось двумя вертикально установленными санями капитана Скотта, на три четверти засыпанными снегом. Тогда мы поняли наверняка, что добрались до места, до которого стремились дойти. Мы поднялись по ледовому склону и прошли еще около одной с четвертью мили и увидели гигантский ледник Бирдмора, протянувшийся к югу. Он около двадцати пяти миль в ширину - поразительное зрелище. Затем мы вернулись в лагерь, который отыскили в шести милях. Мы вышли в 8 часов утра и вернулись обратно в 3 часа дня, добрая утренняя работёнка. Затем пообедали. Около 4 часов вечера мы отправились обратно к двум саням и дошли до них приблизительно в 7 часов. Уайлд, Хейворд и я отнесли двухнедельный запас продуктов вверх по леднику. Мы оставили его, привязав к разбитым саням, и установили

большой флаг. Я сделал две его фотографии. Мы провозились до 10.30 вечера. Было достаточно тяжело идти вверх. Я был очень рад, что наша работа наконец завершена... Легли спать в 12 часов. Расстояние, пройденное за день, 22 мили”.

Партия оставалась в лагере до 3.30 дня 27-го из-за метели с сильным снегом. Затем, когда прояснилось, они вышли и прошли зону трещин, прежде чем в 7 вечера разбили лагерь. Джойс страдал от снежной слепоты. Теперь они направлялись домой, в путь длиной 365 миль. 28-го они прошли 16 с половиной миль, в упряжи с абсолютно слепым Джойсом, “*но все еще тянущим свою лямку.*” На следующий день они достигли лагеря Спенсер-Смита и нашли его в своем спальном мешке, совершенно неспособным к самостоятельному передвижению. Начиная с этой даты, дневник Джойса содержит довольно много мрачных сомнений насчет дальнейших перспектив, поскольку догадывался, что Макинтош будет также не в состоянии пройти обратный путь. “*Собаки все еще в форме, - добавляет он. “Если только они дотянут до 80 градуса, мы сможем забрать там для них достаточно пищи, и тогда, если корабль на месте, я гарантирую, что они проживут в комфорте всю оставшуюся жизнь.”*

30-го из-за бушующей метели выйти не смогли. 31-го партия прошла 8 миль со Спенсер-Смитом на сани. Он был совершенно беспомощен, его поднимали и переносили, но храбрость не оставляла его. Его слова были полны оптимизма даже тогда, когда его физические страдания и слабость были наиболее выражены. 1 февраля пройденное расстояние составило 13 миль. На следующее утро партия бросила одни сани, чтобы уменьшить груз, и пошла с единственными санями с лежащим поверх припасов и снаряжения Спенсер-Смитом. За день прошли 15 с половиной миль. 3 февраля они дошли до склада на 82 градусе и забрали один недельный рацион, оставив двухнедельный сухпак для материковой партии. Джойс, Уайлд, Ричардс и Хейворд были в норме. Макинтош хромал и был слаб, состояние Спенсер-Смита вызывало тревогу. Партии сопутствовал сильный южный ветер, покрываемые ими расстояния были хорошими. Саный метрометр показал 15 миль 1700 ярдов 4 февраля, 17 миль 1400 ярдов 5-го, 18 миль 1200 ярдов 6-го и 13 миль 1000 ярдов 7-го, когда в 10.30 утра они достигли склада на 81 градусе, вновь забрав один недельный рацион и оставив двухнедельный.

Переход до склада на 80 градусе прошел без приключений. Партия совершала хорошие переходы, несмотря на туманную погоду и плохую поверхность, и 12-го февраля в конце дня достигла склада. Запас припасов в этом складе был большим, и мужики забрали двухнедельный рацион (рассчитанный на трех человек), оставив почти четырех недельный запас. Спенсер-Смит выглядел немного лучше, все радовались быстрому продвижению вперед. 14, 15 и 16 февраля, однако, выдались неважными, из-за мягкой поверхности временами проваливались по колени. Для собак это было очень тяжелое испытание, ежедневно покрываемые расстояния уменьшились примерно до восьми миль. Слабость Макинтоша прогрессировала. 18-го, когда партия находилась в пределах двенадцати миль от склада Блаф, неистовая вьюга сделала дальнейшее путешествие невозможным. Эта снежная буря бушевала в течение пяти дней. Ежедневные рационы были сокращены уже на второй день, а на третий день партия перешла на половину сухпайка.

“Все еще вьюжит” - написал Джойс 20-го. “Ситуация серьезная, как и с нашим пациентом, так и с убывающей провизией. Собачий корм почти закончился, мы должны сократить вдвое обычный рацион. Сейчас мы держимся на одном котелке хуша на троих, по одному сухарю и двум кускам сахара на нос. Самая серьезная проблема, это

заканчивающееся топливо. У нас много чая, но не на чем его приготовить”. Люди в палатке Макинтоша находились не в лучшем положении. Макинтош был плох. Он сомневался в своей возможности продолжить путь, но решил попробовать.

“Все выюжит”, - написал Джойс 21-го. “Мы лежим в лужах, образованных нашими телами от постоянного пребывания в одном положении столь долгое время. Я не знаю, что мы будем делать, если не полегчает. Дует постоянно, без перерыва. Сегодня еда состояла из одного котелка пеммикана на троих, по сухарю каждому, и двух чашек чая на троих”. Керосин закончился, импровизированный светильник Ричардса наполняли спиртом (предназначенным для розжига масляной лампы), поджигали и держали над ним кружку. Требовалось полчаса, чтобы таким образом натопить кружку воды. “Все по-старому, не прекращается эта выюга” - записал Джойс двадцать четыре часа спустя. “Почти не осталось еды, кроме чая и сахара. Ричардс, Хейворд и я решили в любом случае завтра выйти, или же мы разделим судьбу капитана Скотта и его партии. Соседняя палатка безмолвствует, но вновь и вновь мы слышим прорывающиеся звуки песни Уайлда, они еще в стане живых. Ночью отдали собакам оставшуюся еду, так что нам придется поднажать, поскольку многое зависит от них”. Далее выдержки из дневника Джойса.

“23 февраля, среда. Около 11 часов увидел разрыв в облаках и показавшееся солнце. Решили съесть то, что сохранили для отправки в путь. Крикнул Кэповской команде, что выдвинемся, как только поедим. Я спросил Уайлда, и выяснил, что у них осталась пачка овсянки, несколько бовриловских кубиков, одна плитка шоколада и восемнадцать сухарей, так что им гораздо лучше, чем нам. После еды начали раскапывать сани, которые нашли полностью заметенными. Нам потребовалось на это два часа, в это трудно поверить, настолько слабы мы стали. Два копка лопатой и отдыха. Это вызвано долгим бездействием практически без пищи. Вытащив сани, оттащили их к высокой здоровой заструге у палатки Кэпа. Вышли в путь около 2.20. Пришлось часто по разным причинам останавливаться, из-за паруса и т.д. Около 3.20 Кэп, который привязал себя к саням, понял, что не сможет продолжить путь. Так что после консультации с Уайлдом и партией, решили поставить им палатку, оставив Уайлда присматривать за Кэпом и Спенсер-Смитом, а самим максимально быстро дойти до склада, который в двенадцати милях от нас. Мы поставили палатку и оставили их около 3.40. Я сказал Уайлду, что сделаю все возможное и вернусь назад 26-го или 27-го, погода позволяла, но, как только мы их оставили, пошел довольно сильный снег, солнце закрыли тучи и мы обнаружили, что даже с четырьмя собаками не можем делать больше, чем от половины до трех четвертей мили в час. Поверхность настолько плоха, что иногда приходится идти по пояс в снегу, но, несмотря на все это, мы шли до 6.35. Лагерь поставили под вой бури. Я обнаружил, что сильно обморозил левую ногу. После перехода мы перешли к нашему банкету - одна чашка чая и по половине сухаря. Улеглись в 9 часов. Ситуация выглядит не очень веселой. Это самая ужасная поверхность, что я когда-либо встречал здесь за все мои походы ”.

Макинтош оставался на ногах так долго, насколько это было в человеческих силах. Записи обратного путешествия ясно показывают, что он был реально неспособен самостоятельно идти дальше склада на 82 градусе и другие члены партии предлагали ему остаться со Спенсер-Смитом на 83 градусе. Однако вся ответственность за работу была, в первую очередь, на нем, и он не сдавался. Он уже несколько недель мучился от того, что с улыбкой называл “вывихнул ногу”, скорее всего цинги. Он прошел с полчаса 23-го, прежде чем свалился, но его поддерживал Ричардс. Спенсер-Смит угасал. Уайлд, оставшийся

присматривать за двумя инвалидами, находился в достаточно хорошем состоянии. Джойс, Ричардс и Хейворд, которые предприняли спасательный поход, были все с симптомами цинги, хотя и в разной степени. Их ноги были слабы, десна опухли. Решение, что с 24 февраля калеки под присмотром Уайлда должны остаться в лагере, пока партия Джойса пробивалась к складу Блаф, было полностью оправданным в этих обстоятельствах. Джойсу, Ричардсу и Хейворду было трудно дойти до склада с почти пустыми санями. Попытка же проделать это путешествие с двумя беспомощными людьми могла повлечь гибель всей партии.

“24 февраля, четверг. Подъем в 4:30, одна чашка чая, полсухаря, вышли после 7. Погода - снежит и дует как накануне. Ричардс, закладывавший гурии, имел много хлопот с ориентированием в пределах 10 градусов из-за ветра. Утром останавливались каждые четверть часа, чтобы восстановить дыхание. Каждый раз, когда сани попадали в сугроб, то застревали (хотя весят только 200 фунтов), и три мужика и четыре собаки могли сдвинуть их только после 1-2-3 попыток. Я удивлюсь, если эта погода когда-нибудь закончится. Остановились в полностью изнеможенном состоянии в 12.10. Обед - полчашики слабого чая и четверть сухаря, который растянули на полчаса. Ричардс и Хейворд вышли из палатки, чтобы подготовиться для отправки в путь, но ветер и снег загнали их назад. Сила ветра от семидесяти до восьмидесяти миль в час. Мы решили достать спальники, что заняло значительное время. Самое худшее в остановке - бедные собаки и наше слабое состояние, это значит, что мы должны вылезти из наших мокрых спальников и выпить другую половину чашки чая, не заработав ее. Вместе с очистками от собачьих мисок это очень скудная трапеза. Второй день собаки без еды и, если мы не сможем вскоре добраться до склада и спасти собак, будет почти невозможно перетащить наших двоих калек на сто миль, которые мы должны пройти. Ветер дул с неутрахающей яростью до 7 часов, а затем наступил перерыв. Мы сразу вскочили, но оказалось, что снежит столь сильно, что двигаться в нашем слабом состоянии невозможно. Пока никаких шансов. Снова улеглись. В 8.30 снова поднялся ветер с сильной поземкой. Несмотря на всё, мои товарищи по палатке с оптимизмом смотрят вперед. Поговорив, мы решили подождать и легли спать. Удивительно, какие у нас сны, особенно про еду. Уповаем на Провидение и завтрашнюю хорошую погоду.”

“25 февраля, пятница. Встали в 4.45. Ричардс приготовил наш обычный банкет, половину чашки чая и четверть сухаря, который мы смаковали. Вышли в 7, идем, останавливаясь через каждые десять или пятнадцать минут. Снежит и дует так же, как накануне. Мы очень слабы, но не можем (не имеем права) сдаться. Мы часто говорим о бедном капитане Скотте и метели, что прикончила его и его партию. Если бы мы остались в нашей палатке еще на день, я не думаю, что все смогли бы выйти, мы бы разделили ту же участь. Но если худшее случится, мы сделали все возможное, чтобы продолжить путь и умрем в упряжке. Если бы кто-нибудь увидел нас в пути, то очень удивился, трое шатающихся мужчин с четырьмя собаками, очень слабые, с практически пустыми санями и с попутным ветром чуть ли не ползут вперед, одежда вся изношена, унты и спальные мешки порваны. Наша палатка - худшее место, все рвутся вперед и поэтому боятся останавливаться, так как слишком холодно, чтобы ее починить. Мы встали на продолжительный обед в полдень. После пяти часов напряжения всех сил я думаю, что мы сделали около трех миль. После обеда сидели в палатке, обсуждая положение. Решили снова отправляться в путь при малейшей возможности. Снежит и дует, сила ветра около

пятидесяти или шестидесяти миль в час.”

“26 февраля, суббота. Ричардс вышел в 1.10 ночи и увидел, что немного прояснилось, так что мы отправились в путь как можно скорее, было 2.10 утра. Около 2.35 Ричардс заметил склад, который, оказалось, было прямо перед нами. Я полагаю, что мы разбили лагерь, не более чем в трех четвертях мили от него. Его заметили собаки и, казалось, обрели второе дыхание. Они рванули вперед, но мы были так слабы, что не смогли пройти более 200 ярдов и остановились. Я думаю, что еще один день нас бы доконал. Прибыли на склад в 3.25, нашли его в потрепанном состоянии, но все ящики на месте. Я не думаю, что была когда-либо столь слабая партия, пришедшая на любой склад. Из последних сил поставили палатку и разбили лагерь. Затем дали собакам хорошую порцию пеммикана. Может когда-либо собаки и спасали чью-либо жизнь, но нас они точно спасли. Будем надеяться, что они продолжат в том же духе, и мы сможем забрать наших товарищей. Я начал готовить. Ни у кого из нас не было аппетита, и хотя мы были на земле изобилия, как мы называем этот склад, много сухарей и т.д., есть не могли. Я думаю, что это своеобразная реакция, не только добраться сюда, но и не найти новостей о корабле, который ушел, прежде чем мы отправились в походы. Мы все думаем, что он по-прежнему в беде. Будем надеяться на лучшее. Мы решили вначале сделать овсянку с молоком, которая провалилась очень хорошо, а потом вскипятить чайку. Как сладко гудит примус. Кажется, словно мы вошли из густого Лондонского тумана в гостиную. Посоветовавшись, решили перекусить пеммиканом в четыре часа, и так далее, пока наша слабость не исчезнет. [Позже] Все та же погода. Мы отправимся назад как можно скорее. Я думаю, что мы станем сильнее от физической нагрузки и хорошего питания. [Позже] Погода все еще не позволяет выйти. Залатали нашу порванную палатку мешками из-под еды. Это заняло четыре часа. Кормление собак каждые четыре часа, Ричардс и Хейворд обустроивают склад. Удивительно, что требуются два человека, чтобы поднять 50 фунтовый ящик, это показатель нашей слабости. Погода всё та же, сила ветра временами от семидесяти до девяноста миль в час, удивительно, что буря продолжается столь долго.”

“27 февраля, воскресенье. Яростный ветер продолжался всю ночь. Каждую минуту ждали, что палатку снесет. Проснулись в 5 часов, настолько туманно, что не можем покинуть палатку. Мы по-прежнему очень слабы, но думаю, что сможем пройти двенадцать миль до наших товарищей за один длинный переход. Если бы только прояснилось, на один только день, мы бы не возражали. Это самая продолжительная непрерывная метель, с которой я столкнулся. Без нее у нас не было еще ни дня путешествия за одиннадцать дней, количество выпавшего снега потрясает. [Позже] Поели в 10.30 и решили отправляться в путь, несмотря на ветер и снег. Вышли в 12. У нас с собой на санях трехнедельный запас еды - около 160 фунтов [в неделю, прим.], и недельный собачий рацион, еще 50 фунтов. Весь вес, как я уже сказал, около 600 фунтов, берем также дополнительные сани, чтобы тащить капитана Макинтоша. К нашему удивлению, не смогли сдвинуть сани. За полчаса прошли около десяти ярдов. Мы опрокинули сани и почистили направляющие, после они пошли немного лучше. Я боюсь, что наша слабость гораздо сильнее, чем мы думаем. Колени Хейворда в довольно плохом состоянии, они доставляют ему неприятности и очень болят, мы сделаем ему хороший массаж, когда разобьем лагерь. Собаки растеряли былой задор, кажется, они знают, что вновь идут на юг и это не хорошо для них, такое ощущение, что они делают вид, что дергают, но типа не могут сделать большего. Я не думаю, что наш темп более чем половина или три четверти

мили в час. Поверхность гнилая, снега по колени, а прогноз не сулит ничего хорошего. Обед около 4.30. Продолжали до 11.20, когда разбили лагерь. Было очень темно, чтобы готовить ужин, но вскоре начали и этот процесс. Затем Ричардс провел час или около того, натирая Хейворда спиртом, от которого ему стало лучше. Если и он свалится, я не знаю, что делать. Лег спать около 1.30. Сейчас спокойно, но пасмурно, с легким падающим снегом.”

“28 февраля, понедельник. Проснулись в 6 часов, видно только немного горизонт. Вышли в 9. Причина задержки - починка унт, которые в очень плохом состоянии. Вчера я сильно обморозил ноги. Около 11 часов начался снег, все в тучах. Мы должны были дойти до наших бедных парней в три или в четыре часа, но Судьба распорядилась иначе, поскольку вновь сильно завьюжило около 11.45. Остановились в полдень. Я думаю, что партия в пределах очень небольшого расстояния, но мы не можем продолжать, поскольку есть шанс пройти мимо них, так как у нас нет никаких ориентиров, кроме как идти по компасу. [Позже] Вьюжило весь день и ночь.”

“29 февраля, вторник. Подъем в 5 часов утра, все еще очень туманно. Немного прояснилось около 8 часов, когда Ричардс заметил что-то темное к северу от нас, но мы не смогли разглядеть, что это было. Оглядевшись, заметили лагерь к югу, так что вышли как можно скорее. Дошли до лагеря около 12.45, Уайлд вышел нам навстречу. Мы поприветствовали его, поскольку ожидали найти всех в лежащем положении. Он сказал, что понемногу разминался каждый день, и у них не осталось еды. Затем из палатки вышел Кэп, очень слабый, и прошел сколько смог. Он сказал: "Я хочу поблагодарить вас за спасение наших жизней". Я сказал Уайлду идти и накормить их, но, на всякий случай, не есть сразу слишком много, поскольку собираюсь отправиться в путь, как только они поедят. Мы пообедали, и Кэп вышел вперед немного размяться, и после часа откапывания все было готово к выходу. Когда мы поднимали Смита, то увидели, что он находился в огромной дыре, которую растопил своим телом. Эта партия провела в одном лагере двенадцать дней. Мы отправились в путь и выбрали Кэпа, который свалился, слишком слабый, чтобы идти самостоятельно. Мы положили его на сани, что взяли с собой, лагерь разбили около 8 часов. Я думаю, что мы прошли около трех миль, прилично с двумя мужиками на санях и Хейвордом в очень плохом состоянии. Я не думаю, что есть еще такая партия как мы, трое лежащих, и трое очень слабых, но собаки, похоже, обрели новую жизнь, поскольку мы повернули на север. Я думаю, что они понимают, что находятся на пути домой. Я рад, что мы сохранили их даже тогда, когда сами голодали. Я знал, что они должны были прийти к финишу. Теперь мы должны смотреть вперед, я думаю, что в это время года мы должны получить в помощь южный ветер. Надеюсь, что температура продержится, поскольку наши спальные мешки промокли насквозь и изношены, вся одежда в дырах, а унты в ветхом состоянии, ни один человек не выйдет в промозглый день в люди в такой гнилой одежде, как у нас. Легли в 11 часов, промокившие насквозь, но со светлыми чаяниями. Надеюсь завтра попытаться достигнуть склада, даже если придется идти подольше.”

“1 марта, среда. Встали в обычное время, хороший южный ветер, но, что хуже, сильная поземка. Поставили парус, положили Кэпа на вторые сани. Температура понизилась и очень холодно. Блаф в поле зрения. Мы хорошо продвигаемся, до обеда сделали хороший переход. После обеда ветер немного сильнее. Хейворд по-прежнему держится за сани, Кэп дважды упал. Достигли склада в 5.45. Когда ставили лагерь, выяснилось, что свалилась наша полюсная палатка, Ричардс прошел немного назад и заметил ее в бинокль примерно в полумиле и принес ее назад. Хейворд и я очень замерзли за это время, поземка

это очень плохо. Мораль: смотри за всем внимательно. Вскоре мы поставили нашу палатку, приготовили в темноте ужин и легли около 10 часов.”

“2 марта, четверг. Подъем как обычно. Сильный юго-западный ветер с поземкой. Забрал со склада двухнедельный паек. Думаю, что нам хватит, поскольку другой склад примерно в пятидесяти милях к северу отсюда, я взял курс на обход зоны трецин, ни у кого не будет слишком много шансов с двумя людьми на санях и одним калеккой. Вышли около 10 часов, пообедали в полдень в сильную поземку, заняло целый час, чтобы поставить палатку и т.д., настолько силен был ветер. После обеда обнаружил сани погребенными под снегом, потребовалось некоторое время, чтобы отправиться в путь. Ветер и поземка очень сильны, поставили полпаруса на первые сани и вышли около 3.30. Движение безупречно, иногда сани нас обгоняли. Продолжали до 8 часов, сделав за день отличный переход, пройденное расстояние около одиннадцати или двенадцати миль. Немного ноет сердце, только бы так и дальше, надеюсь, что сможем дойти. Готовили в темноте, но все еще не успокоились. Завалились около 11 часов, довольные собой, хотя и промокившие насквозь от снега, проникавшего сквозь все дыры нашей одежды, в спальники, худшие чем ужасные”.

“3 марта, пятница. Подъем как обычно. Всю ночь яростно надрывалась буря. С отвращением обнаружил, что продолжать совершенно невозможно. Еще несколько часов агонии в этих гнилых мешках. [Позже] Метель усилилась. Развлекали себя починкой унт и комбинезонов, рукавиц и носков. Пока занимались этим, работал примус. Надеюсь на хорошую погоду завтра.”

“4 марта, суббота. Подъем в 5.20. Еще метет, но решили отправляться в путь, мы попытаемся и пойдем, несмотря ни на что, поскольку Хейворду становится все хуже, и никто не знает, кто будет следующим. Нет, это не ошибка, это цинга, и единственно возможное лекарство - это свежие продукты. Я искренне надеюсь, что корабль на месте, если мы не пройдем нагорье за Кастл Рок, что достаточно сложно, задержимся еще на пару дней. Смит по-прежнему весел, он почти не двигался несколько недель, но должен продержаться. Тронулись в путь в 9.35. Ушла пара часов, чтобы откопать собак и сани, поскольку их полностью занесло. Теперь так каждое утро. Поставили парус, идем с попутным ветром. Хейворд снова залез на сани. Пообедали как обычно, в обед их снова занесло. Теперь занимает некоторое время поставить лагерь, в этой поземке это ужасно. В полдень ветер немножко ослаб, поземка стихла. Очень тяжело тянуть с третьим человеком на санях, Хейворд провел на них весь день. Ветер повернул на два румба к югу, так что у нас попутный ветер. Часом ранее, перед тем как мы остановились, показались Эребус и Террор, приятное зрелище. Надеюсь, что ветер продолжится. Поземка – злейшая вещь для борьбы с нами, поскольку проникает сквозь одежду, которая мокрая насквозь. Встали на ночевку в 8 часов. Готовили в темноте и завалились в свои мокрые спальники около 10 часов. Пройденное расстояние около восьми или девяти миль.”

“5 марта, воскресенье. Проснулись в 6.15. Немного проспал, очень устал после вчерашнего. Яркое светит солнце, ветра нет. Прошедшей ночью это казалось странным, не хлопала палатка. Около 8.30 вновь поднялась поземка. Вышли в 9.20, поставили оба паруса. Сани идут тяжело, особенно в рыхлых местах. Если бы Хейворд не сломался, то мы бы не ощущали вес столь сильно. Обед в 12.45. В путь в 3. Ветер и поземка очень сильны. Это хорошее подспорье, иначе бы пришлось челночить. Очертания земли размыты. Пройденное расстояние около десяти или одиннадцати миль, очень хороший результат. Поставились в 7.10 в темноте. Пациенты не в лучшем виде. Надеюсь дойти, если ничего не случится, за

четыре дня.”

“6 марта, понедельник. Вышли в 9.20. Достигли склада “тридцать две мили” в 11 часов. Утром шли с попутным ветром, который немного стих после обеда, вследствие чего пришлось очень тяжело тянуть. Мне кажется, мы должны будем оставить кого-то, если ветер стихнет вовсе. Пройденное за день расстояние около восьми миль.”

“7 марта, вторник. Вышли в 9 часов. Хотя проснулись в 5, очень долго собирались в дорогу. С нашими инвалидами теперь приходится делать вдвое большие работы. Это самый спокойный день за несколько недель. Светит солнце, все видно. Тянуть трудно. Около 11 часов задул небольшой бриз, поставили парус, но работать еще очень, очень тяжело. Хейворд и Кэп идут впереди с палками, очень медленно, но это взбодрит их и им станет лучше. Только бы раздобыть свежих продуктов! Около 11 часов решили остановиться и отремонтировать сани, оставить все снаряжение кроме того, что действительно необходимо. Вышли еще раз в 2, но поверхность стала столь вязкой, что это не имеет никакого значения. После совета Кэп решил остаться в палатке с трехнедельным запасом еды, пока мы оттащим Смита и Хейворда. Это задача кажется трудной, впереди еще около тридцати миль, а помощи взять неоткуда. Наши вещи сгнили, не спали всю прошлую ночь, продрожав в мокрых мешках. Интересно, каковы будут результаты нашей борьбы. Верим в Провидение. Пройденное расстояние около трех с половиной миль.”

“8 марта, среда. Вышли в 9.20. Сказали Кэпу “до свидания”, забрали Смита и Хейворда. Был попутный ветер, шлоь очень хорошо. Надеюсь до Хат-Пойнт за четыре дня. Пообедали у склада № 2. Покрыли около четырех с половиной миль. В путь как обычно, после обеда встречный ветер, идетя очень тяжело. Продолжали до 6.30. Всего прошли около восьми или девяти миль.”

“9 марта, четверг. Провели очень плохую ночь, ужасный холод. Температура опустилась до -29 градусов (~ -35С). В 4 утра Спенсер-Смит сказал, что чувствует себя как то странно. Уайлд поговорил с ним. Затем в 5.45 Ричардс вдруг сказал: “Я думаю, что он покинул нас.” Бедный Смит, в течение сорока дней нескончаемой боли он тащился на санях, но никогда не ворчал и не жаловался. Он провел ужасное время в своем мокром мешке и трясясь на санях, что было не слишком хорошо для него и его очень слабого сердца. Иногда, когда мы поднимали его на сани, он почти падал в обморок, но за все время ни разу не пожаловался. Уайлд присматривал за ним с первого дня. Мы похоронили его в его спальном мешке в 9 часов в следующем месте: Ereб. 184°, Obs. Hill 149° градусов. Мы сделали бамбуковый крест и возвели насыпь и гурий с табличкой. После этого тронулись в путь с Хейвордом на санях. Идти было очень тяжело, поскольку в лицо дул встречный северный ветер, температура ниже 20 градусов (~ -30С). Что касается обморожений и прочего, страдаем все. Даже собаки выглядят сдавившимися, кажется, что они не проявляют никакого интереса к своей работе. Мы слишком долго в походе, а впереди нет ничего, что взбодрит нас, кроме холода унылой хижины. До полудня прошли около двух с половиной миль, Хейворд каждый раз уходит вперед, когда мы отдыхаем. Во время обеда ветер сменился на южный с поземкой, сразу поставили парус. Продолжали с Хейвордом на санях и остановились около 8 часов в темноте. Легли в 10, усталые, измученные и грустные. Надеюсь завтра добраться до склада.”

“10 марта, пятница. Подъем как обычно. Порывы попутного ветра, очень холодно. Шли по очень мягкому снегу до почти 3 часов, в 5 прибыли в Лагерь Спасения. Добрался до края Барьера, нашел проход в залив, полный тюленей. Собаки очень взволнованы,

приходится их стеречь. В бинокль четко виден мыс Эрмитаж (южная оконечность полуострова Хат-Пойнт, прим.), который в четырех с половиной милях отсюда. Прибыли туда в 8 часов, было очень темно и ничего не видно. Обнаружили в заливе открытую воду. Поднялись по склону при сильном встречном северо-восточном ветре с поземкой. Нашли место, примерно на расстоянии мили, но так вымотались, что шли до 11.30, перетаскивая вещи. Этот склон всего около 150 ярдов вверх и каждые три шага мы должны были останавливаться и восстанавливать дыхание. В итоге поставили лагерь и около 2-х ночи легли. Я думаю, что это худший день из тех, что я провел. Такое разочарование не дойти до хижины, а таскать Хейворда по склонам не очень располагает ко сну.”

“11 марта, суббота. Подъем в 7 часов, взял бинокль и пошел по склону осмотреться. К своему удивлению, обнаружил открытую воду и, что как за мысом протянулся на расстоянии мили. Вернулся и рассказал парням хорошие новости. Я думаю, что понадобится еще два тяжелых дня, чтобы пройти по взгорью, а мы слишком слабы для этого, боюсь, другие сломаются. Ричардс и Уайлд поднялись, чтобы осмотреть ту сторону залива, и решили, что лед надежен. Тронулись в путь в 10.30, обогнули мыс и нашли лед очень влажным, но проходимым. Не оборачиваясь назад, вскоре вышли на жесткий лед и около 3-х, в итоге, прибыли в Хат-Пойнт. Кажется непривычным после всех наших приключений вернуться обратно в старую хижину. Она стоит с тех пор, как мы построили ее в 1901 году, и была затем отправной точкой нескольких экспедиций. Когда мы спускались к заливу, я мог представить стоявший там Дискавери, когда Скотт вернулся со своего дальнего юга в 1902 году, корабль украсили тогда наподобие радуги и лейтенант Эрмитаж разносил новости, что капитан Скотт добрался до 82 градуса 17-ти минут. Мы безумно провели тот день. Но теперь наше возвращение совсем другое. Через оставшееся открытым окно хижина наполовину занесена снегом, но вскоре мы все поправили и занесли Хейворда. Я разжег огонь, поставил готовиться много сушеных овощей, так как в хижине был приличный их запас. После того, как мы поели, Ричардс и Уайлд спустились к заливу и убили пару тюленей. Ночью я приготовил отменный выбор тюленины, уснули примерно в 11 часов, наелись до отвала. Здесь нет новостей о корабле, мы не видим его, и предполагаем, что он ушел вместе со всей командой. У меня нет надежды, что он прибудет сюда. Я не знаю, где Кэп возьмет его.”

“12 марта, воскресенье. Всю ночь из спальных мешков слышались стоны, все страдают от переедания. Хейворд не очень хорош. Встали в 8 часов. Хороший завтрак - каша, мясо, овощи и кофе, больше похоже на банкет. После завтрака Ричардс и Уайлд убили пару тюленей, пока я наводил порядок в хижине. Хейворд едва может передвигаться. Все мы в очень плохом состоянии, но должны продолжать двигаться. Мои щиколотки и колени сильно распухли, десны воспалены. У Уайлда почернели суставы, десны тоже очень черные. Ричардсу чуть лучше. По прибытии в хижину я готовлю еду, которая, как я думаю, ослабит цингу. У собак прошла усталость и они довольно резвы, за исключением Оскара, который страдает от обжорства. После напряженного рабочего дня легли в 10 часов.”

“13 марта, понедельник. Проснулись в 7. Продолжали делать то же, что и накануне - поглощать тюлень сало и мясо. Готовимся завтра выйти в обратный путь, надеюсь, что все будут в норме. Сделал новую собачью упряжь и подготовил сани. Днем приготовили достаточно тюленины для нашего путешествия туда и обратно, и немного для собак. Легли в 10 часов, чувствуя себя гораздо лучше.”

“14 марта, вторник. Прекрасный день. Вышли после обеда. Глядя на нашу команду,

вполне можно было решить, что мы были самой драной партией, которую только можно встретить в походе, вся одежда заштопана, лица черны как у негров – вот таким сбродом идем вперед. Шли довольно хорошо. Как только обогнули мыс Эрмитаж, сильный встречный ветер с температурой -18 градусов, для нас не самое приятное времяпрепровождение. Прибыли в лагерь Спасения в 6 часов, легли в 8.30, после того как все приготовили.”

“15 марта, среда. Встали как обычно. Хороший спокойный день. Ночью было очень холодно, температура опустилась до -30 градусов. Шли с хорошей скоростью, несмотря на распухшие конечности, прошли около пятнадцати миль. Очень холодно, когда разбивали лагерь, температура была -20 градусов. Легли в 9 часов.”

“16 марта, четверг. Встали до солнца, в 4.45 утра. Была очень холодная ночь, много не напишешь. Вышли рано. Шлось хорошо. В 10.45 утра прошли мимо могилы Смита и на складе пообедали. Позже увидели лагерь Кэпа и, глядя в бинокль, обнаружили его за пределами палатки, к нашей большой радости машущим руками, поскольку ожидали, что он лежит. Погрузили его в 4.15 пополудни. Рассказали о смерти Смита и об отсутствии судна. Я сказал ему, что вернемся 17-го, поэтому это был для него сюрприз. Мы свернули его лагерь и, пройдя на север почти милю, остановились. Дали Кэпу тюленины, овощей и смородинового варенья, животворительную для него пищу. Он выглядит плохо. Я надеюсь доставить его за три дня и, думаю, что свежие продукты улучшат его самочувствие. Легли в 8 часов. Пройденное за день расстояние шестнадцать миль.”

“17 марта, пятница. Подъем в 5 часов утра. Вышли в 8. Кэп чувствует себя гораздо лучше после того, как его покормили. Позавтракали в нескольких ярдах от могилы Смита. Был хороший день, шлось прекрасно. Прошли около шестнадцати миль. Ночью очень холодно, температура -30 градусов. Что ожидать от прогнивших мокрых мешков и одежды.”

“18 марта, суббота. Проснулись в 5. Была довольно холодная ночь. Температура -29 градусов. Поверхность очень хорошая. Кэп немного прошелся, что пошло ему на пользу. Пообедали как обычно. Темп хороший. После обеда шлось здорово. Прибыли в лагерь Спасения в 4.10. К нашей радости, обнаружили лед в том же состоянии, прибыли в Хат-Пойнт в 7 часов. Хейворд все так же плох. Расположились, приготовили хороший ужин, все, казалось, пребывали в прекрасном расположении духа. Мы дошли, остается только поправить здоровье. Тренировки и свежие продукты должны сотворить чудеса. Мы находились в походе 160 дней и прошли расстояния 1561 милю, хорошая цифра. Я думаю, что по иронии судьбы, бедному Смиту не хватило одного дня. Мыслью, что все вскоре будем в порядке. Легли в 10.30 вечера. Перед сном Кэп пожал нам руки и с большим волнением благодарил за спасение своей жизни.”

Ричардс, подводя итоги работы партии, говорит, что в походах, сделанных в период с 1 сентября по 18 марта, в течение 160 дней, они прошли 1561 милю. Основное путешествие, от Хат-Пойнт до горы Надежды и обратно было протяженностью 830 миль.

“Снаряжение” - добавляет он, “было старым на момент начала сезона, и это сильно сказалось на более поздних этапах путешествия. В походах отказали три примуса, старая палатка, принесенная назад одной из последних партий, была вся в прорехах в несколько футов длиной. Это затрудняло путешествие во время длительной метели. Унты к концу похода были также в лохмотьях, много времени уходило на починку одежды, становившейся обязательной. Эта запись не будет полной без упоминания о бескорыстной

помощи, оказанной Уайлдом двум его товарищам. С момента, когда он остался во время продолжительной выюги и до смерти Спенсер-Смита, на его попечении находились два беспомощных человека и, несмотря на свое собственное состояние, он был всегда готов, и днем и ночью, служить их нуждам. При температуре за -30 градусов это не легкая задача.”

“Без помощи четырех верных друзей, Оскара, Кона, Ганнера и Таусера партия никогда бы не вернулась назад. Эти собаки с 5 ноября сопровождали санные партии и, хотя темп зачастую был очень медленным, они приспособились и к нему. Их стойкость была выдающейся. В течение целых трех дней, как-то раз, у них не было даже объедков пищи, и это после периода ограниченного паек. Хотя они были слабы к концу путешествия, их состояние было хорошим и те, кто вернулся с ними, всегда будут помнить об оказанной ими помощи.

“Первый признак какого-либо ухудшения общего здоровья в партии проявился около 82°30' ЮШ, когда Спенсер-Смит пожаловался на скованность в ногах и бледность. Он списывал это на дыры его ветровке. На 83 градусе, когда он свалился, считали, что отдых ему поможет. Примерно в конце января у капитана Макинтоша появились очень серьезные признаки хромоты. На этот момент партия была вне Хат-Пойнт и, следовательно, без свежих продуктов, около трех месяцев.”

“На обратном пути Спенсер-Смит постепенно становился все слабее, и ближе к концу путешествия находился в состоянии крайнего истощения. Капитану Макинтошу, путем больших усилий, удавалось оставаться на ногах, пока не началась затяжная буря. Тогда же Хейворд впервые ощутил воздействие цинги, его колени забились. Его болезнь свалила с ног совершенно внезапно, проявившись в резком спазме мышц ног, что они с трудом распрямлялись. У него имелись незначительные проблемы с суставами рук. У Джойса, Уайлда и Ричардса суставы стали жесткими и черными сзади, а общая слабость стала худшим испытанным симптомом. Ноги капитана Макинтоша выглядели хуже всех в партии”.

Пять человек, находившиеся теперь в Хат-Пойнт быстро поняли, что зимние месяцы придется провести там. У них не было известий о корабле, и они справедливо полагали, что с тех пор он так и не вернулся в пролив, иначе ожидал бы их в Хат-Пойнт, или чуть дальше к югу. Морской лед был взломан и отогнан на север с милю от хижины, и партия должна была ждать, пока новый лед станет твердым вплоть до мыса Эванс. Много свежей тюленины, а также сушеные овощи и другие свежие продукты улучшали состояние пациентов очень быстро. Ричардс растирал опухшие суставы и обнаружил, что это лечение хорошо помогало. К концу марта Макинтош и Хейворд, самые пострадавшие, могли уже ходить. Ко второй неделе апреля Макинтош оправился от боли, хотя задняя часть его ног все еще была бледной.

Количество запасов в хижине при разумном потреблении хватало до середины июня. Ричардс и Уайлд убили много тюленей, так что дефицита мяса и сала не было. Заготовили также несколько пингвинов. Единственным средством в хижине для приготовления пищи и отопления была импровизированная печь из кирпича, накрытая двумя листами железа. Она использовалась прежними экспедициями. Плита источала густой дым и часто делала хижину очень некомфортной, а также покрывала мужчин и все их вещи липкой и всепроникающей сажой. О чистоте не могло быть и речи, и это усиливало желание людей попасть на мыс Эванс. В апреле в тихую погоду море замерзло, но ветер вновь отогнал лед. 23 апреля Джойс прошел четыре мили к северу, частично по молодому льду в два дюйма

толщиной, и подумал тогда, что партия вполне могла достигнуть мыса Эванс в течение нескольких дней. Однако продолжительная выюга отнесла лед прямо от Хат-Пойнт, так что открытая вода стояла до конца апреля вплоть до подножия Виниз Хилл (Vinie's Hill). Затем наступил период безветренной погоды, и в течение первой недели мая быстро образовался морской лед. Мужчины предприняли несколько коротких поездок по нему на север. Солнце ушло за горизонт в середине апреля, и не появится теперь более четырех месяцев.

Последовавшую трагедию описали и Ричардс и Джойс. *“А сейчас случился самый прискорбный инцидент”* - написал Ричардс. *“Утром 8 мая, перед завтраком, капитан Макинтош сказал Джойсу, что намеревается сходить к мысу Эванс вместе с Хейвордом. Капитан Макинтош считал лед вполне безопасным и прекрасное утро, без сомнения, соблазнило его сменить конуру хижины на больший комфорт и лучшее питание на мысе Эванс”*. (Макинтошу, естественно, не терпелось узнать, все ли хорошо у людей на мысе Эванс и есть ли известия о судне). *“Он [Джойс] настоятельно убеждал пока не рисковать, поскольку считал, что лед, хотя и крепкий, был очень молод и, что выюга почти наверняка отнесет часть его в море.”*

Однако, примерно в 1 час дня, в погоду, явно меняющуюся к худшему, Макинтош и Хейворд вышли, пообещав, в свою очередь, вернуться обратно, если погода станет хуже. Последний раз их видели со склона, когда они находились примерно на расстоянии мили от берега, держа курс прямо на мыс Эванс. В 3 часа дня началась умеренная выюга, которая позже усилилась до яростной, и партия в хижине сильно опасалась за безопасность отсутствующих людей.

10 мая, в первый день, когда стало возможным выйти, трое оставшихся прошли по льду на север, чтобы попытаться выяснить судьбу ушедших. Следы на льду просматривались достаточно четко, они тянулись приблизительно на две мили в направлении мыса Эванс. Затем следы резко обрывались и в призрачном свете, насколько хватало глаз, была видна протянувшаяся широкая полоса воды, слегка прикрытая наледью. Сразу же стало понятно, что часть льда, по которому они шли, отнесло в море.

Вся партия намеревалась, если продержится хорошая погода, попытаться пройти через залив при полной луне в районе 16 мая. Когда ушли Макинтош и Хейворд это было невозможно, поскольку сани не могли пройти по морскому льду из-за его вязкой поверхности. Этим вызвано их решение пойти в одиночку, оставив других проследовать с санями и оборудованием, когда поверхность улучшится. О том, что они точно пропали, узнали только 15 июля, когда партия из Хат-Пойнт прибыла на мыс Эванс.

Запись в дневнике Джойса говорит о том, что он очень сильно предчувствовал беду, когда ушли Макинтош и Хейворд. Он предупредил их, что не стоит идти, поскольку лед был еще тонок, а погода изменчива. Макинтош, кажется, верил, что он и Хейворд налегке смогут быстро дойти до мыса Эванс до того, как погода испортится, и если бы выюга разразилась двумя или тремя часами позже, они, возможно, были бы спасены. У мужиков не было с собой спальных мешков, а только небольшой перекус из шоколада и тюленины.

Погода в июне была плохой постоянно. Не было возможности выйти 16 мая, морской лед отогнало, и Джойс решил подождать до следующего полнолуния. Когда оно наступило, погода неистовала, так продолжалось почти до полнолуния в июле, когда и была предпринята вылазка на мыс Эванс. В течение июня и июля тюленей добывали очень мало, запасы жира сокращались.

Питание состояло из небольшого количества тюленины и каши. Небольшой имевшийся

запас соли закончился, и ее изготовили в количестве двух с половиной фунтов, выпарив снег, добытый с уровня, примыкающего к морскому льду. Собаки быстро набирали форму и иногда сами, по собственному разумению, охотились на тюленей.

Отряд выдвинулся на мыс Эванс 15 июля. Они собирались воспользоваться полной луной, но, по странному стечению обстоятельств, выбрали период затмения, и луна большую часть времени, что они пересекали морской лед, была затенена. Лед был твердым и трое мужчин без труда добрались до мыса Эванс. В хижине на мысе Эванс они встретились со Стивенсом, Коупом и Джеком и узнали, что никто из них не видел капитана Макинтоша и Хейворда. Пришлось сделать вывод, что те погибли. Партия на базе теперь состояла из Стивенса, Коупа, Джойса, Ричардса, Гейза, Уайлда и Джека.

С этого момента мужики жили в ожидании помощи. Когда представилась возможность, Джойс вывел поисковый отряд на поиски тел или любых иных следов пропавших, и впоследствии передал мне следующий отчет:

“Докладываю, что были предприняты следующие шаги, чтобы попытаться найти тела капитана Макинтоша и мистера Хейворда. После возвращения нашей партии к хижине на мысе Эванс 15 июля 1916 года, я узнал, что капитан Макинтош и мистер Хейворд не прибыли туда, и, зная об обстоятельствах, при которых их последний раз видели, все члены зимовочной партии были абсолютно убеждены, что эти два человека пропали и мертвы - они не могли выжить более чем несколько часов в метель, в которую попали, они были полностью без какого-либо снаряжения.

“Был мизерный шанс, что после возвращения солнца их следы могут быть найдены, поэтому в течение весны - августе и сентябре 1916, летом - в декабре и январе 1916-17, были проведены следующие поиски:

“(1) Уайлд и я тщательно обыскали остров Неприступности в конце августа 1916 года.

“(2) Различные партии в сентябре обыскали берег в сторону Таркс Хед (Turk's Head).

“(3) Вместе с Уайлдом и Гейзом я вышел из Хат-Пойнт 31 декабря 1916 года в 8 часов утра вдоль берега максимально близко к скалам поискать любые места для высадки на берег. В полумиле от Хат-Пойнт мы пересекли снежный склон, на который я уже поднимался в июне 1916-го, в трех с половиной милях далее находился другой снежный склон, который упирался в стену ледника Блю Айз (Голубой Лед), которую мы нашли невозможной для прохождения, ее снежный склон был сформирован сильными зимними снегопадами. Это были единственные два доступных места. Покрытое расстояние в этот день составило 10 миль 1710 ярдов. 1 января мы продолжили поиски на южной стороне Языка Ледника (Glacier Tongue, прим.) от его основания в сторону моря. Там была зона сильного сжатия, было невозможно подняться наверх ледника из-за широкой трещины. Прошли 4 мили 100 ярдов. 2 января туман прервал поиски. 3-го продолжили осмотр ледника, несколько склонов, образованных снегом, вели на верх, но трещины между ними и языком не позволили пройти дальше. Затем партия проследовала, обогнув Язык, к Тент Айслэнд (Tent Island, прим., небольшой островок в проливе), который также обыскали, полностью обойдя остров. Решили идти к мысу Эванс, приближался туман. Прибыли в 8 часов вечера. Пройденное расстояние 8 миль 490 ярдов.

Я остаюсь,

ЭРНЕСТ ДЖОЙС.”

“Для Сэра ЭРНЕСТА ШЕКЛТОНА,

Руководителя И.Т.Э.” (Имперской Трансantarктической Экспедиции, прим.)

В сентябре из-за сердечной аритмии слег Ричардс, предположительно из-за напряженной работы в санных походах. В начале октября партия, состоящая из Джойса, Гейза и Уайлда провела несколько дней на мысе Ройдс, где они собрали все, что там осталось. Они притащили запасы на мыс Эванс на тот случай, если придется остаться на еще одну зиму. В сентябре Джойс, Гейз и Уайлд сходили к могиле Спенсер-Смита и возвели на ней деревянный крест. Спасение пришло 10 января 1917 года, но сейчас пока нужно вернуться к событиям мая 1915 года, когда *Аврору* сорвало с якорной стоянки у мыса Эванс.

ГЛАВА XVI

ДРЕЙФ "АВРОРЫ"

После того, как 25 января 1915-го Макинтош оставил *Аврору*, Стенхаус с трудом удерживал судно у Тент Айслэнд. Ледовые якоря не держали вследствие постоянного отхода пака, он выяснил, что требуется постоянно медленно идти под паром навстречу льду. Третья санная партия под руководством Коупа покинула корабль во второй половине дня 31-го вместе с трактором, тащившим двое саней, и скрылась из виду в направлении Хат-Пойнт. Она вернулась на корабль 2 февраля, а 5-го снова ушла, после задержки, вызванной разреженным состоянием льда. Два дня спустя, после больших проблем с дрейфующим льдом, Стенхаус проследовал на мыс Эванс, где сделал серию промеров глубин для будущей зимовки. В течение месяца *Аврора* занимала различные позиции в районе мыса Эванс. Защищенных бухт не было. Кораблю приходилось уклоняться от угрожающих льдин, “гроулеров” и дрейфующих айсбергов, искать укрытия от выюг. Внезапный порыв ветра 24 февраля, когда корабль находился под прикрытием Языка (*Glacier Tongue*), зажал корабль во льдах, но обошлось без повреждений. В начале марта Стенхаус пришвартовался у берега на мысе Эванс, а 11-го марта отправился в Хат-Пойнт, где бросил якорь в заливе Дискавери. Там он выгрузил почти двухмесячные запасы провизии на двенадцать человек и забрал Спенсер-Смита, Стивенса, Хука, Ричардса, Нинниса и Гейза с двумя собаками. Он вернулся на мыс Эванс в тот же вечер.

“У нас было тяжелое время, когда мы "подгребали" в проливе, пытаясь выгрузить снаряжение у Хат-Пойнт, а затем, присматривая место для зимовки в окрестностях Языка Ледника.” - написал позже Стенхаус. *“Лед продолжало понемногу относить мелкими льдинами, но мы ничуть не продвинулись с тех пор, как ушли санные партии, каждое продвижение было напрасным. Корабль относило от припая в метели, и тогда мы уходили обратно в пролив от острова Росса к западной границе пака, уворачиваясь от льдин и гроулеров в сильном волнении, когда ничего не было видно, ориентиры размыты, а на корабле не хватало рук. В это время я продолжал дежурить и дежурить вместе со вторым офицером, было трудно понять, что делать дальше. Был ли еще когда-нибудь корабль в более затруднительной ситуации? На швартовку к северу от мыса Ройдс, как и у побережья к югу от Языка было табу. Мы должны были найти место для зимовки где-нибудь у небольшого вытянутого припайного льда. Лед все не вставал, и мы не могли*

найти, где бросить якорь, приходилось держать пар на случай чрезвычайной ситуации. Однажды я попытался встать в Северной бухте мыса Эванс, поскольку она, вероятно, была единственным свободным ото льда местом. Я собрал экипаж и, сформировав экипаж шлюпки, послал китобойца со вторым офицером на промер глубины. Не успела лодка отойти от корабля, как посвежел северный ветер, и большие айсберги и гроулеры, находящиеся в заливе, сделали это место несостоятельным. Якорная стоянка, которую я заметил, казалась самой надежной, но вместо того, чтобы стоять на зимовке, мы снова дрейфовали со всеми своими рухнувшими планами.”

12 марта поднялся сильный штормовой ветер и *Аврору*, пришвартовавшуюся у мыса Эванс, сорвало с якоря и отнесло из бухты. Ее понесло на север мимо мыса Барне и мыса Ройдс в тумане из летящих брызг, вздымаемых штормовым морем. Этот шторм был особенно силен. Корабль и снасти покрылись льдом, и прежде чем шторм стих, Стенхаус провел тревожные часы посреди волнующегося, наполненного льдом моря. Молодой лед, который всегда формируется при очень низкой температуре, сгладил волнение моря сразу, как только буря успокоилась, и вечером 13-го *Аврора* вернулась обратно к мысу Эванс. В заливе формировался лед, и утром 14-го Стенхаус подвел корабль к месту зимней стоянки. Он вытащил три стальных буксирных троса и зачалился к береговым якорям. Эти тросы туго натянули и *Аврора* покоилась кормой к берегу на семи саженях (~14 м глубины). Еще два троса доставили на берег на следующий день. Молодой лед формировался вокруг корабля, и под воздействием ветра и приливов этот лед начал рано создавать заметное натяжение на швартовах. 20-го марта Стенхаус заглушил машину и инженер доложил, что на тот момент в бункерах оставалось еще 118 тонн угля.

23-го лед отделился между мысом Эванс и мысом Барне, вокруг корабля давлением разрушило лед и создало сильное натяжение на кормовых швартовах. Молодой лед, около четырех дюймов толщиной, отошел, осталась лишь его полоска вдоль берега. Корабль прибило к берегу, корма теперь находилась на глубине четырех с половиной саженей (~8м). Стенхаус подтянул швартовы и привязал дополнительный трос к береговому якорю. Характер движения льда проиллюстрирован некоторыми выдержками из бортового журнала:

“27 марта, 5 дня. Лед оторвало от берега и начало отходить. 8 вечера. Легкий южный ветер, ясно, лед отошел к северо-западу, сильное давление льда на левый борт и сильное натяжение на швартовах. 10 ночи. Корабль свободен ото льда.”

“28 марта. В заливе образуется новый лед. 3 ночи. Лед, который отнесло в прошлую вахту, гонит обратно в залив. 5 утра. Пригнало лед, и он вытеснил вновь образованный; сильное давление на левый борт; тросы вмерзли в лед. 8 утра. Спокойно и ясно, новый лед вынесло из бухты. 5 дня. Новый лед, образовавшийся с утра, унесло из залива за исключением участка по левому борту судна, протянувшегося с траверза и бака примерно на 200 ярдов, и удерживаемого за счет провиса тросов; формируется новый лед.”

“29 марта, 1.30 дня. Новый лед отогнало. 2 ч. Экипаж с льдины по левому борту очищает тросы, корма на трех саженях, тросы натянули, отведя корму чуть к востоку и на четыре сажени, с правого борта провис швартов примерно в одну сажень, их сместило во время последнего сдавливания.”

“10 апреля, 1.30 дня. Лед оторвало от берега под влиянием юго-восточного ветра. Два швартова с кормы правого борта оборвало, все шлагаи кормовых швартов замерзли, на цепи усиливается натяжение. 2 дня. Лед вскрылся, оставшийся в заливе лед в линию от мыса к

леднику. 8 вечера. Свежий ветер, судно удерживается льдом в заливе, лед в проливе дрейфует под воздействием ветра на северо-запад.”

“17 апреля, 1 ночи. Давление усилилось, ветер сменился на северо-западный. Лед продолжало выдавливать и прижимать к берегу до 5 часов, в это время давление в бухте было очень сильным, движение льда вызывает шум, подобный тяжелому прибою. Корабль под давлением льда несильно скребет землю рудерпостом (ось руля), дно под кормой мелеет очень быстро. 10 вечера. Лед двигается из бухты к западу, сильное натяжение на кормовые швартовы, которые прорезают льдину”.

Стенхаус продолжала возиться со швартовкой под натиском льда в течение всего апреля и первых дней мая. Отделение от берега произошло внезапно и неожиданно вечером 6 мая:

“6 мая, 1915. Ясное утро с легким бризом с востока-юго-востока... 3.30 дня. Лед почти сформировался. Послал на берег гонцов с грузом для санных партий. 4 дня. Ветер свежееет, в небе признаки приближающейся метели. 8 вечера. ... Сильное натяжение на кормовых швартовах. 9.45 вечера. Лед отделился от берега, все швартовы оборваны. Просто офигенно слышать шум волн и оборванной цепи. В густом тумане я увидел разорванный лед за кормой и удаляющийся берег. Я свистал всех наверх и закрепил вспомогательные тали (4-дюймовые Manila luff тали), ведущие к тросам на передней части брашпиля. Боцман бросился вдоль борта вместе с аварийным фонарем и прокричал: “Его унесет!” Он хороший парень и очень добросовестный. Я приказал поднять пар в главной машине и команда машинного отделения, Гук и Ниннис, немедленно к этому приступила. Грейди, кочегар, лежал со сломанным ребром. Поскольку корабль находился в твердой льдине, якорные цепи скрежсетали в клюзах, к счастью, якоря, лежащие на голом наклонном дне, пошли легко, без ущерба для брашпиля лебедки и якорного клюза. Медленно мы растворялись в проливе, свет хижины исчезал вдали. В 11.30 вечера лед вокруг нас начал расходиться, по бортам корабля забарабанили льдины. Мы вышли из пролива и ощутили полную силу ветра. Луна пробилась сквозь тучи после полуночи и осветила пак, протянувшийся сплошным поясом к северу и, примерно, в одной миле к югу. После того, как с юга принесло пак и он сомкнулся вокруг корабля, волнение уменьшилось и удары льдин о борт слегка стихли.”

“7 мая, 8 утра. Ветер восток-юго-восток. Умеренный шторм с плотным снегом. Лед вокруг корабля сплотился и сформировал гряды около двух футов высотой. Корабль лежит носом на восток, на северо-востоке виден мыс Бёрд (Cape Bird – северная оконечность острова Росса, прим.). Когда подняли пар, я надеялся вернуться к припайному льду у Языка Ледника. С тех пор, как мы встали на зимовку, лед там сформировался и удерживался между островами и землей на мысе Эванс, оставаясь севернее Языка. Если мы сможем вернуться, то должны будем причалить к припайному льду. У инженеров возникли большие сложности с забортными отверстиями, которые замерзли. От главного bow-down sock (нижний вентиль на магистрали ?), через который из котла проходит пар, сделали ответвление и ввернули в него патрубком, чтобы растопить лед между вентилем и бортом - около двух футов твердого льда. 4.30 вечера. Оттаивание закончили. Донолли (второй инженер) имел удовольствие первым остановить струю воды через магистраль, он получил ее в глаз. В топке горел огонь, вода начала кипеть в котле - первый ответ нашей обороны против страшной силы природы Антарктики. 8 вечера. Шторм окреп, сопровождался плотным снегом.” (в технических подробностях, видимо, речь идет о системе охлаждения пароконденсатора забортной водой, прим. пер.)

На протяжении 7 мая Аврора беспомощно дрейфовала. Утром 8 мая погода немного

прояснилась и стали смутно видны Западные горы. Был также виден мыс Бёрд. Корабль вместе со льдом относил на север. Дневной свет представлял собой не более чем короткие сумерки продолжительностью около двух часов. Котел заполняли льдом, который поднимали на борт, разбивали и просовывали через небольшой иллюминатор находящегося внутри человека, а затем тащили к люку в верхней части котла. Стенхаус пользовался мегафоном, и в 5 часов вечера ему сообщили, что наполнение котла завершено. Ветер посвежел до умеренного южного штормового, с плотным снегом ночью, этот шторм продолжился и на следующий день (9-го). В полдень инженер сообщил, что давление в котле 40-фунтов и под воздействием паровой трубы началось таяние вспомогательных забортных отверстий насоса.

“Мыс Бёрд, единственная видимая земля, находится приблизительно в восьми милях к северо-востоку” – написал Стенхаус днем 9-го. *“Это означает конец нашей попытки перезимовать в проливе Мак-Мердо. Редкостная удача после четырех месяцев болтанки и последних семи недель возни со швартовыми. Наша нынешняя ситуация требует повышения бдительности. Пять недель до середины зимы. Солнца нет, света очень мало и тот тусклый, а впереди много бурь. У нас нет запасов воды, а только небольшое количество свежего льда, что находилось на борту, когда нас отправило в дрейф.”*

*“Аврора вмерзла в пак и дрейфует Бог знает где. Ну, зато, есть перспективы самого интересного зимнего дрейфа. Мы все в добром здравии, за исключением Грэйди, чьи ребра быстро заживут, у нас хорошее настроение и мы все выдержим. Но что с бедными оборванцами на мысе Эванс и южной партией? Для них это все печально. Имеется достаточно провизии на мысе Эванс, в Хат-Пойнт и, как я полагаю, на мысе Ройдс, но у нас на борту остались все *Burberrys*, одежда, и т.п. для санных экспедиций в будущем году. Я думаю, у нас мало шансов вернуться на мыс Эванс или куда-либо в пролив. Мы крепко зажаты во льду. Я надеюсь, что он быстро дрейфует к северо-востоку. Позже мы можем попытаться протолкнуться сквозь пак и дойти до Новой Зеландии, взять уголь и вернуться к Барьеру, к востоку от мыса Крозье. Это можно сделать, я думаю, в начале весны, в сентябре. Мы должны вернуться помочь в закладке складов в следующем сезоне.”*

Жестокая буря бушевала 10 и 11 мая. *“Я не припомню такой силы ветра.”* – говорил Стенхаус. *“Было очень трудно пройти по палубе.”* Погода успокоилась 12-го, стало возможным обозреть положения корабля. *“Мы находимся посреди ледового поля с якорями и семьюдесятью пятью саженьями цепей, висящими на баке. Кормовые швартовы вмерзены в лед еще на мысе Эванс. Накануне от зимовки четыре тонких троса лопнули. Когда нас отнесло, цепь и два крепких (4 дюймовых) троса лопнули недалеко от берега, оставшийся трос оборвало с кормы. Цепь и два троса придется отрывать. Этим утром мы почистили вокруг них лед, но пришлось бросить выбирание якорной цепи, поскольку замерз обратный патрубок якорной лебедки, сочленения нужно почистить, а патрубок оттаять. Хук с 8.30 до 12.30 ночи “слушал” радиостанцию на острове Маккуори (1340 миль от нас) или Блаф (Новая Зеландия) (1860 миль), но безрезультатно.”*

С большими усилиями 13-го и 14 выбрали искореженные якоря, на цепи образовался лед, поскольку их поднимали через дыру, прорезанную в льдине. Оба якоря были разбиты, и у Авроры на борту теперь оставался один небольшой верп (вспомогательный судовой якорь меньшей массы, чем становой, служащий для снятия судна с мели путем его завола на шлюпках, прим.). 14 мая корабль находился примерно в сорока пяти милях к северу и тридцати четырех милях к западу от мыса Эванс. *“За одну неделю мы продрейфовали сорок*

пять (географических) миль. Большая часть этого расстояния была пройдена в первые два дня дрейфа. Нам кажется, что мы стоим. То, что движение есть, заметно лишь по изменяющемуся северо-западному побережью. Люди, которые вчера искали пингвинов, сообщили о сильном грохоте льда примерно в одной миле от корабля. Я надеюсь, что льдина вокруг судна достаточно большая, чтобы выдержать сжатие. Мы не ждем сильного давления с юга, поскольку Мак-Мердо в ближайшее время должен замерзнуть, а лед встать. Северо-восточный ветер пригонит пак из моря Росса. Я надеюсь на лучшее. Планы на будущее готовы, но, вероятно, будут снова неостребованы... Я взял якоря на борт. От них больше нет никакого толка, и они украшают полубак, дожидаясь, пока мы разместим их по своим местам... Снабжение пресной водой проблема. Инженер направил пар из котла в главный водонакопитель (по правому борту) через патрубков, идущий от тройника в его верхнюю часть. Пар конденсируется, прежде чем достигнет резервуара. Я надеюсь, что замерший бак не лопнул. Большой плоский айсберг, отделившийся от Барьера, прорисовывается на фоне сумеречного свечения в небе примерно в десяти милях от нас. Видение миллионов тонн свежего льда дразнит. Но понадобится неделя пути до него туда и обратно через паковый лед и области сжатия, чтобы мы смогли принести достаточно льда хотя бы на пару дней”.

Записи о первых месяцах долгого дрейфа "Авроры" в море Росса не богаты событиями. На камбузе был смонтирован водяной накопительный бак, но снабжение пресной водой все равно оставалась проблемой. Люди, когда это было возможно, собирали свежеснеженный снег, и в пределах досягаемости надеялись добыть свежий лед. Хук и Ниннис постоянно работали с радиостанцией, пытаясь связаться с островом Маккуори и, по возможности, отправить новости о продвижении судна на мыс Эванс. Они ее запустили и много экспериментировали с настройками антенны, но их усилия не увенчались успехом. Императорские пингвины периодически подходили к кораблю и, когда это было возможно, птиц ловили ради свежего мяса. Аврора была совершенно беспомощна в объятиях льда, и после оттаивания машинного трюма и откачки воды котел был затушен. Давление было поднято до шестидесяти футов, но не было никакой возможности для движения судна, а запасы угля были ограничены. История дрейфа "Авроры" в течение последующих долгих месяцев может быть кратко описана выписками из дневника Стенхауса:

“21 мая. Рано утром обозначились подвижки льда. Звук скрежета и трения заставляет нас в этой ситуации почувствовать себя ничтожеством. В сумерках в полдень показались несколько узких вскрывшихся каналов примерно в двух кабельтовых от корабля во всех направлениях. Невозможно определить наше положение, но это вряд ли изменит хоть что-то. Западные горы все те же.... Надеюсь, что все хорошо на мысе Эванс и что другие партии благополучно вернулись. Хотелось бы облегчить их переживания.”

“22 мая. Получили азимут на остров Бофорта, мыс Росс и остров Dunlop, определили положение корабля как восемнадцать миль на 75 градусов к юго-востоку (ист. скл.) от мыса Росс. С 14-го, когда в последний раз было сделано точное ориентирование, мы продрейфовали к северо-западу семь миль.”

“24 мая. Буря с юго-юго-востока продолжалась до 9 вечера, в 11.45 ветер сменился на северо-западный, тихо, идет снег. Буря принесла довольно много проблем, но корабль сильно отнесло на север. Утром к югу от корабля вскрылась трещина шириной около трех футов. В 2 часа почувствовали сильный удар, корабль накренился на левый борт почти на 70 градусов (м.б. опечатка, 7гр.). Выяснили, что треснул лед со стороны сходен по левому

борту в направлении на северо-запад и отделился от схода до кормы. Трещина протянулась также с кормы на юго-восток. 7.35 вечера. Лед треснул по левому борту линиями, параллельными предыдущей трещине. Лед разрушается между трещин и относится к северо-западу со скоростью около 10 ярдов. Затем начал разрушаться лед к югу, в результате сильное давление на корабль, вероятно, его относит на север к большим разбитым полям. Корабль зажат. 9.15 вечера. Лед снова сомкнулся вокруг корабля. Два сильных порыва ветра с небольшим промежутком между ними. Мы в лабиринте больших прямоугольных льдин (некоторые сильно давят на корабль) и высоких торосов.”

“25 мая. В полдень дежурный почувствовал периодические сдавливания. Сумерки выхватили окружающую сцену хаоса, одна льдина около трех футов толщиной перевернулась вверх ногами и застряла под кораблем с левого борта. Тяжелые блоки льда оцетинились торцами, картина - как на кладбище. Я думаю, что волнение прошло подо льдом со стороны моря (с северо-востока) к Мак-Мердо и взломало лед, который потом начал двигаться под влиянием вьюги. Не думаю, что зыбь пришла со стороны пролива, поскольку трещины расходились с северо-запада на юго-восток, и еще потому, что пролив сейчас должен быть покрыт льдом. Если волнение пришло с северо-востока, это значит, что близко открытая вода. Хотелось бы верить. Я верю, что море Росса редко полностью покрыто льдом. Яркий лунный свет подчеркивает всю красоту и одиночество нашего окружения, всю нашу беспомощность, пока мы в этой тюрьме, так близко от мыса Эванс, хотя могли бы быть где-то там. Посчитали сухпайки, экипаж занят изготовлением упряжи и сбором санного снаряжения на случай чрезвычайных ситуаций. Температура -30 градусов (F) (~ - 35C)”.

“26 мая. Если корабль затрет во льдах, корабельная команда (восемнадцать человек) возьмет четверо саней с месячным запасом продуктов и пойдет к ближайшей земле. Шестеро с одними санями попытаются достигнуть мыса Эванс через землю на западе, мыс Батлер, Хат-Пойнт и т.д. Оставшиеся двенадцать пойдут вдоль побережья со всей возможной скоростью, но не форсированным маршем, убивая и загонявая пингвинов и тюленей на всякий пожарный случай. Если же корабль останется здесь, и не от дрейфует на север, то в конце июля станет светлее. Солнце возвращается 23 августа. Морской лед в это время должен быть достаточно надежен, и партия из троих человек с месячным пайком пойдет на мыс Эванс. Ежели лед отнесет на север и судно освободится, то мы пойдём к Новой Зеландии, пополним бункер, возьмем еще одного офицера и четырех добровольцев, провизию и т.д., и пойдём на юг со всей скоростью, выгрузим партию на Барьер, примерно в двух милях к востоку от мыса Крозье, сгрузим все необходимые запасы и снаряжение. Корабль будет оставаться там до тех пор, пока не сможет достигнуть мыса Эванс. В случае необходимости, партия перенесет все возможные запасы в Корнер Кэмп и отправится на мыс Эванс. Если случилось худшее, то моя партия заложит склад на леднике Бирдмора для Шеклтона. Если судно освободится ото льда после сентября, то мы должны попытаться достигнуть мыса Эванс прежде, чем идти на север за углем. У нас мало угля, чтобы долго оставаться около пролива.”

“28 мая. Определив широту и ориентируясь на вершину Мельбурн, выяснили, что прошли тридцать шесть миль к северо-востоку относительно прошлого ориентирования, проделанного 23-го. Большая часть пути, должно быть, пройдена в метель 24-го. Вершина Мельбурн в ста одиннадцати милях к северу от нас, но у меня есть некоторые сомнения относительно этой вершины. Это может быть мираж... Вечером играли на льду в футбол

при свете прекрасной луны. Тренировка и перерыв в повседневной рутине великолепное средство. Грохот льда загнал всех на борт.”

“1 июня. Туман. В полдень на западе посреди льда появилась черная полоса около кабельтова длиной и протянувшаяся с севера на юг. 8 часов вечера. Черная полоса расширилась и образовалась длинная протока открытой воды. Мы, по всей видимости, в льдине, которую оторвало от основного поля. В тумане мы не можем определить наше положение, дрейфуем. Было бы интересно выяснить, что означает эта трещина. Я убежден, что эта открытая вода протянулась не очень далеко в сторону моря Росса... Ночью Гук пытался вызвать мыс Эванс. Если находившиеся в хижине настроили прибор, который остался там, то они услышат ‘Все хорошо’ с Авроры. Я надеюсь, что это так. [Сообщения не были получены.]”

“8 июня. Наша широта 75 градусов 59 секунд по высоте Сириуса. Жизнь очень однообразна, но все выглядят счастливыми и довольными. Находим, что мы слишком много едим, придется немного урезать пайки. Грэйди сейчас тренируется и скоро окончательно поправится. Он, кажется, сильно переживает насчет работы, хороший человек. Ночью из-за временных неполадок не удалось принять радиосигналы – полетел конденсатор. На северном небе очень слабый отсвет авроры. Она неошутимо появляется и продолжается, очень завораживающее зрелище. Температура -20 градусов F (~ -28C), 52° ниже нуля слишком холодно, чтобы позволить себе долго стоять.”

“11 июня. Прогулялся вдоль торосной гряды в четверти мили к северо-северо-западу от корабля. В тусклом свете прогулка по льду далеко не столь однообразна, поскольку почти невозможно увидеть препятствия, такие как небольшие, покрытые снегом хребтики, которые делают тебя подозрительным и осторожным. Провалиться в воду хорошая концовка, но риск незначительный, поскольку вода замерзает сразу же, как вскрыется канал во льду. Гряда от пятнадцати до двадцати футов высотой и несколько сот футов [длиной], весь лед нагроможден самым необычным образом. В 9 вечера Гук вызывал мыс Эванс, ‘Все хорошо – Аврора’ и т.д. В 10 вечера отправили сводку погоды на 8 часов в Веллингтон, Новая Зеландия, и Мельбурн, через остров Маккуори. [Отправка сообщений с Авроры продолжалась, но потом я узнал, что ни одно из них не было получено на любой станции.]”

“13 июня. Температура в рубке варьируется от нуля до немного выше нуля. Это очень негативный фактор для точного хода хронометров (пяти, 3-х G.M.T. и 2-х Sid.T.) [Гринвичское и Сиднейское], которые хранятся в упаковках в мягкой коробке, каждый накрыт куском одеяла, а сама коробка накрыта тяжелым пальто. В любом замкнутом месте, где люди проводят время, ниши и места, куда не проникает тепло, покрыты изморозью от дыхания. Там будет большая сырость, когда температура поднимется.”

“14 июня. Вершина Мельбурн на 14° к северо-западу (ист. склонение). Наше примерное положение - сорок миль к востоку-северо-востоку от языка ледника Норденшельда. В 9 вечера Гук вызывал мыс Эванс и отправил сводки погоды в Веллингтон и Мельбурн через остров Маккуори. Гук и Ниннис несколько вечеров подряд приблизительно в 11 вечера слышали слабые сигналы, но неразборчивые. Они послали сообщение на остров Маккуори в надежде, что они его услышат и увеличат мощность передаваемого сигнала.”

“20 июня. Во время последнего порыва, сопровождавшегося летящим снегом, происходило сильное рассеивание тока с антенны во время посылки отчетов. Это, видимо, вызвано индукцией, как-то связанной со снегом, накопившемся на верхних изоляторах, и

таким образом, делавшим их бесполезными, и, возможно, увеличившим силу индукционного тока во время снегопада. Гук выглядит несколько подавленным из-за этого и, после обсуждения этого вопроса, дал мне письменный отчет о безуспешности (до настоящего времени) своих стараний в попытке установить связь. Он считает, что на связь воздействуют близость магнитного полюса и южное полярное сияние. Излучение хорошее и достаточное для нормальных условий. Он предлагает протянуть к низу провода, минуя бак и корму, чтобы увеличить площадь антенны, но я не могу одобрить это ввиду неустойчивого состояния ледяного покрова и наших слишком высоких мачт.”

“21 июня. Весь день дует штормовой ветер с юго-запада, но на короткое время около 5 дня задул западный. Легкий снег через определенные промежутки времени, очень туманно и, следовательно, земли не видно во время коротких сумерек. Очень трудно с варежками и одеждой. То немного, что мы имеем на борту, понадобится, в первую очередь, людям в хижине. Дал Томпсону указание организовать экипаж и сделать для всех варежки и шапки из джайгеровских свитеров. В режиме жесткой экономии мы будем все вещи беречь, не перестаем переживать за наших людей в хижине. Хотя от переживаний проку мало, они не помогут в нашем нынешнем беспомощном положении. 11 вечера. Ветер завывает и свистит в снастях. Снаружи в сиянии луны летящий снег и гладь ледяных полей. Безнадега!”

“22 июня. Днем солнце достигло пределов своего северного склонения и теперь начнет идти к югу. Ощущал этот день как праздник, вечером все на корме выпили за здоровье Короля и экспедицию. Все счастливы, не хватает оставшихся на мысе Эванс. Я молю Бога, чтобы мы как можно скорее избавились от ледяного плена и помогли им. Теперь будем жить в ожидании солнца и действий.”

“1 июля. Первое июля. Слава Богу. Дни пролетают быстро. Все время думаю о людях на мысе Эванс, но должен выглядеть счастливым и проявлять интерес к любым событиям на судне.”

“3 июля. Туманно, видимость мизерная. Умеренный запад-северо-западный к юго-западному ветер до полудня, после он сменился на южный и посвежел. Никаких видимых изменений в положение корабля, айсберг находится в том же положении (1 румб по левому борту) и, по-видимому, на том же расстоянии. Вершина Мельбурн скрыта тучами. Сейчас это наш единственный ориентир, поскольку остров Франклина неразличим в вечном мраке. Хотя в поле нашего зрения есть айсберг, но за все время нашего дрейфа от входа в Мак-Мердо, мы еще не видели его при нормальном свете и, если бы он не двигался, то вполне могли принять его за табличный остров. Интересно будет осмотреть нашего спутника в вернувшемся свете, если только мы окажемся недалеко от него!”

“5 июля. Тусклый серый день (в сумерки), переменчивые западные бризы. Все вокруг скрыто тяжелой пеленой тумана и, хотя падает легкий снег, над головой черно и ясно, сияют звезды. Сразу, как только гаснет полуденный свет, низкий тяжелый туман усиливается темнотой и заставляет радоваться, что у нас хороший ‘причал’. Не хотел бы я наблюдать сейчас картину сокрушаемого вокруг льда.”

“6 июля. Прошлой ночью мне показалось, что увидел открытую воду в виде длинной черной полосы к югу от корабля и расширяющуюся в восточном и западном направлении, но из-за тумана и слабого снега я не мог быть в этом уверен, сегодня утром полоса была отчетливо видна и оказалась шириной в две или три сотни ярдов и с две мили длиной... В 6 часов вечера гулкий грохот сжатия был слышен со стороны вскрывшегося канала и

продолжался всю ночь. Вскоре после 8 часов начались скрежет и шипение с бака по правому борту (запад-юго-запад) и вибрации, вызванные сжатием, периодически чувствовались на борту судна... Непрекращающийся скрежет трущихся льдин на юге, булькающие звуки, подобные издаваемым водой, устремляющейся под дно судна и другие зловещие нотки, удерживали меня *qui vive* [кто идет? (фр.), досл. на чеку, настороже] всю ночь, перспектива разлома льда прилично потрепала мои нервы, до этого я так не никогда не волновался.”

“9 июля. В полдень небо на северном горизонте достаточно прояснилось, чтобы стало возможным увидеть вершину Мельбурн, которая появилась как низкий пик на северо-западе. Местоположение судна двадцать восемь миль к северо-северо-востоку от острова Франклина. С бака левого борта впереди корабля несколько огромных торосных гряд, похоже, что они результат недавних и нынешних подвижек льда. Весь день с юга слышны звуки сжатия.”

“13 июля. В 5 вечера звук очень сильного сжатия был слышен с траверза левого борта и бака (юг) очень близко от корабля. Сжатие происходило снова и снова через неравные промежутки времени. Совсем близко от корабля лед выгибалось вверх и иногда его сотрясения чувствовались на борту. Я склонен думать, что мы попали в западню и что теперь прочувствуем всю мощь давления со стороны юга. Мы должны готовиться к худшему, а на лучшее – освобождение ото льда – можно только надеяться.”

“18 июля. Это был насыщенный событиями день. Около 8 часов утра горизонт на севере стал ясным, и с усилением света на западе показалась земля. Это первый ясный день, что выдался с 9-го числа, мы выяснили, что за это время прошли значительное расстояние к северо-востоку. По меридиональной высоте звезд и расположению земли, которой оказался остров Коулман (Coulman), вершине Мерчисона и вершине Мельбурн, наше положение семьдесят восемь (географических) миль на северо-восток относительно севера от острова Франклина. В течение последних трех дней мы продрейфовали сорок (географических) миль, для этого в последнее время было достаточно оснований, судя по трению и грохоту сжимающихся льдов. В этот день корабль вынес несколько серьезных сжатий.”

“20 июля. Незадолго перед завтраком услышали хриплый голос императорского пингвина, а после заметили двоих на некотором расстоянии от корабля... Ближайший материк (в окрестностях мыса Вашингтон) – в девяносто милях, а также остров Коулман. Остров Франклина находится в восьмидесяти милях к юго-востоку, как пришел в движение. Сейчас сезон размножения императоров и здесь мы встречаемся с ними в безотрадной ледяной пустыне... 10.45 вечера. Сильное сжатие вокруг корабля, вскрылись каналы, корму корабля сместило на почти двадцать футов. Вмороженные в лед тросы в сильном натяжении (связаны с цепями у бизани) и удерживаются через шкиф швартовой тумбы на полубаке с левого борта.”

“21 июля, 1 ночи. Вскрылись каналы около 40 футов шириной. Корабль в открытой полынье около 100 футов диаметром. Сильное давление в окрестностях корабля. Свистал всех наверх, обрезали тросы с полубака. [Эти тросы оставались вмороженными в лед с тех пор, как корабль сорвало со швартов, и они, временами, были полезны для определения движения льда около корабля.] 2 ночи. Корабль качнуло поперек канала, поскольку лед вскрылся, и льдины с левого борта давят на корму, разворачивая ее. 11.30. В полынье у корабля появилась стая косаток. Некоторые разбивают мягкий лед (примерно с дюйм

толщиной) и выталкивают сквозь него свои головы, вздымаясь на пять или шесть футов перпендикулярно воде. Они, видимо, оглядываются. Странно видеть косаток в этом огромном ледовом поле, я думаю, что открытая вода должна быть где-то рядом. 5.15 вечера. Вскрылись новые каналы. Льдины по левому борту выталкивают корму на лед (поле), после льдины сомкнулись и зажали корабль с бака и кормы. Руль погнуло в сторону правого борта и разбило. Твердый дуб и железо сломало как спичку. 8 вечера. Умеренный юго-юго-западный штормовой ветер со снегом. Сильное напряжение на тимберсах, вызванное сдавливанием. 10 ночи. Экстра сильное сжатие с кормы и бака, корабль заметно изгибает. Очень сильное сдавливание.”

“22 июля. Корабль в неудачном положении во вновь замерзшем канале, с баком и кормой, зажатым между тяжелых льдин, от сильного сжатия слышны сильный треск и стон. 8 утра. Приказал всем готовиться и сделал последние приготовления для оставления судна. Некоторым дал особые задания, чтобы соблюсти быстроту и порядок, если корабль будет раздавлен. Боюсь, что если давление продолжится, возвращение корабля будет невозможно, мы не сможем спасти его. 2 дня. Кораблю легче. Вылили серную кислоту на лед за кормой в надежде растопить трещину и снять давление с рудерпоста, но безуспешно. Очень сильное давление на и вокруг судна (особенно на корму и бак по правому борту). Корабль выжимает и от напряжения он весь трещит. 10 ночи. Корабль крушит собой путь в новом льду правым бортом и разворачивается вдоль канала, освободив ото льда рудерпост. Полночь. Корабль в безопасном положении, каналы вскрылись во всех направлениях.”

“23 июля. Сквозь туман уловили отблеск острова Коулман. Положение судна 14 градусов к юго-востоку (ист. скл.), восемьдесят миль от острова Коулман. На протяжении дня и ночи продолжались сжатия, иногда заставлявшие тимберсы трещать и стонать. Корма судна сейчас в более или менее мягкой кровати, сформированной вновь образовавшимся льдом около одного фута толщиной. Я благодарю Бога, что мы избавились от этого страшного кошмара. Я никогда не забуду складывавшегося в гармошку судна во время вчерашнего и в среду носового и кормового сжатий.”

“24 июля. По сравнению с предыдущими днями - этот один из спокойных. Каналы открывались и закрывались, иногда корабль подвергался неприятным сдавливаниям со стороны твердых льдин по правому борту. Большое количество вскрывшихся каналов "весеннего" типа (покрытых тонким льдом, образующимся на толщину три-четыре дюйма в течение нескольких часов) между твердыми и тяжелыми льдинами и полями. Конечно же, мы в руках Провидения, ведомые им сквозь тяжелый трущийся пак более двухсот (географических) миль вдоль припая западного берега, обогнув с севера остров Франклина, и сейчас там, что выглядит прямой дорогой в открытое море! Принимая во внимание наше шаткое положение и опасность для жизни людей, я послал этим вечером аэрограмму Его Величеству Королю Георгу (to H. M. King George) с просьбой выслать спасательный корабль. Я надеюсь, она дойдет. Я послал это сообщение после тщательного обдумывания и знаю, что если мы не прибудем в Новую Зеландию к определенной дате (1 ноября), спасательный корабль будет направлен на помощь Южной партии.”

“25 июля. Очень сильное сжатие возле корабля. Рано утром большое ледовое поле с левого борта пришло в движение и, встретив нашу льдину, вздыбило гребни от десяти до пятнадцати футов высотой. Блоки льда, рассыпаясь, наваливались друг на друга с оглушительным грохотом. В течение дня сжатие продолжалось, льдины попеременно

смыкались и размыкались, корабль скрипел и стenal во время сжатий льдин.”

“4 августа. Девять дней у нас были южные ветра, последние четыре мы провели под завывания бурь. Я оглох от адского шума ветра. Din! Din! Din! и тьма. Мы должны были сегодня увидеть солнце, но скопления кучевых облаков скрыло его, дневной свет - это такое счастье.”

“6 августа. Ветер стих в 6 утра и к завтраку в чистом воздухе стала видна земля от мыса Коттер (Cape Cotter) до мыса Адэр. Что за чудесный день! После четырех туманных дней мы ввиду мыса Адэр, где-то около сорока пяти миль к востоку от островов Владения, за это время мы продрейфовали сотню миль. Это хорошо. Вершина Сабина, первая земля, увиденная нами на пути на юг, лежит далеко к западу, самый высокий пик (10 000 футов) среди величественной горной цепи, покрытой вечными снегами. На западе мы видим острова Владения, лежащие под громадой утеса мыса Даунишр (Downshire), которые выглядят как большие пятна черных скал. Земля понижается к северо-западу от мыса Даунишр и снова вздымается в высоту около мыса Обожания (Cape Adore). В ожидании солнца этим утром мы волновались, солнце взошло около девяти тридцати (время местное). Это было величественное, радостное видение. Мы за что-то выпили, и с легким сердцем сказали ему спасибо.”

“9 августа. Донноли вновь взялся за ремонт руля. Это долгая работа - разрезать железную обшивку руля, и не такая безопасная, поскольку лед ненадежен. Гук сказал, что сейчас все нормально. Я хочу, чтобы у него все получилось. Он хороший спортсмен и продолжает пытаться, хотя убежден, что не особо надеется на такую убогую антенну.”

“10 августа. Положение судна 70 градусов 40 минут ЮШ, сорок миль севернее и 29 градусов к востоку от мыса Адэр. Пройденное расстояние со 2 августа по 6-е составило сто миль, с 6-го по 10-е восемьдесят восемь миль.”

“12 августа. По наблюдениям и ориентированию относительно земли мы в сорока пяти милях к северо-востоку от мыса Адэр на 70°42' ЮШ. Это положение немного восточнее относительно 10-го августа. Поскольку ориентирование производится по карте небольшого масштаба, то очень неточно, это нам мешает, а наши хронометры потеряли свою точность. Донноли и Грэйди все в работе с железными пластинами на руле, но должны закончить резку завтра. Аварийный руль почти готов. Днем мы замесили немного бетона для нижней части, должны были использовать кипящую воду, поскольку обычная вода замерзала при перемешивании. Плотник хорошо поработал над аварийным рулем, и хотя ковырялся с ним на шканцах, в условиях низкой температуры поморозился.”

“16 августа. Мы ‘ни туда, ни сюда’, приблизительно в сорока милях к северо-востоку от мыса Адэр. Там, где мы ожидали хорошо продвинуться. Однако мы не можем роптать и должны быть терпеливы. Много миражей на севере и с вороньего гнезда отлично видна открытая вода, протянувшаяся с северо-северо-запада на северо-восток.”

“17 августа. Великий день! Земля отчетливо видна и на севере постоянно висит над горизонтом черный край водяного неба. Гук услышал остров Маккуори, “передающий” Хобарт. В сообщении был прогноз погоды. У нас есть надежда на получение новостей в ближайшем будущем.”

“23 августа. Видна земля в районе мыса Норд. К юго-юго-западу отчетливо видны белые утесы и пики внутренних хребтов, вдалеке на юго-запад виден низкий участок волнистой земли. Временами видна сквозь мрак вершина Сабина. Широта 69 градусов 44½ минуты. Мы в пятидесяти восьми милях к северу и сорока милях к востоку от мыса Норд.”

“24 августа. Мы вытащили из льда руль и положили его на расчищенную корму перпендикулярно линии корабля. Мы изрядно намучились с ним (вес четыре с половиной тонны), используя тройной сдвоенный роликовый блок с цепным приводом талей от машинного отделения, и приложив приличные усилия все же его вытащили. Все поворотные шкворни сорвало с носовой части руля, они разбиты и свидетельствуют о страшной силе, которая воздействовала на судно во время сдавливания. Я доволен, что вытащили руль и теперь четко виден гребной винт. Его лопасти (из твердого дуба, обшитые с двух сторон железом в три четверти дюйма) не повреждены, отделались разбитыми шкворнями, поворачиваемой частью рулевого ствола”.

“25 августа, 11 вечера. Гук только что принес добрую весть, что слышал Маккуори и Блаф (Новая Зеландия), посылающие прогнозы погоды и обменивающиеся сигналами. Может это означать, что теперь они слышат наши посылаемые сигналы и пытаются связаться с нами? Наша станция вроде в порядке.”

“26 августа. Плотник закончил работать с аварийным рулем и сейчас занимается с нижним концом рулевого ствола, где руль проходит через кормовые тимберсы. Мы рады удобному случаю устранить эти небольшие повреждения, которые в море могут оказаться серьезными.”

“31 августа, 6.30. Очень сильный шум давления на юго-востоке. Я поднялся наверх после завтрака и с удовольствием увидел многочисленные открытые разводья во всех направлениях. Вчера разводья смерзлись, показывая, что мало шансов для основательного и продолжительного разрушения льда до тех пор, пока температура не поднимется. Земля видна, но слишком далеко даже для примерного ориентирования. Айсберг до сих пор к северо-западу от корабля. Мы, похоже, разворачиваемся наружу от земли. Мы не сможем выйти из этого положения слишком быстро, и, хотя, каждый на борту занят и не скучает, беспомощность корабль надоедает.”

“5 сентября. Сегодня во время бури остались без антенны. В первой половине дня мне удалось доползти до наветренной стороны верхней части надстройки у мостика, и под прикрытием штурманской рубки я видел, как антенная мачта гнулась под напором ветра и раскачивалась как ветви дерева, но после того, как антенна продержалась всю зиму, я не думал, что ее унесет. К счастью, поскольку в такую погоду было опасно для жизни находиться на палубе (еду с камбуза принесли с задержкой сквозь слепящий снег и по большим сугробам), никто не видел, когда антенну унесло.”

“8 сентября. Унылая грустная погода. Порывы ветра, снег, потом спокойно на час или два. Временами дует без снега, а иногда с ним, какая разница. У меня теперь двое больных - Ларкман и Магридж. Ларкман отморозил большой и указательный палец на левой ноге некоторое время назад и до сих пор не обращал на них внимания. Теперь они беспокоят его, поскольку началась гангрена. Магридж страдает от сыпи, у него красная воспаленная кожа с большими быстропроходящими прыщами. Я не знаю что это, черт возьми, но нечто похожее описано в "Materia Medica" и т.д., если пузырьчатка, значит пузырьчатка, ему прописали 'тоник' и растирания.”

“9 сентября. Первый день за долгое время, когда нами зарегистрирована минимальная температура выше нуля за двадцать четыре часа. Приятно осознавать, что с полудня до полудня, включая ночь, температура не опускалась ниже +4° градусов (28 градусов мороза, ~ - 15°C), и с увеличением светового дня она дает почувствовать, что лето действительно приближается.”

“13 сентября. Северный горизонт одно сплошное водяное небо, но вокруг корабля перспектива тоскливая. Солнце поднялось в 6.20 утра и село в 5.25 вечера. По корабельному времени солнце светит одиннадцать часов пять минут, общая протяженность светлого времени семнадцать часов. Три часа сумерек утром и вечером. Плотник разобрал гакаборт (для облегчения выгрузки и, если необходимо, загрузки запасного руля) и скоро построит временное съёмное ограждение.”

“16 сентября. Часты миражи, на востоке, юге и юго-западе поднимается морозный туман. Над северным горизонтом низкие кучи облаков белого висящего тумана, как будто над морем. Не нравятся мне эти продолжающиеся низкие температуры. Я начинаю сомневаться, что мы освободимся прежде, чем солнце начнет растапливать лед.”

“17 сентября. Годовщина нашего отплытия из Лондона. Из одиннадцати на борту нас таких четверо - Ларкман, Ниннис, Маугер и я. Много произошло с пятницы 18 сентября 1914 года, и я припоминаю картину, когда мы шли вниз по Темзе мимо подводных лодок и крейсеров с выстроившимися экипажами. Я помню также грусть, когда оставлял все это и последующее ‘пресыщение.’”

“21 сентября. Солнце быстро идет на юг, у нас сегодня более семнадцати часов светлого времени и двенадцать часов солнца. Когда же выберемся! Однообразие и тревога в нашем беспомощном положении убийственны. Я полагаю, что Шеклтон и его партия вскоре начнут делать заброски и полны надежд на будущее. Я задаюсь вопросом, зимовал ли «Эндьюранс» во льдах или же отправился на север. Я не перестаю думать, что если он зимовал в море Уэдделла, то ему будет хуже, чем Авроре. Как много мы должны узнать в ближайшие полгода - новости о Шеклтоне и «Эндьюранс», партии на мысе Эванс и войне.”

“22 сентября. 69°12' ЮШ, 165°00' ВД. Остров Sturge (группа Бэллени) к северу (ист. скл.) в девяноста милях. Легкий северо-западный ветер с ясной хорошей погодой. Остров Sturge заметили утром к северу от нас как появившуюся тусклую низкую тень на горизонте. Это хорошо, что мы снова получили хороший ориентир для определения местоположения, хорошо увидеть, что мы продвигаемся к северу, хотя и не быстро. С тех пор, как нас отнесло от мыса Эванс, мы прошли примерно семьсот пять миль, замечательный дрейф! Приятно думать, что все это не было напрасно, и что этот опыт станет ценным пополнением копилки человеческих знаний. Расстояние от мыса Эванс до нас семьсот пять (географических) миль.”

“27 сентября. Прошлой ночью температура в моей каюте была около нуля, довольно холодно, но под одеялом достаточно тепло. Гук демонтировал свою радиоточку. Он болезненно переживает за отсутствие связи, хотя и не показывает это.”

“30 сентября. Ниннис всю неделю был занят строительством нового трактора. Он собрал кузов и будет монтировать двигатель в передней части ‘между палубами’, где его можно надежно закрепить, когда мы освободимся от льда. С топ-мачты я вижу каналы открытой воды, но мы по-прежнему крепко удерживаемся льдом. Как долго?”

“7 октября. Поскольку со временем уменьшается вероятность вернуться к Барьеру и к береговой партии, то стоит рассмотреть вариант, что если мы в этом сезоне в ближайшее время не освободимся, то нам придется повернуть на юг сразу, хотя у нас и нет никаких якорей, мало швартов, нет руля и небольшие запасы угля. Оставшаяся партия на Барьере оставила нас без лишних рук, но это можно сделать, и это все лучше для оказания помощи людям на мысе Эванс. В 5 часов утра прекрасный паргелий сформировался вокруг солнца. Это зрелище так поразило боцмана, что он разбудил меня, чтобы его показать”.

В течение октября *Аврора* продрейфовала без особых приключений. Стенхаус упоминает, что на северном и восточном горизонтах часто появлялась открытая вода. Но беспокойные глаза тщетно выискивали признаки, что день освобождения близок. Гук вновь запустил радиостанцию и ежедневно пытался войти в контакт с островом Маккуори, теперь находящимся приблизительно в восьмистах пятидесяти милях. Просьбу выслать спасательный корабль, несомненно, повторили бы, если бы смогли установить связь, в это время, если бы все хорошо сложилось у «*Эндьюранс*», должна была стартовать сухопутная партия от моря Уэдделла. К концу месяца усилились подвижки льда, разводья открывались и закрывались, но льдина, площадью в несколько акров, в которую была заморожена *Аврора*, оставалась твердой до первых чисел ноября. Трещины, появлявшиеся рядом с кораблем, по-видимому, были вызваны проседанием льдины из-за длительного дрейфа. Температуры теперь были выше, под воздействием солнца лед становился мягче. Таяние вызывало также дискомфорт в каютах на борту. Положение 12 ноября было определено как 66°49' ЮШ и 155°17'45" ВД. 17 ноября на 66°40' ЮШ и 154°45' ВД Стенхаус сделал промер глубины и нашел дно на 194 саженях. В донном заборе грязь и несколько мелких камней. Линь показал довольно сильное подводное течение на северо-запад. *“Мы промыли часть грязи, - говорит Стенхаус, и в оставшемся песке нашли несколько крупинок золота”*. Два дня спустя направление течения было уже на юго-восток. 22-го началась оттепель. В каютах все капало, свежавывающий снег маленькими ручейками стекал с корабля. Все были счастливы, такая погода обещала начало взлома пака.

“23 ноября. 3 утра. Остров Янг (Young Island) группы Бэллени к северу на восточном азимуте 54 градуса (ист.). Остров, который четко показался на горизонте на фоне покрытого тяжелыми облаками неба находится очень далеко. Широта в полдень 66°26'. Поскольку по карте это широта пика Формен (Peak Foreman), азимут на остров Янг не согласуется с картой. В 8 утра земля видна на 60-ти градусах к западу (ист.) относительно юга. То, что могло быть мысом Хадсон, смутно проглядывалось сквозь туман в виде высокого массивного выступа с низкой неровной землей, протянувшейся вдаль к юго-юго-востоку и к западу от него. Появление этого мыса угадывалось последние два дня по клубам темного тумана, но кажется странным, что столь высокую землю мы не смогли увидеть прежде, чем не произошли небольшие изменения в атмосфере.”

“24 ноября. Утром пасмурно и туманно. Облачно, а потом ясно и замечательно днем и вечером. Признаков земли не видно, так что мыс Хадсон в действительности ‘мыс Исчезающий вдали’. Это самое странное. Все увидели мыс на юго-западе, некоторые из нас даже зарисовали его. Теперь (после обеда), хотя небо и кристально чистое, на юго-западе ничего не видно. Мы не могли продрейфовать столь далеко относительно вчерашнего положения. Неудивительно, что Уилкс сообщил об этом. 9 вечера. Низкий край земли появился на горизонте к юго-западу, но ничем не напоминает нашего вчерашнего мыса. Днем в трещине в 200-х ярдах к западу от корабля бросили линь, но не нашли дна на 700 саженях.”

Любопытным событием стало обнаружение грачовника императорских пингвинов 26 ноября. Ниннис и Кавенег (*Kavenagh*) совершили продолжительную прогулку к северо-западу и нашли оставленное лежбище. Понижение во льду, проделанное птицами, было около восемнадцати дюймов, и в нем находился сероватый осадок. Грачовник располагался в котловине, окруженной торосными грядами шести футов высотой. По-видимому, там гнезилось около двадцати птиц. Кусков яичной скорлупы было не видно, все подобного

рода останки скорее всего растащили буревестники и поморники. Льдины становились мягкими и подтаявшими, передвигаться становилось все труднее. Глубокие лужи из снежной каши и покрытая тонким снегом вода образовывали для людей ловушки. Стенхаус считал, что сильная буря взломает пак. Его беспокойство росло с приближением лета и записи в журнале проникнуты глубоким стремлением освободиться и снова приступить к активным действиям. Но объятия пака были неумолимы. У людей было полно работы на борту *Авроры*, которую приводили в порядок после натисков зимних штормов. Тюленей и пингвинов видели часто, запасы свежего мяса пополнялись. Аварийный руль был готов, но не мог быть установлен прежде, чем корабль освободится ото льда.

“Никаких существенных изменений в нашем окружении,” – записано 17 декабря. *“Каждый прошедший день уменьшает наши шансы вовремя уйти к северу за рулем, якорями и углем. Если мы вырвемся до 15 января, то сможем дойти до Новой Зеландии и вернуться обратно на мыс Эванс, чтобы забрать партию. После этой даты мы можем только попытаться пройти на юг в нашем жалком состоянии и с дефицитом горючего. С девятидневным запасом угля на борту у нас мало шансов пройти сквозь какой-либо пак в море Росса или вообще пробраться к югу, особенно если мы столкнемся с частыми бурями. Еще остается спортивный шанс и нам может посопутствовать удача... Шеклтон должно быть проходит сейчас мимо Полюса. Я хочу, чтобы наши радиосигналы достигли цели.”*

Прошло Рождество с его особенным ужином и скромным празднованием, а лед оставался непоколебим. Мужчины находили довольно интересным наблюдать за линькой императорских пингвинов, которые расположились в различных местах в районе корабля. Они занимали места с подветренной стороны торосов и, казалось, шевелились только тогда, когда ветер менялся или снег вокруг них стихал. Они прятались, но даже через несколько ярдов пути спотыкались от слабости. Одного императора принесли на борт живым, и экипаж очень забавлялся, наблюдая птицу, удерживающую себя на пятках и хвосте, с поднятыми пальцами, в положении, сходным с тем, когда яйцо лежит на ногах во время инкубационного периода. Угроза жестокого “натиска” несколько раз вызывала надежду на освобождение, но буря - наверное, первая антарктическая буря за столь долгое время – все не начиналась. Новый Год застал Стенхауса и остальных восстанавливающимися от снежной слепоты, вызванной экскурсией через льды без очков.

К концу первой недели января корабль находился на 65°45' ЮШ. Пак был хорошо взломан в миле от судна и быстро двигался. С бака и кормы образовалась полынья, длинной полосой простирающаяся на запад. Тюлень, внезапно появившийся из-под кормы 6-го января, свидетельствовал о том, что в притопленном льду были разрывы. Стенхаус сэкономил пищу. Завтрак не подавался, тюлень и пингвинье мясо давали один раз в день из двух приемов пищи. Все были стеснены в одежде, но вещи береговой партии Стенхаус хранил нетронутыми. Сильный переменчивый ветер 9-го вновь дал надежду, утром 10-го лед хорошо взламывался на расстоянии от полумили до мили от корабля во все стороны. *“Кажется экстраординарным то, что судно удерживается в почти неразбитой льдине с квадратную милю площадью, тем более, что она была полностью сжата и взломана во время июльских штормов и сильно деформирована. Практически в любом направлении на расстоянии с полмили от корабля возвышаются торосные гряды из восьми дюймового льда высотой футов в двадцать. Неплохо, что избежали хоть этого.”*

Прошла середина января, а *Аврора* все еще оставалась во льду. Полярный день подходил к концу и в полночь сгущались сумерки. Водяное небо было видно на северном горизонте. 24

января широта была $65^{\circ}39\frac{1}{2}'$. К концу месяца Стенхаус распорядился провести тщательную ревизию всех запасов и генеральную подготовку к началу движения. Муки и сливочного масла было достаточно. Остальные запасы уменьшились, и экипаж не упускал случая раздобыть тюленей и пингвинов. Пингвины Адели в значительных количествах путешествовали к востоку-юго-востоку, но из-за состояния льда их не могли поймать, пока они не приблизятся к кораблю. Восстановили унесенную антенную мачту, и 2 февраля Гук возобновил свои попытки связаться с островом Маккуори. Он тщетно выслушивал любые признаки того, что его слышат. Пак находился в движении, но большая льдина, удерживающая корабль, оставалась твердой.

Ее взломало лишь 12 февраля. Сильный северо-восточный к юго-восточному ветер привел лед в движение и принес ощутимое волнение. Корабль стал набирать воду, и все целый день работали на насосах, уменьшив уровень воды с трех футов восьми с половиной дюймов до, в лучшем случае, двенадцати дюймов, несмотря на замерзшие патрубки и другие трудности. Работать закончили к полуночи, когда под влиянием волнения лед за кормой взломался и быстро разошелся во всех направлениях. Экипажу удалось спасти немного тюленьего мяса, которое во время дрейфа держали возле трапа. Потеряли флагшток, который был возведен на льдине в качестве внешней мачты антенны. Теперь корабль плыл среди обломков льдин и заметно вздымался на волнах. В течение ночи дул свежий южный ветер, и корабль постепенно начал продвигаться вперед даже без парусов. В 8.30 утра 13-го Стенхаус поставил фок и стаксель, и *Аврора* медленно пошла на север, иногда сокрушая довольно большие льдины. Навигация в таких условиях, без пара и руля, была весьма трудна, но Стенхаус хотел, по возможности, сохранить оставшиеся небольшие запасы угля до тех пор, пока корабль не выйдет из пака, чтобы суметь быстро добраться до Мак-Мердо. Аварийный руль не мог быть установлен, пока существовала опасность его повреждения. Корабль набирал примерно три с половиной фута воды в сутки, но ее уровень легко удерживался под контролем с помощью насосов.

В течение 14-го *Аврора* очень медленно продвигалась на север сквозь тяжелый паковый лед. Иногда короткие участки проходили, заведя на льдину ледовый якорь, но большую часть времени корабль шел сам. Во второй половине дня установили стрелу аварийного руля, но сам руль не поставили, пока не будет достигнут разреженный пак или открытая вода. 15-го февраля корабль весь день находился на $64^{\circ}38'$ ЮШ. Тяжелые льдины преградили путь в любых направлениях. Попытались идти с помощью парусов, верпа и ледовых якорей, но корабль не мог быстро маневрировать среди то открывающихся, то закрывающихся каналов. 16-го было аналогично. Ночью под лед проникло сильное волнение и корабль пережил тяжелые испытания. Острая льдина десяти или двенадцати футов толщиной неустанно билась о правый борт и кранцы лишь частично гасили удары. *“Бесполезно сражаться с этим паковым льдом с помощью машины”* - написал Стенхаус. *“Мы, конечно, можем использовать все наши скудные запасы угля, чтобы достигнуть границы льда, находящегося в поле зрения, но затем останемся ни с чем... Что если эта пауза продлится еще неделю, и мы будем вынуждены поднять пар и истратить наш уголь в попытке вырваться в судоходные воды. Я боюсь, что наши шансы пройти на юг сейчас очень невелики”*. (Кранец (судовой) - это устройство, которое используется для амортизации ударов корпуса судна о причал или другое судно в процессе швартовки или буксировки. Прим. пер.)

Паковый лед оставался сплоченным, и 21-го сильное волнение сделало ситуацию

довольно опасной. Ночью корабль содрогался от ударов льда, и от кранцев было мало толку. С каждой “волной” судно ударялось баком о льдину впереди, а затем отскакивало назад, и ахтерштевнем врезалось в другую льдину. Эта льдина, около шести футов толщиной и 100 футов в поперечнике, была, в конечном счете, разбита. Пак сплотился 23-го, когда в полдень широта была 64°36½’ ЮШ. Последующие изменения были еще хуже. Пак разошелся в ночь на 25-е, и сильное северо-западное волнение стало причиной сильных натисков на корабль. Они с некоторыми интервалами повторялись и в последующие дни. *“Натиск и давление льдин усилилось утром [29 февраля], и казалось, что вот-вот их острые края пронзят корпус корабля. В 6 часов утра мы подсунули под кранец с левого борта большой матрас, о который под форштевнем билась льдина от двадцати до тридцати футов толщиной, угрожая сокрушить гребной винт вместе с ахтерштевнем. В 9 часов утра, после откачки, инженер сообщил о протечке в канале гребного вала с кормы возле ахтерштевня по левому борту. Плотник вырезал часть трубопровода и заполнил его Стокгольмским гудроном, цементом и паклей. Он не смог полностью устранить протечку, но временка сделала течь меньше. Я переживаю за винт. Этот пак - опасное место для корабля, кажется удивительным, что старый Барки еще на плаву”*.

1 марта лед немного развело. Было необходимо как можно скорее вырваться из опасного положения, поскольку приближалась зима, и поэтому Стенхаус приказал поднять пар. На следующее утро он поставил бизань-гафель для использования его в качестве временного руля при прохождении пака. Пар был поднят до рабочего давления в 5.15 дня 2-го и *Аврора* начала продвигаться на запад. Прогресс был очень медленным из-за тяжелых льдов и осадки, что требовало частых остановок двигателей. На следующее утро после беспокойной ночи, проведенной среди раскачивающихся льдин, в поле зрения на севере и северо-западе была открытая вода. Но продвижение было очень медленным. *Аврора* шла с подветренной стороны под влиянием запад-юго-западного бриза, и управление с помощью лебедки и верпа было ответственным делом. Корабль застопорился посреди тяжелых льдин около полудня 3-го, и три часа спустя, после тщетных попыток пробиться вперед с помощью ледовых якорей, Стенхаус распорядился (для экономии угля) приглушить котлы.

4 и 5 марта существенных изменений не произошло. Умеренный шторм с востока-северо-востока сомкнул лед и привел его в движение, *Аврору*, с ее приглушенными котлами, сильно крутило и било об лед. В поле зрения находились семнадцать айсбергов, а один из них несло на юг сквозь пак, угрожая судну. Ночью двигатели часто проворачивало путем воздействия льда на лопасти гребного винта. *“Все теории, что волнения в паке не существует, ложные”* - пишет озабоченный капитан. *“Здесь из воды только водяное небо, но корабль то погружается по шпигаты, то насаживается на льдины.”* Лед вскрылся после того, как стих ветер и в полдень 6-го *Аврора* снова пошла на север. *“Без руля (аварийный руль не могли пока использовать посреди беснующихся льдин) судно требует много внимания. Его бак следует направлять между льдин с помощью ледовых якорей и верпа, или, пришвартовавшись к льдине, под паром огибать ее. Мы довольно хорошо выдержали курс между двумя айсбергами и прошли около пяти миль на север, пока не наступила тьма, мужики не могли больше рисковать, закрепляя якоря на льдинах.”*

Следующие три дня были полны тревоги. *Аврора* удерживалась льдом и подверглась нескольким ударам, когда с севера стали приближаться два айсберга. 10-го утром ближайший из них был в трех кабельтовых от корабля. Но пак вскрылся и к 9.30 утра корабль вышел из опасной зоны и направился на северо-северо-восток. Пак продолжил вскрываться

во второй половине дня, и *Аврора* прошла сквозь широкую полосу небольших разрозненных льдин и обломков. Пока не стемнело и не пришлось остановиться, продвигались хорошо. На следующее утро пак стал плотнее. Стенхаус берег аварийный руль (управляя судном с помощью бизань-гафеля), но не мог уверенно вести судно. В полдень был виден широкий канал к северо-западу, и корабль прошел с четверть мили до ближайшего разводья, прежде чем был задержан тяжелым паком. Его снова несколько раз ночью сотрясало ударами льдин, и вахтенные стояли наготове с кранцами, чтобы смягчить наиболее опасные удары.

Рано утром на следующий день Стенхаус опустил аварийный руль, управляемый при помощи шкентелей, проходящих под водой, и направился на север к северо-западу сквозь сплоченный пак. Он прошел за день шестнадцать миль на непостоянном курсе, а затем провел тревожную ночь, во время которой корабль относил назад в сильно крушащийся пак. Попытки идти вперед к открытому каналу утром 13-го были безуспешными. Около полудня удалось немного продвинуться, и в 4.50 дня *Аврора* вышла из основного пака. Час провели, плывя с неуправляемым аварийным рулем, но затем корабль медленно пошел на север. Впереди был еще пак, айсберги и гроулеры постоянно угрожали кораблю в темное время суток. Оставалось доделать еще немного беспокойной работы, пока айсберги и рассеянный лед расходились во всех направлениях, но в 2 часа дня 14 марта *Аврора* прошла последний пояс льда на 62°27.5' ЮШ и 157°32' ВД. “Мы ‘врезали по одной’”, - сказал Стенхаус, “и дали льду на прощанье три могучих гудка”.

На этом беды *Авроры* не закончились, но подробно описывать ее путешествие к Новой Зеландии нет необходимости. О попытке достичь Мак-Мердо теперь не могло быть и речи. У Стенхауса был потрепанный, потерявший руль корабль, с несколькими оставшимися тоннами угля в бункерах, он пробивался на север, в тяжелых погодных условиях при стойких неблагоприятных ветрах и волнении. Аварийный руль нуждался в постоянном уходе, а нехватка угля делала невозможным получить лучшую отдачу от машины. Были времена, когда корабль не мог идти вперед и беспомощно отдавался на волю волн. Рук не хватало, а один или двое человек создавали дополнительные трудности. Но Стенхаус продемонстрировал прекрасное искусство мореплавания, упорство и настойчивость. Он успешно выполнил один из самых сложных переходов в штормовом и коварном океане. 23 марта он установил связь со станцией Блаф в Новой Зеландии и на следующий день был в контакте с Веллингтоном и Хобартом. Военно-морской офицер в водах Новой Зеландии предложил помощь, но, в конце концов, было решено, что за пределами Порта Чалмерс *Аврору* встретит буксир *Plucky* из Гавани Отаго. Пришлось пережить еще несколько тяжелых дней. Аварийный руль частично слетал, корабль не управлялся в бушующем море. Но Стенхаус продолжал, и рано утром 2 апреля *Аврору* взяли на буксир. Она достигла Порта Чалмерс на следующее утро и была встречена с теплым гостеприимством, которое Новая Зеландия всегда демонстрировали по отношению к исследователям Антарктики.

ГЛАВА XVII

ПОСЛЕДНЯЯ ПОМОЩЬ

Когда я в начале декабря 1916 года добрался до Новой Зеландии, то выяснил, что все меры по оказанию помощи партии в море Росса были предприняты. Правительство Новой Зеландии взяло дело под свой контроль в начале года, еще до того, как я вошел в контакт с внешним миром. Британское и Австралийское правительства оказали необходимую финансовую помощь. В Порт Чалмерс в течение года с весьма значительными затратами *Аврора* была отремонтирована и дооснащена, и была полностью готова для путешествия в Мак-Мёрдо. Мой старый друг капитан Джон К. Дэвис, который был участником моей первой антарктической экспедиции в 1907-1909, а позже командовал судном Австралийской Антарктической экспедиции Доктора Моусона, был назначен Правительствами капитаном *Авроры* и уже нанял офицеров, инженеров и экипаж. Капитан Дэвис прибыл в Веллингтон, чтобы встретить меня там по прибытии, и я выслушал его рассказ о текущем положении дел. Я пообщался также с министром Флота, покойным Доктором Робертом МакНэбом, душевным и отзывчивым шотландцем, который питал искренний личный интерес к экспедиции. Стенхаус также находился в Веллингтоне, и я еще раз повторяюсь, что отчет о путешествии и дрейфе *Авроры* приводил меня в восхищение его мужеством, мастерством и находчивостью.

После всестороннего обсуждения ситуации с Доктором МакНэбом, я согласился, что меры, принятые для спасательной экспедиции достаточны. Было важно время, и вносить какие-то изменения в планы или организацию в последний момент представлялось затруднительным. После того, как капитан Дэвис приступил к своим обязанностям, Правительства договорились на несколько месяцев передать *Аврору* в мое распоряжение, освободив меня от обязательств по ее возвращению в Новую Зеландию. Было решено, что капитан Дэвис поведет судно в пролив Мак-Мёрдо, а я пойду с ним, взяв на себя руководство любыми береговыми операциями, которые только могут потребоваться. Я “подписался” на зарплату 1 доллар в месяц, и мы отплыли из Порт Чалмерс 20 декабря 1916 года. Спустя неделю мы снова увидели лед. *Аврора* достаточно быстро прошла сквозь пак и вошла в открытую воду моря Росса 7 января 1917 года.

Капитан Дэвис провел *Аврору* вдоль кромки льда мыса Ройдс утром 10 января, и я сошел с партией на берег поискать какие-то записи в хижине, возведенной здесь моей экспедицией в 1907 году. Я нашел письмо, в котором говорилось, что партия моря Росса размещалась на мысе Эванс, а по пути назад к кораблю, были замечены шесть человек с собаками и санями, идущие от мыса Эванс. В час дня эта партия поднялась на борт и мы узнали, что из десяти членов экспедиции, оставшихся после отхода *Авроры* 6 мая 1915 года, в живых остались семеро, а именно Стивенс, Джойс, Уайлд, Коуп, Ричардс, Джек и Гейз. Эти семеро были в порядке, хотя на них и были видны следы испытаний, через которые они прошли. Они рассказали нам о смерти Макинтоша, Спенсер-Смита и Хейворда, об их собственном тревожном ожидании помощи.

Все, что оставалось сделать, так это предпринять последний поиск тел Макинтоша и Хейворда. Было невозможно, чтобы они оба выжили. Они были без снаряжения, когда буря взломала лед во время их перехода. Для них было нереальным выжить более чем несколько дней, а с тех пор прошло восемь месяцев. Джойс уже искал их к югу от Языка Ледника. Я считал, что дальнейшие поиски должны быть проведены в двух направлениях, в районе к северу от Языка Ледника, и у старого депо на Батлер Пойнт, и я попросил об этом капитана Дэвиса.

12 января корабль подошел к месту в пяти с половиной милях к востоку от Батлер

Пойнт. Я повел партию через прибрежные нагромождения и подтопленный лед в направлении предгорья, но из-за высоких гребней утесов и разорванной снежуры не смог добраться до земли. Припай был отделен от места депо, определенному по крьюйс-пеленгу относительно двух крупных айсбергов, сидящих к северу от мыса Берначчи. Не было видно как самого депо, так и следов присутствия человека в этом районе. Мы вернулись на корабль и проследовали через пролив к мысу Берначчи.

На следующий день я взял партию с целью обыскать район к северу от Языка Ледника, в том числе остров Резорбек, в поисках следов двух пропавших людей. Мы достигли хижины мыса Эванс в 1.30 дня, а в 3 часа Джойс и я пошли на острова. Мы обыскали оба острова и вернулись в хижину к 7 вечера. Поиски оказались бесплодны. 14-го я вышел с Джойсом на поиски в северной части Языка Ледника, но из-за поверхностной поземки с юго-восточным ветром решил не продолжать, поскольку у оконечности мыса Эванс быстро двигался лед, и полынья между хижинной и островом Недоступности становилась все больше. На следующий день задула юго-восточная метель, покрыв сугробами половину острова. Я считал небезопасным работать в этот день, особенно поскольку лед отделялся от южной стороны мыса Эванс. Мы провели этот день, приводя в порядок хижину.

16-го мы встали в 3 часа утра. Погода была ясная и спокойная. Я вместе с Джойсом вышел в 4.20 к югу со всей максимально возможной скоростью. Мы добрались до Языка Ледника примерно в полутора милях от его морского конца. Везде были некрутые обрывы, а наверх даже вел снежный склон. Сверху ледника мы осмотрели в бинокль местность, но ничего не было видно, кроме голубого льда и трещин, никаких выпуклостей. Мы спустились вниз и полубегом полушагом прошли еще около трех миль к началу ледника, я увидел, что не было ни малейших шансов обнаружить хоть какие-то останки из-за огромных сугробов, повсеместно покрывающих скалы. У подножия крутых скал сугробы были от десяти до пятнадцати футов высотой. Мы вернулись в хижину в 9.40 и почти сразу же отправились на корабль. Я полагал, что все места, где вероятнее всего могли находиться тела Макинтоша и Хейворда, обыскали. Сомнений не оставалось, что они встретили смерть на взломанном тонком льду, когда 8 мая 1916 года разразился буран. Во время моего отсутствия Уайлд и Джек возвели крест в память о трех людях, которые отдали свои жизни Экспедиции.

Капитан Дэвис направил корабль на север 17 января. Ледовые условия были неблагоприятными, пак преграждал путь. Мы пристали к западному побережью у острова Данлоп и проследовали к Грэнит Харбор. Каких-либо следов или депо не заметили. *Аврора* достигла основного тела пака примерно в шестидесяти милях от мыса Адэр 22 января. Лед впереди был сплочен, и Дэвис отправился на юг в открытую воду, чтобы дожидаться более благоприятных условий. Северо-западный шторм 28 января позволил судну пройти между паком и землей у мыса Адэр, и в последний день месяца мы пересекли Южный полярный круг. 4 февраля Дэвис по радио отправил официальный доклад Новозеландскому правительству и 9 февраля *Аврора* пришвартовалась в Веллингтоне. Жители Новой Зеландии приветствовали нас как вернувшихся братьев.

Предыдущие главы этой книги представляют собой повествование о нашей экспедиции. То, что мы потерпели неудачу в достижении цели, было связано, я осмелюсь это утверждать, не с какой-либо небрежностью или ошибками в её организации, а в основном с естественными причинами, то как беспрецедентно суровыми летними условиями в море Уэдделла. Но, хотя экспедиция потерпела неудачу в одном отношении, я думаю, что она была успешной во многих других. Было проведено большое количество важных научных исследований. Метеорологические наблюдения, в частности, имеют экономическое значение. Гидрографические работы в море Уэдделла во многом прояснили тайну этого, наименее известного из всех морей. Я приложил к этой книге краткий научный отчет, а более подробные результаты научных исследований должны пока подождать до лучших времен, когда будет время для их обработки. Затем результаты будут обнародованы.

Как о положительной стороне экспедиции можно с уверенностью сказать, что товарищество и стойкость ее членов было достойно самых лучших традиций Полярных исследований, и для меня было честью иметь под своим началом команду, которая даже в мрачные дни, полные тревог и напряжения от постоянной опасности, поддерживала свой дух и выполняла свою работу. Ту же энергию и стойкость, которую люди продемонстрировали в Антарктике, они проявили и во время войны в Европе. И проследив за нашими судьбами на юге, Вам, быть может, будет интересно узнать, что практически каждый участник экспедиции во время войны служил в тех или иных войсках в регулярных частях. Несколько человек по-прежнему находятся за границей, и по этой причине мне невозможно поведать подробности о них на страницах этой книги.

Из пятидесяти трех человек, что вернулись из пятидесяти шести, ушедших на юг, трое были убиты, а пятеро ранены. Четверо были награждены, а несколько упомянуты в наградных донесениях. Маккарти, самый лучший и работоспособный из матросов, всегда веселый в самых сложных обстоятельствах, и кого по этим причинам я выбрал сопровождать меня в путешествии на лодке к Южной Джорджии, погиб в Проливе (Ирландском море, прим.). Читам, ветеран Антарктики, кто бывал за Южным полярным кругом чаще, чем кто-бы то ни был, утонул, когда судно, на котором он служил, было торпедировано за несколько недель до Перемирия. Эрнест Уайлд, брат Фрэнка Уайлда, был убит во время траления мин в Средиземноморье (*по официальным данным он умер от тифа 10 марта 1918 г. в военноморском госпитале на Мальте, прим.*). Маугер, плотник *Авроры*, был тяжело ранен во время службы в Новозеландской пехоте, и не может теперь заниматься своим ремеслом. Сейчас он работает на правительство Новой Зеландии. Оба хирурга, Маклин и Маклрой, служили во Франции и Италии, Маклрой был тяжело ранен в сражении на Ипре. Фрэнк Уайлд, принимая во внимание его уникальные знания льда и ледовых условий, был сразу же отправлен на Северный русский фронт, где его усердие и способности были удостоены высшей похвалы.

Маклин служил поначалу в Йоркширском полку, а потом перевелся врачом в Tanks (?). Пройдя со своим батальоном итальянский фронт, он был награжден Военным Крестом за храбрость при уходе за ранеными под огнем противника.

Джеймс (*физик, прим.*) служил в инженерных войсках в подразделении звуколокации, и после многих дней, проведенных на фронте, возглавил школу звуколокации, чтобы учить

других офицеров этому последнему и самому научному дополнению к искусству войны.

Вордье отправился во Францию в рядах полевой артиллерии и был тяжело ранен при Армантьере.

Хасси служил в течение восемнадцати месяцев во Франции в дальнбойной артиллерии, участвуя в каждом большом сражении от Диксмёйде до Сен-Кантена.

Уорсли, по прозвищу “Билл - глубинная бомба”, данным подчиненными, благодаря успехам в этом особом способе уничтожения германских подводных лодок, получил орден «За выдающиеся заслуги» и записал три субмарины на свой счет.

Стенхаус, который командовал *Авророй* после Макинтоша, служил с Уорсли его вторым офицером, когда потопили одну из немецких подводных лодок, и за участие в бою получил крест «За выдающиеся заслуги». Впоследствии он стал командовать одним из “Тайных кораблей” и несколько раз участвовал в противолодочных операциях.

Кларк служил на минном тральщике. Гринстрит на барже на Тигре. Рикенсона направили в звании лейтенанта в инженерные войска, Керр инженером вернулся в торговый флот.

Большинство экипажа «*Эндьюранс*» служило на минных тральщиках.

Макинтош, Хейворд и Спенсер-Смит из партии в море Росса погибли за свои страны так же, как и те, кто отдал свои жизни на полях Франции и Фландрии. Гук, радист, теперь командует дирижаблем.

Почти весь экипаж *Авроры* вступил в Новозеландскую пехоту и доблестно служил на различных театрах войны. Некоторые были ранены, но об этом невозможно получить более подробную информацию.

Сам я, вернувшись после спасения оставшихся в живых в море Росса, предложил свои услуги правительству и был направлен с миссией в Южную Америку. Когда она была выполнена, я, как специалист, был направлен на север России ответственным по вопросам снаряжения и транспорта (Arctic Equipment and Transport), служа вместе с Уорсли, Стенхаусом, Хасси, Маклином и Брокльхерстом, последний собирался с нами на юг, но будучи кадровым офицером, был вынужден уйти на фронт. Он был трижды ранен и отступал от Монса. Уорсли направили на Архангельский фронт, где он отлично проявил себя, остальные служили со мной на Мурманском фронте. Тамошние конвои имели точно такую же одежду, снаряжение и сухие пайки как у нас в экспедиции. Было не сложно получить все лучшее для них, и в результате нашей работы не было зарегистрировано ни одного случая обморожения.

Если рассматривать экспедицию в качестве единого подразделения, то из пятидесяти шести человек трое погибли в Антарктике, трое были убиты в боях, пятеро ранены, так что наши потери были довольно высоки.

Но некоторые пошли еще дальше, сплотившись и сформировав костяк для следующей экспедиции, когда трудные времена пройдут, и научные исследования смогут быть продолжены.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НАУЧНАЯ РАБОТА

Джеймс Манн ВОРДЬЕ, Кембридж, лейтенант артиллерии

Исследования, которые предполагалось провести в экспедиции, изначально планировались для береговой партии, работающей с постоянной базой на земле, но только в Южной Джорджии это удалось сделать. На этом острове, где провели целый месяц, геолог собрал очень разнообразный материал и начал картографирование местности, магнитолог короткое время поработал с некоторыми из его инструментов, а метеоролог смог посотрудничать с аргентинским коллегой в Грютвикине. Понятно было, насколько важны метеонаблюдения для аргентинского правительства, и оно, соответственно, делало все, что в их силах, чтобы помочь, как в начале, так и в конце экспедиции. Биолог посвятил большую часть своего времени китобойному промыслу, на острове располагались не менее семи китобойных станций, а также собрал коллекцию прибрежной фауны и в сопровождении фотографа изучал жизнь птиц и привычки морских слонов вдоль восточного побережья.

С началом путешествия у каждого ученого было свое особое направление работы, которым он готовился заняться. Биолог поначалу занимался сбором *планктона* и взятием проб воды для определения температуры и солености. В этом ему с самого начала помогал геолог, который, в свою очередь, занимался промером глубин под руководством корабельных офицеров. Этот период перехода к югу был очень насыщен, поскольку ученым, помимо собственной работы, приходилось нести вахту и взять полное попечительство над собаками. В это же время, помимо прочего, биолог пытался разобраться с богатым собранным на берегу материалом.

Когда стало окончательно ясно, что у корабля больше нет никаких шансов освободиться ото льда в сезоне 1914-1915, в обязанностях ученых произошли радикальные изменения. Они были освобождены, насколько это возможно, от судовых забот и, таким образом, были в состоянии посвятить себя почти полностью своим собственным научным интересам. Метеорологические исследования приняли более определенную форму, инструменты, предназначенные для береговой базы, установили на борту судна, включая самопишущий барограф, термометры и анемометр, с помощью которых были получены очень хорошие результаты. Физик после небольших проблем установил свой квадрантный электрометр, однако, в течение всей зимы приходилось постоянно бороться с инеем, формировавшимся на открытом воздухе на частях его аппарата. Точные результаты, таким образом, постоянно искажались. Определение магнитных констант также занимало изрядную часть его времени.

Помимо коллекционирования *планктона*, биолог мог теперь более часто опускать одну или другую из его драг, заботясь теперь, только чтобы не истощить свой запас консерванта, который был ограничен. Взятие проб воды было основано на лучшей системе, так что эта серия стала почти равномерна курсу корабля. Геолог оставил все мысли о камнях, хотя иногда они и попадались в донных заборах, поэтому его работой стала почти полностью океанография, включавшая изучение морского льда, донных отложений, физиографию морского дна, ежедневное звукозондирование, кроме того, он помогал биологу с измерениями температуры и солености воды.

Научная работа, осуществляемая каждым ученым, была настолько обширна, насколько это было возможно, но в соответствии с духом времени больше внимания следует уделить работе, практические и экономические результаты которой наиболее полны. Метеоролог всегда руководствовался влиянием климата Антарктики на другие южные континенты, геолог рассматривал лед с точки зрения мореплавания, а биолог вынес китобойный промысел во главу своей программы. Приложенные здесь отчеты показывают, насколько

СПЕЦИФИКАЦИЯ МОРСКОГО ЛЬДА

Д. М. ВОРДЬЕ

Во время путешествия «Эндьюранс» вскоре было замечено, что термины, используемые для описания различных форм льда не всегда согласуются с приведенными в глоссарии Маркхема и Милла в их “Руководстве по Антарктике” 1901 года. Естественно, было обычным делом повторять терминологию, используемую со времен первого путешествия капитана Скотта, поскольку эти термины были характерными для всех антарктических путешествий нынешнего века. Основные изменения в номенклатуре, должно быть, произошли в последнюю четверть XIX века, со времен последней морской антарктической экспедиции в 1875 году до экспедиции Дискавери 1901 года. В последней глоссарий Маркхема и Милла, конечно, скорее же всего, использовался, но, видимо, не полностью, и их терминология основывалась, насколько можно судить по состоянию льда, на глоссарии Скорсби, выпущенном в 1820 году, который, по праву, может быть принят за основу во всей его полноте, ибо никто из написавших не сможет внести больший вклад, нежели Скорсби, объединивший более чем десятилетний опыт китобойного промысла с наукой. Значимее прочих он может быть принят как практическое руководство для моряков, а также изучающих формации льда.

То, что некоторые устаревшие термины Скорсби не пережили время безразличия к полярным исследованиям, в пик Маркхему и Миллу, ничуть не показатель, что их значимость исчезла, и что оригинальное использование изменилась раз и навсегда. Пересмотр терминологии, поэтому, в настоящее время необходим. Там где это возможно, определения Скорсби и его преемников, Маркхема и Милла, используются до сих пор. Моя цель - дать определение терминам, фактически используемым полярниками.

Формулировки перечисленных авторов наиболее точны:

У. Скорсби, “Обзор Арктических регионов”, 1820, том i, стр. 225-233, 238-241.

К.Р. Маркхэм и Г.Р. Миллс, “Руководство по Антарктике”, 1901, pp, xiv-xvi.

Д. Пэйер, “Новые земли в пределах полярного круга,” 1876 г., том i, с. 3-14.

У.С. Брюс, “Полярное исследование”, библиотека университета, 1911, стр. 54-71.

Необходимо также упомянуть ежегодные публикации Датского метеорологического института, описывающие ледовые условия прошедшего лета в Арктике. Они публикуются на датском и английском языках, так что термины, используемые в них, общепризнанны, и это дает надежду на то, что, таким образом, они могут быть средством, предотвращающим искажение Антарктической терминологии в результате эволюции, хотя редкий моряк сегодня знает оба Полярных региона. В датских статьях упоминаются шесть различных типов морского льда, а именно невзломанный полярный лед (многолетний) (unbroken polar ice), прибрежный лед (припайный) (land-floe), большие ледовые поля (great ice-fields), сжатый паковый лед (tight pack-ice), открытый лед (open ice), бухтовый лед (bay-ice) и ледяная каша (brash). За исключением бухтового льда, который наиболее известен как молодой лед, все эти термины актуальны и для Антарктики.

Slush or Sludge (Снежура). Начальная стадия замерзания морской воды, когда ее

консистенция становится вязкой. Термин также используется (но не часто) для сильно разбитой ледяной каши.

Pancake-ice (Блинчатый лед). Небольшие округлые льдины с задранными краями, которые образуются на легкой волне из вновь образовавшегося льда, куски которого соударяются друг с другом и формируют приподнятые края.

Young Ice (Молодой лед). Применяется для любого незаторошенного льда около фута толщиной. Из-за пластинчатой структуры льдины легко трескаются, и там, где лед не очень толстый, судно под паром может пройти без особого труда. Молодой лед может образовываться из слипшихся “блинов” или наслоения “черного льда” (*темный нилас, корка льда до 5 см темного цвета, прим.*), возможно покрытого “ледяными узорами”, образующимися за счет замерзания морской воды.

В Арктике принято называть эту форму льда “бухтовый лед”, в Антарктике, однако, последний термин неверно используется для обозначения припайного льда (*fast-ice*), и такое название неправильно используется вот уже пятнадцать лет. Термин бухтовый лед, таким образом, возможно вообще следует исключить, когда даже в Арктике его значение не однозначно, поскольку это может быть как вязкая «снежура», образующаяся при замерзании морской воды, так и твердый плоский образовавшийся лед.

Land floes (Припай) (по существу - неподвижный лед). Тяжелый, но не обязательно заторошенный лед, как правило, покрытый глубоким снегом, который в течение летнего сезона остается неподвижным за счет естественных природных преград или сидящих на мели айсбергов, когда большую часть льда относит. Его толщина, таким образом, больше среднего. В разное время он назывался “*fast-ice*” (ныне межд. обозначение припая), “*coast-ice*”, “*land-ice*”, “*bay-ice*” у Шеклтона, Дэвида и экспедиции Шарко, и возможно, что название Дригальского *Schelfeis* тоже самое.

Floe (Льдина). Площадь льда, ровная или заторошенная, границы которой находятся в поле зрения. Понятие включает в себя любые размеры от ледяной каши до поля. “Тонкая льдина” один-два фута толщиной (любые тоньше - это “молодой лед”). Те, что толще двух футов называют “тяжелыми льдинами”, как правило, они заторошены, и в Антарктиде, во всяком случае, покрыты довольно глубоким снегом.

Field (Ледовое поле). Площадь льда таких размеров, что его границ не видно с топмачты.

Hummocking (Торошение). Возникает во время любых процессов давления, вследствие чего ровный молодой лед становится взломанным и вздымается вверх.

Hummocky Floes (Заторошенный лед). Наиболее подходящий термин для того, что также называют “старым паком” и “сплоченным паком” у Дэвида и *Scholleneis* (плавающий лед, нем.) у немецких писателей. В отличие от молодого льда, его структура не пластинчатая, но становится пятнистой вследствие стекания определенного процента соли, и он становится почти прозрачным.

The Pack (Пак). Термин очень часто используется в самом широком смысле и описывает морской лед любой площади, любой формы и подвижности. Французский термин - *banquise de derive*.

Pack-ice (Паковый лед). Имеет более ограниченное применение, чем термин выше, описывает заторошенные льдины или сплоченные области молодого льда и легких льдин. Паковый лед “сплочен” или “непроницаем”, если льдины, составляющие его, в тесном контакте, “разрежен” - если по большей части, они не соприкасаются. В обоих случаях это

мешает, но не обязательно останавливает, навигацию.

Drift-ice (Дрейфующий лед). Разрезанный лед, где площадь воды превышает площадь льда. Как правило, дрейфующий лед находится в пределах досягаемости волнения, и это приводит к разрушению пакового льда, размер льдин становится значительно меньше, чем в предыдущем определении (Скорсби использует термин дрейфующий лед для кусков льда промежуточного размера между льдинами и ледяной кашей, однако, такое значение практически не используется). Антарктический или арктический пак, как правило, обладает поясом или краем дрейфующего льда.

Brash (Ледяная каша). Небольшие фрагменты льдин и округлые гранулы, образовавшиеся в результате разрушения других форм льда.

Bergy Bits (Обломки айсбергов). Бесснежные глыбы льда размером с дом от ледников или заторошенного пака.

Growlers (Гроулеры). Еще более мелкие куски морского льда зеленоватого цвета, едва показывающиеся выше уровня воды.

Crack (Трещина). Любого рода разлом или раскол в поверхности морского льда.

Lead or Lane (Канал или протока). Трещина, вскрывшаяся до такой ширины, что становится судоходной. В Антарктике принято называть каналы каналами, даже когда они замерзли и покрыты молодым льдом.

Pools (Полыньи). Любая замкнутая площадь воды в паке, длина и ширина которой примерно равны.

(Современная общепринятая номенклатура, естественно, несколько отличается от приведенной, да и в тексте зачастую используются термины, актуальные для того времени, более подробно можно посмотреть на <http://www.aari.nw.ru/gdsidb/glossary/r1.htm#4-3-1>, http://www.geophotobank.com/Article/term-page_ice-ocean.pdf и других ресурсах, прим. пер.)

МЕТЕОРОЛОГИЯ

Л.Д.А. ХАССИ (Лондон), капитан артиллерии

Результаты метеонаблюдений экспедиции, когда они велись должным образом, в сочетании с полученными от других станций в южном полушарии, будут очень полезны для метеорологии в целом и ее практических и экономических приложений.

Южная Америка, пожалуй, заинтересована в них более чем любые другие страны, хотя и Австралия, и Новая Зеландия и Южная Африка зависят от погодных условий в Антарктике. Продолжающиеся сейчас исследования показывают, что метеорология двух полушарий более взаимозависима, нежели считалось до этого, и что метеорологические возмущения в одной части мира ощущаются в более или менее удаленных местах, а может быть и во всем мире.

Очевидно, поэтому, что полное знание погодных условий в любой части мира, под которым подразумевается способность делать правильные прогнозы, никогда не сможет быть получено без знания погодных условий в любой части мира. Именно это делает необходимость чисто научных полярных экспедиций столь обязательным, так как наши

сегодняшние знания метеорологии Арктики и Антарктики очень скудны, и в определенной степени, бессистемны. Нужна сеть метеостанций, хорошо оборудованных приборами и обученным персоналом, охватывающая весь антарктический континент. Исследовательские суда могут дополнять эти наблюдения другими, сделанными во время плавания в антарктических водах. Это будет оплачиваться, поскольку несет выгоду фермерам, морякам и многим другим, тем, кто так зависим от знания погоды.

В качестве примера ценности знаний об антарктических погодных условиях можно привести результаты наблюдений и исследований, проведенных на Южных Оркнейских островах - группе субантарктических островов на входе в море Уэдделла, в результате которых было выяснено, что холодная зима в этом море предшествует засухе на значительной площади Аргентины тремя с половиной годами позже. Для фермеров, значение этих знаний заранее огромно, и поскольку Англия инвестирует в Аргентину почти триста миллионов фунтов стерлингов, Антарктические экспедиции доказали, и еще раз докажут свою ценность даже с чисто коммерческой точки зрения.

Я привел лишь один пример, дабы убедить тех, у кого еще есть вопросы о необходимости полярных экспедиций, а таких примеров можно привести еще немало.

Как только стало ясно, что высадка на землю не может быть осуществлена и что придется провести зиму на корабле, дрейфуя вместе с паком, на нем были установлены приборы и наблюдения велись также, как если бы мы находились на берегу.

На платформе над кормой вдали от жилых помещений был построен метеорологический экран, в котором были размещены максимальный и минимальный термометры, пишущий барограф и термограф - приборы, которые записывают каждое изменение температуры и давления на лист бумаги на вращающемся барабане, эталонный термометр, очень тщательно изготовленный и откалиброванный термометр. Остальные термометры были откалиброваны от этого одного. В верхней части экрана был закреплен анемометр Робинсона. Он состоял из вертикального стержня, на вершине которого были четыре поворотных лопасти, вращающихся к нему под прямым углом. К концам этих лопастей были прикручены полусферические чашки. Они улавливали ветер и вращались со скоростью, меняющейся в зависимости от силы ветра. Скорость ветра можно было считать на циферблате под лопастями.

Кроме того, там был прибор, называемый анемометром Дайнса (Dines), который позволял одновременно следить за силой, продолжительностью и направлением ветра. В нем было то преимущество, что барабан, на котором фиксировались результаты измерений, был размещен внизу, так что можно было сидеть в сравнительно теплой комнате и следить за различными стадиями бури, бушующей снаружи. Используемым барометром был обычный барометр Кью. Когда корабль был раздавлен, все месячные отчеты были спасены, но подробные кальки, которые были упакованы в трюме, были потеряны. Впрочем, они были и не так уж важны. Непрерывные наблюдения велись и во время долгого дрейфа на льдине, и даже на острове Элефант температура ежедневно измерялась в полдень, пока позволяли термометры. Неисправности этих приборов, особенно тех, что имели подвижные части, были очень часты.

Несколько выдержек из наблюдений, сделанных в течение 1915-го – серии наблюдений, которые практически полны – могут быть довольно интересны. Январь был унылым и пасмурным, только 7% времени ясное голубое небо, 71 процент времени небо полностью затянуто тучами.

Процент ясного неба неуклонно возрастал вплоть до июня и июля, эти месяцы показывают, соответственно, 42% и 45,7%. В августе 40% наблюдений - чистое небо, в то время как сентябрь показал резкое падение до 27 процентов. Октябрьская погода была такой же, а в ноябре было пасмурно практически все время, ясное небо показывалось только в 8-ми процентах наблюдений. В декабре небо было полностью затянуто тучами почти 90 процентов времени.

Температура в целом была достаточно высокой, хотя внезапное ее неожиданное падение в феврале, после серии сильных северо-восточных штормов, стало причиной замерзания судна и положило конец надеждам на высадку в тот год. Самая низкая температура была зарегистрирована в июле - -35 градусов, т.е. 67 градусов ниже нуля (-37C). К счастью, поскольку море представляло собой массу консолидированного пака, воздух был сухим и выпало много ясных солнечных дней. Позже, по мере отхода пака к северу и его взламыванию, образовывались широкие полосы воды, вызывающие туман, изморозь и вообще унылую пасмурную погоду. Короче говоря, можно сказать, что в море Уэдделла лучшая погода зимой. К сожалению, в течение этого времени года также исчезает солнце, поэтому нельзя насладиться ей так, как бы хотелось.

Южные ветра, как правило, приносили ясную погоду, со значительным падением температуры, северные же сопровождались туманом, пеленой и пасмурной погодой со сравнительно высокой температурой. В Антарктике температура в 30 градусов, т.е. 2° ниже замерзания, считается невыносимо жаркой (-1C).

Наибольшей трудностью, с которой мы столкнулись, было накопление инея на инструментах. При низких температурах все вокруг покрывалось ледяными кристаллами инея, которые со временем превращались в огромные глыбы. Иногда глыбы инея падали, делая опасными прогулки вдоль палубы. Иней намерзал на термометрах, стеклянном шаре солнечного самописца и подшипниках анемометра, вызывая необходимость частого пользования щеткой для его удаления, а иногда полностью парализовал работу приборов.

Одна худших пережитых нами бурь началась 1 августа 1915 года и стала для корабля началом конца. Она продолжалась в течение четырех дней при облачной и пасмурной погоде и, начиная с этого времени, мы редко наблюдали солнце.

Погода, с которой мы столкнулись на острове Элефант, может быть описана только как ужасная. Поскольку мы располагались в устье ложа, вниз по которому медленно движется огромный ледник, с открытым морем впереди и слева, и высокими, покрытыми снегом горами справа от нас, воздух почти никогда не был свободен от снежной крупы, а ветра усиливались до устрашающей мощи, проходя над ледником и сквозь узкое жерло ложины. Огромные глыбы льда швыряло словно гальку, тюки с одеждой и кухонной утварью были вырваны из наших рук и унесены в море. В первые две недели после высадки дул штормовой ветер, временами со скоростью свыше ста миль в час. К счастью, он никогда больше не достиг такой мощи, но несколько случайных жестоких шквалов заставили нас очень попереживать за безопасность нашей хижины. Остров почти постоянно покрывала пелена тумана и снега, ясная погода наблюдалась лишь время от времени, когда нас окружал паковый лед. К счастью, череда юго-западных штормов отнесла лед на северо-восток за два дня до прибытия спасательного судна, предоставив последнему сравнительно чистое море, чтобы приблизиться к острову.

Будучи одинокой дрейфующей метеостанцией посреди широких просторов моря Уэдделла, не зная, что происходит где-либо вокруг нас, делать прогноз погоды было очень

сложно, а порой невозможно.

Большую помощь в этом направлении науки оказали копии исследований и статей по антарктической метеорологии, любезно предоставленные нам господином Р.К. Моссманном.

Я попытался дать этот очень краткий отчет о метеорологической части экспедиции наиболее “популярным языком”, нежели научный, публикация же полного отчета и его научное обсуждение будет проводиться в другом месте, но если описываемые трудности, с которыми мы столкнулись в работе, увеличивают значение антарктических экспедиций и необходимость дальнейших непрерывных исследований в непосредственной близости к полюсу с чисто утилитарной точки зрения, то эта цель, в итоге, будет достигнута.

ФИЗИКА

Д.М. ВОРДЬЕ

В связи с продолжительным дрейфом корабля плановую программу физических наблюдений пришлось значительно поменять. Изначально программа была рассчитана на установку приборов для наблюдений за земным магнетизмом на береговой базе и проведения непрерывного ряда измерений на протяжении всего периода пребывания там, получения абсолютных показаний горизонтальной магнитной силы земли и магнитных склонений за определенные промежутки времени. В связи с непрерывным дрейфом и возможностью льдин треснуть в любое время, оказалось неосуществимым установить необходимые инструменты, и магнитные наблюдения оказались ограничены сериями абсолютных измерений, проведенными всякий раз, когда для этого предоставлялась возможность. Эти измерения, благодаря дрейфу корабля, распространяются на значительные расстояния, и дали результаты вдоль линии, простирающейся примерно с 77° ЮШ по 69° ЮШ. Это не совсем то место, где бы хотелось получить желаемые результаты, но они вполне приемлемы относительно положения магнитного полюса, полученные результаты соответствуют сравнительно низкой магнитной широте, значение склонения варьируется от 63 до 68 градусов.

Насколько это было возможно, постоянно регистрировалась напряженность магнитного поля квадрантным электрометром на штативе и чернильным рекордером, изготовленными Кембриджской компанией Научных приборов. Опять же, несколько специфические условия сделали эту работу очень сложной, поскольку этот инструмент был очень чувствителен к малейшим колебаниям, таким, как время от времени, надавливания льда на корабль. В его иониевом коллекторе использовался радиоактивный материал, любезно предоставленный мистером Глью (F.H. Glew). Главная трудность заключалась в постоянном образовании толстой корки инея, который либо нарастал на изоляции и портил ее, или же покрывал коллектор так, что прибор не мог больше работать. Тем не менее, значительное число хороших измерений было сделано, хотя они и не были должным образом обработаны. Условия экспедиции были очень благоприятны для наблюдения за образованием морского льда и его физическими свойствами, однако эти выводы обсуждались в другом разделе, и упоминаются здесь, поскольку подпадают под заголовок физики.

В дополнение к этим основным направлениям работы, были проведены многие наблюдения разнообразного характера, в том числе, такие как возникновение и природа

паргелия или “ложных солнц”, полярных сияний, которых было немного и они были довольно смазаны вследствие сравнительно низкой магнитной широты. Поскольку большинство наблюдений не представляют ценности без знания места, откуда они были проведены, а помимо этого был сделан полноценный промер глубин, ежедневные определения положения судна представляли очень важную задачу. Дрейф судна пролил значительный свет, по крайней мере, на одну географическую проблему, существование земли Моррелла. Оставшаяся часть этого приложения, следовательно, будет посвящена обсуждению методов, используемых для определения положения судна изо дня в день.

Широта и долгота определялись по астрономическим наблюдениям каждый день, когда были видны солнце или звезды, когда же небо было затянуто тучами, положение определялось путем интерполирования, известного как навигационное счисление (“*dead reckoning*”), то есть, путем оценки скорости и курса судна и, принимая во внимание различные причины, влияющие на него. Небо было часто затянуто тучами по нескольку дней подряд, и было очень ценным подспорье в этом вопросе. Капитан Уорсли построил аппарат, который давал хорошее представление о направлении дрейфа в любое время. Это был железный прут, который проходил сквозь железную трубу, вмороженную вертикально в лед, опущенный до уровня воды. На нижнем конце прута находилась лопасть. Прут свободно вращался, а лопасть указывала направление течения при помощи указателя, прикрепленного к его верхней части. Указываемые направления зависели, конечно, от дрейфа льда относительно воды, и не принимали во внимание любые фактические течения, которые могли нести лед, но истинное течение, кажется, никогда не было сильным и направление вертушки, вероятно, довольно точно указывало направление дрейфа льда. С помощью этого прибора нельзя было получить точное представление о скорости дрейфа, хотя было возможно приблизительно его оценить, сместив лопасть и отметив, как быстро она вернется в прежнее свое положение, чем выше скорость возврата, тем выше скорость дрейфа. Другим средством оценки скорости и направления дрейфа был линь, при помощи которого проводился промер глубин. Скорость и направление дрейфа, казалось, почти полностью зависели от скорости и направления ветра. Если и существовало какое-либо истинное течение, это оно не являлось очевидным из грубого сравнения дрейфа с преобладающими направлениями ветров, хотя тщательные исследования показаний могут дать и некоторый эффект течения.*

* См. “Научные результаты норвежской Северной Полярной Экспедиции, 1893-96,” том iii, стр. 357.

Дрейф всегда относил нас «влево» независимо от фактического направления ветра. Этот эффект, вызванный вращением земли и соответствующей девиацией относительно направления ветра, был отмечен Нансеном еще во время дрейфа *Фрама*. Изменению направления ветра часто предшествовали несколько часов изменений показаний указателя направления дрейфа. Вне всякого сомнения, грядущие перемещения льда под ветер приводились в движение в результате волнения, перемещавшегося через лед быстрее, чем приближающийся ветер.

Для астрономических наблюдений мы использовали как секстант, так и теодолит. Используемым теодолитом был light 3'' Вернье Кэри Портера, предназначенный для санной работы. Этот инструмент был вполне ничего, хотя, возможно, его прочностью пожертвовали в пользу легкости в слишком большой степени. Еще одним моментом, который заслуживает особого упоминания, были регулировочные винты, которые были сделаны из меди, а трегер,

которыми он регулировался, был сделан ради облегчения из алюминия. Эти два металла имеют разный коэффициент расширения, и хотя при нормальных температурах проблем не было, то при температурах в районе 20 Fahr. ниже нуля направляющие трегера сильно ослабевали. При изготовлении любого инструмента, предназначенного для использования при низких температурах, следует позаботиться о том, чтобы его части, которые должны соединяться вместе, были сделаны из одинакового материала.

Для определения положения в дрейфующем паковом льду теодолит оказался более полезным инструментом, нежели секстант. В мощном паке льдины достаточно устойчивы, и теодолит мог быть установлен и выровнен так же, как и на суше. Определения широты и долготы заключаются в измерении высоты солнца или звезд. Главная неопределенность в этих измерениях - это величина преломления света в воздухе. При очень низких температурах, коррекция, применяемая к этим счислениям является величиной непостоянной (неопределенной), и, если возможно, измерения всегда должны быть проведены совместно с измерениями относительно какой-либо северной и южной звезды для широты, и звезды к востоку и западу для долготы. Ошибка преломления будет, таким образом, устранена. Эта ошибка влияет на измерения как теодолитом, так и секстантом, но в случае измерений секстантом есть еще одна причина ошибки. Используя секстант, угол между небесным телом и видимым горизонтом измеряется непосредственно. Даже в плотном паке, хотя наблюдения осуществляются с палубы корабля, тороса или низкого айсберга, горизонт, как правило, достаточно четкий для этой цели. В очень холодную погоду, однако, и особенно, если есть открытые каналы и полыньи между наблюдателем и горизонтом, часто возникает эффект миража, и видимый горизонт может быть поднят вверх на несколько минут. Это уменьшит измеряемую широту, а провести коррекцию измерений практически невозможно. Эта ошибка может быть устранена в какой-то степени путем сопряжения наблюдений как описано выше, но это не означает, что эффект миража будет одинаков в двух направлениях. Затем опять же, в течение летних месяцев звезды не будут видны, и определение широты будет зависеть от одного полуденного солнца. Если же солнце видно в полночь, то его высота над уровнем моря будет слишком мала для точных измерений и, в любом случае, атмосферные условия будут совершенно отличны от полуденных. В Антарктике, таким образом, условия для получения точных результатов измерений особенно трудны и необходимо уменьшать вероятность ошибки как можно больше. Поэтому когда возможно, измерения высоты звезды или солнца должны проводиться с теодолита, так как высота отчитывается от его спиртового уровня и не зависит от видимого горизонта. Во время дрейфа «Эндьюранс» использовались, как правило, оба средства измерений. Сравнение результатов показало, что они схожи у секстанта и теодолита в пределах ошибки прибора если температура выше примерно 20 градусов Fahr. (-5C). При более низких температурах были часты расхождения, которые можно отнести к эффекту миража, описанному выше.

Поскольку «Эндьюранс» несло дрейфом на запад моря Уэдделла, в район предполагаемой Земли Моррелла, точное определение долготы сразу стало основной задачей с точки зрения устранения противоречий по поводу существования этой земли. Во время долгого путешествия широта всегда может быть определена более менее точно и зависит просто от точности измерения высоты [солнца]. В случае с долготой вопрос не так однозначен. Обычный метод заключается в определении местного времени по астрономическим наблюдениям и сравнения этого времени с Гринвичским, которое показывает корабельный хронометр, при этом требуется точное знание ошибки хода

хронометра. Во время путешествия «Эндьюранс» прошло около пятнадцати месяцев, в течение которых хронометры не проверялись, но которые могли быть проверены путем наблюдения известной земли, другого метода проверки без вероятности больших ошибок в долготе не было. Для цели проверки хронометров зимой 1915 года был проведен ряд наблюдений. По покрытию звезд Луной. Такие покрытия происходят ежемесячно и описаны в «Морском альманахе». Из данных, приведенных там, можно вычислить время по Гринвичу, в которое то или иное покрытие должно произойти для наблюдателя в любом месте на земле, знающего свое местоположение в пределах нескольких миль. Во время исчезновения звезды отмечаются показания хронометра. Ошибка хронометра, таким образом, определяется. При обычной погрешности хода хронометра ошибка может быть определена до несколько секунд, что вполне достаточно для целей навигации. Основная сложность этого метода заключается в том, что происходит сравнительно немного покрытий, и те, что случаются, происходят со звездами пятой величины или ниже. В Антарктике условия для наблюдений покрытий довольно благоприятны зимой, поскольку звезды пятой величины могут быть видны в небольшой телескоп в любое время в течение суток если небо ясное, луна также выше горизонта большую часть времени. Летом, однако, этот метод совершенно невозможно применить, поскольку несколько месяцев звезды не видны.

До июня 1915 года хронометр не проверялся. 24 июня наблюдалась серия из четырех покрытий и результаты наблюдений дали ошибку долготы на целый градус. В июле, августе и сентябре покрытия наблюдались еще, и было вычислено достаточно точное отклонение хода хронометров и часов. После крушения судна 27 октября 1915 года наблюдения покрытий не проводились, но мы делали корректировку хода часов и долготы, определяемая с использованием этих коррекций вплоть до 23 марта 1916 года определялась с точностью до 10 минут, судя по наблюдению Земли Жуанвиля, сделанному в этот день. Таким образом, я практически уверен в том, что больших ошибок в определении местоположения «Эндьюранс» в любое время во время дрейфа сделано не было, и его курс с большой уверенностью можно считать известным, нежели это часто бывает в плаваниях такой продолжительности.

КИТЫ ЮЖНОЙ АТЛАНТИКИ И КИТОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

РОБЕРТ СЕЛБИ КЛАРК

Предложение начать китобойный промысел в субантарктике прозвучало в 1904, и уже в следующем году в Южной Джорджии начали работать первые предприятия. Начинание было столь успешным, что в промысел включились несколько компаний, а промысловый район был расширен до Южных Шетландских и Южных Оркнейских островов, и вплоть до 67 параллели вдоль западного побережья Земли Грехам. Этот район находится под юрисдикцией Фолклендских островов, и, соответственно, под контролем Британского Правительства, его географическое положение дает исключительные возможности для успешного ведения бизнеса, так как в нем достаточное количество безопасных гаваней и отстоящих друг от друга островов, где и были построены береговые станции. Юрисдикция Фолклендских островов распространяется приблизительно с 50-го по 65-й градус южной широты и 25-й – 70-й градус западной долготы и включает в себя Фолклендские острова, Южную Джорджию, Южные Сандвичевы, Южные Оркнейские, Южные Шетландские

острова и часть Земли Грэхам.

Отрасль процветает, и ее продукция всегда находит рынки сбыта. Этим уникальна субантарктика, и в результате более чем вдвое увеличился мировой спрос на ее продукцию. Общая экономическая ценность юрисдикции Фолклендских островов в 1913 году составила £1252432, в 1914-м £1300978, в 1915-м £1333401 и в 1916-м £1774570. Эти доходы, главным образом, получены от продажи китового жира и побочных продуктов промысла, например, гуано, и связаны с выловом в каждом сезоне нескольких тысяч китов. В 1916 году число китов, выловленных в этом районе, составило 11860, из которых 6000 пришлось лишь на одну Южную Джорджию. Китовый жир, продукт, имеющий теперь наиболее значительное экономическое значение в китобойном промысле, выпускается четырех классов (некоторые компании добавляют пятый). Это № 0, I, II, III, IV, которые в 1913-м продавались по £24, £22, £20 и £18 за тонну. В 1919г. цены выросли до £72, £68, £65 и £63 соответственно.

Китовый жир может легко быть преобразован в глицерин, он используется в производстве мыла, а совсем недавно и у нас, и в Норвегии, из него, путем простого процесса переработки, стали получать очень вкусный и питательный маргарин. В условиях военного времени значение китового жира было лишь подчеркнуто и, к счастью, его поставки были достаточно постоянными для производства огромного количества глицерина, требуемого стране для производства взрывчатки. Как продукт питания он был не менее важен в спасении страны от “отечного” голода, когда она столкнулась с дефицитом овощных и других животных жиров. Уже одно производство гуано, костной муки и мясных продуктов компенсирует расходы китобойной станции, а ценность этих продуктов заключается в их свойствах. Мясные продукты добавляются в кормовую жмых, который является отличной пищей для откорма крупного рогатого скота, в тоже время костная мука и гуано являются очень эффективными удобрениями. Гуано, по сути, это, как правило, остатки переработки после процесса сушки и дезинтеграции, смешиваемые с измельченной костью в пропорции две к одному. Оно изготавливается, главным образом, на береговых станциях и, в меньшей степени, на плавучих заводах, хотя на последних это оказалось не очень выгодно. Китовое мясо, возможно, слегка жирное и сильно пахнет, но вполне съедобно, в Южной Джорджии оно было добавлено в нашу продуктовую раскладку, это было мясо с хребта горбачей. Большое количество китового мяса мы “загрузили” в качестве пищи для собак для путешествия на юг, и последние ели его с жадностью. Интересно отметить также успешное разведение свиней в Южной Джорджии, в основном, если не полностью, они питаются китовой продукцией. Китовый ус, который в свое время являлся наиболее прибыльной статьей Арктического китового промысла, здесь рассматривается как второстепенный. Китовый ус южных гладких китов достигает длины лишь около 7 футов и котируются по £750 за тонну, но количество этих выловленных китов очень невелико. Размеры китового уса других китов намного меньше и он более низкого качества, кроме, быть может, сейвалов, и приносит около £85 за тонну, кашалотов добывают в Южной Джорджии и на Южных Шетландских островах, но их количество непостоянно, они более многочисленны в теплых районах. Другая продукция и ее стоимость слишком хорошо известны, чтобы повторяться.

«Эндьюранс» достиг Южной Джорджии 5 ноября 1914 года и встал на якорь в бухте Короля Эдуарда, залив Камберленд, у Грютвикена, береговой станции Аргентинской Промысловой Компании (Argentina Pesca Company). В течение месяца, проведенного на острове, в свободное от общей рутинной экспедиционной работы, значительная часть времени была посвящена изучению китов и китобойного промысла и, одновременно, другим

исследованиям животного мира этого интересного субантарктического острова. Были посещены шесть из семи существующих китобойных станций, и было получено общее представление обо всей производственной отрасли.

От Южной Джорджии путь «Эндьюранс» лежал по прямой к группе Южных Сандвичевых островов между островами Saunders и Candlemas. Затем юго-восточным и южным курсами мы вышли к барьеру Земли Котса, вдоль которого прошли несколько сотен миль, пока не были вынуждены взять к западу, где мы 19 января 1915 года, к сожалению, были зажаты на $76^{\circ}34'$ ЮШ и $37^{\circ}30'$ ЗД огромными массами тяжелого пакового льда. К 19 марта 1915 года корабль дрейфовал до $76^{\circ}59'$ ЮШ и $37^{\circ}47'$ ЗД, а затем его понесло на запад и север до тех пор, пока он не был разрушен на $69^{\circ}5'$ ЮШ $51^{\circ}30'$ ЗД 26 октября 1915 года. Мы продолжали постепенно дрейфовать на север, плывя на льдинах, пройдя Землю Грэхама и остров Жуанвиля и, наконец, 9 апреля 1916 года взяли лодки и 15 апреля достигли острова Элефант. Таким образом, зона юрисдикции Фолклендских островов была практически полностью обогнута и может быть интересным сравнить упоминания о китах, увиденных за пределами зоны к югу от нее с данными о каждом виде, выловленными в ходе интенсивного промысла в этой области.

Наиболее продуктивная часть Южной Атлантики лежит к югу от 50-го градуса южной широты, где активный промысел ведется вплоть и даже за полярным кругом. Считается общепринятым фактом, что численность китов в антарктических водах зависит от ледовой обстановки и, кажется вполне резонным предположить, что именно этим может быть объяснено сравнительно небольшое число китов, замеченных экспедицией более севернее и в более открытом море, китобои утверждали, что их неудачные промысловые сезоны почти всегда совпадали с недостатком льда. Все без исключения экспедиции, которые проникали далеко на юг и сталкивались с «хорошим» паковым льдом, сообщали о большом количестве встреченных там китов, даже на самых дальних южных широтах, так что своими знаниями о встречаемости китов в Антарктике мы во многом обязаны этим экспедициям, хотя основной их целью было либо открытие новых земель или же сам полюс. Наибольшее число антарктических Экспедиций было проведено в двух районах - в Южной Атлантике и в море Росса, и отчеты о наличии китов, как результат, повествуют об этих двух областях. Экспедиции в промежуточные области, в частности, *Бельджики* в западную и *Гаусса* в восточную части Антарктиды, сообщают об умеренно большом количестве китов, так что они обитают отнюдь не только в двух районах, упомянутых выше.

Эффективная промысловая область, как можно предположить, расположена в радиусе ста миль от каждой береговой станции или плавучего завода, и приблизительная оценка промыслового района всех Фолклендских станций составляет примерно 160 000 квадратных миль. В общей же сложности площадь всей Фолклендской зоны составляет около 2-х миллионов квадратных миль, что грубо менее одной шестой части всего Антарктического бассейна. Возникает резонный вопрос, насколько “процент вылова” в течение короткого промыслового сезона влияет на общее поголовье китов, но об этом пока можно только гадать, поскольку достоверные результаты сравнения этих цифр могут дать, главным образом, только научные и другие экспедиции в районы за пределами области интенсивного промысла. С другой стороны достаточно очевидно, однако, что один из видов – горбатый кит (горбач) в опасности полного уничтожения, а синие и финвалы, две другие разновидности полосатиков, которые составляют основную часть добычи, встречаются пока так же часто, как и раньше.

Китов, добываемых различными китобойными станциями Фолклендской зоны можно разделить на три основных вида – синий кит (*Balaenoptera musculus*), финвал (*Balaenoptera physalis*) и горбач (*Megaptera nanapterium*), кашалотов (*Physeter catodon*) и гладких китов (*Eubalaena glacialis*) ловят случайно и редко, а сейвалов (*Balaenoptera borealis*) стали ловить в Южной Джорджии лишь в 1913 году, и в настоящее время они составляют весомый процент улова на Фолклендских островах. На ранней стадии китобойного промысла в Южной Джорджии и до сезона 1910-11 практически весь улов составляли горбатые киты. В 1912-13 вылов полосатиков в Южной Джорджии и Южных Шетландских островах были следующим:

горбач - 38%, финвал - 36%, синий кит 20 %. В последние годы процент изменился значительно, преобладают синие киты и финвалы, вылов горбачей быстро снижается. В 1915 году Китобойная компания Южной Джорджии (Messrs. Salvesen, Leith) выловила 1085 китов, из них 15% горбачей, 25% финвалов, 58% синих китов и 2% гладких китов. В том же году улов трех компаний Южных Шетландских островов составил 1512 китов и данные по ним следующие: 12% горбачей, 42% финвалов и 45% синих китов. В 1919 году Южная китобойная и тюленебойная компания (Стрёмнесс, Южная Джорджия) выловила 529 китов, из них 2% горбачи, 51% финвалы и 45% синие киты. Эти данные не показывают общего вылова китов, но являются достаточно надежными, чтобы показать, как воздействует на численность видов промысел. Очень заметно сокращение числа горбачей, и даже помимо разрешения на возможное увеличение вылова более крупных и прибыльных синих китов и финвалов, есть достаточно доказательств, что горбачи находятся под угрозой исчезновения.

Данные о выловах китов в северных районах, регионах от 50-го градуса широты на север к экватору, которые рассматриваются как следующие по важности после субантарктики, хотя и не столь продуктивны, полезны для сравнительного анализа. В Saldanha Bay, Капской Колонии, в 1912 году выловили 131 кита и распределение было следующим: 35% горбачи, 13% финвалы, 4% синие киты, 46% сейвалы, а ближе к экватору, в Порт-Алексадере, общий улов составил 322 кита, в процентах 98 горбачи и всего только 2% финвалы и сейвалы. В 1914 году в Южной Африке (главным образом в Saldanha Bay и в Дурбане) в общей сложности выловили 839 китов, 60% из которых составили горбачи, 25% финвалы и 13% синие киты. В 1916 году выловили 853 кита - 10% горбачи, 13% финвалы, 6% синие киты, 68% кашалоты и 1% сейвалы. В чилийских водах в 1916 году всего добыли 327 китов - 31% горбачи, 24% финвалы, 26% синие киты, 12% кашалоты и 5% гладкие киты. Кажется, что существует определенная взаимосвязь между двумя районами. Вылов составил те же виды китов и периоды вылова дополняются с завидной точностью, промысловый сезон длится с конца ноября по апрель в субантарктике и с мая по ноябрь в субтропиках. Несколько компаний, однако, ведут ограниченный промысел в Южной Джорджии и на Фолклендских островах в течение зимы, но он не очень выгоден, хотя и подтверждается присутствие китов в этом районе в зимние месяцы.

Миграции китов вызваны двумя причинами:

- (1) перераспределением пищи;
- (2) местом для размножения.

В течение летних месяцев в море в Антарктике в изобилии растительная и животная жизнь, и киты, которые питаются небольшим *планктоном*, соответственно, многочисленны, но зимой такое положение вещей меняется и китов мало или они отсутствуют, по крайней мере, в более высоких широтах. В течение дрейфа «Эндьюранс» почти ежедневно брались

образцы планктона во время Антарктического лета и зимы. С декабря по март было достаточно несколько минут поводить сачком по поверхности моря, чтобы наполнить сеть образцами растительной и животной жизни, но это изобилие у поверхности внезапно заканчивалось в апреле, и до возвращения дневного света и вскрытия пакового льда последующие выборки содержали лишь очень маленькие организмы. Нижние слои воды, вниз приблизительно со ста саженей были не намного продуктивны и *Euphausiae* (Антарктический криль) хоть и попадался в заборе, но крайне редко. В течение зимы, проведенной на острове Элефант, наш общий вылов папуанских пингвинов за период с 15 апреля по 30 августа 1916 составил 1436 птицы. Все эти птицы были разделаны, печень и сердца шли в пищу, а шкуры использовались в качестве топлива. В то же время желудки неизменно исследовались и их содержимое описывалось. В большей части желудков находились небольшие ракообразные *Euphausia*. Иногда, однако, встречаются записи о небольших рыбках. Количество *Euphausiae*, содержащегося в большинстве желудков было огромным относительно размера птиц. Эти пингвины были мигрирующими и выходили на берег только когда заливы были свободны ото льда, а поскольку было несколько периодов из четырнадцати дней подряд, когда заливы и окружающее море было покрыто густой плотной массой льда, то в оставшееся время пингвины полностью отсутствовали. *Euphausiae* присутствовал в достаточном количестве в некоторых, если не во всех субантарктических водах во время Южной зимы. Мы можем предположить таким образом, что миграция к югу антарктическим летом связана, безусловно, с поисками пищи. Наблюдения показали существование северной миграции, и, кажется очень маловероятным, что она тоже в поисках пищи, скорее всего для целей размножения, видимо киты выбирают более умеренные регионы для рождения детенышей. Эта точка зрения подкрепляется статистическими отчетами, которые показывают, что спаривание происходит в северных районах, вынашивание плода осуществляется матерью во время южной миграции в Антарктику, а детеныши рождаются в более благоприятных водах к северу от субантарктической зоны. Мы еще должны доказать, однако, возможность приполярной миграции, мы в неведении о количестве китов, которые остаются в субантарктических районах во время Южной зимы.

Ниже приведена грубая классификации китов, с особым упоминанием тех, которые встречаются в Южной Атлантике:

1. УСАТЫЕ КИТЫ (*Mystacoceti*)

Гладкие Киты (*Balaenidae*) - Южный гладкий кит (*Eubalaena glacialis*)

Полосатиковые (*Balaenopteridae*) – Горбатый кит (*Megaptera nodosa*) и Финвалы – Синий Кит (*B. musculus*) , Финвал (*B. physalis*) , Сейвал (*B. borealis*) , Карликовый полосатик (*B. Acutorostrata*), Полосатик Брайда (*B. brydei*)

2. ЗУБАТЫЕ КИТЫ (*Odontocetes*)

Кашалот (*Physeter catodon*), Бутылконос (*Hyperoodon rostratus*) и Дельфины - (1) Косатка (*Orcinus orca*)

(2) Гринда (*Globicephalus melas*) (3) Короткоголовые дельфины (*Lagenorhynchus* sp.)

Разделение усаемых китов определяется размером китового уса. Эти киты имеют огромные мускулистые языки, которыми проталкивают воду сквозь пластинки китового уса и таким образом отфильтровывают небольшие съедобные организмы. Еда усаемых китов главным образом состоит из мелких ракообразных, которые встречаются в планктоне, хотя некоторые киты (горбач, финвал и сейвал) кормятся также рыбой. В желудках всех

исследованных в Южной Джорджии в декабре 1914 года китов, принадлежавшим трем видам - горбачам, финвалам и голубым китам, содержались небольшие ракообразные *Euphausiae* (криль) со смесью амфиподов. Зубатые киты – кашалоты и бутылконосы, как известно, живут на кальмарах, и что изобилие этого типа пищи в море Уэдделла было доказано исследованием желудков пингвинов и тюленей. В желудках императорских пингвинов (были исследованы сотни) неизменно содержались *Головоногие*, а большие, частично переваренные кальмары, часто встречались в желудках у тюленей Уэдделла. Спинной плавник есть у полосатиков, но отсутствует у гладких китов. Вместе с другими чертами, в частности размерами животного, он является их характерным отличительным признаком, но не всегда.

На начальном этапе плавания, за исключением нескольких косяков дельфинов, киты практически не встречались. По мере приближения к Фолклендской зоне они стали появляться во множестве. Четыре небольших косяка финвалов и несколько горбачей были замечены 28 и 29 октября 1914 года на 38°01' ЮШ и 55°03' ЗД и на 40°35' ЮШ 53°11' ЗД соответственно, 31 октября 1914 на 45°17' ЮШ и 48°58' ЗД заметили гринду. В Южной Джорджии на различных станциях выловленные в декабре 1914 года киты были представлены синими китами, финвалами и горбачами (перечислены соответственно по количеству выловленных). За время промыслового сезона 1914-15 (с декабря по март) в секторе от Южной Джорджии к Южным Сандвичевым островам и вдоль Земли Котса к изголовью моря Уэдделла записи о китах не столь многочисленны. Два упоминания несомненно связаны с горбачами, они встретились непосредственно у Южных Сандвичевых островов. Паковый лед начался на 59°55' ЮШ и 18°28' ЗД и синие киты встречались ежедневно примерно вплоть до 65-го градуса. С 27 декабря 1914г. по 3 января 1915г. между 65°43' ЮШ 17°30' ЗД и 69°59' ЮШ 17°31' ЗД китов не было видно. 4 января, однако, на 69°59' ЮШ и 17°36' ЗД рядом с судном в достаточно открытой воде появились два больших кашалота и уплыли на запад. Они оставались достаточно долго на поверхности воды, чтобы их можно было легко идентифицировать. Еще дальше на юг синие киты попадались только изредка, а финвалов мы смогли идентифицировать только в одном или двух случаях. Косатки, однако, были многочисленны, как и карликовый полосатик. Сомнений не было в определении последнего вида, поскольку он часто подходил близко к борту судна. С апреля по сентябрь (включительно) море было покрыто льдом (за исключением локальных “каналов”) и киты отсутствовали. В октябре киты снова появились и с этого времени встречались ежедневно. Идентификация видов, однако, была затруднена, «Эндьюранс» был раздавлен и затонул, и наблюдения за ними были возможны только с льдин, или позже с лодок. Часто было видно высокий фонтан вырывающихся брызг, выдававший присутствие синих китов или финвалов. Карликовые полосатики вновь появились в “каналах” рядом с нашей “лагерной” льдиной и легко распознавались. Исключительная возможность представилась нам 6 декабря 1915 года, когда косяк из восьми бутылконосов (*Hyperoodon rostratus*) появился в небольшой полынье рядом с “Океанским лагерем” на 67°47' ЮШ и 52°18' ЗД. Они были от 20 до чуть более 30 футов в длину и однотонного темного серо-коричневого цвета, крупные особи имели тускло-желтый окрас. Они все были без белых пятен. На краю пакового льда в первой половине апреля 1916 года примерно на 62° ЮШ и 54° ЗД (вход в пролив Брансфилд) киты были весьма многочисленны, это были, главным образом, финвалы, и несколько сейвалов. Интересно отметить, что промысловый сезон 1915-1916 был чрезвычайно продуктивен – не менее чем 11860 китов были выловлены в

одной только Фолклендской зоне.

Южно Атлантический китобойный промысел позже достиг критической стадии развития. Сейчас он зависит от вылова больших финвалов и синих китов, число горбачей быстро снижалось, так что общей их численности, как представляется, был нанесен значительный урон. Что касается других видов, то южных гладких китов и так никогда не было в изобилии, кашалоты и сейвалы демонстрировали сильные сезонные колебания численности, хотя их также и так не много, за бутылконосом и карликовым полосатиком так далеко не охотились, за исключением, в последнее время, случаев ради мяса. Массовый забой китов и в субантарктике и в субтропиках, областях, связанных между собой, требует принятия всеобщего законодательства, направленного на защиту китов от скорого коммерческого уничтожения, а от индустрии, которая имеет всемирное экономическое значение, следует отказаться. Британское правительство, контролирующее лучшие в мире промыслы, полностью осознает ситуацию и межведомственный Комитет под руководством Министерства по делам колоний в настоящее время разрабатывает работоспособный план и по защите китов и на благо отрасли.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ХИЖИНЫ В ПРОЛИВЕ

МАК-МЕРДО

СЭР Э.Г. ШЕКЛТОН

Следующие пояснения предназначены для блага будущих путешественников, которые могут избрать пролив Мак-Мердо в качестве базы для внутриконтинентальных работ, и чтобы снять любые неточности или двусмысленности, касающиеся истории, занятости и состояния этих хижин.

(1) ХИЖИНА НАЦИОНАЛЬНОЙ АНТАРКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ХАТ-ПОЙНТ-ИЗГОЛОВЬЕ ПРОЛИВА МАК-МЕРДО

Эта хижина была построена капитаном Скоттом в 1902 году в экспедиции, отправленной Королевским Географическим Обществом, Лондонским Королевским Обществом, Правительством и частными лицами. Капитан Роберт Фалькон Скотт был назначен руководителем экспедиции. Я служил третьим лейтенантом до февраля 1903 года, когда был эвакуирован домой из-за проблем с легкими как следствие цинги, заработанной в путешествии к югу. Хижина *Дискавери* была большой и крепкой постройкой, но настолько продуваемой и холодной по сравнению с кораблем, который был пришвартован в ста ярдах, что в первый год никогда не использовалась в качестве жилого помещения. Ее использовали как склад для основных припасов, таких как мука, какао, кофе, сухари и мясные консервы, оставленные там на всякий случай, если что-либо произойдет с кораблем. В течение второго года случайные партии располагались внутри хижины, но ни коек или постоянных жилых комнат внутри возведено не было. Дискомфорт хижины стал притчей во языцех в экспедиции, но она служила отличным складом и отправной точкой для всех партий, уходящих к югу.

Когда Дискавери покинул Мак-Мердо, из хижины забрали все вещи, включая печи, но там остался крупный склад припасов, упомянутых выше. Я не был осведомлен об этом, пока не вернулся в Мак-Мердо в феврале 1908 года и не отправил Адамса, Джойса и Уайлда к хижине.

По возвращении они сообщили, что дверь была распахнута, по-видимому, южной бурей, и была заклинена снегом снаружи и изнутри, так что они сделали вход через одно из окон с подветренной стороны. Они нашли хижину целой и невредимой, и практически незаметенной снегом. Я использовал хижину весной, т.е. в сентябре и октябре 1908 года в качестве хранилища для крупного снаряжения, продуктов питания и топлива, которое брали для путешествия на юг. Мы построили нечто вроде жилой комнаты отдельно от вещей и выгребли мусор. Южная партия спала в ней накануне выхода, а вспомогательная партия спала на улице в палатках, так как они считали в них теплее.

Мы по-прежнему продолжали использовать окно как дверь, чтобы не связываться с постоянной чисткой снега, который было бы необходимо убирать при каждой южной буре, блокирующей главный вход. Различные забросочные партии использовали хижину для пополнения своих запасов, которые на санях доставляли в Хат-Пойнт из моей собственной хижины. В ночь на 3 марта 1909 года я достиг хижины вместе с южной партией, больными людьми, который провели на марше 128 дней. Наше положение было отчаянным, поскольку корабль находился к северу от нас. Мы попробовали сжечь будку для наблюдений за магнетизмом в надежде привлечь внимание судна, но этот свет был слаб и с корабля нас не заметили. В итоге удалось поджечь карбид, и когда корабль вернулся за нами в метель, все благополучно были на борту в 1 час ночи 4 марта 1909 года. Прежде чем покинуть хижину мы подперли окно деревянной балкой в меру наших возможностей в шторме и темноте. Хижина вновь использовалась партией моря Росса в этой последней экспедиции. Снег был вычищен, а в ней размещены дополнительные запасы. Из отчетов, которые я получил, хижина *Дискавери* пребывала в столь же хорошем состоянии в 1917 году, как и в 1902-м.

Припасы, размещенные в ней в 1902 году, целы. Есть немного упаковок дополнительных припасов и топлива, но нет спальных принадлежностей или приспособлений, нет печей, и она не должна рассматриваться как что-нибудь еще, нежели чем просто укрытие и наиболее полезна в качестве *pied-à-terre* (*пристанище, отправная точка*) для начала любого путешествия к Югу. Ни припасы, ни какое-либо снаряжение не забирались из нее ни в одной из моих двух экспедиций.

(2) ХИЖИНА НА МЫСЕ РОЙДС

По некоторым причинам, когда я вошел в пролив Мак-Мердо в 1908 году, руководя моей собственной экспедицией, известной как Британская Антарктическая Экспедиция, после неудачной высадки на Земле Короля Эдуарда VII, я решил построить нашу хижину на мысе Ройдс - небольшом выступе в двадцати трех милях к северу от Хат-Пойнт. В ней с комфортом жила вся береговая партия зимой 1908 года. Когда пришла весна, припасы были перевезены в Хат-Пойнт, на случай, если морской лед рано вскроется между этими двумя местами и чтобы мы не могли оказаться в затруднительном положении. После возвращения южной партии мы сразу отправились на север к цивилизации, поэтому я больше никогда не посещал свою хижину. Я оставил, однако, полные инструкции профессору Дэвиду, чтобы тот позаботился о хижине, и перед отъездом экспедиции привел ее в порядок. Письмо было оставлено на видном месте внутри, с описанием, что в ней имеется достаточно провизии и снаряжения на пятнадцать человек на один год, с перечислением подробностей о провизии

и месте угольного склада. Печь пребывала в хорошем состоянии, и письмо заканчивалось приглашением для любой последующей партии в случае нужды использовать запасы и хижину. Затем хижина была заперта, а ключ прибит на дверь на видном месте. Из отчета о последней экспедиции капитана Скотта следовало, что хижина находилась в хорошем состоянии, а из еще более позднего отчета участников партии моря Росса этой экспедиции, хижина еще цела.

(3) ХИЖИНА НА МЫСЕ ЭВАНС

Эта большая и просторная хижина была построена капитаном Скоттом на мысе Эванс в его последней экспедиции. Партия с комфортом проживала в ней, и она была оставлена с хорошим запасом продуктов питания и топлива и некоторым количеством угля. Несколько человек этой экспедиции жили в ней, когда *Аврору*, которая должна была зимовать, отнесло в мае 1915 года и она ушла на север вместе с дрейфующим льдом. Хижина стала местом жительства для десяти заблокированных человек и благодаря припасам они были способны поддерживать жизнь в сравнительном комфорте, пополнив эти припасы припасами из моей хижины на мысе Ройдс. В январе 1917 года, после того, как я спас оставшихся в живых, я привел хижину в порядок и запер.

В общем, в проливе Мак-Мердо есть три доступные хижины.

(а) Хижина *Дискавери* с некоторым количеством основных припасов, только для использования в качестве отправной точки для путешествия к югу.

(b) Хижина на мысе Ройдс с большим количеством обычных запасов, но сейчас без одежды или снаряжения.

(с) Хижина на мысе Эванс с большим количеством припасов, но без одежды и снаряжения, есть только несколько саней.

(4) СКЛАДЫ К ЮГУ ОТ ХАТ-ПОЙНТ

Несмотря на то, что на Барьере к югу от Хат-Пойнт были заложены несколько складов, последний из которых находится у «Врат» (GAP) (устье ледника Бирдмора), будущие экспедиции не должны рассчитывать на них, поскольку сильные снегопады скроют их полностью. Нет сведений о том, что заложенные склады любой экспедиции использовались какой-либо последующей экспедицией. Ни одна из партий в любой из моих экспедиции не использовала склады, заложенные предыдущими экспедициями.

Перевод на русский язык Волосатов К.А. (kosta1974), Москва, Россия, 2014 г.